

Наталья Тендора

Изольда ИЗВИЦКАЯ

Родовое проклятие

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Судьба сулила ей блестящее начало и трагический конец. Звездным часом Изольды Извицкой (1932–1971) стал шедевр отечественного кино — фильм Григория Чухрая «Сорок первый», где она снималась в паре с популярнейшим тогда Олегом Стриженовым. Мало кто до съемок видел в грациозной, красивой выпускнице ВГИКа диковатую и резкую Марютку из повести Бориса Лавренева. Но успех превзошел все ожидания. Историю любви пылкой революционерки и белогвардейского офицера до сих пор нельзя смотреть без волнения. А в 1956 году, когда картина вышла на экраны и была показана на Каннском кинофестивале, получив там специальный приз, актриса попала в центр всеобщего внимания.

Позже она сыграет еще немало ролей — в фильмах «К Черному морю», «Отцы и дети», «Неповторимая весна», «Вызываем огонь на себя», «По тонкому льду» и других. Но ни одна из них не принесет Извицкой былой славы. И в личной жизни — ее мужем был киноартист Эдуард Бредун — она не будет счастлива. Незадолго до смерти Изольда Васильевна неделями не показывалась на улице, не избавившись от пагубной привычки к алкоголю, к которой приучил ее супруг. Когда взломали дверь, ее нашли мертвой на кухне, где она пролежала не один день…

Книга кинокритика Натальи Тендоры — о прекрасной актрисе и женщине, которой восторгались миллионы, о родовом проклятии, нависшем над ее судьбой.

- Наталья Ярославовна Тендора
  - Вместо предисловия
  - Звезда по имени Изольда
  - Магия имени
  - Школьные годы
  - Первая любовь
  - Почти детективные истории
  - Поступление во ВГИК
  - Педагоги
  - Вгиковский курс
  - Студенческие подружки
  - Самое счастливое лето
  - Письма Изольды Извицкой и Вячеслава Короткова
  - Первые роли, первые разочарования
  - Замужество — счастье или беда
  - Кино «оттепели»

- «Сорок первый»
- Девушка с ружьем
- Триумф в Каннах и отзвуки прошлого
- Звездный статус
- Начало кризиса
- Несостоявшиеся роли
- «Вызываем огонь на себя»
- Последние дни
- Сколько их упало в эту бездну!
- Фильмография Изольды Извицкой
- Благодарю

Наталья Ярославовна Тендора Изольда Извицкая. Родовое проклятие

Вместо предисловия

Сначала книга задумывалась другой — жизнь красавицы Изольды Извицкой представлялась мне несколько иначе. Конечно, виноваты были в этом ее героини — острые на язычок, не обделенные мужским вниманием и уверенные в себе красавицы, бойкие девчушки-хохотушки… Таким был ее экранный образ 50-х — начала 60-х годов. Он нравился мне больше последующего. Так не хотелось узнавать любимую актрису в серых, немного одутловатых героинях конца 60-х.

Так случилось, что об Изольде Извицкой неизвестно почти ничего, кроме поверхностных фактов биографии. О ней мало писала пресса при жизни, да и потом не уделялось того внимания, которого она заслуживала. А если что и проскальзывало на страницы печати, то это касалось триумфальной роли Марютки в чухраевском «Сорок первом», получившем всемирную известность.

Между тем время неумолимо, все меньше и меньше остается в живых тех, кто лично знал актрису. Однако чудесным образом мне открылось много интересных фактов из жизни Извицкой. И пусть задуманная книга отняла больше времени, чем планировалось, почти все материалы, представленные в ней, эксклюзивны.

Чем больше я погружалась в мир Изольды Извицкой, тем больше находилось людей, которые дополняли человеческий портрет актрисы. Удивительно, но ее знакомые в последний момент соглашались на разговор, рассказывая то, в чем еще пару минут назад ни под каким предлогом не признались бы. Так я узнала много интересных подробностей, которые теперь станут достоянием читателей этой книги.

Побывав в городе детства актрисы — Дзержинске Нижегородской области, я познакомилась с ее школьными подругами. В Москве пообщалась со знаменитыми сокурсниками Извицкой по ВГИКу, с коллегами по Театру-студии киноактера, где она работала, с соседями по дому, где она жила, с друзьями ее мужа, актера Эдуарда Бредуна, с лучшей московской подругой со студенческой скамьи, с актерами, с которыми она снималась в кино…

Я благодарна всем этим многочисленным встречам и разговорам, поддержке людей, сохранивших в памяти образ прекрасной актрисы и удивительной женщины — Изольды Извицкой.

Вот как написала о своей знаменитой землячке школьница

города Дзержинска Юлия Башкирова, получившая Гран-при проводившегося там фестиваля «Изольда» к юбилею актрисы:

Мой город, увы, невозможно сравнить
Ни с Пизой, ни с Кёльном, ни с Ниццею.
Но именно он миру смог подарить
Актрису Изольду Извицкую.

Отсюда шагнула она в киномир:
Красивая, легкая, звонкая…
И новый возник на экране кумир —
С душой заводною и тонкою!..

Талантом своим покорила она
Сердца режиссеров и зрителей,
И помнит еще те мгновенья страна,
И Канны триумф ее видели!..

Узнала она и отчаянья боль,
И годы забвения серого,
Но в жизни ее была звездная роль,
Нетленная, из «Сорок первого»!..

И сколько не минет в истории лет,
Как мир не изменится лицами,
Жить в памяти будет, как радостный свет,
Актриса Изольда Извицкая.

Звезда по имени Изольда

Феномен актрисы Изольды Извицкой, звезды поэтического реализма, вспыхнувшей ярко и красочно на кинонебосклоне середины 50-х после выхода фильма Григория Чухрая «Сорок первый», до сих пор мало изучен. Как объяснить столь головокружительное восхождение актрисы и столь же стремительное ее трагическое падении?…

Когда на юную актрису обрушилась всемирная слава в Каннах, портреты Изольды Извицкой украшали обложки самых известных журналов, а ее редким, почти мифическим именем повсеместно называли новорожденных малышек. Ее любили, перед ней преклонялись, ею восторгались…

И вдруг — полное забвение, предательство мужа, актера Эдуарда Бредуна, и последовавшая вслед за этим тихая смерть.

Не случись беды, 21 июня 2007 года Изольде Извицкой исполнилось бы 75 лет. Это срок среднестатистической человеческой жизни, вот только прошла ее актриса лишь до половины, прожив всего 38 лет, выпив до дна самые ослепительные мгновения. Таковой была ее участь. Исследователям непросто собрать бусины этой потерянной судьбы, безжалостно рассыпанные чьей-то судьбоносной рукой — то ли по халатности и недосмотру, то ли вполне злонамеренно, кто знает… Прошло совсем немного времени, а ни документов, ни фотографий, ни личных вещей актрисы почти не сохранилось.

Хорошо еще, что есть такой городок на карте России, неформальная столица химиков — Дзержинск Нижегородской области со своей довоенной и послевоенной историей, по улочкам которого когда-то бегала босоногая Изка и где по-прежнему живут ее некоторые школьные подруги. К 65-летию со дня рождения звезды экрана далеких 50-х Изольды Извицкой в краеведческом музее была открыта экспозиция, посвященная ее жизни, творчеству и любви. Решается вопрос и о выкупе квартиры в переулке Жуковского, где она проживала. Музей мечтает о том, чтобы развернуть в ней постоянную расширенную экспозицию. Правда, квартира находится на втором этаже. Сейчас здесь живут посторонние люди, готовые продать ее городу.

Кто виновен в трагедии Извицкой — интересовало меня, когда я принялась работать над книгой. Ну, не сложилось в профессии — перестали снимать, разлюбил муж, не дал бог детей… Это еще не повод махнуть на все рукой и запить «горькую»…

Что касается мужа Извицкой, актера Эдуарда Бредуна, с

которым Изольда сначала училась на параллельных курсах в институте кинематографии, а потом пересеклась на съемочной площадке фильма «Первый эшелон», чтобы раз и навсегда связать с ним свою жизнь, то именно ему приписывается главная роковая роль в судьбе актрисы. Будто он и пристрастил ее к выпивке, а потом бросил, уйдя к молодой подруге жены.

Вскоре Извицкую обнаружили в квартире мертвой, в крайне истощенном состоянии. Истинные причины этой смерти так и не были до конца выяснены. После ее смерти в 1971 году Бредун прожил еще тринадцать лет. И умер от той же напасти, алкоголизма, заработав характерное в таких случаях заболевание — цирроз печени.

Так кем же был для Извицкой муж — спасителем, не раз пытающимся излечить бедную жену от пагубной напасти, или демоном, сгубившем ее. И действительно ли их встреча была тем роковым стечением обстоятельств, которые неизбежно вели Извицкую к пропасти?… Досужие домыслы, так или иначе, упираются в то, что всему виной — несостоявшаяся актерская судьба актрисы, когда звездный взлет прервался стремительным падением…

В ряду красивейших актрис 50–60-х Изольда Извицкая занимает особое место. Милая зеленоглазая хохотушка с аппетитными ямочками на щеках и копной великолепных каштановых завитков — кто устоит перед обаянием столь лучезарной особы… Однако так было вначале. Достаточно быстро из смеющейся, довольной жизнью девчушки актриса превратилась в угнетенную депрессией, сильно страдающую алкоголизмом женщину, прячущую от посторонних глаз свою беду. Эта трансформация личности заняла около пятнадцати лет. Не такой уж большой срок для молодой красавицы, какой была Изольда в начале своего восхождения на кинематографический Олимп.

Так что же все-таки произошло за этот короткий отрезок времени, что подтолкнуло ее к той пропасти, на краю которой она довольно долго стояла, на глазах у всех, под перекрестным огнем пересудов и людской молвы, пока сплетники смаковали подробности ее «никчемной» жизни и злорадствовали, возможно, сами не осознавая, что тем самым подталкивают бедную женщину к роковой черте.

Из омута, подернутого плесенью небытия, тянуло холодом. Было страшно, зябко и одиноко… И никто, даже самые близкие друзья не в силах были удержать ее на краю. Они, конечно, пытались подать руку помощи, подставить плечо, на которое Изольда могла бы опереться, чтобы переждать лихолетье,

отдышаться, но уже ничто не могло изменить ее судьбы. Таковы были ее карма, ее родовое проклятие. А может быть, к тому моменту Извицкая, разуверившись в своей счастливой звезде, и сама уже ничего не хотела менять. Потеряв веру, желание жить, она перестала верить в людей, в любовь и дружбу. Ее лучистые, «с бесятами» глаза потеряли былой жизнерадостный блеск, а улыбка — выразительность, став не только какой-то неуверенной, но и извиняющейся…

Звезда Изольды Извицкой сияла недолго. Удивляет тот факт, что многие, кто попадал в орбиту ее влияния, по какому-то непонятному, мистическому стечению обстоятельств были обречены разделить ее печальную участь. Этот трагический шлейф тянется еще со школьной скамьи, из городка ее детства — Дзержинска, откуда она уехала поступать во ВГИК, «заболев» мечтой стать актрисой. Уже в юности у Изы было немало поклонников. И, по крайней мере, трое из них погибли в достаточно молодом возрасте. Те же, кто по тем или иным причинам отказывался от Изольды, живы до сих пор, как и ее первая школьная любовь — Вениамин Масташов, с которым она рассталась сразу после школы.

Говорят, все, что происходило в ее судьбе, случалось как бы само собой, спонтанно, под влиянием каких-то случайных событий и обстоятельств. Казалось, судьба приготовила ей все подарки разом. Простая девчушка из далекой глубинки с легкостью поступает в прославленный киновуз. Вскоре начинает не только сниматься, но и вытягивает свой «звездный» билет, сыграв Марютку в «Сорок первом».

Все, с кем удалось мне общаться, и кто лично знал Изольду, утверждали, что она была очень светлым, открытым и миролюбивым человеком, легко находила общий язык с любым собеседником. Сколько позитива и солнечного задора было в этой красивой женщине! С ней невозможно было поссориться, любой конфликт как бы сам собой сходил на «нет». Возможно, эта ее способность, в конечном счете, и сыграла с Извицкой злую шутку — она так и не смогла дать отпор грубияну-мужу, отказать выпивке и частым застольям.

Когда Изольды Извицкой не стало, о ее кончине поклонники узнали лишь из короткого некролога, напечатанного в «Советской культуре». Сообщение, переданное запрещенной в Советском Союзе радиостанцией Би-би-си о том, что в Москве «от голода и холода, выброшенная из общества» скончалась Изольда Извицкая, услышали немногие. Тогда почти все, знавшие Изольду, сошлись во мнении, что виновником случившегося стал алкоголь, к которому актрису пристрастил супруг, Эдуард Бредун. Кто-то

даже уверял, что такова традиционная цена успеха. Им было невдомек, что не обошлось здесь и без врожденного нервного расстройства. Из-за него Изольда несколько раз проходила курс лечения в психиатрической больнице, выйдя из которой тут же вновь запивала. Всему причиной — душевное одиночество и непонимание окружающих, несостоявшаяся актерская судьба…

Кстати, свой первый бокал шампанского новобрачная выпила в 23 года на собственной свадьбе. Это потом, по инициативе мужа, начался длительный период домашних застолий, на которые, как правило, собирались только «свои». Не последнюю роль сыграли в этом и официальные приемы, ресторанные встречи с благодарными поклонниками и зрителями, фестивальные поездки. Многие коллеги в своих воспоминаниях отмечали: влияние алкоголя было настолько разрушающим, что в какой-то момент актриса стала терять координацию движений, замыкаться в себе, а вскоре сломилась окончательно…

Магия имени

В преданье старом говорится:
Когда родится человек,
Звезда на небе загорится,
Чтобы светить ему вовек…

Как гласит молва, именно так все происходило и в момент рождения Изольды Извицкой. Оказывается, есть немало версий столь необычного и красивого имени — Изольда. Приведу лишь несколько.

Первая. Когда отец, Василий Герасимович, после шумного застолья по случаю рождения дочери, выйдя вечером на воздух, взглянул на небо, то неожиданно для себя увидел звезду, сиявшую ярче остальных, которую почему-то раньше не замечал. И услышал, как кто-то из гостей сказал: «Это звезда Изольда». Так, счастливый «батя», как впоследствии величала его дочь, и решил назвать малышку…

Вторая версия касается матери актрисы, Марии Степановны. Она была натурой поэтичной, начитанной и обожающей историю о всепобеждающей любви Тристана и Изольды, увековеченную не только в старинном трактате, но и в одноименной опере Рихарда Вагнера. Но разве могла мать знать, нарекая столь красивым именем дочь, что тем самым обрекает ее на трагическую судьбу и невозможность личного счастья…

Третья, не менее романтичная история, такова: когда мать принесла из московского роддома пищащий комочек домой, соседка, вызвавшаяся на первых порах помогать молодой неопытной роженице, увидев очаровательную крошу, будто бы воскликнула: «Ой, какая у нее прозрачная кожица! Она вся словно изо льда…»

Есть и самая прозаическая версия, которую мне поведала лучшая московская подруга Изольды — Лидия Степанова. Она утверждает, что об этом слышала как от самой Изольды, так и от ее матери. Имя будущей актрисе дал врач роддома. Поразившись музыке ее фамилии, она постаралась найти созвучное имя. Так что, скорее всего, именно ей мы обязаны столь волшебному сочетанию — Изольда Извицкая.

Кроме возникновения столь экзотически-поэтичного имени, мне интересно было также узнать, как в просторечье звали его обладательницу домашние и друзья. Оказалось, когда девушка

отправилась за сгубившей ее славой в Москву, это событие не только разделило всю ее жизнь надвое — до и после, но и отразилось на самом имени. Если в детстве школьные подружки ее называли — Изой, Изкой, то большинство тех, кто познакомился с будущей звездой в Москве, не сговариваясь, стали величать ее — Золей, Золькой…

Когда Изольда стала знаменитой, в городке ее детства Дзержинске все так гордились успехами своей землячки, что это сразу вылилось в повальное увлечение ее именем. История умалчивает, сколько девочек нарекли столь красивым, но, к сожалению, мало счастливым именем, и как сложились их дальнейшие судьбы. Стоит только надеяться, что своим обладательницам оно не принесло так много несчастий и невзгод…

Школьные годы

Семья Извицких приехала в Дзержинск в 1934 году, когда Изольде, родившейся в Москве в 1932 году, не было и двух лет. Ее отец — Василий Герасимович, химик по образованию, закончил в Москве Военно-пиротехническую школу (существовали и такие!). Во время этой учебы и родилась Изольда. Свое первое распределение Извицкий получает в город Рыбинск. Это на руку семье — там жила теща, бабушка Изольды. Прошло не больше года, как глава семьи, слывший человеком суровым и требовательным, получил второе и теперь уже последнее свое назначение — в город Дзержинск, в закрытое химическое учреждение военного значения (почтовый ящик). Город находился в несколько привилегированном положении — здесь жили состоятельные, довольно образованные люди, на городских предприятиях неплохо платили.

Дзержинск был построен в начале 1930-х. Начинался он с бараков. У каждого завода они были свои. Число жителей города за последнее время снизилось — закрылись заводы. Раньше здесь проживало около 300 тысяч человек. Да и те, кто остался, большей частью ездят на заработки в Нижний Новгород и в Москву. В городе три центра: первый выстроен в 30-х, второй — в 60-х, третий — в 80-х годах, в доперестроечное время. Новый центр — это широкие проспекты, многоэтажки…

Василий Герасимович получил должность на закрытом заводе им. Свердлова, производящем взрывчатые вещества. Именно здесь в 1941 году была получена первая порция гексогена. Поначалу семья обитала в заводском поселке, в квартирке полубарачного типа. Мама, Мария Степановна, педагог по образованию, окончила Кировский педагогический техникум, работала учителем географии. В 1941 году в семье родился сын — Женя. А вскоре, после смерти дедушки, из Рыбинска перебралась бабушка, чтобы помогать дочери с воспитанием внуков. Интересно, что сама она никогда в жизни не работала, воспитывала детей — у нее их было пятеро: четыре дочери и сын. Одна их них стала заслуженной учительницей в Рыбинске, другая — домохозяйкой, сын трудился на ярославском заводе. В поселке Изольда пошла в первый класс. Там же, после рождения сына, когда у Марии Степановны случился первый рецидив болезни, медики запретили ей заниматься преподавательской деятельностью, дав инвалидность II группы. Через год-два ее заменили на III группу. Трудно себе даже представить, каким испытанием стала тогда эта болезнь для молодой, цветущей на вид женщины.

Это было тяжкое наследственное психическое заболевание, передававшееся по линии матери. Грустно признать, но Мария Степановна к концу жизни стала психически неуравновешенным, почти невменяемым человеком. После смерти дочери она все ждала ее приезда. И это при том, что Мария Степановна сама похоронила дочь. Не раз несчастную женщину перехватывали на вокзале, куда она регулярно ходила встречать поезда из Москвы… Говорят, эта болезнь проявлялась через поколение, и бабушка актрисы была совершенно здоровой. По крайней мере, за ней не наблюдалось подобных чудачеств. А вот прабабушка закончила жизнь в сумасшедшем доме… Таким образом, прослеживается некая закономерность болезни: прабабушка — мать — брат — и, как выяснилось, сама Изольда были подвержены этому недугу.

Болезнь давала о себе знать не сразу. У Жени она проявилась в несколько странной внешности, по поводу чего он комплексовал. Мальчик был выше всех в классе. Современные генетики убеждены, что это один из признаков психического нездоровья, когда уже в первом классе ребенок по росту равен десятиклассникам! К тому времени, как Изольда вышла замуж за Бредуна, у Евгения стали расти конечности — и руки оказались несоизмеримы росту.

Говорят, Изольда страдала тем же врожденным комплексом, что и ее брат, — сверхчувствительностью и обостренным восприятием мира. Сейчас приходится слышать о наделенных необыкновенными способностями, но столь незащищенных перед лицом трудностей, детях Индиго. Кто знает, может, Изольда с братом принадлежали к этой категории особо одаренных людей. Ведь, как утверждают занимающиеся данной проблемой ученые, век таких людей ярок, труден и недолог. Позже кто-то даже упрекал мать, что это она всеми правдами и неправдами «тянула» детей в искусство, завысив их способности, что не могло не сказаться на их судьбах.

Евгений был очень талантливым музыкантом, настоящим самородком — прекрасно играл на разных инструментах, особенно на фортепиано. Вот что рассказала о Жене подруга Извицкой Лидия Степанова: «Несмотря на то, что младший брат Изольды был психически нездоров, он блестяще закончил музыкальную школу. Однажды, как рассказывала Изольда, он разобрал и собрал рояль. После чего на три дня куда-то пропал. Нашли его на стоге сена…» Еще Женя сочинял стихи, подбирал на слух популярные мелодии, мечтал учиться музыке дальше.

По словам учительницы русского языка и литературы Людмилы Семеновны Маркетантовой, Женя был очень

одаренным, подающим большие надежды, мальчиком. Одно «но» — ему не хватало образования для воплощения своих идей. Родителям не хватило на это ни сил, ни денег. Он мечтал поступить в консерваторию и часто убегал из дома. Милиция неоднократно снимала его с московского поезда.

Вспоминает Лидия Степанова: «Когда Изольда умерла, брат каким-то непостижимым образом узнал об этом первым и сказал об этом родителям. О случившемся я узнала от мамы Изольды. Он встретил их на пороге: «Мама, Изольда умерла!» Когда Женя жил дома, то настежь распахивал все окна, часами просиживал на улице. Бывало, сидел неподвижно где-нибудь на лавочке и смотрел в пустоту. Потом вдруг неожиданно срывался с места и, сломя голову, убегал. Пациентом психиатрической клиники Евгений стал потому, что везде прятал наточенные ножи, чтобы зарезать отца, так сильно он его ненавидел. Все эти чудовищные подробности детально описаны в школьных дневниках Изольды. Последние дни семьи были особенно трагическими. Евгений умер последним, когда в живых уже не было никого — ни отца, ни матери. Как тут не поверишь в родовое проклятие, которое стоит за всем этим.

Что касается мамы Изольды, Марии Степановны, когда медики разрешили ей работать, работала — то в школе, то в библиотеке, то возглавляла городской отдел культуры, а с 1953 года бессменно, до выхода на пенсию, руководила городским Домом пионеров. Говорят, она была заметной дамой, блондинкой, скорее всего крашеной, иначе — откуда тогда такая темноволосая дочь… Мария Степановна была личностью артистической, даже несколько экзальтированной — одевалась всегда ярко и броско, стараясь выделяться из толпы. Обожала украшать себя всякого рода шляпками, какими-нибудь нашейными платочками. Городок небольшой, народ простой, фабричный, все на виду, и такое стремление быть модной не всегда выглядело уместно в «серой» заводской толпе. В то время город был закрытым, в нем жили и ссыльные, заводорежимные рабочие. Переселенцев присылали целыми национальными поселками. Рядом располагались и татарский поселок, и удмуртский… Были здесь и чеченцы, и узбеки. Не привыкшие к достаточно суровому для южных народов климату, люди плохо выживали. Среди такой разносортной, а порой и криминальной публики романтически настроенная мама Изольды выглядела довольно странно».

О заболевании матери Изольды Извицкой в Дзержинске распространяться не принято. Медики не любят афишировать этот факт. Детство и юность Изы прошли в квартире в центре

города, выстроенном в начале 30-х, в доме № 4 по переулку Жуковского, недалеко он нынешнего краеведческого музея. Сегодня здесь есть мемориальная доска, открытая в 1997 году — к 65-летию со дня рождения актрисы. Около нее всегда живые цветы. Следующая квартира семье Извицких была предоставлена на проспекте Ленина.

Изольда училась в лучшей школе города — № 2, которая, к сожалению, не сохранилась. Ее кирпичную кладку разобрали, а саму школу, вместе с памятной стелой, посвященной ученикам, погибшим на фронтах Великой Отечественной, перенесли на улицу Гагарина. Девочка росла веселой и общительной, вокруг нее всегда были друзья. Подвижная, увлекающаяся, очень одаренная, Изольда училась музыке, с упоением занималась сразу в нескольких кружках, в том числе и в драматическом, под руководством Бориса Райского в Доме пионеров. Когда в городе появился театр, его строили всем миром. Школьники помогали убирать мусор. Потом в городе появились артисты.

Дом пионеров, в котором занималась Изольда, был очень уютным — маленький зеленый одноэтажный домик, который располагался параллельно городской парковой аллее, на улице Чернышевского. Здесь она впервые вышла на сцену в роли Леля в детском спектакле «Снегурочка». Бывшие одноклассницы до сих пор вспоминают, как ухохатывались, когда маленький и хрупкий Артур Нищёнкин, играющий Мизгиря, забавно пыжась, пищал: «Снегурочка, люби меня!» В школе были две знатные певуньи: Валя Флотская и Люся Полякова, одна из них и исполняла роль Снегурочки. По сравнению с ними у Изольды был ничем не примечательный голос. Зато — какие косы! Их она после поступления во ВГИК обрезала, а стрижку стала завивать.

Все чаще Изольда, задумываясь о своем будущем, видит себя в мечтах актрисой. Мать всегда горячо поддерживала увлечение дочери. Вот что 16 февраля 1949 года семнадцатилетняя школьница записала в своем дневнике: «Все говорят, что я хорошо читаю и играю в самодеятельности. Но если бы все это когда-нибудь пригодилось! Ой, дура я. Даже мечтать об этом не смею. Как можно: из меня — и вдруг артистка?!»

Когда родители узнали о желании дочери, поступили вполне разумно: не стали устраивать скандала. И все же окончательного согласия не дали. Поэтому Изольда благополучно сбежала, разумно рассудив: разговоры — разговорами, а вдруг отец передумает и не отпустит в дальний путь? По характеру она была достаточно своенравной. Это и помогло сделать Изольде решающий шаг.

За компанию отчаянная Изка прихватила и того самого

Артура Нищёнкина, сыгравшего Мизгиря в «Снегурочке». Надо сказать, что ребята благополучно поступили во ВГИК. Нищёнкин снялся в 35 картинах, запомнившись зрителям короткими, достаточно яркими эпизодами. В таких фильмах, как «Адъютант его превосходительства» (чекист), «Иван да Марья» (сват), «На златом крыльце сидели» — (мастер), «Вечный зов» — (член партбюро), «Пограничный пес Алый» (помощник на кухне). Умер актер шесть лет назад, 18 июня 2001 года. Странно, но к тому времени о нем в родном городе давно забыли. В краеведческом музее мне даже сказали, что он так и не стал актером — «таланта не хватило», через пару лет был отчислен из института за профнепригодность, и следы его затерялись…

А тогда, летом 1950 года, пока одноклассницы поджидали Изку, чтобы сделать коллективное фото по случаю окончания школы, беглецы тайком сели на ночной московский поезд, который и сегодня, по прошествии почти шестидесяти лет, так же проходит через Дзержинск дважды в день, словно крадучись: из Москвы — ранним утром, из Нижнего Новгорода — ночью. И все так же талантливые дзержинцы едут за счастьем в Первопрестольную…

От школьных подружек Изольды приходилось слышать, что она была не только добрым и открытым, но своевольным и своеобразным человеком. Некоторые девочки даже недолюбливали ее за то, что она с легкостью крутила головы всем мальчишкам. Видимо, сказывалась обычная девчоночья зависть. И все же главного было не отнять — Изольда среди сверстников слыла очень общительной, веселой и целеустремленной. Почти все одноклассницы Извицкой связали свою жизнь — кто с педагогикой, кто с химией — город такой. Поначалу и Изольда мечтала о совсем другой будущности — собиралась стать врачом, много читала на эту тему. В этом ее горячо поддерживал ее тогдашний парень.

Почти все ее одноклассницы разъехались — тесным им оказался маленький провинциальный городок. Вот только некоторые из них:

— Наталья Владимировна Мельничук (Ступина) — мама одной из сотрудниц краеведческого музея, о чем там даже не знали. Училась в Ленинграде на инженера-химика, потом взяла направление на Сахалин. Живет в родном городе.

— Нина Анкудиновна Голубева (Зимина) — сердечная школьная подружка Изольды в выпускных классах. Не один год переписывалась с ней и даже несколько раз встречалась. Но потом их интересы разошлись — Нина рано вышла замуж и с головой ушла в семейные хлопоты…

— Людмила Александровна Голубева (Шкарупа) — двоюродная сестра Нины Анкудиновны. С Изольдой ее связывали очень теплые, трогательные отношения. Отлично училась по всем предметам, закончила школу с медалью. Стала учительницей русского языка и литературы. Сейчас живет где-то на Юге, в Краснодарском крае.

— Ирина Лесникова (Чумилева) — как говорят, Ирина была в курсе всех девичьих увлечений Изольды. Сидела с ней за одной партой. После того, как Изольда уехала в Москву, одно время именно Ирина была инициатором многих городских вечеров и встреч, частенько собирала одноклассниц. Всю жизнь проработала в школе.

— Зорина Михайловна Кормилицына — ее не менее редкое, как и у самой Изольды имя, актриса-подружка в письмах с любовью склоняла на разный лад — Зорька, Зоря… После окончания школы переписывалась с Изольдой 6 лет, вплоть до отъезда актрисы на Каннский фестиваль. Всегда встречались, когда Изольда приезжала на родину. Зорина не раз ездила и сама к актрисе в Москву, провожала в аэропорту вместе с Бредуном Изольду на первый в ее жизни международный кинофестиваль. После этой поездки в Канны, когда на Изольду обрушился шквал славы, их дружба как-то сама собой сошла на «нет». Зорине было неудобно отвлекать от важных дел известную артистку. Зорина оказалась очень скромным человеком. Даже когда об их дружбе с Изольдой стало широко известно, стеснялась неожиданного внимания к себе. Почти вся ее переписка с Извицкой была опубликована в местной печати к 65-летию со дня рождения актрисы. Сами письма хранятся в ее семье. Зорины Михайловны уже нет в живых.

— Галина Коновалова (Трухина) — одно время работала завучем в школе. Сейчас на пенсии. О ней Изольда часто вспоминала в письмах к Зорине: «Где Галя? Она хороший человек. Мы с ней духовно близки и мне хочется с ней общаться».

— Галина Ивановна Морозова — у нее все одноклассницы собираются хотя бы раз в году. Стала электриком-энергетиком.

— Людмила Сидорова (Жукова).

— Эльза Яшина.

В школе любимой дисциплиной Изольды была литература. Она писала отличные сочинения, которыми потом зачитывалась вся школа. Читала с упоением стихи. Больше всего ей нравились героические, про войну. И это у нее прекрасно получалось. Одноклассница Наталья Владимировна Мельничук (Ступина) вспоминала: «У яркой личности всегда немало завистников. Судить легче. После первого фильма с участием нашей

Изольдочки находились злые языки, которые говорили: то не так, это не эдак. Но, когда вышел «Сорок первый», мы все были в восторге — охали, ахали… Осталось ощущение чего-то необычного и очень трогательного… Сегодня, конечно, фильм смотрится несколько иначе, видны многие промахи молоденькой Изольды. Вот игра Стриженова по-прежнему выше всяких похвал».

Она же вспоминает: «Класс у нас был очень дружный, хотя и разделен на две группы по интересам: одна более элитная и — попроще. Изольда, конечно, входила в первую. И дело тут не в маме-начальнике, просто Изольда так себя ощущала. Она не чувствовала себя привилегированной, не была лидером, никогда ни с кем не ссорилась, со всеми держалась ровно и с любым могла найти общий язык. Подружек выбирала не по родителям. В то время не чувствовалось особого разделения между детьми — на богатых и бедных. У самой Изольды отец был то ли инженером, то ли аппаратчиком на заводе. Мы как-то особенно не гордились в то время родителями и не стыдились их, жили своими интересами и заботами. Помню, как однажды была у Изольды на дне рождения в переулке Жуковского. Собралась очень интересная компания, сидели — общались. Больше всего запомнилось то, что там было много мальчиков. И все они, как один, старались выказать имениннице свой интеллект. Потом я и на новой квартире у нее была, и младшего брата мельком видела…»

Первая любовь

Первый раз Изольда влюбилась в десятом классе. У этой симпатичной девчушки-хохотушки с милыми ямочками на щеках всегда было много ухажеров. Конечно, это вызывало зависть подружек. И это при том, что в те времена девочки и мальчики учились отдельно друг от друга: девочки в школе № 2 (была еще и школа № 20), мальчики — в школе № 5. Девушки двух школ постоянно соперничали друг с другом. Но ведь были еще и катки, и кино, и всевозможные кружки, где встречались ребята…

Первые влюбленности крутились вокруг нее вихрем. Не обошлось и без серьезных девичьих увлечений. В старших классах, сидя с закадычной подружкой Ирой Лесниковой на первой парте среднего ряда, именуемой в народе «партой отличниц» (девочки, и правда, соответствовали этому утверждению), они вырезали на видном месте слово со значением — «ЖИВИ». Для посвященных оно расшифровывалось так: «Женя + Ира + Веня + Иза». Так старшеклассницы определили свои симпатии. Лесникова на тот момент водила дружбу с Евгением Сладковским. Мальчика, который нравился Изе, звали Вениамин Масташов. Они обожали проводить время вместе — городок маленький, жили в соседних дворах. Гуляли каждую свободную минуту, часами не могли наговориться.

И все же особой модой у молодежи пользовался каток. Именно там встречались влюбленные парочки. Однажды у Веньки состоялась пренеприятная встреча с отцом Изольды. Как жаловался он одной из подружек, провожал как-то Изольду домой. Стояли в подъезде, прощались… Отец возвращался со смены и грубо на него накричал. И это было очень оскорбительно для парня. Мальчишка он был светлый, хороший и очень симпатичный, прекрасно играл на гитаре. Их отношениям завидовали все девчонки. Они уже строили с Изольдой совместные планы на будущее…

А расстались достаточно банально — парень не поддержал стремления своей девушки пойти в артистки. Мама Вени была медсестрой, и он мечтал, чтобы Иза тоже носила белый халат, стала врачом. Усиленно ее отговаривал: «Не ходи в кино, в артистки. Это такой грязный мир! Разве не знаешь, что жизнь актрисы кочевая и продажная… Тебе там нечего делать! Пошли в медицинский». Изольда сделала по-своему, парень обиделся и порвал с ней все отношения. Она уехала в Москву, Вениамин в Ленинград — поступать в кораблестроительный институт. Поступил. Однако, когда там учился, так увлекся

самодеятельностью, что «завалил» сессию и был отчислен из института. Чуть позже Вениамин поступил в Харьковский авиационно-промышленный институт. После его окончания вернулся в родной город и работал в Институте азотной промышленности.

Несмотря на то что Вениамин с Изольдой расстался, он продолжал следить за ее успехами на экране. Ворчал, что в своем первом фильме «Доброе утро», по которому она защищала диплом, Изольда такая, какой была в жизни, ей даже играть ничего не пришлось. Хотя, по сути, этот образ Извицкой был чужд, она никогда не была «командиршей». Об этом говорила и ее партнерша по фильму Татьяна Конюхова. Изольда, наоборот, была мягкой, спокойной, доброй. Ей больше бы подошла роль Конюховой. Да еще по ходу действия Изольде пришлось танцевать. Вениамин комментировал это так: «Да она и плясать-то как следует не может!» Но это, наверное, уже от обиды, что упустил такую девушку… После окончания института Вениамин долго не мог выбрать себе спутницу жизни — никак не забывалась первая любовь. Его избранницей стала высокая стройная черноглазая девчушка, хоть и отдаленно, но все же напоминающая Изольду.

Был у Изольды и еще один постоянный поклонник, влюбленный в нее со школьной скамьи — Саша Парамонов. Он стал полярным летчиком, но свою первую любовь так и не забыл — продолжал о себе напоминать, приезжая в Москву. Дарил огромные букеты, когда Изольда уже была замужней и знаменитой актрисой. Это ее немного забавляло, ей нравилось над ним подшучивать… Он погиб и похоронен в родном городе.

Почти детективные истории

В центре экспозиции краеведческого музея в Дзержинске — огромная цветная фотография Извицкой: горделивый поворот красивой головы, несколько удивленный, «с искорками» мягкий взгляд смеющихся лучистых глаз, свободолюбивые вихры закрученных волос… Актриса словно вопрошает вошедшего: «Ну что? Обсуждайте, осуждайте… Как хотите… А я вот такая!» Из вещей на стенде представлены лишь несколько, чудом сохранившихся: шарф, платочек, привезенный с какого-то фестиваля, флакончик из-под духов, и сегодня источающий божественный аромат… Статуэтка, подаренная Изольдой соседке по московской квартире. Экспозиция эта началась когда-то с маленькой папочки фотографий, переданных в музей мамой актрисы.

Мохеровый шарф песочно-кремового цвета — из тех, что были некогда в моде и стоили немалых денег. Изольда привезла его из Греции и подарила подруге Лидии Степановой со словами: «Хочу, чтобы и у тебя была красивая вещь». Есть и плюшевый мишка, он тоже символ детства и того времени, в котором росла Изольда. А еще платья, шляпки, сумочка… И множество фотографий, с которых Изольда смотрит то задорно, то грустно, такая молодая и красивая. Кадры из фильмов, снимки с фестивальных встреч, школьные похвальные грамоты… Этой экспозицией уже десять лет гордятся земляки. В этом году, к очередному юбилею, она расширилась и переехала в более просторный зал. Все здесь представленное собиралось по крупицам не один год. Появлялись люди, которые долгие годы бережно хранили фотографии, с гордостью передавали их в дар музею.

Вокруг имени Изольды Извицкой сложилась странная ситуация. Появляются люди, которые наживаются на нем, — в Дзержинске вдруг скопилось множество вещей и фотографий актрисы. Это стало довольно прибыльным бизнесом. Предметы ходят по рукам, их продают, передаривают. И уже не разберешься — что тут подлинное, а что нет. Нечистые на руку коллекционеры давно подключились к этой гонке. И спокойненько забирают все, что попадает им под руку. Говорят, что-то уже безвозвратно ушло за границу и осело там, что-то распродано по издательствам.

Рассказывают, мама Изольды, когда у нее начались проблемы со здоровьем, выходила на улицу и раздаривала вещи, принадлежащие Изольде. Так, одной журналистке в руки попал репродуктор, который она добросовестно передала в экспозицию

Дома творчества, а оттуда, скорее всего, он перекочевал и в музей. На внешней панели рукой маленькой Изы было трогательно нацарапано «Мама». Коммерция вокруг имени Изольды Извицкой продолжается до сих пор — то платочки выплывают, которые она якобы привозила с многочисленных фестивалей, то пустые флакончики из-под духов… И даже на Востряковском кладбище в Москве рядом с ее могилой идет бойкая торговля, как на Ваганькове у могил Есенина, Высоцкого…

Однажды часть выброшенного фотоархива семьи Извицких была обнаружена на помойке. Позже, при публикации в одном из журналов, этот фотоархив вновь самым непостижимым образом исчез. Нетрудно предположить, что подобная участь постигла и многие другие документы, связанные с именем Изольды Извицкой.

Грустно признать, но после смерти актрисы ее род был словно под корень вырублен — никого не осталось в живых. Небольшой чемоданчик с чудом сохранившимся архивом: некоторые документы, дипломы об образовании и фотографии стали в дальнейшем важнейшей частью экспозиции. Их передала в музей вторая жена отца актрисы, даже не знавшая ее при жизни. Правда, в «ближайшее время» она грозилась снести его на помойку. Так что если бы музейные работники не успели его выпросить, как знать, может быть, Мария Степановна выполнила бы угрозу. Остается лишь констатировать, что эта малограмотная женщина неплохо поживилась за счет Извицкой, время от времени продавая какие-то, милые сердцу поклонников и исследователей мелочи, будто бы принадлежащие актрисе.

Это почти детективная история. А начиналась она так. Извицкие получили отдельную квартиру, переехав из дома, где сегодня висит мемориальная доска, в отдельную квартиру на проспекте Ленина. По роковому стечению обстоятельств их новая соседка оказалась полной тезкой мамы Извицкой, тоже Марией Степановной. Она была матерью-одиночкой, воспитывающей сына. Работала уборщицей одновременно в нескольких магазинчиках, еле сводила концы с концами и бралась за любые подработки. Потому с радостью и согласилась помогать по хозяйству соседям — мыть полы, готовить. Мама и младший брат Изольды Женя к тому времени уже были больны.

Когда умерла мама, Мария Степановна, Женя навсегда поселился в психиатрической лечебнице. Совершенно невменяемый, никого не узнающий, даже родного отца. Василий Герасимович, потеряв жену и дочь, фактически остался один. Какое-то время молодая помощница вела домашнее хозяйство, а потом сама предложила фиктивно расписаться, чтобы квартира

досталась ее сыну. Таким образом, она стала Марией Степановной Извицкой. Так всем и представлялась. Многие заезжие журналисты, не зная правды, считают эту чужую безграмотную женщину матерью известной актрисы. История продолжается до сих пор. Кое-кто по-прежнему, не без ее помощи, уверен, что уборщица, небескорыстно скоротавшая последние дни отца Изольды, и есть ее настоящая мать. Мужа своего она достаточно скоро похоронила, прожив с ним года полтора. И сейчас она еще жива, выпивает. Потихоньку придумывает какие-то истории, чтобы хоть как-то поддержать к себе интерес журналистов. И с удовольствием рассказывает их «под бутылочку». Потихоньку продала почти все вещи «дочки», параллельно мешками выкидывая на помойку ее фотографии… Последнее время уже не желает никого видеть, считая, что ее и так «обокрали».

Большая часть экспозиции появилась в краеведческом музее в середине 90-х. Тогда его работникам стало известно, что на руках двух городских коллекционеров-псевдокраеведов находится значительная коллекция фотодокументов Извицкой. Музей стал им деликатно намекать, что это фонд федерального значения, и тихо продать его не удастся, так как он «засвечен». Так в музей попали фотографии, среди которых и студенческие фото, и кадры из фильмов. Есть и недатированные, бытовые снимки. На них Изольда то с Бредуном, в каких-то компаниях, на фоне каких-то рюмок и бутылок… Выбрав из них наиболее значимые, музей и создал настенную композицию к 65-летию актрисы. Директор музея Татьяна Николаевна Ежова мечтает о возможности когда-нибудь приобрести аппаратуру, чтобы «крутить» фильмы с участием Изольды Извицкой.

А еще музей надеется получить в дар дневник Изольды, ведь именно ему, начиная со школы, человек экзальтированный и в то же время откровенный, она поверяла все свои чувства и размышления. Эти записи она оставила на хранение своей подружке Нине Зиминой. Тетрадок было несколько. До наших дней дошла лишь одна дневниковая тетрадь. Остальные были случайно выброшены сыном Нины Анкудиновны при переезде на новую квартиру. Этот дневник хозяйка бережет теперь как зеницу ока. Однажды с ним произошла некая мистическая история, о которой мне поведала журналистка Маргарита Штейндлер. Имея двойное российско-израильское гражданство, она, тем не менее, каждое лето проводит на даче в Дзержинске. Серьезно занимаясь изучением биографии Извицкой, собирается опубликовать за границей книгу о ней. Решив опубликовать чудом сохранившийся последний дневник актрисы за границей, она взяла его на время у

Нины Зиминой. Нашелся заинтересованный издатель, началась подготовка к печати… И тут Маргарите снится странный сон, как к ней приходит разгневанная Извицкая: «Вот ты собираешься публиковать мой дневник. Кто тебе это разрешил? Ведь писался он не для кого-то. Там такие сокровенные вещи, которые знать никому не надо. Не смей этого делать!». Маргарита проснулась в поту и, тут же отозвав рукопись, расторгла выгодный договор, чем вызвала недовольство издателя… Правда, позже, все же не удержалась и опубликовала несколько дневниковых записей…

Маргарита рассказывала, что несколько лет пишет книгу об Изольде Извицкой, документально подтверждающую каждый ее шаг, что, видимо, стоит немалых эмоциональных и душевных сил. Но — удивительный факт: как только Маргарита садится за работу над книгой, тут же сильно заболевает. Так продолжается не один год… Видимо, дело в самом подходе к материалу, в отношении к нему. Хочется надеяться, что мой подход к биографии актрисы несколько иной. Хотя я, конечно, отдаю себе отчет в том, что, сколько бы ни собирала материал, многое, возможно, так и осталось «за кадром».

Иногда мне кажется, что здесь не обошлось без помощи самой Изольды. Может, кому-то и покажется несколько странным столь смелое утверждение, только тому есть немало подтверждений. Узнав об экспозиции в краеведческом музее Дзержинска, я отправилась в командировку буквально на два дня. За это время планировала познакомиться с экспонатами и документами музея, встретиться с сестрой Вячеслава Короткова, возлюбленного Извицкой, и одной-двумя ее одноклассницами. На деле же оказалось, что нужно не менее месяца, чтобы разобраться с обрушившейся на меня информацией. Люди сами, как бы случайно узнав о том, что я собираю материал для книги об Извицкой, потянулись в музей и стали искать со мной встречи…

Немало мне помогли в работе над книгой и музейные работники. И все же на сердце остался осадок — из-за бюрократических проволочек я так и не получила той информации, на которую рассчитывала и о которой предварительно договаривалась. Самое обидное, что я так и не получила доступа к архивам музея. Сделав снимки экспозиции, я так бы и уехала ни с чем, если бы не знакомство с удивительными людьми — семьей Вячеслава Короткова: его сестрой Галиной Евграфовной и племянницей Ольгой Краевой. Именно им я обязана, как считаю, лучшей частью этой книги — переписке Изольды и Вячеслава. Оля самоотверженно помогала мне в работе, за что огромное ей спасибо. Ей, как и мне, тоже очень хотелось поведать миру об удивительной истории любви между

никому тогда неизвестной студенткой ВГИКа и оператором-выпускником. Влюбленные, разведенные годами горьких разлук и трагических обстоятельств, вновь встретились на страницах этой книги. Благодаря этой переписке у нас появилась возможность лучше узнать и понять те далекие времена — начало 1950-х. Изольда и Вячеслав сами рассказывают о своей жизни и несостоявшейся любви…

Город гордится своими знатными земляками. Два кинематографиста на маленький провинциальный городок — этим может похвалиться далеко не каждый большой город. Поэтому неудивительно, что здесь решено было открыть экспозицию «Кино и любовь». К юбилею актрисы она расширилась — в музее появилось немало интересных фотографий и документов. Новая экспозиция названа «Выстрел Изольды». Этот выстрел, прозвучавший в судьбоносном для Извицкой фильме «Сорок первый», считают работники музея, оказался для актрисы по-настоящему роковым. В фильме ее героиня убивает своего любимого. Не это ли обстоятельство повлияло на дальнейшую трагическую судьбу Изольды, — всерьез думают они. Как знать… Другой такой яркой роли в ее судьбе так и не последовало, и другого такого искреннего, верного, всепрощающего и нежного возлюбленного, как Коротков, ей не суждено было встретить. Рядом с ней не оказалось всепонимающей, творческой, талантливой и самодостаточной личности.

И все-таки роль Марютки оказалась бесценным подарком судьбы. Извицкая не раз писала подругам о том, что ей «так хочется сыграть что-то подобное — яркое, сильное, в то время, как ей предлагают все какое-то мелкое, несущественное, бытовое». И все же хорошие роли случались — Фенечка в «Отцах и детях», Паша в «Вызываем огонь на себя»…

Работницы музея, влюбленные в молоденькую Извицкую в чухраевском фильме, считают, что она не должна была сниматься в подобной ленте. Ей следовало отказаться убивать своего возлюбленного. «Извицкая должна была подняться над случаем и ситуацией, политическим идеалом. Красноармеец-снайпер не могла поступить иначе. Пусть лучше не было бы такого прекрасного фильма, зато человеческая судьба Изольды сложилась бы более счастливо. Этот ее выстрел оказался не только по любимому, но и по своей судьбе». Я не зря привела здесь эту точку зрения. Она показалась мне интересной, хотя и несколько наивной. Землячки Извицкой даже считают, что будь потом у актрисы возможность переиграть роль, она, зная о том, что за этим последует в ее собственной жизни, отказалась бы от нее.

К 75-летию актрисы в кинотеатре «Россия» в Дзержинске прошел кинонофестиваль «Изольда». Организаторы верят, что он станет началом ежегодного кинематографического форума, который приобретет статус всероссийского. (Правда, по последним данным, в Дзержинске совсем недавно закрыт единственный действующий кинотеатр). Основной частью проекта была ретроспектива работ с участием актрисы, а также фотовыставка из фондов краеведческого музея и встреча с подругами Изольды, викторина, посвященная жизни и творчеству актрисы. На вечер приезжала и Татьяна Конюхова, которая училась с Извицкой во ВГИКе и снималась с ней в кино. Татьяна Георгиевна отозвалась об этой поездке так: «Я ехала на родину Изольды, думая, что это будет просто вечер памяти, на самом деле я попала на довольно серьезный, только пока нераскрученный фестиваль. Меня поразило — насколько жители Дзержинска любят Изольду. Зал сидел как вкопанный, не дыша. Замечательные, фантастические люди! Они проводили конкурсы. Земляки Изольды серьезно подготовились к нему — награждения, выступления лауреатов. А как трогательно все говорили. Одно стихотворение, написанное девочкой и получившее Гран-при, мне подарили, и я его привезла».

Его Татьяна Георгиевна прочитала мне по телефону, и оно нашло свое место в самом начале книги.

Поступление во ВГИК

В тот год, когда выпускница дзержинской школы Изольда Извицкая держала экзамен во ВГИК, кроме нее, на курс поступало еще 799 человек. Хотя все они знали, что фактических счастливчиков, зачисленных во ВГИК, будет не больше шестнадцати. Право на учебу в прославленном киновузе им предстояло отстаивать перед лицом приемной комиссии, в которой заседали такие признанные корифеи кино, как Сергей Герасимов, Тамара Макарова, Ольга Пыжова, Василий Ванин… В коридорах, перед аудиторией, в которой решался архиважный для абитуриентов вопрос «быть или не быть», стояла какая-то особо напряженная тишина. В сторонке кто-то безутешно рыдал, и его отпаивали валерьянкой, кто-то почти беззвучно, словно молитву шептал строки заученного стихотворения или басни…

Все эти мальчишки и девчонки благоговели перед одним названием: ВГИК. Оно произносилось ими с невообразимым придыханием. И, по большому счету, трудно было даже вообразить, что в скором времени они будут на законных основаниях ходить по этим прославленным коридорам. Ведь в этой альма-матер преподавали такие именитые режиссеры, как Лев Кулешов, Дзига Вертов, Сергей Эйзенштейн, Сергей Юткевич, Александр Довженко, Всеволод Пудовкин и многие, многие другие, кто составляет цвет и гордость отечественной кинематографии. Представить себя даже в мечтах в числе таких небожителей было сродни чуду, чем-то за гранью фантастики… Некоторым абитуриентам тогда было и невдомек, что пройдет какое-то время, и они сами станут славой не только этого института, но и своей страны. А студенты новых поколений, в свою очередь, будут равняться уже на них.

Когда на родину Извицкой дошло триумфальное известие, что ребята зачислены во ВГИК (вспомним, что они поехали поступать вдвоем с земляком Артуром Нищёнкиным), новость была настолько ошеломляющей и неправдоподобной, что по городу тут же поползли слухи один фантастичнее другого. Так, «доброжелатели» даже утверждали, что в приемной комиссии сидел Николай Крючков — земляк мамы Изольды. Разве мог он в таком случае отказать… Заодно взяли и Артура, приятеля Изольды. Сейчас уже трудно установить, действительно ли Николай Афанасьевич в тот год присутствовал на экзаменах во ВГИКе, но вот то, что он родом из села, оказалось на поверку неправдой. Крючков был самым что ни на есть коренным москвичом, после окончания ФЗУ начавшим свой трудовой путь

на Трехгорке. Вот что делает с реальными фактами людская молва…

Вместе с Извицкой в тот год во ВГИК к супругам Борису Бибикову и Ольге Пыжовой на общенациональный курс, где кроме русских было трое украинцев и двое латышей, поступили:

— Майя Булгакова,
— Руфина Нифонтова (в девичестве Питаде),
— Валентина Владимирова (в девичестве Дубина),
— Юрий Белов,
— Геннадий Юхтин,
— Леонид Пархоменко,
— Валентина Березуцкая,
— Артур Нищёнкин,
— Михаил Семинихин,
— Мария Кремнева,
— Маргарита Криницына,
— Вася Фушеч,
— Валентин Брылеев,
— Данута Столярская,
— Астрида Гулбис,
— Таллис Аболиньш.

— Надежда Румянцева и Татьяна Конюхова — пришли позже, после того, как стали сниматься и отстали от своих групп.

Почти все они стали звездами отечественного кинематографа. Вот как вспоминает те далекие годы студенчества актриса Нина Крачковская: «Это моя девичья фамилия. Мой брат, звукооператор Владимир Васильевич женился на Наташе Белогорцевой, ставшей впоследствии известной комедийной актрисой Натальей Крачковской. Когда Гайдай впервые ее снимал, в титрах значилось: Белогорцева-Крачковская. Потом первая половина куда-то исчезла, и она осталась просто Крачковской. Владимир был очень хорошим оператором, работал со Швейцером, с Басовым, по-моему, с тем же Гайдаем.

В кино мне доставались роли положительно-патриотических девочек: в фильмах «Командир корабля», «Есть такой парень» (первая роль Наташи Фатеевой), «Семья Ульяновых» — я там играла сестру Ольгу, «Они были первыми», «Кортик», в дебютной короткометражке Эдмонда Кеосаяна «Три часа дороги», получившей премию в Венеции. Потом я увлеклась театром. Моя любимая роль — Таня в одноименной пьесе Арбузова.

Во ВГИКе Изольда училась на курс младше меня. Нас набирал Василий Васильевич Ванин, известный ролями питерских рабочих («Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году»), революционных матросов («Возвращение Максима»), бортмехаников («Валерий

Чкалов»), комиссаров («Котовский»), секретарей райкомов (в одноименном фильме), скромных колхозников («Член правительства»). Его творческим кредо было органичное сочетание героики и юмора. Он обещал взять меня к себе в театр. Таня Конюхова тоже училась у нас. На втором курсе Ванин умер. Мы год были «беспризорными», курс даже хотели расформировать, но нас поддержали педагоги следующего курса — Бибиков и Пыжова, у которых училась Изольда. Пыжова взялась репетировать со мной выпускной кусок. Кого-то из наших ребят взял Герасимов… На нашем курсе было больше режиссеров, чем актеров, тот же Гайдай. А потом мы попали к Белокурову. Мы были с Изольдой в очень хороших отношениях. Я ее запомнила в курсовой работе, которая потом стала ее дипломной, выпускной, — в пантомиме «Франческа да Римини», где она играла главную женскую роль. Она была потрясающе хороша. На ней было великолепное по выразительности бордовое бархатное платье…

Потом мы встретились в Театре киноактера, где она не была занята, — все время снималась. Изольда была очень скромной и не могла «высиживать» роли, как, скажем, я, когда была назначена на одну роль с Татьяной Самойловой. Это надо было высидеть и вытерпеть. Изольда была на подобное просто не способна. Но я могу и ошибиться. Не знаю, что у нее было в душе… Наверное, если бы ей дали роль в театре, то Изольда прекрасно бы с ней справилась. Кстати сказать, все, кто потом остался в театре, в то время там только числились. Потом актрисы перешли на «голые» концерты, а мы с Изольдой встретились в картине Сергея Колосова «Вызываем огонь на себя».

Педагоги

Эта легендарная пара вгиковскх педагогов не менее знаменита своими звездными учениками, чем Сергей Герасимов и Тамара Макарова. Иногда их студентов путают, приписывая Герасимову. Вот что рассказала о своих педагогах Татьяна Конюхова:

> «Ольга Пыжова и Борис Бибиков внесли неоценимый вклад в воспитание нескольких поколений кинематографистов. Среди их учеников: Светлана Дружинина, Леонид Куравлев, Софико Чиаурели, Тамара Носова, Любовь Соколова, Сергей Гурзо, Мария Виноградова, Тамара Семина, Семен Морозов…Была даже традиция — 13 апреля студенты с разных курсов собирались в ресторане «Прага». Уже после смерти Ольги Ивановны Борис Владимирович приезжал на нашу встречу. Встречались мы несколько раз и после его смерти. У нас даже была инициативная тройка: Марина Лобышева (из последнего набора Бибикова и Пыжовой, первая жена Сени Морозова, которая всегда нас обзванивала и собирала), Клавдия Хобарова и я. Последние годы мы уже собирались втроем…»

Ольга Ивановна Пыжова (30.11.1894 — 8.11.1972) — ученица великого Константина Сергеевича Станиславского, играла с ним в одних спектаклях. Для студентов всегда была непререкаемым авторитетом, живой легендой. Великий педагог и талантливый театральный режиссер, в прошлом блистательная характерная актриса театра и кино. На экране Ольга Пыжова сыграла немного — не более десятка ролей, зато какие: Огудалова в «Бесприданнице», мадам Стороженко в «Белеет парус одинокий», бабушка в детской комедии «Алеша Птицын вырабатывает характер». Всем ее работам были свойственны незаурядное чувство юмора и жизненная правда.

Свое первое образование Ольга Пыжова получала в институте благородных девиц, который вскоре бросила ради бухгалтерских курсов. Потом область точных наук она поменяла на мир кулис и аплодисментов — во время петербургских гастролей Московского художественного театра юная Оленька прошла конкурс и поступила в актрисы (из двухсот экзаменовавшихся его выдержали лишь двое).

В первый же театральный сезон 1914/1915 года 1-й студии

МХТ Ольга Пыжова выходит на сцену и играет Фею в «Синей птице», Себастьяна и Виолу в «Двенадцатой ночи»… Особенно шумным успехом пользовался водевиль «Спичка между двух огней», где юная Оленька встретилась на сцене с Софьей Гиацинтовой и Михаилом Чеховым.

Станиславский, увлеченный праздничным талантом и заразительным оптимизмом ее художественной натуры, не без гордости назвал свою ученицу одной из артистических надежд Художественного театра. После преобразования 1-й студии в МХАТ-2 она сыграла красавицу-содержанку Дину Краевич в «Евграфе — искателе приключений» (1926). Однако вскоре выяснилось, что природа ее оптимистически-реалистического таланта противоречит художественным принципам руководителя МХАТ-2 Михаила Чехова. Вместе с другими участниками разразившегося конфликта Пыжова вынуждена была уйти из МХАТ-2 и связать свою дальнейшую судьбу с Театром революции (впоследствии — театром им. Вл. Маяковского). Сыгранные здесь роли Глафиры в «Голгофе» Чижевского, Ксении в «Человеке с портфелем» Файко, Вероники в «Инге» Глебова, Кикси в «Улице радости» Зархи, Лены в «Личной жизни» Соловьева, Кормилицы в «Ромео и Джульетте» Шекспира принесли ей заслуженную любовь заядлых театралов. Через какое-то время из-за болезни глаз актриса покинула сцену.

Свою режиссерскую деятельность Пыжова начала еще в 1920 году. В конце 30-х она, вместе с мужем Борисом Бибиковым работала в 3-м Московском театре для детей. Там они поставили: «Проделки Скапена» Мольера (1937), «Сказку» (1939), «Двадцать лет спустя» (1940) Светлова. Один из лучших их совместных проектов — «Фуэнте Овехуна» в московском Театре Революции (1938). В годы Отечественной войны Пыжова работала в Казахстане, ставила спектакли в Казахском театре драмы им. Ауэзова («Укрощение строптивой», 1943 и др.).

Одновременно с этим работала актрисой и режиссером Театра им. Моссовета, находившегося в те годы в Алма-Ате. Принимала участие в постановке «Нашествия» (1943, совместно с Юрием Завадским и Борисом Бибиковым), играла роль Талановой. В 1948–1950 гг. Пыжова — художественный руководитель московского Центрального детского театра, где совместно с Бибиковым поставила спектакли «Я хочу домой» С. Михалкова (1949; Государственная премия СССР, 1950), «Ее друзья» В. Розова, «Снежная королева» Е. Шварца и другие.

Позже актриса сменила еще несколько театров. И везде ее главной заботой была молодежь. Пыжова преподавала актерское мастерство в студии Евгения Вахтангова, театре-студии имени

Марии Ермоловой, с 1934 года сосредоточилась на ГИТИСе. С 1942-го начала преподавать во ВГИКе, а через семь лет вместе с Борисом Бибиковым взяла на себя руководство собственной актерской мастерской.

Ольга Пыжова первой из советских актрис получила звание профессора на кафедре актерского мастерства (1939 г.). Главным увлечением педагога стала работа с национальными группами. Многие годы Пыжова с упоением руководила национальными студиями при ГИТИСе (Каракалпакской, Узбекской, Татарской, Таджикской, Лезгинской, Туркменской, Молдавской). Ее ученики составили ядро трупп многих республиканских театров. В 1947 году она получила звание заслуженного деятеля искусств РСФСР, в 1949-м — Татарской АССР, в 1964-м — Таджикской ССР. Лауреат Государственной премии СССР (1950).

Борис Владимирович Бибиков (22.07. 1900 — 5.11.1986) вместе с Пыжовой воспитал целую плеяду блистательных актеров театра и кино. С детства Бибиков увлекался театром, занимался в студии Михаила Чехова. Актерскую деятельность начал в 1922 как актер в 1-й Студии МХТ (его роли: Валет — «Летающий лекарь» С. Маргомена, Мишон — «Эрик XIV» А. Стриндберга, раб — «Принцесса Турандот» К. Гоцци). В 1-й Студии МХТ Борис Бибиков встретился с Ольгой Пыжовой, ставшей впоследствии его женой.

Вскоре Бибиков вместе с ней увлекся и режиссурой, и они объездили полстраны. В 1927–1932 гг. — актер и режиссер-ассистент Театра революции. Принимал участие в постановке спектакля «Человек с портфелем» А. Файко (1928, режиссер А. Д. Дикий). Ставил спектакли в других городах, иногда играл в них небольшие роли.

Главным совместным делом всей жизни супругов стала педагогика. С 1934 года они преподавали в ГИТИСе (с 1934 по 1971 г. ими выпущено одиннадцать национальных студий и два русских курса, осуществлено более пятидесяти выпускных спектаклей, многие из которых вошли в репертуар национальных театров). Потом во ВГИКе (с 1942-го) — Бибиков и Пыжова выпустили 6 курсов-мастерских и поставили десять дипломных спектаклей.

Борис Бибиков был мудрым и любимым педагогом, долгие годы поддерживающим связь со всеми своими учениками. Стоит ли удивляться, что Бибиков так достоверно сыграл профессора Соколова в фильме своего ученика Евгения Ташкова «Приходите завтра», где главную женскую роль исполнила другая его ученица — Екатерина Савинова. В послужном списке актера немало ролей ученых, профессоров и генералов. Высокий, статный,

белоголовый, он нес в себе «породу», которой так не хватало в советской действительности: «Повесть пламенных лет» (фон Бреннер), «Ночь перед рассветом» (адмирал Керк), «Корабли штурмую бастионы» (Спенсер Смит), «Рассказы о Ленине» (генерал Половцев), «Софья Перовская» (председатель суда), «Дела сердечные» (старый врач), «Звезды не гаснут» (нефтепромышленник)…

За свою совместную с Ольгой Пыжовой педагогическую деятельность Борис Бибиков воспитал несколько национальных курсов и получил почетные звания: заслуженный деятель искусств — РСФСР (1947), Башкирской АССР (1959) и Таджикской ССР (1964). Заслуженный артист Каракалпакской АССР (1967). Лауреат Государственной премии СССР (1950). Профессор (1952). На основе подготовленных Бибиковым национальных студий созданы Театр им. Станиславского в г. Нукусе (Каракалпакская республика, выпуск 1939 г.), ТЮЗ в Ашхабаде (Туркмения, выпуск 1963–1964 гг.), Таджикский Государственный молодежный театр в Душанбе (выпуск 1970 г.).

После смерти Ольги Пыжовой Бибиков отошел от дел. Под конец жизни женился еще раз на одной из своих учениц. Молодая жена увезла его к себе в Среднюю Азию. И Борис Владимирович навсегда потерял связь с Москвой и своими воспитанниками. Там и умер в безвестности.

Вот что рассказала об этом Татьяна Конюхова: «После нас был еще несколько курсов. На одном из них учились Лариса Кадочникова и Софико Чиаурели… Но я больше общалась с курсом Бориса Токарева, Семена Морозова, Люси Гладунко, Андрея Вертоградова… Этот последний курс доставил большую радость нашим педагогам. У Пыжовой была дочка — Ольга Васильевна Качалова, отцом которой был гениальный русский актер Василий Иванович Качалов.

После смерти Ольги Ивановны случилась ужасная история с Борисом Васильевичем Бибиковым. Его старенького, полуослепшего старика «охмурила» его же ученица-таджичка из ГИТИСа и увезла в Таджикистан. После смерти Пыжовой она обманом «ввинтилась» в его дом — вселилась, стала опекать… Бибикову уже было за семьдесят, а ей под тридцать, у нее был сын. Она атаковала его, чтобы завладеть его квартирой, совершенно фантастической, букинистической, антикварной библиотекой и увезла его к себе на родину. Там на его деньги купила какой-то дом, где жила с сыном, потом мужика себе привела… Однажды в Таджикистане побывал Гена Юхтин, потом еще одна студентка Бориса Владимировича, которая и рассказывала жуткие вещи: в этой сорокоградусной жаре, в

каком-то строении, похожем на курятник (у нас бы подобное сооружение назвали чердаком), на верхнем этаже, где и дышать-то нечем, сидел неухоженный, смертельно больной старик…»

Вгиковский курс

Это был действительно звездный курс — какое созвездие дорогих, любимых сердцу зрителей имен! Почти все сокурсники Изольды Извицкой в дальнейшем составили настоящий звездный десант нашего советского киноискусства. И все же их роднит еще одно — даже те, кто много и удачно снимался, был признанным мастером своего дела, не смог состояться в профессии в полной мере, как бы того ему ни хотелось. В каждом из них была своя трагическая недосказанность.

Почему так произошло — сейчас уже трудно судить. Все они — представители своего поколения. После всех тягот, в полной мере выпавших на долю их родителей, победивших в Великой Отечественной войне, они пережили ее в довольно нежном возрасте.

И хотя кто-то из них остался сиротой (как Геннадий Юхтин) или на пределе человеческих сил, наравне со взрослыми, работал на деревенском поле (как Валентина Владимирова), расцвет их жизни пришелся на послевоенное — тяжелое, но радостно-героическое время. Так много хотелось сделать, сказать, свершить хотя бы через своих героев на экране.

Поколение Изольды Извицкой — чистое помыслами, воспитанное на идеалах и одухотворенных примерах подвигов советских людей. Вот и в своем творчестве актеры пытались «держать марку» — быть лучше, чище, выше. Не всегда это получалось. А вскоре пришло время нового поколения мальчиков и девочек, родившихся уже после войны. Им хотелось просто дружить, любить, дышать полной грудью. Спокойное мирное время…

Еще недавно такая важная, героика отошла на второй план. На свет появилось постхрущевское кино, плавно перешедшее в кино застоя. Приходилось довольствоваться теми ролями, которые давали. Образами, в которых режиссеры порой очень однобоко видели этих актеров. Не отсюда ли вся эта драма, такого успешного, на первый взгляд, такого «самодостаточного» и уверенного в себе послевоенного поколения.

Я специально выстроила эту главу на отдельных примерах — перед вами судьбы сокурсников Изольды, тот самый второй золотой бибиковкий курс (первый — Вячеслав Тихонов, Нонна Мордюкова, Екатерина Савинова и другие). Всмотритесь в эти судьбы повнимательнее. Почти все они стали народными артистами. Но почему же столько щемящей тоски в их, казалось бы, успешных судьбах?

Тот же любимец нескольких поколений, Юрий Белов, закончил жизнь в полном забвении, практически потеряв память.

Валентина Березуцкая и Геннадий Юхтин много снимались, но в основном вынуждены были ограничиваться эпизодическими ролями.

Надежда Румянцева, в юности много и заметно играющая в кино, по сути, предпочла ему личное счастье.

Та же Валентина Владимирова, очень много снимавшаяся, так и не сыграла на экране ни одной главной роли. И сегодня даже вездесущий интернет не расскажет вам о ней ничего существенного. А ведь она была очень колоритной актрисой, под силу которой были и характерные, и глубоко трагедийные роли. Сколько она «вытянула» на своих плечах достаточно посредственных фильмов, дополняя новыми выразительными красками и образы главных героев!

Земляк Изольды Извицкой Артур Нищёнкин, о котором много говорится в ее письмах (в годы учебы она сильно разочаровалась в его чисто человеческих качествах), как актер тоже не сделал ничего заметного, хотя и немало снимался.

Не менее трагичной, чем у Изольды, оказалась судьба ее сокурсника Леонида Пархоменко, актера сильного дарования и необузданного русского характера. Самая главная его роль — Рогожин в экранизации Пырьева «Идиот»!

Красавицы Маша Кремнева и Данута Столярская, хотя немного и поснимались в кино, по сути «сгинули», не оставив заметного следа.

Прекрасный комедийный и острохарактерный актер Валентин Брылеев, обладающий к тому же достаточно экзотической для советского человека внешностью, вынужден был всю жизнь ограничиваться второсортными героями сказок и комедий.

Институтская подружка Изольды — Маргарита Криницына, которой сам Пырьев прочил блестящее будущее и даже предлагал ее на роль Дездемоны (которую впоследствии сыграла красавица Ирина Скобцева), уехав с мужем в Киев, по сути, «вычеркнула» себя из «большого» кино. И все же одна ее роль — Проня Прокоповна в картине «За двумя зайцами» заставила считаться всех с самобытным талантом актрисы. Да так, что ее героине, наравне с персонажем Олега Борисова, в центре Киева, на Крещатике, был даже установлен памятник. Судьба Криницыной тоже неоднозначна, об этом свидетельствует и ее попытка самоубийства.

Руфина Нифонтова, немало снимавшаяся в юности, в итоге все же предпочла театр, о чем, скорее всего, никогда не жалела.

Однако жизнь ее тоже оборвал трагический случай.

Великолепная Майя Булгакова, воплотившая на экране столько прекрасных образов, все же считала себя невостребованной актрисой — режиссеры так до конца и не раскрыли ее глубоко трагедийный актерский потенциал. Чтобы хоть как-то компенсировать это, Булгакова много выступала с концертами, знакомя зрителей с еще одной гранью своего таланта как исполнительницы песен. По трагическому стечению обстоятельств жизнь ее закончилась автокатастрофой.

Наверное, самой сильной и самой счастливой в этом списке оказалась Татьяна Конюхова, но один Бог знает, сколько душевных сил и бессонных ночей ей это стоило…

Валентина Березуцкая

Так сложилось, что этой яркой характерной актрисе судьба уготовила роль «королевы эпизодов». Работать в кино Березуцкая начала еще студенткой. Ее героини — городские и деревенские, пышущие здоровьем и огромным обаянием девицы. Из наиболее ярких ролей: Настя («Саша вступает в жизнь»), Олюха («В степной тиши»), Марья («Половодье»), Шура («Непридуманная история»), Прасковья («На завтрашней улице»), Матрена («Бабье царство»), Фенечка («Директор»). Одна из самых запоминающихся — веселая колхозница в картине Эдмонда Кеосаяна «Стряпуха».

С возрастом заслуженная артистка Российской Федерации Валентина Березуцкая органично перешла на роли теток и матерей: Сафарова («Весенняя путевка»), М. И. Ульянова («Поезд в завтрашний день»), Сузгиниха («И снова Анискин»), Арина («Отец и сын»)… С 90-х годов актриса стала одной из постоянных участниц российских телесериалов и рекламы, кино («С любовью, Лиля» и «Старухи»). Снявшись в «Старухах», получила премию «Ника» за лучшую женскую роль. Так к Валентине Березуцкой пришло, наконец, заслуженное признание. На тот момент актрисе было 72 года, а в ее актерском багаже накопилось более 100 ролей. Испытание славой далось Валентине Федоровне нелегко: режиссеры наперебой предлагали ей сниматься, а журналисты, с просьбами об интервью, стали обрывать телефон. Для актрисы, привыкшей держаться в тени, подобное стало настоящим потрясением. «Я даже в больницу попала», — комментировала, смеясь, Валентина Федоровна, называя это «головокружением от успеха».

Геннадий Юхтин

За 50-летний творческий путь народный артист Российской Федерации Геннадий Юхтин сыграл в кино более 150 ролей. Родился он 30 марта 1932 в селе Чубовка Куйбышевской области. Родители погибли во время войны, и мальчик воспитывался в детском доме. Окончив ВГИК в 1955 году, работал в Театре-студии киноактера. В кино начал сниматься студентом последнего курса: Васюня в «Чужой родне» и шофер Павел Евдокимов в «Деле Румянцева». С тех пор много и постоянно появлялся на экране, создав целый ряд ярких, запоминающихся эпизодических ролей.

Наделенный особым обаянием, с внешним обликом, типичным для 1950–1960-х годов, Юхтин как нельзя более подходил для амплуа молодого современника (инженер Крушенков в «Весне на Заречной улице»). Немало играл в кинолентах о войне: вратарь Дугин из фильма «Третий тайм» — о футбольном матче между советскими военнопленными и немцами, бежавший из немецкого плена танкист Петр в фильме «Жаворонок», солдат Павлов в «Балладе о солдате», передающий с фронта с оказией домой мыло жене.

Юхтин очень органичен в кадре, обладает высоким профессионализмом. Это по достоинству оценили режиссеры: М. Швейцер («Тугой узел», после доработки вышедший под названием «Саша вступает в жизнь»; «Мичман Панин»; «Воскресение»), М. Калик («Юность наших отцов»; «До свидания, мальчики!»), С. Кулиш («Мертвый сезон») и А. Михалков-Кончаловский («Сибириада»). Не столь часто, но приходилось Юхтину играть и отрицательные образы, которые получались у него не менее убедительными: контрреволюционер в фильме «О друзьях-товарищах», иностранный шпион в остросюжетной ленте для детей «Аквалангн на дне».

Геннадий Юхтин снимается по сей день. Среди его работ последнего времени: слуга в одном из самых успешных российских телесериалов «Петербургские тайны» (1994–1995), роли в исторической картине Светланы Дружининой «Тайны дворцовых переворотов» (2002), в сериале «Глаза Ольги Корж» (2003), в фильме «Апокриф» (2003) и других. Попробовал себя Юхтин и на писательском поприще, написав книгу «Вокруг да около кино».

Надежда Румянцева

В послужном списке народной артистки России около 40 главных ролей. Надежда Румянцева после школы поступила в

ГИТИС имени Луначарского. На экзаменах она, маленькая и смешная, прочла монолог Фамусова, что и определило ее судьбу. Актриса и педагог Ольга Пыжова возлагала на Румянцеву большие надежды, поэтому и взяла ее потом с собой во ВГИК, куда со временем перешла работать.

К тому времени, как Надежда Румянцева закончила ВГИК, она уже была сложившейся актрисой с амплуа травести. Много работала на сцене Центрального Детского театра, снялась в фильмах «Навстречу жизни», «Алеша Птицын вырабатывает характер». Однако талант актрисы оказался намного шире. Ее удивительное обаяние, чувство юмора и неповторимая искренность стали настоящим подарком поклонникам нескольких поколений зрителей. А после кинофильма «Королева бензоколонки» все маленькие курносые девчонки уверовали, что тоже могут стать кинозвездами.

Вот как вспоминает свою учебу во ВГИКе Надежда Румянцева: «Я пришла на третий курс во ВГИК к своему же педагогу Ольге Ивановне Пыжовой из ГИТИСа. Первый человек, который меня встретил с вот такой вот улыбкой, был Юра Белов. Впечатление, которое всю свою жизнь я несу о Юре — это огромное море доброты. Потом, он был, конечно, безумно смешной и очень обаятельный человек. Студенты есть студенты. Конечно, не всегда мы приходили готовыми на свою основную учебу. Когда нужно было сделать самостоятельно отрывки или нас спрашивал Борис Бибиков о том, что мы думаем о своей роли, мы все хватались руками за голову: «Что же нам делать?…» — и выпускали на ковер Юру. И только открывал рот Борис Владимирович Бибиков, Юра сразу встревал: «Борис Владимирович, вы понимаете, вот у меня был такой случай. Могу ли я его, как-нибудь, вставить в эту роль. Вот я вам его сейчас расскажу». И начинал рассказывать просто обычный анекдот, который превращался в целую новеллу. И урок проходил. Два часа мы хохотали и смеялись…

Все три года, что мы учились вместе с Юрой, мы очень дружили. У нас — одинаково быстрое схватывание анекдотических ситуаций. Мы вместе играли в дипломном спектакле, снялись вместе в «Неподдающихся» и в «Королеве бензоколонки». Мы с ним всегда рядом очень хорошо смотрелись. Может быть, от этого Юра Чулюкин, который тоже учился с нами на параллельном режиссерском курсе во ВГИКе, и взял нас снимать в «Неподдающихся» вместе. Хотя сценарий этого фильма Татьяна Сытина написала специально для меня, но в партнеры Чулюкин выбрал для меня именно Юру Белова».

В 1955 году Надежда Румянцева поступает в Театр-студию киноактера, а через шесть лет снимается в фильме, который

принесет ей мировую славу. Чулюкинские «Девчата» произвели не меньший фурор, чем когда-то александровские «Веселые ребята». Образ Тоси Кислицыной стал визитной карточкой актрисы. После этой роли ее даже окрестили «Чаплином в юбке». Сама Румянцева считает, что не было бы у нее таких актерских удач, если бы не настоящее женское везение. По ее словам, все годы замужества, каждый день она слышит от мужа, что он в нее влюблен.

После «Девчат» у Румянцевой было еще 24 работы в кино и удачная карьера на телевидении. Каждое воскресное утро детворы начиналось с задорной детской передачи «Будильник», которую вела Надежда Васильевна. Еще были мультфильмы: «38 попугаев», «Привет мартышке», «Бабушка удава».

Юрий Белов

Родился 31 июля 1930 года в городе Ржеве Калининской (Тверской) области.

Как многие киноактеры того времени, работал в Театре-студии киноактера.

Популярность пришла к Юрию Белову через год после окончания ВГИКа благодаря роли Гриши в «Карнавальной ночи». Затем на широкий экран в течение семи лет, один за другим, вышли фильмы с участием Юрия Белова, которые сделали его одним из самых популярных актеров советского кино: «Девушка без адреса», «Неподдающиеся», «Алешкина любовь», «Приходите завтра», «Королева бензоколонки»… Его героев отличали вечная улыбка, шутки, розыгрыши и потрясающее жизнелюбие. Даже в небольших, эпизодических ролях Юрий Белов излучал свет, а бесконечное обаяние актера моментально располагало к нему.

Леонид Филатов в передаче «Чтобы помнили», посвященной Юрию Белову, сказал: «Судьба мало ему предлагала ролей, которые были бы замечательно выписаны… Потому он так был дорог режиссерам, что из «ничего» мог сделать «что-то» за счет своего безграничного обаяния. Была такая картина Евгения Ташкова «Приходите завтра» со знаменитой Екатериной Савиновой. Но, когда говоришь о картине, разумеется, люди сразу вспоминают Екатерину Савинову, поскольку она главная героиня, Анатолия Папанова, который играет главную мужскую роль в этой картине. Но вспоминают также, непременно, и дуэт — Александр Ширвиндт и Юрий Белов. Крохотный эпизод, где двое студентов-хохмачей как бы принимают экзамен в качестве педагогов у молоденькой абитуриентки…»

С середины 60-х годов Юрию Белову перестают предлагать

большие роли. Уже после смерти артиста журналист Владимир Мартынов раскрыл в его судьбе некоторые тайны: «Юрий Белов рассказал мне историю своего перелома во взаимоотношениях с кинематографом: «В 1964 году, когда я снимался у Эльдара Рязанова в фильме «Дайте жалобную книгу», на каком-то банкете я сказал про Никиту Сергеевича Хрущева, что его, вроде бы, скоро снимут. И потом просто приехали люди в белых халатах, один со смирительной рубашкой, и увезли меня в сумасшедший дом на полгода. Причем Хрущева, как мы знаем, действительно сняли. А потом, когда я вышел, кому я нужен. Во-первых, неблагонадежный, а во-вторых, не совсем здоровый — псих, когда вокруг полно здоровых и политически грамотных актеров».

Так, его уделом стали роли третьего плана да короткие эпизоды. Вот как писал об актере журнал «ТВ-парк»: «Хочется вспомнить Юрия Андреевича, человека очень доброго и очень хорошего. Как он любил море и дальние путешествия к нему на мотоцикле со своей женой Светой, какие сочинял фантастические, невероятно чудные и потешные истории! Он не держался за славу, когда она ушла от него и наступило бездействие, он любил свою работу и до последнего мечтал о ней, был застенчив и очень раним».

Светлана Швайко, вдова Юрия Белова: «Юрий был потрясающим рассказчиком, уникальным, можно сказать. Я не знаю, где он выдумывал, а где — нет. У него все сливалось воедино. Его педагог Борис Владимирович Бибиков мне говорил: «Юра может рассказать, кто жил 2000 лет тому назад или будет жить 2000 лет вперед, по фамилиям назовет, но что будет в этой жизни, он не знает. Он не от мира сего. Он странный». Это было просто приклеено к нему — «он странный».

Леонид Филатов (передача «Чтобы помнили»): «Странный человек. Чем же он был странен, Юрий Белов? Тем, что был добр, был искренен, тем, что никому не желал зла, что никогда ни про кого не сказал ни одного дурного слова, не матерился, не сплетничал, не ставил друзьям подножку, никого не «подсиживал» в плане ролей, никому не переходил дорогу, равнодушен был к званиям и поэтому никогда их не имел. Странный человек жил среди нас по имени Юрий Белов. Странный, в особенности, по понятиям сегодняшних людей».

В 80-е годы Белов практически не снимался. За целое десятилетие он появился на экранах всего лишь в четырех картинах, и везде в эпизодах. Последняя лента с его участием «Двое и одна» вышла в 1988 году. В ней Белов снимался тяжело больным. 31 декабря 1991 года по Центральному телевидению показывали традиционную «Карнавальную ночь». Обычно, когда

эту картину демонстрировали по ТВ, актер садился к телевизору и смотрел ее, вспоминая молодость. Но в тот день он ее не дождался — его сердце остановилось.

Светлана Швайко: «Это произошло 31 декабря 1991 года… Похоронить его я смогла только на девятый день потому, что столько умерло за эти дни, а потом еще и за Рождество, что раньше не было возможности. Что я хочу сказать — ни «Мосфильм», ни Союз кинематографистов не были на похоронах».

Ни званий, ни наград, ни премий у Юрия Белова не было.

Валентина Владимирова

Заслуженная артистка РСФСР Валентина Владимирова родилась 22 ноября 1927 года в селе Васильевка на Украине. В 1944 году, после освобождения от фашистской оккупации, она вместе с земляками строила избы, пахала в поле, ухаживала за скотиной. После войны отправилась в Харьков поступать в Инженерно-экономический институт. Проучившись два года на экономиста, Владимирова поняла, что выбрала не ту профессию, уехала в Москву и поступила во ВГИК. На вступительном экзамене читала стихи А. Твардовского и отрывок из рассказа А. Толстого «Русские люди», с первых шагов определив для себя тему дальнейшего творчества. В годы учебы Владимирова играла героинь в драмах А. Островского и комедийные роли в украинской классике, старух и девчонок, веселых и страдающих, влюбленных и обиженных. После окончания ВГИКа стала работать в Театре-студии киноактера. С 1955 года Валентина Владимирова начала сниматься в эпизодических ролях. Потом пошли и роли более значимые.

Особенно Владимировой удавались образы простых русских женщин. В них раскрывались весь внутренний потенциал актрисы, ее душевное богатство, разные грани национального характера. Будь то любящие жены, немногословные солдатки или черствые соседки. Непроста судьба ее героинь, перенесших войну, на своих плечах вынесших все тяготы. Любая из них, как говорил великий поэт, «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет…».

Режиссеры, не сговариваясь, наперебой предлагали актрисе роли женщин из народа. В отличие от многих своих коллег, актриса никогда не отказывалась и от отрицательных образов. Мастер эпизодической роли, с годами она стала одной из самых снимающихся актрис советского кино. На ее счету более пятидесяти картин. Среди них: «Простая история»,

«Председатель», «Не забудь… станция Луговая», «Тени исчезают в полдень», «Белый Бим, Черное Ухо», «Угрюм-река».

Последние годы Валентина Харлампиевна провела в уединении, ни с кем не общалась и тяжело болела. Ушла из жизни 23 марта 1994 года.

Артур Нищёнкин

Родился в городе Кулебаки Горьковской области 15 июля 1931 года. Работал на киностудии имени Горького. С первых работ в кино обнаружилась его тяга к характерным образам, к чему располагала и фактура актера. Исполнитель эпизодических ролей, преимущественно отрицательных, Нищёнкин выявил немало людей, способных на предательство и подлость. Однако у артиста были положительные персонажи, в числе которых — крестьяне, солдаты, партийные работники. Среди заметных ролей: Семин («Матрос сошел на берег»), Олекса («Атаман Кодр»), милиционер («Валера»), Егор («Огоньки»), капитан Качушин («Анискин и Фантомас»), Митрич («Вольному воля»), Максим Романович («Последняя встреча»), Кварц («Честное волшебное»), слепец («Русалочка»), Кузьма («Тачанка с юга»), боярин Грозные очи («Возьми меня с собой»), Молибога («На вес золота»), отец Гриши Маркова («Катенька»), сват («Иван да Марья»), чекист («Адъютант его превосходительства»), член бюро («Вечный зов»). Умер 18 июня 2001 года.

Леонид Пархоменко

Родился в 1934 году в городе Краматорске. Актер огромного дарования, Пархоменко из тех, кого называют «самородками». Как комета, он промчался по экранам конца 50-х. Самой знаменитой его ролью стал образ Парфена Рогожина в экранизации Пырьевым романа Достоевского «Идиот». Сыграл Красильникова в рошалевской кинотрилогии «Хождение по мукам». Затем были работы в фильмах «Жеребенок» и «Донская повесть» по Шолохову, «Сотрудник ЧК», «Поэма о море»… Казалось, актера ждала блестящая карьера, но вскоре все надежды рухнули. Из-за типажности Пархоменко стали предлагать небольшие «бандитские» роли: Фролов в фильме Семена Туманова «Ко мне, Мухтар!» (на съемках которого Леонид чуть не погиб от зубов пса), хозяин харчевни «бурнашей» в первых приключениях «Неуловимых мстителей» Эмонда Кеосаяна.

Судьба Леонида Пархоменко сложилась драматично. Творческая невостребованность привела к трагическому концу — актер запил, что и приблизило его безвременную кончину: он умер в 1971 году, как и Изольда Извицкая. Вместе бывшие однокашники снимались в фильме «Неповторимая весна», с Бредуном Пархоменко встречался в «Казаках».

Данута Столярская

Заслуженная артистка РСФСР родилась 18 июля 1929 года в селе Татищево, Саратовской области. С 1955 по 1957 г. — актриса Театра-студии киноактера.

С 1957 года — актриса киностудии им. М. Горького. Первая роль в кино — Граня в фильме «Возвращение Василия Бортникова». Также снималась в картине Льва Кулиджанова «Когда деревья были большими»…

Валентин Брылеев

Родился 1 мая 1926 года. Один из любимых актеров Александра Роу. Начал сниматься со студенческой скамьи. Попав в штат Театра-студии киноактера, Брылеев отрабатывал по две-три картины в год. В его послужном списке около 40 фильмов.

Его типажность больше всего подходила для сказок, приключений и комедий. Среди заметных работ в кино: «В квадрате 45» (Пепелов), «Весна на Заречной улице» (Иван Мигунько), «У тихой пристани» (шофер), «Первый троллейбус» (Синицын), «Марья-искусница» (пират), «Морозко» (жених), «Волшебная лампа Аладдина» (Мубарак), «Золотые рога» (Месяц Ясный), «Королевство кривых зеркал» (Тамбур-Мажор), «Взрослый сын» (Николай Фомич). Снялся в небольших ролях у Эльдара Рязанова: «Карнавальная ночь», «Человек ниоткуда», «Гусарская баллада». Умер 25 декабря 2004 года.

Руфина Нифонтова

В 1955–1957 гг. — актриса Театра-студии киноактера, с 1957 года — Академического Малого театра. Народная артистка СССР.

Мало кто знает, что девичья фамилия актрисы — Питаде. Руфина Питаде и ее брат Вячеслав родились 15 сентября 1931 года в Москве на Соколиной горе. В те времена Соколиная гора

была железнодорожным поселком. Отец Руфины Дмитрий Иванович работал на станции Москва-Товарная. Мама Дарья Семеновна была начальником закройного цеха в артели «Универпром». В свободное от работы время родители пели в клубе, а старшие братья играли в оркестре. В этом же клубе пела и танцевала маленькая Руфа. В 1939 году будущая актриса пошла в первый класс.

А потом началась война. В 1941 году в возрасте 20 лет погиб старший брат Александр, в 1942-м пришла похоронка на девятнадцатилетнего Бориса, а в 1943-м отца сбила машина. Может быть, именно тогда и появилась в ее голубых глазах печаль.

В институте Руфине доставались характерные, комедийные и гротесковые роли. Пройдут годы, Нифонтова выйдет на сцену Малого театра в роли Катерины в «Грозе» и сыграет ее так, что у всех дух захватит.

В стенах ВГИКа Руфина встретила и свою любовь. 26 декабря 1952 года Руфина Питаде вышла замуж за студента режиссерского курса, будущего режиссера-документалиста Глеба Нифонтова, и стала Руфиной Нифонтовой. Он был на девять лет старше ее. С ним она прожила сорок счастливых лет. Наверное, как и в каждой семье, у них были и ссоры, и размолвки, но все это осталось между ними. Нифонтова никого не впускала в личную жизнь, свято храня все, что связано с семьей. И хотя в театрально-киношном мире привыкли все про всех знать, про Нифонтову было известно лишь одно — что у нее один-единственный муж. И это вызывало зависть. Она была прекрасной актрисой. Это стало ясно с первой же ее роли в кино — Насти в картине Рошаля «Вольница». За нее она тут же получила на Международном кинофестивале в Карловых Варах приз за лучшее исполнение женской роли. А потом была ее Катя в кинотрилогии «Хождение по мукам» (1957).

18 октября 1957 года был подписан приказ о зачислении Нифонтовой в труппу Малого театра. Параллельно с работой в театре Руфина Нифонтова много снималась. Среди фильмов с ее участием: «Русский лес», «Дачники», «Интервенция», «Любовь Яровая», «Вам и не снилось», «Берег его жизни».

1992-й… В тот год на актрису навалилось слишком много горя. В автомобильной аварии погиб ее муж. Она «выбила» ему место на Ваганьковском кладбище. Новых ролей не было, Нифонтова выходила лишь в спектакле «Обрыв», казавшемся ей невыносимо бездарным. Она была смертельно больна.

Друзья говорили, что в то время Нифонтова им напоминала подстреленную птицу, которая пытается взмахнуть крылом, но у

нее ничего не получается. Художественный руководитель Малого театра Юрий Соломин настоял, чтобы она репетировала роль Мурзавецкой в спектакле «Волки и овцы», который планировалось сыграть в январе 1995 года. Но 27 ноября 1994 года Нифонтовой не стало.

Трагедия случилась, когда она была одна в пустой квартире. То ли хотела вытереть пыль, то ли что-то постирать. Пошла в ванную комнату, подставила тряпку к крану, открыла его, и тут брызнул кипяток… Хоронили ее 1 декабря в костюме ее самой любимой героини из «Дачников». Лицо закрывала вуаль. Она хотела быть похороненной рядом с мужем, но гроб актрисы не смогли пронести к могиле Глеба Ивановича. Мешали ограды. Ее похоронили в другом месте. Здесь же, на Ваганьковском. Нифонтовой было всего 63 года.

Майя Булгакова

Актриса Театра-студии киноактера. Снялась в 112 фильмах. Народная артистка РСФСР.

Родители назвали девочку Майей потому, что она появилась на свет 19 мая 1932 года в селе Буки Киевской области. Отец — военный. Кроме нее в семье было трое детей — два брата и сестра.

Счастливое детство закончилось 22 июня 1941 года, когда Майе исполнилось 9 лет. Григорий Булгаков ушел на фронт, за ним старший сын Борис. Они погибли почти одновременно, в августе 41-го. Семья не знала этого и еще долгое время получала за отца по аттестату и верила, что оба они живы. Майя была за старшую. Семья пережила весь ужас первых дней войны. Из письма М. Г. Булгаковой от 3 июня 1971 года, адресованного поэту Марку Сергееву: «…война, потери, бомбежки, эвакуация, голод, холод… не забудешь никогда… И, может быть, если бы не было так трудно тогда, не научился бороться за свое место сегодня, и каждый день доказывать, что ты не отстал, не потерял ощущения времени, что имеешь право людям сказать о своем мироощущении. И вообще есть чем поделиться…»

Спасаясь от фашистов, семья Булгаковых добралась до Краматорска. Здесь жила тетя Майи, работавшая на заводе им. Серго Орджоникидзе. Немцы были совсем рядом, завод срочно эвакуировали в Сибирь. С заводчанами в эвакуацию в далекий Иркутск поехала и семья Майи. Ехали очень долго, товарняки задерживали на станциях, пропуская эшелоны на фронт. Когда вышли на станции в Иркутске, была зима. Теплой одежды не

было, и дети стали плакать от холода. Эвакуированных ждали. Коллектив завода им. В. В. Куйбышева принял приехавших как родных. Рабочие разобрали всех по своим домам. А потом людей Старокраматорского завода поселили в общежитии.

Мама и тетя Майи работали на заводе, красили стаканы для бомб. Майя пошла во 2-й класс. Маленькой Майе пришлось заменить маму. Она варила, стирала, кормила малышей, но Золушкой себя не чувствовала. Она очень любила петь, ни один концерт в школе или госпиталях не обходился без нее. После выступления Майя ходила по палатам и искала отца. Один раз ей было доверено выступить по иркутскому радио. Майечка через радио обращалась к папе, воевавшему на фронте, рассказывала о своей жизни, об отличной учебе, передавала ему приветы, просила не переживать за их судьбу. Она не знала, что Григорий Булгаков еще за год до этого погиб смертью храбрых.

Мама надорвалась, заболела и была вынуждена уйти с завода. По счастью, ей удалось устроиться в кинотеатр «Марат» — сначала билетершей, потом администратором. Радости детей не было предела. Ведь можно было по нескольку раз в день смотреть любимые фильмы с Диной Дурбин, Марикой Рокк и советские — «Трактористы», «Машенька».

Сибирь обогрела эвакуированных, не дала сгинуть, но, как только советские войска освободили Краматорск, Булгаковы вернулись на родину. Они надеялись на вести от отца и Бориса. Здесь Майя окончила среднюю школу. Иркутск она не забывала, он ей часто снился, снился новый отстроенный кинотеатр «Марат» со старыми любимыми фильмами.

Майя решила попытать счастья стать артисткой. Она приехала в Москву и поступила во ВГИК на курс к блистательным педагогам О. Н. Пыжовой и Б. В. Бибикову. Майю отмечали как человека одержимого, страстного в работе: и педагоги, и товарищи верили в ее звезду. В 1955 году М. Булгакова получила диплом с отличием и получила предложение режиссера Г. Рошаля сняться в фильме «Вольница». После выхода фильма о Булгаковой заговорили как об одареннейшей актрисе. Но она не совсем вписывалась в стандарты киноактрис тех лет, была далека от розовой сладости и ординарной миловидности некоторых подруг по цеху. Да и жизнь она знала слишком хорошо, чтобы участвовать в фильмах, в которых ложь выдавали за правду.

После института Булгакову приняли в Театр-студию киноактера. Отсутствие работы в кино она компенсировала пением. Голос у нее был на уровне кумиров тех лет — Гелены Великановой, Нины Дорды. Майя выступала с оркестром Утесова, в 1957 году как певица получила Серебряный приз на Всемирном

фестивале молодежи и студентов в Москве. Она первой стала исполнять песни Эдит Пиаф.

В 1961 году небольшая, но яркая роль партизанки Олены Ступаковой в фильме «Повесть пламенных лет» открыла актерскую галерею волевых характеров и драматических судеб Майи Булгаковой: Надежда Петрухина («Крылья»), санитарка Мария («В огне брода нет»), Катерина Ивановна («Преступление и наказание») и другие… Еще в «Вольнице» режиссер Рошаль оценил работу молодой актрисы и поручил ей роли в своих последующих фильмах: «Восемнадцатый год», «Хмурое утро», позже — «Суд сумасшедших». Булгакова практически никогда не отказывалась от работы. Хотя режиссеры один за другим приглашали ее на эпизоды. Очевидно, они понимали, что никто лучше Булгаковой не сыграет. Судьба женщины-матери в трагическом преломлении особенно была любима актрисой.

Во всех последующих фильмах актриса умела убедительно передать на экране эмоциональное богатство своих героинь, их душевный надрыв и непокорность натуры. Она была органична в гоголевской «Женитьбе», историко-костюмных ролях — «Юность Петра», «В начале славных дел», «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго», создавая портрет забитой нищетой крестьянки в «Воскресении» или мощный и трагический образ главы мафиозного клана в телесериале «Следствие ведут знатоки». Среди других картин с участием Майи Булгаковой — телевизионный фильм «Цыган», «Приключения Электроника».

В начале 80-х еще одна крепкая нить связала Майю Булгакову с Иркутском. Она снялась в фильме «Прощание» по повести Валентина Распутина «Прощание с Матерой». Обычно Л. Шепитько приглашала для своих фильмов актеров малоизвестны. Дважды редко кто снимался у нее. А вот с Майей Булгаковой у Шепитько это произошло.

Майя Булгакова сыграла в фильме Настю, подругу старухи Дарьи. Она, как и Дарья, жива памятью о прошлом. Обычно Булгакова играла судьбы несчастливые, иногда и вовсе загубленные. А вот Настю отличает от всех других женщин «Матеры» то, что с ней рядом ее Егор. Но она как будто стыдится своего счастья. И только покинув родную деревню, похоронив Егора, Настя теряет опору и смысл жизни. Теперь она хочет одного — поскорее уйти к мужу, отыскать его в какой-то другой жизни.

В разгар съемок в автокатастрофе погибла съемочная группа во главе с режиссером. Фильм заканчивал муж Шепитько — режиссер Элем Климов. А Майя Булгакова в чем-то повторила судьбу своей героини Насти. Она была очень счастлива в жизни

как женщина. Ее любили и боготворили достойные мужчины. Иногда дело доходило до поединков между соперниками. Главной любовью в ее жизни стал иностранец Петер, по-домашнему Петя. Это была сумасшедшая, мгновенная страсть, которая с годами становилась только сильнее. Ради Майи Григорьевны Петер оставил родину, бросил бизнес. Актриса была для него самой красивой и самой нужной. Ее дочерей он воспитывал как родных. А когда ушел из жизни, то Майя Григорьевна, как и Настя, не захотела без него жить. Она писала ему письма и записки, просила забрать ее к себе… 7 октября 1994 года ее просьба была исполнена. Майя Булгакова и Любовь Соколова должны были выступать перед ветеранами. Майя Григорьевна всегда обожала скорость, и водитель вел автомобиль на предельной. Машина врезалась в рекламный столб на Ярославском шоссе. Может быть, велением свыше ей был назначен такой уход из жизни — мгновенный, внезапный…

* * *

Интересно, что студенческие годы, о которых здесь шла речь, могли быть задокументированы на пленку. Вот как вспоминает свои первые киноопыты известный режиссер Марлен Хуциев, который тоже учился в те годы во ВГИКе: «Первые фильмы мы снимали с моим однокурсником и другом Феликсом Миронером, с которым жили в одной комнате. Диплом — «Градостроители», потом «Весну на Заречной улице». Жаль, что фильм «Градостроители» не сохранился до наших дней, — он бесследно исчез в фильмотеке Одесской студии. А ведь в нем я в массовке снял всю нашу актерскую гвардию, будущих звезд: Колю Рыбникова, Руфу Нифонтову, Изольду Извицкую, Гену Юхтина… И в главных ролях — Сашу Соснина и Ию Арепину».

Действительно, жаль…

Студенческие подружки

Маргарита Криницына

Как вспоминают сокурсники, дружба между Маргаритой Криницыной и Изольдой Извицкой, начавшаяся на первом курсе ВГИКа, продолжалась все пять лет учебы. И оставила неизгладимый след в душе двух этих талантливых и незаурядных женщин на всю жизнь. Были в их отношениях и нелицеприятные моменты. Так, однажды в институте девчонки, среди которых была и Рита, выкрали у Изольды и обнародовали ее дневник. Эта история широко обсуждается в этой книге — о ней рассказала сама Изольда, которая в тот момент оказалась на грани самоубийства, в своих письмах к Вячеславу Короткову. Упомянула о ней и Татьяна Конюхова в своих воспоминаниях.

Родилась народная актриса Украины Маргарита Криницына, исполнительница легендарной роли Прони Прокоповны в картине «За двумя зайцами» в Новой Ляле Свердловской области, на Урале, в семье военного 7 октября 1932 года. Папа, Василий Криницын был русским, мама — то ли мадьярка, то ли арийка. Семье военных приходилось много колесить по всей стране, пока не началась война… На фронт пошли четверо — отец Маргариты и три его брата, самый младший из которых едва успел закончить школу.

Семья тогда жила в городе Кирове. Маме пришлось устроиться на военный завод. Дети остались на попечении малограмотной бабушки, которая всегда умела находить что-то веселое в многотрудной жизни. «Она была, как говорят, «смешнячка», — вспоминала позже Маргарита. — Неграмотная крестьянка, подорвавшая тяжелым трудом здоровье, она никогда не унывала, смешная была до безумия. Если приходила откуда-то, обязательно все подробно рассказывала с самыми смешными подробностями». Этот бабушкин комедийный талант и достался в наследство Маргарите. Девочке нравилось копировать взрослых, устраивать веселые розыгрыши, пародировать учителей. Поэтому неудивительно, что по окончании школы ей посоветовали идти в артистки, хотя знали, что в детстве Рита мечтала стать юристом. В то время семья жила в городе Бельцы. Оттуда Рита и приехала поступать во ВГИК.

В Москве она пробовала силы во все актерские ВУЗы — Щукинское и Щепкинское училища, Школу-студию МХАТ… Институт кинематографии был последним. Несмотря на полное

отсутствие специальной подготовки, ей удалось от души насмешить комиссию, состоявшую из суровых педагогов. Криницына пела и танцевала, хотя не умела делать ни того, ни другого. И тут выяснилось, что ее зачислили не только во Всесоюзный институт кинематографии, но и в Щукинское училище, одно из лучших театральных училищ страны. Маргарита предпочла кино, хотя потом неоднократно об этом жалела. Вот как вспоминала Криницына свои студенческие годы: «Я жила в общежитии на Яузе, под Москвой. На занятия мы ездили электричкой. Правда, на первом курсе во ВГИКе еще не было своего общежития, поэтому нам снимали хаты в пригороде. В малюсенькой комнатке нас жило шесть девушек! Мебели — почти никакой. Железные кровати да тумбочки. Студенткам ВГИКа не разрешали краситься, только пудриться. Сколько натуральных красавиц училось в то время во ВГИКе: Алла Ларионова, Нина Гребешкова, Руфа Нифонтова… Из парней ошеломляющим обаянием выделялся Николай Рыбников. Когда в мастерской Герасимова и Макаровой на дипломном спектакле «Петр I» нехватило актеров, меня пригласили на роль боярыни Буйносовой. Герасимов обращался со студентами очень тактично. Они с Макаровой на всех репетициях сидели рядышком. Помню, она все говорила мужу низким, грудным голосом: «Сереженька, держи себя в спинке, я прошу». И Герасимов сразу вытягивался в струну. Коля Рыбников играл Петра. Он был балагур и весельчак. Жил в общежитии. Помню, мы часто встречались с ним на праздновании Нового года. Девчонки обычно приезжали к мальчишкам, и начиналось веселье! Ребята пили водочку, мы — портвейн «Три семерки», потом танцевали…»

Студенческая жизнь была бедной, но очень веселой. На четвертом курсе шустрая Маргарита ловко отбила жениха, бывшего фронтовика, талантливого украинского сценариста Евгения Оноприенка (написавшего сценарий фильма «В бой идут одни старики») у своей подружки Изольды Извицкой. Изольда была отходчивой, но Евгений, видимо, оказался не ее человеком. Маргарита и Евгений были просто созданы друг для друга и прожили долгую счастливую жизнь, теперь похоронены рядом. А тогда, после окончания учебы, их распределили на работу в разные города: Женю — в Кишинев (ученик Евгения Габриловича получил распределение на Молдавскую студию кинохроники главным редактором), Риту — в Москву.

Вот как вспоминала день своего бракосочетания Маргарита Васильевна: «Свадьбу справили в ресторане «Арагви», в зале на втором этаже. Всем курсом сбросились и пошли отмечать. Кстати, я-то мужа своего, Евгения, отбила у Изольды Извицкой. Правда,

она на меня за это не обиделась. Потом на свадьбе была моей дружкой. Помню, подарок был всего один — духи «Сказка». Все остальное потратили на еду. Да и надеть-то мне было нечего. Платье из легкой кремовой шерсти мне подарила жена троюродного брата. Правда, еще когда я только приехала поступать во ВГИК. Она увидела меня в страшных драных полуботинках, с косичками, завернутыми в бублички, и только руками взмахнула. «На, — говорит, — хоть платье пристойное надень». Это платьице, сшитое колокольчиком, я и носила до последнего курса. В нем и на свадьбу пошла. Женя тоже неважно был одет. Помню, мы шли расписываться, я ждала его возле метро. И тут появляется он, в сером костюме, зеленой шляпе и широченном зеленом галстуке. Я аж присела, думаю: «Боже, кто это?» Вот так и началась наша совместная жизнь…»

Редкий комедийный талант Криницыной давал надежду на яркие перспективы. Рассказывают, что московские режиссеры имели списки актеров, которые могли играть «острохарактерные» роли. Фамилии мужчин занимали два листа, женщин — полстраницы: Фаина Раневская, Тамара Носова, Людмила Гурченко, Надежда Румянцева, Нонна Мордюкова, Нонна Копержинская… и Маргарита Криницына. Для актрисы такого уровня, безусловно, могли бы найтись роли и в картинах, которые тогда часто снимали на «Мосфильме» и на киностудии имени М. Горького… И для этого лучше было оставаться в кинематографической столице. Маргариту Криницыну брали в Театр-студию киноактера, устроили просмотр в Вахтанговский, приглашали в театр Моссовета. Самой же актрисе очень хотелось работать в «Современнике». Позже она не раз корила себя за то, что не подошла к Олегу Ефремову. В 1955-м Рита репетировала с ним сцену в комедии Бориса Барнета «Ляна» — молодые актеры играли пылких влюбленных.

«А я, после окончания в 1955 году, получила распределение в Московский театр киноактера, — вспоминала Маргарита Васильевна. — Вот такая была у нас семья на колесах, муж ко мне приезжал, переписывались. Потом он получил направление в Киев, а я сказала, что не поеду. Тут у меня в театре разворачивались интересные события: я репетировала с Гариным, и все-таки Москва. Но как-то Женя пригласил меня в Киев, показал город. «Ты читала Гоголя, вот этот Днепр, посмотри, какая роскошная река!» И я действительно как посмотрела с этой горы на такую красоту, замерла просто. Боже, какой красивый город! Кстати, переехать в Киев ему помогла знаменитая тогда актриса советского кино Изольда Извицкая, с которой мы были дружны еще со студенческих лет. Вот так все и произошло, я

осталась, первые годы все рвалась в Москву, а потом уже и привыкла, и с 1959 года мы постоянно жили в Киеве. Муж мне говорил: «Не волнуйся, в Киеве откроется такой же Театр киноактера, будет работа». Но он открылся, кажется, лет через двадцать пять, открылся, поработали два года, и он, как говорит моя дочь, «щез»…»

Так закончились нескольких лет переписки и редких встреч. Она переехала в Киев, в который тоже влюбилась, и осталась в нем жить навсегда. К моменту переезда в Киев за спиной Маргариты уже были роли в кино. Она снялась в «Добром утре» (1955) с Львом Дуровым, тогда еще студентом. Пробовалась на главную роль в фильме Василия Ордынского «Секрет красоты», но не получила ее: не пришла на репетицию, потому что о ней не знала — ей не успели сообщить. Была снята с роли и стала считать себя невезучей. Несколько раз Риту в картины рекомендовал сам Пырьев. Оказывается, он был на ее дипломном спектакле, после чего сказал: «Немедленно пробовать ее на Дездемону!» А Криницына считала себя страшненькой и долго бегала по ВГИКу и кричала: «Ну какая я Дездемона? Посмотрите на меня!» Вот позже Коробочку из «Мертвых душ» сыграла отлично. Вообще с семнадцати лет старушки были ее коньком.

Потом режиссер Чулюкин, знавший ее со ВГИКа, хотел снять Маргариту в своей картине «Девчата», в роли Нади, которая потом досталась Инне Макаровой. Но Госкино «запороло» эту идею — Криницына тогда уже работала в Киеве, а в Москве старались брать актрис из Театра киноактера. Чулюкин сам тогда позвонил Маргарите, чтобы извиниться: «Риточка, я очень бился за тебя. Но ничего не получилось…»

В Киеве Криницына пришла работать на киностудию Довженко. Сначала были работы в малоизвестных фильмах, но уже первая ее большая роль стала самой главной и по-настоящему звездной в ее судьбе.

Причем попала молодая актриса на пробы фильма «За двумя зайцами» совершенно случайно — шла по студии Довженко и вдруг встретила режиссера Виктора Иванова: «Рита, ты куда? Пойдем со мной, нужно подыграть на пробах». В тот раз перед камерой оказались актеры Яковченко и Кушниренко, сыгравшие впоследствии родителей Прони. Это была та самая сцена, в которой героиня переодевает их перед приходом Голохвастова: «Папа, одягнить галстука! А вы, мама, снимайте этот мещанский платок, и одягайте чепчика!» Гримироваться Криницына не стала — просто надела платье и пристегнула к волосам хвост-шиньон. Так как она себя не рассматривала как исполнительницу главной роли, абсолютно не волновалась и в кадре смотрелась органично

и естественно, а главное, очень смешно — съемочная группа просто покатывалась со смеху. Ее героиня, победила всех, прежде всего, своей естественностью — совершенно без грима, в простом платье, на фоне других актрис, клеивших себе огромные носы и брови. А ведь на роль Прони Прокоповны претенденток было немало — на пробы приезжали актрисы со всего Советского Союза, в том числе и однокурсница Риты Майя Булгакова (это Криницина посоветовала ей поехать в Киев пробоваться на роль).

Сама Криницына, возможно, в глубине души и мечтала об этой роли, но запрещала себе даже думать о ней. Во-первых, не верила, что ей могут доверить такую заметную роль. А во-вторых, хоть пьесу она и знала (ее играли во ВГИКе), была уверена: украинскую классику должна играть украинская актриса, а не сибирячка из Москвы. И все же фортуна была на ее стороне. По иронии судьбы, накануне проб Маргарита сломала себе передний зуб, щелкая орехи. Эта улыбка оказалась как нельзя кстати для образа Прони Прокоповны. Что и говорить, эта роль стала этапной в послужном списке актрисы и принесла ей настоящую популярность.

Премьера картины «За двумя зайцами» состоялась в Дарницком клубе железнодорожников. Никакой особой шумихи вокруг выхода очередной комедии не предвиделось. Однако успех был ошеломляющим. Пожалуй, больше всех в тот день волновался режиссер. А Маргарита Криницына, загорелая, в белом гипюровом платье, была такой хорошенькой, что, несмотря на представление режиссера, никто не узнал в ней «кислоокую жабу» Проню. После премьеры зрители подбежали к автобусу, который увозил артистов, заглядывали внутрь через стекло и спрашивали: «А где Проня Прокоповна?»… С Олегом Борисовым у Криницыной сложились прекрасные отношения как на съемочной площадке, так и вне ее: впоследствии они долго поддерживали отношения, перезванивались. Борисов даже звал ее в Театр имени Леси Украинки, считая, что там нет острохарактерных актрис. Но Криницыну не взяли, сказав: «Мы вгиковцев не берем».

Хотя после премьеры ленты Криницына и проснулась знаменитой, ощутимого успеха в работе ей это не принесло. Были и неприятности. Вот как рассказывала об этом сама актриса: «Знаменитая я не проснулась, наоборот, удрученная. Дочка сказала: «Мам, ты такая страшная!»; муж возмущался: «Это надо было себя так изуродовать!» — и старался больше этот фильм не смотреть».

И все же Маргариту Криницыну стали приглашать сниматься на другие студии — «Мосфильм», «Беларусь-фильм», Одесскую киностудию… Однако в основном это были второстепенные роли.

Несмотря на то, что у актрисы более семидесяти киноработ, среди которых «Свадьба в Малиновке», «Вий», «Бумбараш», «Рожденная революцией», «Дни Турбиных», «Одинокая женщина желает познакомиться», «Будни уголовного розыска», «Зеленый фургон», она навсегда для многих так и осталась Проней Прокоповной. Очень ярко сыграла Тобоську в комедии «Меж высоких хлебов», председательшу в «Дипломатах поневоле». С последней ролью вышла забавная история — в Госкино Украины пришло письмо от группы деятелей культуры, в котором говорилось, что актриса не отвечает украинским идеалам женской красоты, — «не вродлива!». С утверждением на роль помог лишь министр кинематографии Большаков. Сама Маргарита Криницына считала, что так получилось потому, что режиссеры стали воспринимать ее исключительно комедийной актрисой, а она всю жизнь мечтала о драматических ролях.

Несмотря на отдельные успехи, в целом карьера у актрисы не складывалась. «Приклеив ярлык «комедийной актрисы», мне будто вынесли приговор», — вспоминала Криницына. Ее не приглашали на роли драматические, но много лет не давали и комедийных. После того, как ее в очередной раз не утвердили на главную роль — в данном случае в фильме «За твою судьбу», сценарий которого написал специально для Криницыной ее муж Евгений Оноприенко, она решила покончить с собой — попыталась отравиться ацетоном. Спасла случайность — домой раньше времени пришел муж. Спасли ее чудом. Одной из лучших театральных работ актрисы стал спектакль «Женщина с цветком и окнами на север» в Театре-студии киноактера в Киеве. Роль Аэлиты имела огромный успех у зрителей, о ней много писали критики. Но даже после этого новых ролей на сцене не последовало, и Маргарита Васильевна ушла из театра.

Жили супруги Оноприенко-Криницына на окраине. Сначала возле киностудии им. А. Довженко. В те годы это была окраина, дальше — пустырь. Гораздо позже тут все застроили и появилось здание комбината «Пресса Украины». Тринадцатиметровая комната в коммуналке. Длинная, как пенал. Это был дом киношников, многие из них тоже учились во ВГИКе. Соседями Криницыной и Оноприенко были Вадим Ильенко, Анатолий Буковский, Сурен Шахназян, Сергей Параджанов. Здесь родилась дочь Криницыной — Аленка. Потом им дали комнату побольше.

Криницына вспоминала о муже: «Женя был несколько резковат по характеру… Когда к кому-то ревновал, становился прямо как тигр. Отелло с ним не сравнится. В гневе выбрасывал вещи с пятого этажа — за окно летели шуба, сапоги, платья. Правда, потом ходил и сам все собирал. Но я очень терпеливая —

меня можно было обижать, но я держалась и тихо сидела. Часто у нас возникали конфликты на бытовой почве. Бывало, Женя и выпивал. Он же фронтовик…»

Дочь актрисы Алена Сурина, как и отец, стала киносценаристкой («Цветы от победителей», «Спартак и Калашников»), больше двадцати лет она живет и работает в Москве. Окончила киноведческий факультет ВГИКа, работала помощником ассистента на студии. Там и познакомилась с режиссером Александром Суриным, который тогда снимал «Возвращение с орбиты». Вышла замуж и переехала в Москву. В картинах дочери «Мы веселы, счастливы, талантливы» и «Тысяча долларов в одну сторону» снималась и Маргарита Васильевна.

Последние годы о Маргарите Криницыной вспоминали редко. Финальный прилив славы пришелся на конец 90-х, когда героям фильма «За двумя зайцами» поставили памятник на Андреевском спуске, возле Андреевской церкви. Памятник Проне Прокоповне и Свириду Голохвастову будто стоял там всегда — так органично он вписался в экстерьер старой киевской улицы. Маргарита присутствовала на открытии и даже сказала речь на «проньском» суржике. С тех пор все помнили только о ее героине Проне Прокоповне, но не об актрисе, которая сыграла эту роль. Бронзовая Проня Прокоповна в шляпке и кружевах рядом с Голохвастовым. У этого милого памятника принято фотографироваться молодоженам, вокруг него всегда много цветов…

А тем временем, похоронив мужа, сама актриса несколько лет тяжело болела. Перенесла два инсульта, несколько операций. Говорят, остро нуждалась в деньгах на лечение. На людях в последний раз она появилась за год до смерти, в малаховской передаче «Большая стирка». Ее в прямом смысле слова вынесли на сцену — с палкой, на которую опиралась Криницына, но зато она была в бриллиантовом колье, подаренном ей новой Проней Прокоповной, из мюзикла — Аллой Пугачевой. «Я мечтала умереть Офелией, а мне все предлагали Коробочку из «Мертвых душ», — вспоминала актриса. — Грезила театром, но снималась лишь в киношных эпизодах: слишком характерный типаж. Долго была обойдена званиями и наградами. Даже на роль председательницы колхоза меня когда-то не утвердили по причине «невродливости» (некрасивости)…»

Криницына — народная артистка Украины, лауреат Государственной премии Украины имени А. Довженко — за роль Прони Прокоповны в художественном фильме «За двумя зайцами», кавалер ордена княгини Ольги III степени за весомый личный вклад в развитие национального киноискусства,

творческие достижения и высокий профессионализм. Маргарита Криницына скончалась на 74-м году жизни, 10 октября 2005 года в Киеве. Похоронена на Байковом кладбище.

Татьяна Конюхова

Эта актриса не нуждается в представлении. Ее жизнерадостно-задорные героини уже несколько десятилетий любимы зрителями разных поколений и не сходят с телеэкрана. Родилась актриса в Ташкенте. Отец был военным, и семья много путешествовала. Ее родители — выходцы из Украины оказались в Узбекистане волей случая. Школу Конюхова заканчивала уже в Латвии, в Лиепае, откуда и поехала поступать во ВГИК. Постоянные переезды не могли не сказаться на характере непоседливой и впечатлительной Тани. Да и целеустремленность свою она, наверное, унаследовала от мамы, которая отличалась настоящим украинским темпераментом. Как вспоминает актриса, она была необыкновенно веселым и компанейским человеком, отец — полной ее противоположностью — суровым и замкнутым. От него дочери достались честолюбие и целеустремленность, желание к полной самостоятельности, проявляющейся у Тани с раннего детства.

В жизни любой звезды бывает своя предыстория, когда обстоятельства или способствуют началу карьеры, или же совсем наоборот, все тому сопротивляется, порой даже собственные родители.

Вот как вспоминает актриса свое поступление во ВГИК: «Отец, узнав о решении дочери ехать в Москву, погладил ее по голове и сказал: «Не поступишь, вернешься домой, устрою тебя бухгалтером». Мама же, схватив дочь за косы, подтащила к зеркалу: «На кого ты похожа, артистки — они же красавицы. Посмотри, какая Люсенька, так она называла Целиковскую, а Бабанова, а Орлова!» Но в дочери взыграл ее знак зодиака Скорпион, и она отправилась в Москву. Конкурс был сумасшедший — на 15 мест 800 абитуриентов. Но фортуне было угодно, чтобы ее приняли в мастерскую народного артиста СССР Василия Васильевича Ванина.

Человек невероятно свободолюбивый, чему подтверждением вся ее последующая жизнь, — Конюхова всегда делала то, что ей по душе. Обида на родителей, не поверивших в ее силы, лишь подхлестнула Татьяну. И, конечно же, она оказалась на приемных экзаменах во ВГИКе. «Когда прозвучала моя фамилия, — вспоминает Конюхова, — я, трепеща, на негнущихся дрожащих

ногах, вышла на середину комнаты… Меня попросили — я пролепетала. По-моему басню. Василий Васильевич Ванин посмотрел на меня как-то странно и проговорил: «Садись, детка, садись»… Потом я узнала, что другой член приемной комиссии Ольга Ивановна Пыжова сказала: «Да ну… Какая-то она невыразительная что ли, серенько так…» А Василий Васильевич ей возразил: «Ничего, она еще ребенок (мне было тогда 17 лет). Она еще подрастет!» И принял меня в свою мастерскую. Когда я обнаружила свою «лошадиную» фамилию в списке поступивших, тут же рванула на центральный телеграф, настрочила там чего-то, разбрызгивая чернила. А когда увидела смеющееся лицо принимающей телеграммы девушки, поймала себя на мысли: «Чего это она? Что смешного нашла?». Выскочив на улицу, не шла, а летела, а в душе все пело: «Ура! Я — артистка!»

Помните, как в картине Владимира Меньшова «Москва слезам не верит» Татьяна Георгиевна появляется на экране. Поклонники визжат от восторга, а героиня Муравьевой шепчет в экстазе: «Конюхова, обожаю!» Ничего удивительного. Ее имя поклонниками произносилось с обожанием, а фотографиями любимой актрисы были обклеены кабины грузовиков, шкафчики заводских раздевалок и комнаты миллионов советских людей. Ее любили, на нее старались быть похожими девчонки всего Советского Союза. Не случайно, воссоздавая эпоху конца пятидесятых, авторы фильма «Москва слезам не верит» вкладывают в уста своей героини этот восхищенный возглас. Словно вспомнив вдруг о старых добрых лентах, по телеэкранам наперебой, снова шествуют картины с ее участием: «Запасной игрок», «Разные судьбы», «Карьера Димы Горина», «Судьба Марины». И мы с нескрываемым удовольствием вновь и вновь следим за перипетиями судеб ее героинь.

Первую свою роль Конюхова сыграла в фильме «Майская ночь, или Утопленница». Не без гордости актриса вспоминает, что на роль Ганны пробовались десятки известных актрис, а Александр Роу выбрал именно ее. После съемок Конюхова совершила поступок, о котором не любит вспоминать, — пошла на прием к ректору и уговорила дать ей академический отпуск. И целый год потом занималась самокопанием, стараясь разобраться в себе, решить, как жить дальше. Ей казалось, что у нее не хватает таланта быть актрисой. А через год Конюхова вернулась, но уже к другим мастерам: Ванин к тому времени умер. Ее новыми наставниками стали Ольга Ивановна Пыжова и профессор Борис Бибиков. Учась в институте, молоденькая студентка с успехом продолжала сниматься в кино и к моменту окончания ВГИКа сыграла четыре главных роли (всего на счету Татьяны Конюховой

более 60 картин). Повезло ей и с дипломной работой: Екатерину в фильме «Доброе утро» режиссера А. Фролова (1955) посчитали удачной. Она принесла актрисе и некоторую популярность — Конюхову стали узнавать на улице. Снималась в нем она с Изольдой Извицкой — сокурсницы играли закадычных подружек. После этого Конюховой долгое время предлагали однопланових героинь: мужественных комсомолок с сильным характером…

Вся дальнейшая творческая жизнь Татьяны Конюховой красноречиво доказывает принципиальность актрисы, хотя актриса много и удачно снималась. Ее актерская биография не окончена и сегодня — она — частый участник всевозможных фестивалей, желанный гость многочисленных встреч со зрителями, передает свое мастерство студентам…

Вспоминает Татьяна Георгиевна Конюхова:

> «Мы с Изольдой были самыми близкими подругами в институте… У нас был замечательный, уникальный, неповторимый курс. Ну, во-первых, Надя Румянцева. Она была москвичкой, и поэтому держалась от нас несколько отстраненно. Прекрасно работала на курсе, была очень компанейской, обожала похохотать, посмеяться. И вдруг исчезала. И никакой связи у нас с ней не было. Надя и потом всегда жила собственной жизнью, никогда не поддерживала отношений с нашими ребятами, позже не приходила и на похороны…
>
> Еще у нас была Рита Криницына. До меня Изольда дружила с ней. Это было еще на первом курсе, до моего прихода в институт. Потом Рита уехала на Украину с мужем, сценаристом Оноприенко. Так она стала киевлянкой. Знаю, что они хотели там даже организовать свой театр. Несколько раз Рита приезжала в Москву, ее дочь вышла замуж за Сашу Сурина. Однажды я приезжала в Киев сниматься в картине по сценарию ее мужа «Гори, моя звезда». А вот недавно узнала, что Рита умерла. До сих пор просто в голове не укладывается, что нашей Риточки больше нет.
>
> В институт я поступила в 1949 году, в мастерскую Василия Васильевича Ванина, блистательного киноактера и театрального деятеля, художественного руководителя Пушкинского (бывшего Таировского театра). На следующий год курс набирали Ольга Ивановна Пыжова и Борис Владимирович Бибиков — замечательные педагоги, воспитавшие целую плеяду известных актеров, начиная с Нонны Мордюковой и

Славы Тихонова, которых все почему-то приписывают Сергею Аполлинариевичу Герасимову.

Бибиков и Пыжова выучили немало блистательных, потрясающих актеров, которые с момента своего первого появления на экране, будь то эпизод или главная роль, внесли немалую лепту в историю кинематографа. И тех, кто и по сей день числятся в звездах, и тех, кто всегда много снимался, как Валечка Березуцкая, но к кому признание пришло лишь сейчас. Сколько у нее и в кино, и на телевидении было прекрасных эпизодических ролей, а настоящую известность и «Нику» ей принесла роль, которую она не так давно сыграла вместе с непрофессиональными старухами, да так, что французы, увидев ее работу, вручили ей на старости лет Гран-при. А она десятилетиями бегала по экрану — и ничего. Хотя иногда и это нужно, чтобы про тебя не забывали. Я тут помелькала как-то в эпизодах, про меня вспомнили: «А Конюхова-то, оказывается, жива!» И предложили роль. Только что вернулась со съемок, есть и другие предложения, опять снимаюсь…

Проучилась во ВГИКе всего лишь год и на зимней сессии, никого не спросясь, рванула на съемочную площадку фильма «Майская ночь» Александра Роу. И потом добровольно ушла из института. Это уже после смерти Ванина и в истории ВГИКа было первым случаем, чтобы студентка по доброй воле, из-за внутренних творческих самокопаний, взяла, да и признала себя второгодницей. Учебу я продолжила уже на третьем курсе в актерской мастерской у заслуженных деятелей искусств, профессоров Пыжовой и Бибикова.

Они только что выпустили курс, на котором учились Нонна Мордюкова, Вячеслав Тихонов, Сергей Гурзо, Тамара Носова, Клавдия Хабарова, Екатерина Савинова, Евгений Ташков… У нас учились: Миша Семинихин (который повесился), Леонид Пархоменко, Вася Фушеч, Валентин Брылеев, Геночка Юхтин, Надя Румянцева, Артур Нищёнкин, Астрида Гулбис, Таллис Аболиньш. Последняя пара — прибалты, самые аккуратные, самые практичные и дисциплинированные ребята на курсе. Уже прошло пятьдесят лет как мы после учебы расстались и разлетелись кто куда.

Мы с Изольдой были самыми близкими подругами в институте, потому что наши койки в комнате общежития стояли рядом. В комнате нас было человек семь, вместе с

нами проживали киноведки. А всего в коридоре комнат шесть. Одна общая кухня с двумя плитами и с одной или двумя раковинами для умывания, отдельно — туалет. Помню, там был каменный пол, и потому очень хорошо было петь — голос звучал так, что сразу прекрасно проявлялся. А напротив — будочка с телефоном.

Общежитие находилось в здании бывшего Зачатьевского монастыря. А через площадку — в огромной, одной-единственной комнате жили будущие знаменитейшие люди, такие как Петя Тодоровский и другие. Это было общежитие для студентов операторского мастерства. Кроме того, наши общежития обосновались в Клязьме и Мытищах. В Клязьме было большущее здание, там жил наш Юрочка Белов. Когда он приезжал, то всегда рассказывал… такие истории, которые будто бы с ним на самом деле происходили. Нужно было это слышать, а еще лучше записывать. Но никто из нас, дураков, конечно, этого не делал, ничего не конспектировал, а зря. Разве могли мы тогда понимать всю значимость услышанного — большое видится на расстоянии. Мы просто дружно ухохатывались. По сути, это были острые актерские заметки, подсмотренные им — то в электричке, то в трамвае, который довозил его до Сельхозвыставки, где и располагался наш институт.

Жили мы весело. В половине девятого должны были быть на занятиях, где нам преподавали серьезные дисциплины: историю театра (начиная от средневековья и кончая всеми периодами нашего — русского и советского театров); литературу — западную, русскую, советскую; драматургию театра. И такие замечательные дисциплины, как марксизм-ленинизм, истмат, политэкономия.

Однажды на Кубе в университете у меня была пресс-конференция с его убеленными сединами преподавателями. Это был момент становления социалистической Кубы во главе с Фиделем Кастро. Когда встреча перевалила за два часа, переводчица пристыдила респектабельных седых мужей (женщин там вообще не было, а разговор шел по-крупному). Преподаватели хотели знать — что такое реализм, что такое социалистический реализм, бесплатные — обучение, здравоохранение, финансирование культуры и искусства… Им хотелось лучше постичь нашу жизнь, а то

они считали, что в России по-прежнему медведи по улицам ходят с цыганами на цепи. Так вот они потом признались, что ни одна звезда в мире не ответила бы и на половину тех вопросов, на которые с легкостью ответила я. И они слушали, разинув рот, мои рассказы — про мою собственную жизнь.

Так что в институте мы занимались по-крупному и по-настоящему, а не то, что «нас учили понемногу чему-нибудь и как-нибудь». У нас были потрясающие, изумительные педагоги по всем дисциплинам, начиная с мастерства актера, танцев, сценического движения и кончая историей театра и литературы, музыковедением, изобразительным искусством… И кино смотрели — начиная с поезда, который двинулся сто с лишним лет назад — и до наших дней. Поэтому и знали всех и вся. А не то что теперь, когда спрашивают в шоу, а ответ нужно выбрать из трех вариантов…

Дипломных работ на курсе защищалось несколько. Были среди них и самостоятельные. Я же, прозанимавшись год под крылом своих любимых педагогов, начала сниматься в кино и приезжала только на экзамены. И все же моменты, когда я занималась со всеми, отлично помню. Самое большое впечатление от Изольды доставила тогда ее пантомима. Она была героиней такого замечательного произведения Петра Ильича Чайковского, как «Франческа да Римини». Это совершенно потрясающая, грандиозная музыка… Изольда изображала Франческу. Она была бесподобна, потрясающе хороша! Такая вся бело-розовотелая. У нее было совершенно белоснежное лицо, бархатные карие глаза, маленький пухленький рот, совершенно дивная улыбка, когда она поступила в институт, — роскошные золотисто-русые с дымкой косы. Вся такая томная, ласковая… Помню ее любимым обращением к девочкам было слово «лапа». Она произносила его так неспешно-музыкально, словно делала тебе подарок. И еще у нее был звонкий и очень заразительный смех, когда она хохотала.

На съемочной площадке мы с ней встретились на фильме «Доброе утро». Играли подружек. Она меня там все время наставляла, учила жить, говорила: «Ну, Катенька, ну, как же ты будешь без меня? Ты же без меня пропадешь!» В жизни все было наоборот. Это я всегда возглавляла наш дуэт. А она вся такая вальяжная, тихая,

спокойная…

В институте Изольда всегда жила какой-то своей, замкнутой внутренней жизнью. Вроде и была со всеми — у нас был очень дружный курс, и в то же время сама по себе. Мало кто знал ее изнутри. Сначала мы жили в разных комнатах общежития, когда я училась у Ванина. Потом, когда я перешла на их курс, нас поселили вместе. Несколько раз я оказывалась свидетельницей каких-то моментов, о которых никто, кроме меня, не знал. Так, все свои мысли и переживания Изольда записывала в дневник. И девчонки как-то его обнаружили и обнародовали. Что тут началось… Она чуть не ушла из института.

Дневник выкрали трое. Среди них была Дана Столярская. У нее очень трагическая судьба. Ее родители-поляки погибли, когда фашисты вошли в Польшу. Перед войной они успели сбежать в СССР, но были репрессированы, и дочь воспитывалась в детском доме. Когда она стала взрослой и наступили другие времена, Дана посетила Польшу и узнала, что именем ее отца был назван то ли завод, то ли улица, сейчас уже не помню. Сама Дана была непростым, достаточно нервными и очень строптивым человеком. Наверное, в ней говорили польские крови и то, что она выросла в среде недоброжелателей. Непросто тогда приходилось дочери врагов народа. Возможно, поэтому у нее и не сложилась творческая судьба. Она в основном работала на дубляже. Когда-то ее звали даже дублировать в кадре Любовь Петровну Орлову, по-моему, в «Русском сувенире». В жизни Дану тоже ожидали большие разочарования.

А тогда с дневником… Девчонки полезли, прочитали, стали обсуждать. И сделали его достоянием общественности. И Изольда неожиданно куда-то исчезла. Никто ничего о ней не знал несколько недель. Я безумно за нее волновалась и боялась — вдруг что-то случилось. Но потом Изольда объявилась и была вызвана на личную беседу с Ольгой Ивановной и Борисом Владимировичем. О чем там шла речь, никто не знает, но, думаю, Изольда была вынуждена рассказать всю правду — и про дневник, и про свою любовь в Ленинграде… И была прощена. Но эта рана, вероятно, осталась в ней навсегда. Такое не забывается. Знаю по себе — у меня подобное произошло в детстве. Я увидела, что все мои подружки что-то там

такое пишут. И я тоже придумала себе любовь, хорошенечко ее расписала… А мама эту писанину обнаружила и так мне всыпала, так отхлестала этой тетрадочкой, которую я разрисовала под дневник, что я до сих пор помню каждый ее удар по лицу, и то, с какой издевкой она потом об этом говорила… Поэтому мне понятны были чувства Изольды. У меня вообще потрясающая способность — ставить себя на место страдающего человека.

Конечно, она безумно переживала всю эту историю… Я как раз только пришла на курс, и мы с ней еще не были столь близки, как потом. Однако я никогда так и не читала ни одного ее письма. У нас в семье это не было принято. Я знаю одно, когда у нас состоялось знакомство со старшим сыном Дунаевского Женей, у него был друг Игорь — юноша необыкновенной красоты, просто оживший Аполлон, кудрявый блондин, с изумительными чертами лица… Могу сказать только его инициалы — И. Ш., я его сразу окрестила князем Шуваловым. Учился он в Институте востоковедения на китайском отделении, и помню, как мы все хохотали и шутили, когда по нашей просьбе он произносил какие-то китайские слова. Изольдочка тогда в него влюбилась. Это было на третьем курсе. Позже он тоже стал актером. Сейчас жива его жена, актриса театра Ленинского комсомола, в котором оба они вместе работали. Мы как-то встретились с ними на Арбате, он мне ее представил, мы поговорили и расстались. Позже я узнала, что он покончил жизнь самоубийством… Ну, конечно, не после разговора со мной, а лет через десять после этого. Врачи ему поставили страшный диагноз, думаю, рак. На тот момент это не лечилось и обозначало смертный приговор. Подобное позже случилось и с моим мужем. Уже на второй день врач вынес приговор. У нас только близким говорят столь страшные вещи: «Подготовьтесь к похоронам».

В студенческие годы Изольда никогда ничего мне не рассказывала о своей личной жизни, увлечениях, не называла имен. Она только загадочно, таинственно говорила, что у нее есть друг в Питере. Туда она и рванула, когда был обнародован ее дневник. И знаю, что по поводу своих тайных симпатий она никогда и ни с кем на курсе не распространялась. Рассказала только в приватной беседе педагогам и то только потому, что

иначе бы ее исключили.

Спустя какое-то время после того, как я пришла к ним на курс, Ольга Ивановна Пыжова разрешила мне сниматься в кино — в картинах «Судьба Марины», «Запасной игрок»… (Однажды в книге Ольги Ивановны «Призвание» в списке любимых учеников я обнаружила и свое имя, чем очень горжусь). Я часто уезжала на съемки, моталась между Москвой, Киевом и Питером (Ленинградом). Чтобы Изольдочка не скучала, познакомила ее со своей лучшей подругой, которая стала ее подругой на всю жизнь. На нее я Изольдочку и оставляла. С Лидочкой Муховниной, ныне Лидией Павловной Степановой, мы встретились во время моего поступления в институт. Лидочка знает об Изольде все.

Я с Лидочкой не виделась в течение нескольких лет, пока снималась и жила между городами. Я слишком много работала. У нас просто не было времени встречаться. Помню, пересеклись где-то мимоходом, на бегу — то ли на рынке, то ли в метро. Она мне поведала об ужасной жизни Изольды, которая на нее обрушилась после успеха фильма «Сорок первый». Они все это время общались, переписывались. Она все знает и о последних годах Изольды. А также о ее доброте, характере, о безволии, которое она проявила, выйдя замуж за этого страшного человека — Бредуна.

Даже сейчас больно об этом говорить, но в жизни этой пары все было очень непросто и неблагополучно. Это я уже знаю со слов нашей общей подруги Лидочки. Видимо, Изольда ей иногда открывала свою истерзанную душу. Неблагополучный быт — однокомнатная квартирка, полученная Изольдой, на кухне ежедневно собирались дружки Бредуна — пили, курили, все время что-то отмечали. Сама она не пила, не курила, поскольку была очень болезненным человеком. Ей нельзя было этого ничего. Сейчас вдруг вплывает, что там было что-то нарушено в психике. Возможно, поэтому она и была такая скрытная, никого близко к себе не подпускала. Оказывается, у нее был совершенно больной брат. И, видно, она беспокоилась за него, опасалась обнаружить подобные симптомы в себе… Об этом знал только ее самый близкий человек — моя Лида.

Жизнь часто сталкивала нас с Изольдой лбами — ее не раз приглашали на те же роли, на которые потом утверждали меня. Так наши судьбы стали отталкиваться

на творческой ниве. Мне как-то рассказывали, что Изольда сорвалась, ей было обидно и больно… Потом по моим семейным обстоятельствам — у меня был сын и муж, мы перестали общаться. Но косвенно я всегда пыталась в силу своих возможностей ей помочь — устраивала в больницу… Словом, делала то, что обязан был сделать в подобных обстоятельствах любой здравомыслящий человек. Я этим не хвастаюсь, просто констатирую, что все пошло наперекосяк.

Вот ушла из жизни еще одна актриса Татьяна Гаврилова, которая когда-то совершенно чудно снялась в фильме своего педагога Сергея Герасимова «Люди и звери». Это был последний эпизод из жизни Изольды. Таня прибежала в Театр киноактера и бросилась к директору: «А вы знаете, что Изольда погибает. Там все время какие-то люди приходят посидеть…» Ее квартира находилась на Мосфильмовской, откуда незадолго до этого Бредун ушел к другой женщине, бросив ее, больную. И появился только после смерти. А может… и чуть раньше. Этого никто не знает. Но его поведение показалось тогда многим подозрительным. Изольда ведь погибла на пути к входной двери, словно бежала за кем-то… И по тому, как Бредун повел себя, когда узнал о трагедии, можно было подумать, что он и есть причина трагической гибели брошенной им жены. До сих пор это одному Богу известно…»

Самое счастливое лето

Из письма:

> «Славонька!
> Когда пройдет много-много лет, то я тебя буду любить так, как никто еще на свете не любил, т. е. я буду уже не я, а ты — настолько мы будем неразделенные.
>
> *Изка».*

В Дзержинском краеведческом музее есть экспозиция, являющаяся уникальной не только для своего города, но и для всей страны. Она посвящена двум талантливейшим людям, землякам — актрисе кино Изольде Извицкой и кинооператору Вячеславу Короткову.

Изольда и Вячеслав встретились летом 1951 года, приехав в родной город Дзержинск на каникулы. Она была студенткой ВГИКа, он — Ленинградского института киноинженеров. Их детство и юность прошли в этом городе. Изольда училась в школе № 2, была активной пионервожатой, занималась в драматическом кружке Дворца пионеров. До сих пор сохранились в памяти друзей впечатления о том, как она великолепно читала на школьной сцене стихи. Изольда росла девочкой живой, отзывчивой, непосредственной. Уже в школьные годы у нее были поклонники, которые провожали ее до дома и часами простаивали, карауля предмет своего обожания.

Вячеслав вырос в своем доме на улице Октябрьской. Учился в Дзержинском химическом техникуме им. Красной Армии, занимался фотографией, был общительным и открытым, веселым и мечтательным парнем. По словам его сестры Галины Евграфовны, он стремился к идеалу в отношениях. Встреча молодых людей подарила им чувство искренней дружбы и привязанности. Они проводили вместе немало времени — бродили по лугам, купались и загорали на Оке… Потом Изольда ездила в Ленинград в гости к своему Славке. Там они гуляли по великому городу, ходили в музеи и на концерты, много фотографировались. Вот как вспоминала те дни школьная подруга Извицкой Нина Зимина:

> «Слава много фотографировал Изу. На природе. У Оки. Она — в летнем платьице, в белых парусиновых

босоножках (на ночь их стирала, сушила, а по утрам чистила зубным порошком). Такая вся солнечная. Отношения их были чистыми, целомудренными. Когда надо было разъезжаться, Иза подарила мне несколько фотокарточек. На одной написала: «До сих пор лишь ты была хранительницей моих тайн. Теперь у меня есть Слава!»

Недолгой была эта любовь, навсегда оставившая кровоточащий след в сердцах влюбленных. Вячеслав Евграфович Коротков, окончив Ленинградский институт кноинженеров и получив специальность киноинженера-механика, был направлен в Свердловск, но вскоре все же вернулся в город на Неве и работал кинооператором на «Ленфильме». С его участием были сняты более 30 документальных и игровых фильмов, среди которых: «Поднятая целина», «Полосатый рейс», «В окопах Сталинграда», «Даурия», так полюбившиеся зрителям. Когда он решил стать репортером-документалистом, чтобы поехать за границу и самому снимать и делать репортажи, Вячеслав закончил еще и факультет журналистики Ленинградского университета. Казалось, что любовь и киноискусство свяжут их навсегда. Какой бы мог получиться прекрасный творческий альянс — актриса и оператор. Многие только мечтают об этом. Можно трудиться, не расставаясь — она играет, он ее снимает…

Однако все сложилось иначе, не так, как мечталось в юности. Отчего разошлись их пути-дороги и не состоялась совместная судьба… Сыграли ли здесь роль расстояние или разность взглядов на жизнь, мы уже не узнаем. Новые встречи и друзья захватили Изольду. Она, видимо, первой решила прервать эти отношения. Поэтому и возвратила письма, все до единого, вместе с фотографиями, своему недавнему адресату…

Недолгая, всего два года, но трепетная и чистая любовь в начале их творческого становления, пронизанная беседами о планах в киноискусстве, месте человека в жизни, о соответствии творческих и духовных идеалов, о том, каким должен быть настоящий человек, конечно же, не прошла бесследно для каждого из них. Вячеслав Коротков так никогда и не женился, не смог забыть свою любовь. Избранником Изольды стал другой. В ноябре 1954 года она выскочила замуж за актера Эдуарда Бредуна, встретив его на съемках «Первого эшелона». Тем самым, как оказалось, поставив крест на всей своей дальнейшей судьбе. Любовь, построенная на несчастье другого, не могла принести счастья.

Годы разлуки с любимой Коротков сильно переживал и

страдал за Изольду, зная, какая судьба ей досталась. Чем не современная история о Тристане и Изольде… Она умерла в 38 лет, прожив недолгую, полную страданий жизнь, покинутая почти всеми друзьями и мужем, от сердечной недостаточности и истощения, оставшись совсем одна в своей маленькой квартирке.

Жизнь Вячеслава оборвалась в 1973 году, и тоже в Москве, куда он приехал на съемки своего очередного документального фильма. Всю жизнь он не упускал из виду ту, что так внезапно ворвалась в его жизнь и так вероломно его оставила. Он знал о ней все. И хранил, как зеницу ока, самое бесценное свое сокровище — ее и свои письма и фотографии. Пересматривал ли он их, подписанные, как открытки, сиюминутными мыслями и душевными порывами… На них его Изка такая, какой ее знал только он, — грустная и задорная, задумчивая и нарочито-укоризненная…

Зная, как сложилась ее жизнь, он не мог не страдать, но и предложить свою помощь тоже не мог — она не просила. Если бы Изольда только позвала, он, без промедления бросил бы все и примчался, разогнал бы тучи над ее головой. Но она так и не позвала… Жизнь Вячеслава текла, как бы сама собой. Интересная творческая работа, о которой он мечтал: захватывающие поездки и съемки порой в самых экстремальных условиях. Вячеслав словно пытался доказать ей и себе, что он лучше и, если понадобится, сможет в любую минуту подставить свое сильное, надежное плечо.

А тот, кому солнечная красавица подарила свою любовь и жизнь, в это время беспробудно пил, упрекая опостылевшую своей постоянной нежностью и всепрощением жену, что мало снимается, мало несет денег в дом, убеждая ее в никчемности, чтобы хоть как-то на «усредненном» им же фоне выглядеть значимее, талантливее, неотразимее… А потом, когда вконец измученная пьянками, к которым приучил ее муж, и побоями жена вконец опустилась и потеряла веру в себя, Бредун ее оставил и ушел к другой — респектабельной, всеугождающей, без конца обожающей его «малышке». И пожил еще в свое полное удовольствие, продолжая безалаберную жизнь, прекрасно зная, что Изольда умерла из-за него, лишившись последней и единственной опоры под ногами… А Вячеслав Коротков, не в силах оставаться равнодушным, пережил любимую всего на два года. Он умер от опухоли мозга. Такова была цена его молчания и добровольной участи в тени ее жизни, бесспорное доказательство его верности и любви.

Дзержинцы очень трепетно относятся к своим прославленным землякам. «Любовь и кино» — так назвали они экспозицию. Здесь,

на единственной фотографии, влюбленные снова вместе — сидят на скамеечке, такие счастливые и молодые… А на их детских и юношеских фотографиях они с улыбкой смотрят на друг друга. Кадры из фильмов, над которыми они работали, личные вещи и автографы — на фотоснимках, на листках бумаги, на кусочке бересты — признания и свидетельства этой недолгой и искренней любви, которой суждено было все пережить.

В музее считают, что их переписка продолжалась два с половиной года — в 1951-м Изольда и Вячеслав познакомились, в 1952-м начали признаваться друг другу в любви, а в 1953-м расстались. Удивляет тот факт, что, рассказывая о любимой актрисе, земляки стараются избегать упоминания о Бредуне, объясняя это тем, что краеведческому музею интереснее представить малоизученный пласт биографии Изольды Извицкой — ее отношения с их земляком Вячеславом Коротковым.

Говорят, Изольда стала заложницей своего характера — порывиста и принципиальна, обладала большой деятельной энергией. Шалунья и озорница. Чего стоит хотя бы такая ее фраза, оброненная в одном из писем: «А если ты меня забудешь, то я найду тебя и дам тебе в ухо. Ясно?» Ей была свойственная «хулиганская» форма проявления нежности, которую она порой выражала столь неожиданно. Самокритичность и самоироничность не помогли Извицкой вовремя понять свою неправоту и защититься от чуждого ей человека.

Вячеслав по характеру был умницей и прирожденным интеллигентом. Влюбленным не суждено было быть вместе. Он заканчивал институт в Ленинграде. Потом его ждала практика на киностудии. А Изольда только начинала учебу во ВГИКе, в 1953-м ее ждали первые съемки на «Мосфильме». Когда же у него появилась реальная возможность перебраться к ней в Москву, их отношения оборвались. Грустно признать, но это чувство с самого начала было обречено. И сами ребята это знали. Потому так пронзительно звучат их письма! В них — обреченность, невозможность счастливого соединения — слишком принципиальны были сами молодые люди. Юношеский максимализм порой толкал к творческой гонке, чтобы как можно больше доказать друг другу, не зря прожить свою жизнь. В своих письмах они, как герои того же «Сорок первого», оказались словно на необитаемом острове. Вырвавшиеся на короткий срок и забывшие обо всем, но подсознательно осознающие, что скоро на их идеалистический мир обрушатся «вихри враждебные». Водоворот событий унесет их друг от друга, подальше от этого острова счастья и мечты. И им уже не суждено будет быть вместе, даже встретиться хотя бы на миг. Другая жизнь, заботы и

обязательства захлестнут их, возьмут в полон и навсегда подчинят своей фаталистической, роковой власти…

Коротков так и не нашел свой идеал. Единственная, близкая ему женщина предала, не захотев понять и простить. Он отпустил ее, навсегда разочаровавшись в представительницах прекрасного пола. В экспозиции музея представлено больше всего его вещей — они сохранились в бережных руках его сестры. И все же саму переписку, насчитывающую более 100 писем, Галина Евграфовна пока никому не отдает. Даже в музее на время выставлена лишь малая ее часть. Хозяйка не может с ней расстаться — это все, что осталось от ее Славы, в этих письмах бьется его сердце. На долгие годы старинный кованый сундучок стал надежным сейфом, хранившим романтическую переписку. Сестра не решалась его отпереть. И сделала это только по настоятельной просьбе работников музея.

Из воспоминаний Галины Евграфовны, сестры Короткова:

> «Слава закончил институт в 1953-м. В Ленинграде он проживал с 1947 года. Думаю, они с Изольдой расстались чисто по бытовым причинам — у них не было ни жилья, ни работы, ничего. После института он получил направление в Свердловск, а Изольде еще предстояло учиться в Москве. Это уже потом, через какое-то время, Слава перебрался в Ленинград. Помню, везде у него были фотографии любимой. Часто она в письмах сетовала: «Вот если бы жить в одном городе!» Однако судьба распорядилась иначе…
>
> Без преувеличения можно сказать, что Слава был очень одаренным юношей. Играл на рояле, особенно любил на баяне. По фортепиано — до войны успел взять несколько уроков у немки Адельфины Адольфовны. Когда пошли бомбежки, было не до занятий… Играл на всех инструментах, абсолютно на всех: на гитаре, мандолине, которая сейчас в музее, балалайке, скрипке, сначала на гармошке — у нас была маленькая «хромочка». Потом какой инструмент ни возьмет в руки, на любом играл. Самоучка! Все сам. Слух бесподобный был. И пусть нот почти не знал, на слух мог подобрать что угодно, любую мелодию. Перед войной недалеко от нас жил скрипач, он и у него тоже немного учился. Наша мама была безграмотной, окончила всего один класс, но всегда нам внушала: «Ученье — свет, а неученье — тьма». Видя такие способности сына и узнав, что соседский мальчик берет уроки музыки у скрипача,

отдала туда и сына. Программу, которую другие ученики осваивали за полгода, Слава прошел всего за месяц, настолько он был способный, одаренный. Потом мама отдала его учиться играть на пианино… А на гармошке — это уже у нас папа играл и родственники. Он и научил. А уж на баяне сам. И в техникуме первым баянистом был. В учебе тоже всегда был среди первых.

Детство наше прошло на пересечении трех улиц: Советской, Кооперативной и Просвещенской. На Кооперативной улице в 30-х годах был расположен Народный дом. Там показывали кино. И Слава, еще будучи подростком, пропадал там у механиков, которые ему доверяли «гонять» кино, пока занимались своими делами. Потом, участь в школе № 30, выстроенной перед самой войной, он тоже принимал участие в демонстрации фильмов. А когда открылся кинотеатр «Ударник», Слава и там был своим. С детских лет он мечтал связать свою жизнь с кино и увлекался фотографией. Когда учился в техникуме на третьем курсе, параллельно заканчивал и вечернюю школу. Потом его, как лучшего ученика, химический техникум в числе пятипроцентников отправил на учебу в Ленинградский институт киноинженеров.

У нас в семье дом всегда был открыт для всех детей. В нем постоянно находились и мои, и Славины друзья — он «кипел» детворой. Помню, когда Слава учился в техникуме, к нам ходил один мальчик из неблагополучной семьи. Папу предупредили относительно Славиной с ним дружбы: «Ты смотри, он с плохим мальчиком дружит, тот ругается…» У нас никогда такого не было. Папа завел со Славой разговор, а тот ему в ответ: «Не волнуйся! Я плохим не стану, а он будет хорошим». И, правда, тот парнишка подтянулся. К нам всегда много всякой детворы приводили и просили взять на поруки. Они вовлекались в наш дружный коллектив и исправлялись. Один парнишка, которого привели родители, потом благополучно и школу вечернюю закончил, и техникум, и институт, чтобы быть «как Слава». Весело мы жили: сами свою самодеятельность детскую устраивали. Особенно хорошо было до войны. У нас в компании были ребята, начиная с семи лет и кончая десятиклассниками…

Помню, Софья Степановна Леонова, по всей улице заботящаяся о детях, сходит в исполком, добьется денег

и на них устраивает нам чаепития. Сначала — концерт, а потом дружное сидение за столом… У меня даже сохранилась такая фотография. Соседи частенько выговаривали маме: «Юлия Яковлевна, и вам не надоел этот содом? Все время этот шум…» А она в ответ: «А я довольна. Мне это не мешает. Они все у меня на глазах».

А наш дом, и правда, «пел и шумел»: две гитары, баян, мандолина… Балалайки, правда, не было. Играли на этих инструментах, как во Дворце пионеров. Музыка звучала всегда. И люди, проходящие мимо, частенько останавливались под окнами послушать… Вот в такой обстановке мы с детства воспитывались.

У нас со Славой были совершенно разные характеры. К примеру, мама его за что-то ругает — и отчитывает его, и отчитывает… Он хоть бы полслова в ответ. Ни звука, как будто и не слышит. Только ее запал закончится, он подходит: «Ты закончила? Дай поесть». Все.

Как в каждой семье, наши обязанности были распределены: воды принести, что-то приготовить, сбегать в магазин, наколоть дров… А ему некогда, потому что у него свободного времени отродясь не было — участвовал во всех кружках, в том числе и в драматическом, состоял в комитете комсомола, выступал в самодеятельности. Поэтому, ему, скажем, надо что-то сделать, а он не успевает. Так он от меня не отойдет, пока не уломает сделать это за него. И обратится с такой лаской, такой теплотой, что отказать невозможно.

Потом Слава поступил в институт. С Изольдой познакомился. Она жила на проспекте Ленина, ближе к заводам, а мы — на Окской, на берегу реки. Городок маленький, почти все друг друга знали… Она училась в одном классе с моей двоюродной сестренкой. Они приходили к нам с Голубевой. Слава ее знал, а сдружились они в то лето, с которого и началась романтическая переписка.

Помню, как в 53-м году уезжала вместе с Изольдой в Харьков, мы вместе ехали поездом до Москвы. Слава нас провожал. Я останавливалась у нее в общежитии, потому что достать билеты было не так просто, как сейчас. Нужно было переночевать в Москве, а потом на другом поезде ехать уже до Харькова. Комната большая-большая, и в ней все эти девчонки-артистки — Конюхова и кто-то еще. Они как раз вместе учились, ровесницы все.

Веселые, жизнерадостные… Просто прелесть.

Приезжала Изольда не раз и к Славе в Ленинград, он — к ней… Когда в ее жизни появился Бредун после фильмов «Первый эшелон» и «Сорок первый», насколько я слышала от ее подруг, он пригрозил, если она замуж за него не выйдет… И она сделала этот шаг. Но жили они очень плохо. Нина Голубева рассказывала, что, когда они приезжали в Дзержинск, он обращался с ней очень грубо. И вообще в жизни Бредун был очень жестоким. Он и в кино роли такие играл.

Думаю, одна из причин трагедии Изольды — в мистике ее имени. И не смогла она с честью пройти через испытания, данные ей. Бредун был ее кармическим испытанием. Она, по сути, притянула его к себе, как светлое притягивает темное. Думала, вытянет, хватит сил его спасти, а в итоге погибла сама. Человеку дается испытание по его возможностям. Если он его пройдет — поднимается вверх, если нет — падает вниз. Демоническое начало, заложенное в Бредуне, оказалось сильнее.

Мой брат в противовес ему был необыкновенной души человеком. Совершенно другим. Очень внимательным — все замечал, до тонкостей. Все его интересовало.

После замужества Изольды они со Славой больше не виделись. По гороскопу Слава был Скорпионом — сильный знак. И по тому здоровью, которое ему дано, он прожил бы лет до ста. Но ему помешали. О его знаке еще написано, что никогда не пойдет на пролом в любви. Если его не любят — просто отойдет в сторону. Гордый очень. Так и случилось. И в то же время Слава был очень простой. Его вся улица любила — с каждым поздоровается, поговорит. Иначе, как Славочкой его никто и не называл. И Изольда такая же была. По натуре они очень подходили друг другу — оба мягкие, добродушные. С уважением ко всем относились, абсолютно ко всем.

Когда я его потеряла, лишилась не только брата, но и друга, который был ближе, чем родители и все подружки, вместе взятые. Он был старше всего ничего — на полтора года. Когда мы с ним росли, были неразлучны, как иголка с ниткой. Куда бы он ни пошел, всюду брал меня с собой. Так было и в техникуме. Я туда поступила чуть позже и даже друзей брата знала лучше,

чем своих ребят по группе, — сколько вечеров прошло в нашем доме… Позже работала техником-химиком, а затем и инженером на «Корунде».

А у Славы, видимо, судьба была такая невезучая. Когда он в техникуме учился, в 43-м году поступил, познакомился с девушкой. Ее звали Галя Тимошкина. Они встречались и долго дружили. Потом Слава в институт учиться уехал. И ему друзья написали, что она встречается с Павлом Маркетантовым, замгорисполкома. На том их переписка и закончилась. И когда Галя выходила замуж за Павла, днем получила от Славы письмо. Да такое, что волосы на голове рвала. И если бы к этому моменту не расписалась, то вряд ли бы вышла за Павла замуж. Судьба этой девушки тоже оказалась трагической. Она умерла в родах. Пришли с мужем с рынка, и ей стало плохо. Пока он побежал в больницу, которая была совсем рядом, в то время «неотложек» еще не было, Галя и ребенок умерли, не дождавшись врачей. Через год Павел вновь женился, а Слава не мог забыть ее несколько лет, пока не встретил Изольду. А когда расстался еще и с ней, уже не смог ни с кем соединить свою жизнь…

Как оказалось, во многом виноваты наши родственники, наведшие на брата порчу, его родной дядя. Заболел Слава в 1966 году после того, как они были у него в Ленинграде. Врачи так ничего и не смогли определить. Он и на съемках головной болью страдал так, что приходилось вызывать врачей делать ему уколы.

Уверена, что проклятие коснулось и Изольду. И сделано все было на них двоих, чтобы не быть им вместе. Зависть всему виной. Родственники безумно ревновали и завидовали — к профессии, к тому, что племяннику досталось от жизни столько таланта, успеха и счастья, а в возлюбленные — такая потрясающая девушка — красивая, чудная, звезда экрана. Не все могут справиться со своими страстями, порой даже самые близкие люди.

Они их погубили и даже знать не хотели, что за подобные «дела» их ожидает тяжелейший удар по судьбе, — Бог им даже детей не дал, не было у них и особого счастья, везения. А вскоре они расплатились — вслед за Славой ушли в мир иной. И это родной дядя… Я много думала об этом, не в силах постичь природу этой напасти, и вскоре поняла, что папина родня так до конца и не смога принять маму, бесприданницу. Родственники

с папиной стороны, все как на подбор, были достаточно зажиточными людьми. Они не хотели брать невесту из бедности, но папа очень любил маму и женился на ней против воли родни. В этом причина их мести. По жизни он к ней относился исключительно хорошо, и все же что-то всегда стояло между ними.

Мы с братом были крещеные. Крестили нас в церкви, которая находилась в Черном селе. Однако и это не помогло. Проклятие позже коснулось и меня, и мамы. И я, и она тоже страдали головной болью. Порой лежали «замертво». Я так мучилась, что неделями валялась, и никакие лекарства не в силах были помочь. Вылечила меня бабушка. А маму вылечили целительницы. Значит, что-то такое было…

А у Славы в свидетельстве о смерти написано «отек легких, отек мозга», затылочной его части. Когда он снимал в Москве документальный фильм, а к тому времени ему уже нельзя было никуда выезжать — он постоянно падал в обморок. Эти припадки были схожи с приступами эпилепсии, видимо, опухоль давила на мозг…

Когда я была последний раз у него в Ленинграде на майских праздниках в 1972 году, он при мне терял сознание три раза. Первый раз на полчаса. Сразу отключался, стоило ему о чем-то задуматься. Самый невинный вопрос мог привести его к подобному приступу. Не зная, я спросила: где у него партийный билет. И он отключился. Потом, когда он пришел в сознание, признался, что хорошо поспал, не подозревая, что с ним было на самом деле. Второй раз, когда ему опять нужно было что-то вспомнить, он не приходил в сознание уже три часа! Я вызвала «скорую», врач долго сидела, думала, что он вот-вот очнется, но так и не дождалась. Он пришел в сознание нескоро. И вновь очнулся довольный: «Как хорошо я поспал. Как мне хорошо стало». Потом он потерял сознание уже почти на шесть суток! Страшно вспоминать. Пять суток он полностью «отсутствовал» и только на шестые сутки пришел в себя. Мы снова вызвали «скорую». Его даже боялись брать в больницу.

Если бы мы тогда взялись его лечить у бабушек, то спасли бы. Но мы тогда об этом не знали. Сейчас, если можно было бы все исправить, я умереть бы ему не дала. Последний раз он пришел в себя, когда я всю ночь

простояла на коленях перед иконой, читая молитву Пресвятой Богородице и моля Бога, чтобы он его спас… И Слава пришел в сознание.

Вот именно по этому пути нужно было идти. Сегодня я даже благословение имею от церкви на лечение больных, а брата тогда не спасла… Сейчас я знаю, что обладаю неким даром. Узнала я о нем так: у дочки моей подружки заболела дочь. Они и в больнице лежали, и всех врачей обошли… А с девочкой все хуже и хуже, умирает. Пришли к нам, и я над ней почитала молитвы. И ребенок поправился! Так я узнала, что могу помогать людям. Когда у другой подружки племянница тяжело болела, я молитвами вылечила и ее. Сходила в церковь. Призналась батюшке на исповеди, что молитвами спасла несколько детей. И получила от него господне благословение. Могу на глаз определить болезни человека, наведенную на него порчу. Человека видно, когда он больной. Когда человек сам не свой, в лежку лежит, не знает, что с ним творится, — это на него напускается… С таким человеком всегда должен быть поясок, на котором с одной стороны — «живые помощи» (они отгоняют все), а на другой — воскресная молитва (она изнутри спасает). Его нужно всегда с собой носить в кармашке, воскресной молитвой внутрь, и дорожную иконку при себе иметь. Молиться Богородице, призывать Ее себе в помощь. Она всесильная. Поможет.

Переписка попала ко мне после смерти брата, в 1973 году. Я поехала и контейнером забрала из Ленинграда все его вещи. И этот «сейф» тринадцать лет не трогала. Потому что у нас так было заведено: не твое — не трогай. И я в него не лезла. И вот только когда ко мне из музея пришли, я открыла и всю эту переписку обнаружила. Какие поэтичные письма! В каждом из них бьется нерв этой удивительной любви. Видимо, переписка не зря выжила, пережив полвека, дошла до наших дней. Как часто сегодня приходится слышать, что настоящей любви больше нет. Те, кто так говорит, пусть прочтут эту переписку — поймут, что ошибаются…

Изольда была очень душевной, жизнерадостной, хохотушкой. В ней бурлила жизнь. Словом, необыкновенной души человек. В этом они со Славой друг другу необыкновенно подходили. Оба были такими лучистыми, солнечными людьми. Помню, как они гуляли вечерами-ночами, пропадали на реке. У него осталось

много вечерних и ночных фотографий, сделанных во время этих прогулок на берегу. Когда они расстались, Слава попросил ему все вернуть. Так у него оказались и его собственные письма, отправленные Изольде. Жаль, что оба так рано ушли из жизни… Теперь вот уже и моя внучка учится на журналиста, значит какие-то Славины гены проявились и в ней.

Начинал брат ассистентом оператора на картине «Укротительница тигров», а на картине «Два капитана» стал главным оператором. «Даурию» снимал только первую серию — ему уже нельзя было никуда выезжать, у него и от врачей была соответствующая справка. И все же он пришел на «Ленфильм», никого не поставив об этом в известность, попросил дать ему сделать документальный фильм «Москва». Хотел после съемок успеть заехать домой. В конце мая фильм был закончен, он снял его всего за неделю, хотя на работу выделили месяц. Мне он прислал телеграмму о том, что находится в Москве, на съемках. Я получила ее где-то 8 мая. А числа 12-го пришло от него последнее письмо, где он писал: «Скоро мы с тобой, Галка, увидимся, не так, как в прошлом году». Он имел в виду 72-й год, когда я заезжала к нему на майских, а ему было плохо, он сознание терял. И когда он это письмо опустил в почтовый ящик, с ним, наверное, и случился очередной приступ — он упал без сознания.

Умер Слава 15 июня 1973-го, пережив Изольду на два года. Потом, когда я ездила его забирать, заходила на «Мосфильм». И Октябрина, которая там работала и принимала все только что отснятые картины на просмотр, мне рассказывала, что, когда он пришел сдавать свой последний фильм, был какой-то сам не свой, что-то с ним было не так… Больше на студии его никто не видел. А письмо как раз пришло, подписанное той датой, когда он сдавал киноленту. Он опустил, а я его получила 12 июня. И пока не было от него никаких вестей, словно предчувствовала что-то, места себе не находила. Я приходила на работу, а в голове пульсировала только одна мысль: «Со Славой что-то случилось, со Славой что-то случилось…» А он в ту пору неделю лежал в Бабушкинской больнице — 8-го июня поступил и находился там до 15-го, так написано в заключении. Если бы у него не было перелома свода черепа, как написано в документе, если бы он не упал и

не стукнулся о бордюр, я бы еще, возможно, успела его застать в живых…»

Письма Изольды Извицкой и Вячеслава Короткова

Сентябрь 1952 г.
3/IX
Славонька, здравствуй!
…
Главное, Славка, ты ужасно гадостный. Нет! Не просто гадостный, а ужасно. Потому что если говорят о чем хорошем, то для меня все это связано только с тобой. Вот с 9 утра до 11 ч. У нас была пантомима. И играли нам отрывки из балета Чайковского «Ромео и Джульетта». Так там есть тема любви Ромео к Джульетте. Знаешь, Славка, я ревела. И опять в глазах ты — ты… Гадостный. А когда было мастерство, то Б. В. читал «Спутники» В. Пановой. И читал не саму повесть, а инсценировку, которую составил муж В. Пановой. Замечательная вещь. Главное, там такие моменты, которые были у нас с тобой. Особенно там мне близка Лена, которая любит сильно своего мужа. Она вот его любила, она была молодая, красивая, и он ее любил. Когда они расставались (он уходил на фронт), то он говорил: «Что ты тут будешь делать без меня, маленькая моя?» — А мы говорили то же самое, но про себя каждый. Это очень верно. Но она его сильно любила по-настоящему, а он ее нет, хотя и уверял ее в любви, — это выяснилось позже. Он на фронте встретил другую женщину и женился. Объяснился тем, что у него прошел угар. СЛАВКА! Я очень боюсь, что с тобой случится то же самое. Очень! Потому что больно что-то на них у нас похожи отношения. Да!..

* * *

4/IX.52 г.
Славка! Родной ты мой.
Сколько сегодня у меня слез радости: Маша пошла в деканат и выносит мне 2 — понимаешь два!!! твоих письма.
…
В общем, читала твои письма, сидя на столах в конце

коридора, и плакала. Я ожидала твоих писем, но не знала милый, какие они будут, не знала…

Поэтому они для меня явились неожиданными и чудесными.

Вдруг подходят ко мне ребята (Пархом и Данка): «Чего ревешь?»

— Да нет, говорю, это «я смеюсь».

— Что-то не похоже.

А потом Пархом выхватил письмо, но я ему сказала, что это не для тебя, и он понял все, сразу отдал.

Только, говорит, пригласи меня обязательно на свадьбу. Подарю тебе четверть водки с соской.

А потом подошел Генка, этот не уговаривал (я их ужасно прогоняла), а подошел к Пархому и велел уйти.

— Но она же плачет…

— Не надо! Это она от счастья, ведь правда, Извеныш.

Генка серьезный, он все понимает.

…

Славонька! Никогда не нужно жалеть о том, что прошло. У нас будет лучше в бесчисленное множество раз, уверяю тебя, потому что я тебя очень люблю.

…

Зачем ты сомневаешься еще в том, что то, что родилось в Облсовете, — это не настоящее. Ведь ты сам знаешь мои мучения.

…

Ты для меня жизнь, а без жизни человек не существует. Правда ведь. А «американку» я доверяю тебе исполнить, мне очень трудно, т. к. при расставании с тобой я очень боюсь за себя. Ясно!

А телефонистка очень, очень и очень слаба. Разве она может прервать наш разговор — только формально. Правда ведь, родной. Мы всегда и везде будем только вместе и ты не ошибаешься, если бы ты видел меня в эту минуту и ты сразу бы понял, что НЕ ОШИБАЕШЬСЯ.

А если ты, гадостный, будешь лентяйничать и диплом будет стоять, то смотри… Запрещаю тебе ходить в разные леса, делом займись, иначе будешь битый лежать с распухшими ушами, когда я приеду… ну уж… примочки я тебе так и быть сама поставлю на уши…

…

Слава! Пожалуйста, напиши мне, как ТЫ понимаешь о моральных качествах человека, ну, советского. Мне это

очень нужно. Очень. Ну, как тебе кажется цельный человеческий характер? Сколько сможешь. Это нужно для дела. Роль хочу играть драматическую.

* * *

6 сентября 1952 г.

Крокодил!

Вот что! Если ты еще посмеешь мне писать подобные строчки: Не надоел он еще тебе? — то я вынуждена буду приехать экстренно в Ленинград и… надавать тебе в ухи. Что это такое? Слышишь, об этом не может быть ни одного слова.

Видите ли, он сомневается меня назвать «своей» ха-ха! Значит, у тебя, может быть, еще есть… Учти Славец, что я злая и расправлюсь с тобой жестоко. Что? Скажи мне, ненормальная ты фигура, кто тебе дал право так доводить меня своими сомнениями до нервного почерка.

Убью, ей-ей — убью за слова, достойные затаптыванию, зачеркиванию и, вообще, ух! Аж не пишется, мучитель ты мой. Запомни, что у тебя, горе ты мое, всех больше прав на Изку. Она принадлежит тебе — ты это чуешь своим деревянным сердцем, да, пожалуй, его нет у тебя… мучитель…

Скажите пожалуйста, он собирается забывать обо мне… А ответьте мне, Вячеслав Евграфович, у вас что?! — это в пятилетнем плане запланировано? Ась? Нет! Поздно. Да! Да! Потому что…

Я люблю тебя так,
Что не можешь никак
Ты меня никогда,
Никогда, никогда
Разлюбить…

Ясно! Учти и навечно. Слышишь! ВО!

Заруби где хочешь. Смешно. Человек даже от этого бреда перешел на стихи в письме.

И можешь мне больше о своем сомнении ничего не говорить, а то ты меня «доведешь» до Ленинграда. Я ведь сумасшедшая — учти возьму да и прикачу с кулаками,

побью и тут же уеду.

Запомнил?

…

Приехали предки…

…

А дорогой мамка меня атаковала: пишет ли Слава? Говорю — Да! Ты уж его Изонька, не обижай, он ведь очень хороший. — Ну, Славка, я теперь окончательно пропала, т. к. уж и мамка за тебя. А батя меня в краску все вгонял, дразнился, что я очень похудела, потому что вся исстрадалась.

…

Мама и батя очень просили тебе передать привет. Вот!

…

А потом сегодня получила от Нинки заказное письмо…

…

Велит мне верить тебе, т. к. ты «самостоятельный и прочный». Вот и она за тебя… Господи! Ну, почему и Я ЗА ТЕБЯ? Ведь люблю… Невозвратимо и навсегда.

…

Мне кажется, что тебя теперь от меня также нельзя оторвать, как нельзя вырвать у меня сердце. Оно ведь твое, Славка. Как этого не понять.

* * *

6/IX-52 г.

Ведь я перед тобой, дорогой, виновата. Может, я и подлежу наказанию с твоей стороны. Дело в том, что хотела от тебя скрыть одно дело, да так ничего и не выходит. Все-таки решилась. А случилось это вчера. Сидела я на мастерстве. Читали пьесу Горького «Дети солнца». Но ты ведь знаешь, что я везде сую свой нос. И когда началось обсуждение, то появились разногласия. Если ты читал эту пьесу, то ты сам будешь в ней заблуждаться, ибо Горький здесь очень пессимистичен. Правда, он выступает против интеллигенции, но дело в народе, который в пьесе, как неопределенное пятно. Ну, вот и развернулась целая полемика. Но тут выступила Юлька. А Данка Столярская, считая себя гораздо умнее остальных, решила возразить. Совершенно

необоснованно нагрубила Юльке. Я, конечно, заступилась. И Данка набросилась на меня, заявив, что мне вообще давно уж надо молчать. Славка! Почему? Чем я обездоленнее других и ее? Наш разговор никто не слышал, ибо мы разговаривали шепотом. Но это было бы ничего, если бы она не оскорбила меня. Знаешь, Слава, я до сих пор не понимаю: «Что я ей сделала дурного?» Она считает, что я вообще должна молчать только потому, что я уже все сказала — это ее слова. Славонька? У меня что-то внутри оборвалось. Значит я — это не я, и все, что у меня было раньше, была не жизнь, а одна ложь. Да? Значит так, раз девчата (Данка, Валька) презирают меня, по крайней мере, они это показывают.

Спустя 5 минут я уже не могла, меня душили слезы. Вскоре кончилось мастерство, и я умчалась в какую-то пустую аудиторию и там проревела не знаю сколько времени.

Ты скажешь, что это малодушие? Да!! Может быть, но, Славка, я себя буквально ломала. Но вот я тебе сейчас обо всем этом пишу, а ведь сначала не хотела, а вот что я решила. Бросить институт. Потому что я не могу больше жить в подобной атмосфере. Ведь, Славонька, они во мне заглушили все-все, остался у меня только ты, один ты. Но тебя-то они у меня не отнимут никогда. Если раньше я почти никогда не была грустна, то теперь почти ежеминутно, потому что мне душно с ними. В общем я решила покончить со всем на свете и уехать, уехать на Восток, куда-нибудь.

Но потом… ты… Славка! Меня забило при мысли, что ты… как я буду без тебя, родной мой? И моментально я решила уехать к тебе, уехать от них, а на остальное мне наплевать. Но… вдруг вспомнила, что в субботу приедут предки. И все остановилось… Но, Славонька, ты, милый, понимаешь, что у меня нет никого кроме тебя, кто может успокоить меня, никого нет кроме тебя.

…

Вернулась вечером домой, и Ритка мне предложила переехать в 61 комнату на ее место. Я согласилась, потому что там гораздо уютней и у стены, вернее, в углу. Переехала. Хотела не разговаривать, но не могу… Я уже все всем простила, все. Славка! Ведь это говорит о том, что у меня нет самолюбия, что я слабенькая. Родной мой, я все это очень и очень понимаю, но я ведь человек,

а поэтому хочу, чтобы и ко мне относились по-человечески.

Мало того, Валька без конца ко мне с любезностями о тебе, ты ей нравишься. Вот так.

Если это письмо тебе не понравится, то изорви его, а то я не люблю, когда хранят то, что не по душе.

Милый, целую миллиарды раз.

Твоя Изка.

* * *

6.09.52

…

Знай одно, что если ты всегда будешь такою, какой узнал и знаю я тебя сейчас, то НАВСЕГДА с тобою буду, каким бы не был тяжким час.

…

Ты стала для меня дороже всех на свете, ты просто звездочка моя, которая была над нами (ее уже не видно в Ленинграде), когда сидели мы с тобой, а где?… — ты знаешь — ты настоящий друг мой! Да?

…

Теперь отвечу на вопрос твой, каким быть должен настоящий человек? — так спрашиваешь ты.

Ну что ж, попробую ответить, коль что не так я понимаю — ты не сердись, а тут же ты со мною объяснись и расскажи, где я не прав? Так слушай!.. Одни слова (не помню, кто их говорил) запомнились мне навсегда — сначала я тебе их повторю:

«…Черты, состоявшие из бесхитростной, наивной веры, ясного добродушно-веселого взгляда на жизнь, холодной и деловой отваги, покорства перед лицом смерти, жалости к побежденному, бесконечному терпению и поразительной физической и нравственной выносливости»…

Вот что должно сегодня в человеке нашем быть, а кроме того, чтобы строить умел он, дерзать, — быть честным всегда, творить, побеждать; любить беззаветно отчизну свою — быть сильным и смелым в своем строю. И, самое главное, помнить о том, что время сейчас боевое такое, когда нужно жить, как не жили никто, когда нужно все отдавать лишь на то, чтоб Родина наша

могучее стала, чтоб с новыми стройками быстрей засверкала заря Коммунизма над нашей землей!

Такой должен быть человек наш Советский.

* * *

Без даты, наверное, 14.09.52

Славка! Любимый мой…

Ну, вот и еще одна разлука… Сколько еще мучиться?

Понимаешь, дорогой, все мои соседи в купе бесчувственные бессердечные типы, они никогда, наверно, не уезжали от дорогого человека. Поэтому они сейчас смотрят на меня, как на диковину.

…

Одна тут уставилась и смотрит, смотрит. Она ничегошеньки не смыслит в сердечных делах. Если бы она знала, что рядом с ней сердце разрывается на куски, ее бессмысленно-любопытный взор бы сменился.

…

А за окном домики, огороды, потом пошла равнина и закат… А облака… Славка! Они были только для нас. Мне так захотелось схватить тебя за лапу, залезть в твой карман и в облака. Вот там бы нас никто не посмел разлучить. Никто!

…

Как горько на душе, что все приходится относить к прошлому. Ведь и эта 11 квартира на 8-ой Советской в 48 доме тоже относиться будет к воспоминаниям. Славка! Ведь правда, что эта квартира окончательно завершила путь наших сердец к чему-то сильному и крепкому. Ведь нас теперь ничто не разлучит…

…

Я сейчас думала, думала, почему у нас так получается? Ведь многие находят себе «половину» (смешно, правда?), многие живут с ней всю жизнь, но не все так относятся друг к другу. И бывает так, что попадается одна очень пылкая натура, а другая слабей… И — проза… Опять проза. У меня есть десятки примеров. А у нас иначе, мы, наверное, оба горячие, жаркие. Ведь, Славонька, о такой любви, как наша, пишут в книгах, показывают на сцене, т. е. хотят, чтобы она была выше и у всех настоящая. Славка! Родной! Ведь это здорово. Очень здорово, что мы нашли друг друга.

Я верю тебе больше, чем себе. Запомни это, курносый. Учти, что верю. А если человеку верят, то, значит, надеются на него, как на себя.

Смотри… Иначе я просто ошибусь не в тебе, а в себе. А это все — жизнь одного человека на земле погашена. Помнишь, я тебе говорила о том, что я определенно стану нечеловеком или меня вообще не станет. Это, Слава, серьезно, несмотря на то, что мне 20, и я люблю и хочу жить. Но жить я могу только тогда, когда со мной будешь ты и наша большая и чистая, определенно чистая любовь.

* * *

14.09.52

…

С вокзала, почти ничего не помня, добрел я до дома и первым делом, что я почувствовал, — холод и абсолютная пустота окружили меня.

…

И опять сижу в уголке своем и опять пишу о самом родном, о самом бесценном, о самом любимом на свете — Изульке далекой моей.

Которая третий уж часик
На полке второй как сидит
И думает тоже (как Славка),
О днях, промелькнувших как сон,
О том, как прекрасно нам было, родная, вдвоем…
Не могу писать я сегодня —
Все валится из рук моих,
Как тяжело мне, Изулик —
Что делать, скажи???
Может, поможет мне сон?
Спокойной ночи, дорогая!

До завтра!

* * *

15.09.52 г.

…

Вот ты мне писала на фото, что через несколько (много) лет ты будешь не ты, а я, ибо настолько мы будем неразделимы; а у меня уже сейчас такое чувство и я всем могу сказать, все, что находится во мне, принадлежит только тебе, без тебя я не мыслю и часа прожить.

* * *

15/IX-52

Родной мой!

Славка! Почти случилось то, что предполагала, а именно: много неожиданностей.

…

Приехала в институт в 10.30, никого не встретила. Но вот прозвенел звонок, и появляется Питаде, я к ней. Ведь, Слава, когда девчата так тепло меня провожали, когда, собственно говоря, они-то мне и насоветовали кучу глупостей, то я думала, что они-то верная поддержка.

Опять ошиблась. Питаде мне ничего не ответила на мой вопрос. Появились другие и все по-старому. Та же холодность, злоба и абсолютное непонимание. Я растерялась… Спрашиваю девчат, что они сказали обо мне Борису Владимировичу, — молчат. Но ведь мне-то оправдываться надо…

Наконец, одна вымолвила, что сначала сказали, что ты больна, а потом — уехала к тетке.

И опять какая-то настороженность. Я — все. У меня было дикое предчувствие, что что-то произошло, а они от меня скрывают. Спрашиваю у одного, у другого — молчат. Ребята — так тем дела мало, по-хорошему встретили, а девки зубы точат. Одна В. Дубина (Владимирова. — *Авт.*) устроила мне оптимистическую сцену: «Где пропадала, блудная дочь?» — это единственная девчонка, которая и опять! поддержала меня. Остальные шипят, что «мне вот будет», что я слишком задержалась, что ждали меня в среду. Кошмар!

Слава, меня трясло, как в лихорадке. Честное слово. Артур, так этот прошел мимо меня и убил; «Теперь расхлебывай?» Славка, я была в ужасе, но держалась в границах! Началось мастерство… Первая моя мысль —

как отнесется мастер? Они вошли, Борис Вл. молча посмотрел, а Ольга Ив. окинула меня грозным взглядом и заявила, что «без оправдательного документа мы вам не поверим», и все. На этом все. Я встала и сказала, что таковой будет. Славка, но где? Где я возьму справку, что у меня болела тетка, конечно, все это может забыться, на Ольгино мнение мне плевать, ибо она для меня не только не педагог (лично для меня), но и не авторитет. Потому так говорю, что она для меня никогда не делала ничего полезного в работе и, вообще, мы друг друга не поймем, она считает меня, по-моему, слишком самостоятельной, а ей такие не по вкусу. Но со справкой горе. Советуй живо, иначе еще не знаю, как дело развернется. Потом все стихло. Занимались показом отрывков. Я отказалась, ибо не репетировала — ничего не было сказано. Славонька, но в течение всего мастерства они так (девки некоторые) себя нахально вели (опять шепот и перешептывания). Потом был перерыв, в который я кое-что узнала. Оказывается, про меня в мое отсутствие ходили «грязные слухи», весьма уж беспредельные как о пропащей. Но какие — неизвестно. Я стала догадываться (о тебе…), но подтверждений моей догадки еще не было. Но самое ужасное то, что, оказывается, они все ощетинились на меня за то, что Борис Владимир. при распределении ролей в дипломном спектакле «Спутники» дал мне лучшую главную роль Фаины. Славка! Я-то об этом и мечтать не могла, ибо она страшно большая и трудная, а потом ее должна по мнению многих девчат играть характерная, а Изка… На эту роль хотели почти все девчата, ибо она лучше всех ролей. Славонька! Скажу по секрету, что и я очень загорелась ей, да только не мечтала получить. В общем, тугие дела. Вот они все и злятся. Я не знала, что от радости делать. Теперь мне на них плевать. Поэтому после перерыва я уже сидела в более менее нормальном состоянии. Но Б. В… (здесь и далее: Борис Владимирович Бибиков. — *Авт.*). Он вел себя, по-моему, странно. Опять та же улыбка и загадочный взгляд. А знаешь, Славка, как поглядит мастер — это великое дело. Доволен он тобой или нет? — это ведь отражается на творчестве. Но вот все кончилось. Подлетел Таллис, договорились о репетиции на завтра, потом Артур хотел мне что-то сказать, и мы договорились с ним вместе ехать. Вылетаю в коридор,

гляжу: Борис. Вл. И знаешь, Славка, что значит человеческое участие!! Его как-то даже толкнуло ко мне, я к нему подлетела и стала ему что-то лепетать про тетку, а он — знаешь, как он меня оборвал? Он сделал такой вид, что его все это абсолютно не касается, а только бы в деканате был порядок. «Обязательно напиши объяснительную записку в деканат. Понятно?» — сказал и хотел идти. Славка! Я не знала, как быть. Ведь так может рассудить только Борис ВЛ., самый умный, самый настоящий человечный человек. Я уверена, что если он что-нибудь и знал большее обо мне, то его такт не дал бы ему вести себя иначе, чем так как он пошутил.

А когда я от радости спросила: «Какую мне дали роль?», то он ответил: «Фаину. Ну что, довольна?» — и улыбнулся. Я знала, что он не будет ругать. А ведь иначе могут отнестись только люди с узким понятием о жизни, такие, как наши девчата. Помнишь, я тебе говорила, что раскроется истинное лицо курса и раскопает это сам Борис. Так сегодня и вышло. Ведь по чести, Славонька, у нас на курсе грызня, а как приходят мастера, то все становятся хорошими и особо эта Березуцкая, Столярская и им подобные! А это не так. Слишком много они же говорят, что у нас есть коллектив, а его нет. Вот Борис сегодня и сказал, что, судя по просмотру отрывков, «у вас нет глубокого коллектива на курсе, все поверхностное, а есть какие-то тонкие вещи, что мешает вам». Славка, родной, наконец-то Борис сейчас что-то понимает в нашем народе. И я уверена, что он откроет, что многие у нас не то, что нужно. Но будет поздно. А он убедится. После разговора с Б. я воспрянула духом. Да еще такая роль… Фаина. Славонька, ты не представляешь, как я, дорогой, рада. Когда поехали с Артуром домой, то он начал было рассказывать о том, что произошло, но сели в троллейбус и он замолчал. Единственно, что он успел мне сказать, что я великая дура, т. к. очень откровенна с девчатами, тем более? с нашими. И, вообще, Слава, он о них самого нелестного мнения. Короче: шла трепотня, что Изка уехала в Ленинград к тебе. Вот, дорогой. И они в этом уверены. Теперь я чудно понимаю исчезновение Риты и Вали из общежития (помнишь? я тебе рассказывала). Они, конечно, следили. Как это мерзко. А Березуцкая потому отнеслась ко мне доброжелательно, что ей нужно было занять у меня 20 руб. Ну, это совсем подлость! Вот,

Слава, а еще говорят о какой-то актерской этике и высокой морали. Единственное я не понимаю: что им от меня нужно. Что? Ведь есть же умные люди на курсе, которые трезво смотрят на личную жизнь и стараются не вмешиваться. Ведь на то она и личная, чтобы никто в нее не влезал посторонний? Ведь так?

Славка! Теперь, как видишь, родной, мне совсем будет несладко.

…

Побойчее новости: на наш курс приняли Надю Румянцеву, которая играет в «Навстречу жизни», ибо там она была отчислена во время продолжительных съемок. Кроме того, приняли Таню Конюхову, которая снималась в «Майской ночи».

* * *

Без даты, наверное, 16 сентября

Родной мой, любимый!

Ну самый чудесный в мире!

…

Слава! Именно так я думала о советском характере с «ясным добродушным взглядом на жизнь» — ведь это здорово. Но самое главное, Славонька, человек должен быть в корне честен, в самой своей середине. Все мелочи, которые мы иногда допускаем, они не опасны, ей-ей, они изживутся сами собой. А вот настоящая честность — это великое дело и еще вера в свое будущее. Не знаю как, но я хочу во что бы то ни стало сыграть сильный характер, однако здесь у меня уступает место еще одно мнение. Славонька, ты ничего не пишешь об интимных, чисто интимных качествах совет. человека. А по-моему, вся вера и честность, прямота души, трезвость взгляда, упорство и чистая откровенная настойчивость должны быть и в любви. Да, в любви к девушке или парню. Вот я представляю именно так любовь. Любовь — это что-то необъятное и горячее, горячее огня. Она не знает границ. Вот тогда она не кончится никогда, ей нельзя будет угаснуть, если эти люди будут сильные по натурам. Они будут понимать во всем друг друга. А раз будут понимать, то и любить за это еще сильнее. Я, Славонька, умом это здорово понимаю, а сердцем еще не знаю. Я просто не надеюсь на свой духовный мир, мне все

кажется, что я еще ничего не знаю, что я еще ничего не видела (грязное не в счет, хотя и через него иногда познается хорошее). Вот я люблю таких людей с сильным характером, а поэтому я люблю и тебя, любимый мой. Славка! А ты знаешь, почему я тебя полюбила? Ты — сильный. Да! Морально сильный и здоровый. Пусть у тебя были пустяковые мелочи в прошлом, но я не боюсь, что они тебя снова могут увлечь, потому что я буду любить тебя крепко и буду стараться жить так, как живут настоящие люди. Пусть, мне до этого очень далеко, но хотя маленько я могу уловить. А если я буду честной, то ты меня не сумеешь ни за что разлюбить — простая, но смелая логика, — можешь сказать. Да! Я смело говорю, потому что есть гнусная животная страсть, а есть настоящая духовная связь людей, основанная на одних началах.

Любовь ты моя, Славка. Ведь я искала тебя, красивый ты мой, всю жизнь. Именно тебя, такого прекрасного и такого сильного, обязательно сильнее меня.

Я твои черты находила в любимых героях, твои глаза видела на страницах,

…

Ты мне настоящий друг, товарищ и любимый. А быть настоящим любимым, только таким, за которого может девушка погибнуть, — это счастье. Если ты меня любишь так, да я тебя еще так же — то ведь это настоящая райская, как говорится, жизнь. Это то, что называется, «они жили счастливо»

…

У меня есть Славка, а это значит — надо мной вечно светит солнце, а с солнцем радостно жить…

…

Нет ни у кого такого. И я горжусь, что ты у меня лучше всех. И пусть смотрят, им завидно, что ты такой хороший. Родимый мой. Ну, спать пора, солнышко мое. Целую крепко-прекрепко, «как научилась».

Вечно твоя Изка.

* * *

17/IX

Здравствуй, родной мой!

…

Славонька! Я тебе приведу выдержку. Она по-моему, очень полезная. «Бывает любовь с первого взгляда, она вспыхивает, как искра и часто скоро гаснет. Но есть более сложный путь, когда человек осознает любовь через мучительные сомнения, идет не прямой дорогой, и такая любовь высекает огонь», — это сказал Корнейчук.

Славонька, любимый, ведь это похоже на нашу, только у нас еще больше: и с первого взгляда, и через мучительные сомнения. Правда ведь?

…

Теперь я должна написать тебе ужаснейшую вещь, просто страшную. Это случилось во вторник (вот почему я тебе вчера и не писала). На уроке речи комсорг вызвал меня (в перерыв) в коридор и объяснил, что в среду, т. е. сегодня, будет отчетно-перевыборное собрание, а потом вместе с мастерами будем разбирать твой поступок: самовольный уезд неизвестно куда (тетка уже не внушала доверия и вот по каким причинам). Но сначала все по порядку. Славонька! Со мной случилось что-то невероятное, я стала рыдать, как самая последняя вдова! Когда Марина Петровна (по речи) меня спросила, что со мной, то я молчала и рыдала. Она назвала меня «загадочным ребусом» или «шарадой» и успокоилась. В первый момент я решила сказать комсоргу (очень хороший латыш Таллис), что я буду молчать и ничего не скажу. Он заявил, что это глупо и что мне придется говорить. Тогда я решила отпроситься у Марины П., уехать к Борису Вл. и все до капельки ему рассказать, причем сознаться во всем и попросить, чтобы он помог мне перейти в другое театральное училище, но Мар. П. меня с занятий не отпустила. Но вот я вспомнила такую вещь, что Березуцкая и Кремнева остались сегодня в общежитии, а не поехали в институт, значит они поедут к Б. В., залезут ко мне в чемодан и отвезут ему мои дневники, да в добавок увидят ленинградские фотографии. Я решили ехать в общежитие, а потом к Бор. В. Но Мар. П. спутала у меня решительно все: она заявила курсу, что я еду к Б. В. (вернее, отпрашивалась к Б. В.). Мне стало стыдно, что я скрываюсь от курса, и я не поехала. А когда кончилась речь, то я поехала домой, всю дорогу ревела, как дурень, приехала и бросилась к дневникам — они целы: и я решила их перечитать. Да!

Еще в институте я решилась на о! на такую глупость: утопиться. Это я хотела сделать ночью. (Сейчас смешно вспоминать.) Я думала написать тебе письмо и письмо курсу и героически броситься в канал с набережной. Но когда я стала читать дневники, то я даже одетая в платье легла на кровать, но потом разделась, а в 11 часов мне уже не захотелось вставать, и вот видишь, я не утопилась. Господи — это смешно. Но во вторник мне было совсем не до смеха. В общем, я уснула, утром рано проснулась и не пошла в институт. Сначала хотела идти к 8 часам на собрание, а потом решила поехать к 3.20 на мастерство. И вот я лежала в кровати — до 10 часов, опять не могла понять, как это они (девчата) решились на чтение моих дневников. И вот я решила: пойти и рассказать честно всему курсу, все-все до капельки и предаться их суду. Славонька! От этой мысли мне стало очень и очень легко; я решила ехать на телеграф и заказать на сегодня же с тобой… но около 12 часов позвонила Валя Дубина и попросила приехать меня к 1 часу в институт на отчетно-перевыборное, которое продлится всего с 1 до 1.30. Это ведь дело комсомольское, и я поехала. Славонька, как я ехала, как у меня уже болели от слез глаза и голова, об этом не стоит вспоминать. В общем, прошло отчетно-перевыборное. С 1.30 — до 3.20 я мучилась в пустой аудитории, ибо я не могла морально идти на французский, а в 3.20 приехали мастера.

И Б. В. начал такую беседу: о морали актера. Он прочел статью Станиславского, а потом начал нас пробирать: сначала о зазнавшемся Юхтине, но потом обо мне. Он говорил, что за мое недельное исчезновение следует меня исключить, что я не должна была так уезжать, не предупредив никого. Если я девочек и предупредила, то они все равно не заступились за тебя, а лепетали что-то в ответ. И дело в том, что, выходит, меня выбросил коллектив, что трагично. Славка! Я сидела как восковая, т. к. не могла двинуть ни одним членом. А потом он сказал, что если у меня и есть какие тайники (меня не интересует, куда ты ездила), то должна была одной довериться кому-нибудь. Или мне. Но не уезжать так секретно. И если у тебя есть какие-то сильные личные интересы, то тебе, пожалуй, нечего делать в искусстве. Славонька! Он хоть и разорялся на меня, но я не чувствовала обиды ни в одном его слове, он говорил и

не серьезно, а просто что нужно было говорить, ибо такая уж обстановка. В общем, Славка, далее загорелось. И очень хорошо, что здесь были взрослые люди: Б. В., О.И., Н.С. — они нас всех рассудили, а то бы мне не выйти живой из аудитории. После его слов Валя Дуб. попросила Б. В. дать мне слово, ибо я сама просила, т. к. я не могла больше терпеть. Но, Славка, меня так било и такой глухой от волнения был голос, что мое выступление не внушило никакого доверия. Они мне не поверили. А я им сказала, что уехала к тебе, что я больше не могла здесь оставаться, ибо атмосфера не творческая и про дневники рассказала, что это злодейство читать чужие дневники. В общем я-то сказала все-все, как я думала. Я созналась в своей лжи и попросила судить меня. Когда я кончила, то было гробовое минутное молчание. Славонька! Но меня так било и у меня так дрожал голос, в общем я ничего не помню как я говорила, но некоторые не поверили. Высказалась Маша. Она заявила, что я нечестная, лживая. Потом выссказ. по поводу дневников и всякая чушь. Мастера молчали. Но, Славка, все высказывания девчат были настолько наивны, настолько детски, что мне-то противно слушать. А они говорили, что я лживая, что я ношу маску наивности, что я никуда не годная. Но вот выступила Березуцкая, которая сказала, что очень жаль, что таким людям паршивым дается все: и талант. Ведь Изке живется очень легко, в мастерстве ей раз плюнуть, мало того, что она способная (а Б. В. в своем высказыв. говорил о моих способн.), она еще на особом положении у мастеров, ее занимаются больше, чем другими, ее любят, а нас, вот, дескать, несчастных, нет. И вот, мол, кто почивает на лаврах. Знаешь, Славка, уж это выступление задело Бориса Вл. Он сначала молчал, слушал, слушал… Но вот выступил Артур, который громко говорил о своей ко мне близости, верности, но почему я в ней ошибся, почему она мне никогда не доверяла, как я ей говорил даже совсем непозволительные для девушки вещи. В общем, Славка, если все говорят о моей испорченности и маске, то ты знаешь, я растерялась не на шутку. И в слезах (я все время это плакала) я вспоминала тебя: «Так почему же Славка меня любит?» Ведь он старше их всех, он больше знает, так почему он мне не говорит о том, что я лживая, что я скрываю истинное лицо под маской?» В общем я,

Славонька, была в ужасе. Но вот зазвучал «голос справедливости» Это заговорил Б. В. Он обратился к Березуцкой с претензией, что она осуждает мастеров. В общем, Славонька, я толком не слышала, что он говорил, но только поняла, что он за меня!!!

Ведь О.И. до этого выступила против меня в защиту девчат. А Борис стал говорить о том, что это подлость читать чужие дневники и я осуждаю девушек за то, что они превратили личный мир в сенсацию. Нужно было сделать иначе: кто первый прочел мой дневник, тот должен был со мной поговорить об этом, а не оглашать всем. В общем, Славонька, Б. В. именно рассуждал так, как и я думала. А о моей маске он сказал так, что они очень наивны еще в этом суждении и что эта маска есть у всех, а у Изы она существует потому, что она хороша и обаятельна. Она поняла это, да и как не понять, т. к. об этом ей все говорят, вот она, зная это, выбрала себе героиню и выступает в ее роли. Но это не порок, что я это замечал, но не обращал внимания, ибо знал, что это пройдет у нее, как она встанет взрослей (он говорил о любви). Вот! И когда я на него посмотрела, Славонька, то он был так добр, и я поняла, что со мной он солидарен, что у меня есть поддержка. И вот начала выступать Ольга Ивановна, она после выступления Б. В. заговорила в мою пользу, что я еще очень молодой цыпленок (всего 20!) и что все это пройдет, ибо еще голова юная. Знаешь, Славка, я ей не верю. Вот не верю и все, хоть она много говорила в мою сторону, а чтение дневников чужих назвала свинством. И сказала, что в моем возрасте в дневник можно написать даже то, о чем и не думаешь. Ох! Славка! И Николай Ст. тоже за меня и против чтения чужих дневников. В общем я поняла, что мастера и Б. В. очень легко отнесся, ибо он считает, что все это глупость, т. к. он сам сказал, что девушки все это раздули и что все это не представляет никакой серьезности, просто хорошо, что вы так поговорили, но стоит кончать. И знаешь, Славонька, ребята тоже отнеслись к этому «запросто» как к ерунде. Но мне-то, Славонька, стало легко. Очень легко, что я все сказала и плохое и оскорбительное для некоторых, но они все-таки не поняли, что они не правы, ибо они утверждали, что поступили верно, раз прочли дневники. Собрание кончилось. Говорили еще о Юхтине, о Зиновьеве, который вчера был на занятии, а сегодня уже лежал в

больнице, куда попал ночью, его избили за девушку. Кончили… Стали расходиться. А я, Славонька, не знала, что делать… Я стояла у окна и терялась. Я не понимала, что за маска, о которой они мне твердили. Они выступали с предложением, чтобы я с кем-нибудь дружила на курсе (обязательно…) Славонька! Но я не хочу, не хочу, не знаю почему. А Данка Ст. считает, что я должна кому-нибудь с курса доверяться. Тогда опять заступился Борис Вл. Он сказал, что это зависит от характера, а насильно никто ее не смеет заставить. Славонька! Но как я могу дружить, когда у меня есть ТЫ и НИНКА. По-моему, этого достаточно, чтобы доверять свои тайны. А ты… Ты у меня все, и ничто не помешает мне. Ведь без тебя я не смогу заниматься творчеством. Потом ко мне подошла мой лютый враг Данка Ст. и позвала домой. А когда мы пошли в раздевалку, меня все окружили, а Артур стал просить прощение за свою горячность (что за малодушие… не понимаю, тем более он был во многом дерзок и не прав при выступлении). Вдруг навстречу Б. В. — смотрит на меня и улыбается. Я с ним попрощалась, а он… Славка! Я поняла, что он не обращает на это внимания, а главное для него работа и он понял, что девушки мне завидуют, он сам их оборвал, когда Данка мне говорила: «Зачем тебе, Изка, одевать маску, когда ты и так хороша и талантлива», а Б.Вл. одернул ее. Да, неприятно. Но пусть, как бы это ни было, но у меня было чудное настроение. Потом мы с Д. поехали, нас догнали ребята (Лешка и Володя), шли, хохотали, как будто ничего и не случилось. Потом мы с Д. захотели мороженого, каким-то макаром залетели в «Кафе-морож.» на ул. Горького, а потом я пошла на телеграф и заказала на завтра разговор с тобой, родной.

А в общежитии все иначе: они ко мне так все ласковы и внимательны. Кажется, что все теперь хорошо. Но я так ничего и не поняла. Честное слово. Знаю одно, что я, какой была, такой и осталась, только девушки для меня стали яснее.

* * *

17.09.52 г.

Ну вот, сегодня получил я новое письмо, в котором ты описываешь свой приезд и просьбы все по пунктам

перечисляешь.

Что ж? Я согласен держать все в тайне, никому не говорить, что было между нами; по телефону не звонить и в общем делать так, как ты велишь!

А может быть, и скоро мне вовсе не придется писать тебе из-за каких-то «дур-девчонок», которых так боишься ты, хоть на тебя и не похоже это.

Кто знает, может быть…

Но только я тебе скажу, Изулик, не нравится мне это, зачем бояться и скрывать, коль все давно уже решилось. (Так думается мне, а может, и не прав я?)

Единственное, что осталось у меня, так это письма милые твои, твой голос, который раз в неделю могу услышать и главное — та встреча, которая должна быть впереди.

Вот три бесценных утешения со мною были день и ночь и два последние из них хотят отнять, но спрашивается, по какой причине я не достоин их иметь?

Скажу тебе, Изулик, любить не трудно, любить гораздо ведь приятней, чем одиноким странником в пустыне быть! И я с тобою не согласен, и не согласен также я с безумством, о котором пишешь ты. Безумен был у Горького красавец — Сокол, и про него писал он: «Безумству храбрых поем мы песню!..» — и я согласен с ним.

Так буду петь и я, пусть голова моя безумна, а может быть, немного и глупа еще. Но душа… душа моя чиста и очень страстна… чем очень я горжусь и никого не побоюсь сказать, что я люблю безумно, безмятежно, как сердце мне велит!!!

На этом сказ я прерываю, так я решил ответить на письмо твое, так сердце мне мое велело написать сегодня.

Но на тебя, Родная, я не сержусь, не в силах этого я сделать…

* * *

18.09.52

Изуленька, родная, бесценная, моя…

Какая молодец ты у меня!

Ты самая хорошая, самая любимая, самая прекрасная на свете. Родная моя! Как я рад, что такая славная ты

девушка, ведь именно такую и искал я, чтоб душу ей свою открыть, с которой можно говорить о всех делах общественных и личных.

…

Так начинал писать, Изулик, перед бурей, уж больно радостно мне было после твоего последнего письма, которое я получил сегодня. А что сейчас? После такого разговора, который как несколько минут назад окончился, когда, наверное, ты не успела и в общежитие еще вернуться? Изулька! Не серчай ты на меня! Я не могу писать тебе неправду и никогда тебе ее я не скажу. Что понял я из разговора, — отвечу прямо. Пусть буду, после слов таких, глупцом и юношей безумным, а может быть, и хуже, кто знает — может быть. Но я запутался сейчас и ничего не понимаю, вся голова моя в тумане.

Ты понимаешь, я никогда ни от кого не мог скрывать того, что было на душе, когда я верил твердо сам себе. Я не боялся каждому сказать о всех своих желаниях, конечно, если это было нужно.

А если кто не понимал меня, ехидно улыбаясь, иль просто реплику бросал с завистливою рожей, я не сердился — нет! А просто говорил: ведь есть еще глупцы земные, которые, ну вот нисколько! души не понимают, — но скоро все поймут. (Не все, конечно).

Но если б кто-нибудь посмел мне запретить все то, чего хочу я, к чему стремлюсь, на что имею полное простое право (что каждый может ведь иметь), тогда… тогда я б был другим и разговаривал иначе с каждым, кто посмел такую дерзость говорить, не объяснив, что я не прав при этом.

Прости, Изок, меня, но сейчас я ничего не понимаю, отчета сам себе не могу отдать, мне непонятно: какое они имеют право самое простое запрещать? Послушная ты, даже очень?

И может быть, опять, как в том письме, придется угадать, что в следующий раз ты скажешь: «Не надо, Славка, мне писать!»

О!.. Это будет хуже бури!

…

* * *

19 сент. 52 г.

…

А еще я тебе отвечу на твой дурацкий вывод: нет! Славка! Они не хотят нас разлучить. Нет! Нет! Зачем это им нужно. А потом я тебе вот еще скажу какую вещь: что бы они ни делали: ты мой-мой-мой. Сам сказал, что наши сердца теперь слились навек. Это что-либо значит или нет? Как ты считаешь? А это что-либо значит, что я тебя люблю сильнее жизни, или тоже ничего не значит? Эх ты, Славка…

…

А сегодня день был странный… Узнала, что в большом просмотровом зале вечер для первокурсников, ну и картину будут показывать (не одну, а пятую или 6-ю на закуску, ибо она цветная), в которой я снималась в главной роли! конечно, мне хотелось посмотреть нормально, а не по кусочкам и не с режиссером. Сидела с девчатами 1-го курса, смотрели из пр-ий, ну… В общем мне стало очень стыдно, когда я увидела себя, мне стало стыдно.

* * *

20 сент. 52 г.

Вот сегодня по истории кино с утра смотрели «Веселые ребята», я не могла смотреть в том месте, когда Анюта поет о своей любви: «Было бы десять сердец у меня, все бы ему отдала».

Славка! Это мои слова, и я так хочу, так хочу, чтобы ты забрал у меня 100 сердец, мне ни одного не жаль. Ведь я люблю тебя, милый. И я так ревела, когда Анюта плакала, мне все это так понятно, даже близко, мне иногда казалось, что это у меня болит сердце по моему родному Славке.

…

Девки меня звали на вечер в «Крылья Советов», все так собирались тщательно, а я не хотела, у меня совсем не было никакого желания, и очень хорошо, что я не пошла.

…

Сейчас пришла Розка с вечера (11.30) и рассказывала безумные вещи о необузданности нашей молодежи, как она невоспитанна.

А когда я зашла после занятий в столовую, то со

мной за стол сел Юрка Белов. Зачем-то купил вина и на мою долю. В общем, приказ мой не подействовал. Потом, когда ждали 2-ю, болтали о его родных (они у него военные). А потом он стал звать меня на вечер. И странно, он ко мне опасно внимателен. Мне даже страшно опять становится, Славонька, потому что и на курсе после всей этой «шумихи» ребята опять приставать начинают. А моя серьезность уже превзошла все границы, а ничего не помогает. Просто горе.

…

А девчата ведут себя крайне непонятно. Ритка ко мне просто «льнет». Честное слово. Просто так внимательна. Даже опять зовет в 64 комнату жить, чтобы быть вместе. Я еще не знаю, что ответить, но мне идти туда не хочется, здесь лучше. Да! У нас «событие» на курсе. Артур безумно влюблен в Надю Румянцеву, ту, которая играет в «Навстречу жизни», она теперь на нашем курсе. Но влюблен он очень глупо, ходит как оболдуй, ухаживает за ней…

А я все о тебе думаю, живу только тобой. Мне даже вчера сон дурацкий приснился, но как только я проснулась и посмотрела на тумбочку, где стоит твой портрет, у меня все дурное пропало, опять появились светлые мысли. А сон очень дурацкий: как будто ты пригласил меня в кино на какой-то фильм в клуб около нашего института, а сам опоздал, да пришел не ты, а какой-то противный широкий такой парень. Я как посмотрела и говорю, что это «не ты», и парень ушел… Он был очень мне неприятен… Как я расстроилась, проснулась с головной болью. Там, во сне, было что-то еще, но я уже не помню.

…

* * *

21 сент. 52 г.

…

Главное у нас в комнате «событие». Одна девчонка из другой комнаты пришла к нам, а у нас весело, ну она и заныла: «Хочу, да хочу к вам». Меня стала упрашивать, а мне не хочется уходить из этой комнаты. Тем более, что девчата меня не отпускают. Договорились до того, что принесли 8-ю кровать, и она переехала к нам. У нас,

правда, стало очень тесно, просто очень тесно, но зато очень весело. Мы так смеялись, так баловались, что я совсем забыла о докладе, который мне делать нужно завтра, о директивах 19-го съезда.

…

Вот читала сегодня «Спутники», ей-ей мне нельзя читать о чистой любви, нельзя. Там Лена любит Даню и говорит, что никогда никто так не любил, а мне кажется, что даже и их любовь не сильней нашей, нет! нет! Ведь каждое слово, каждое твое движение, которые мне сейчас так знакомы и родные, весь ты — это дома для меня жизнь. Я, конечно, понимаю, что она (Лена) тоже так же относилась к Дане, но все-таки у них было не так сильно. А в повести есть одно из сильнейших мест, правда, он потом ее разлюбил, но она так же продолжала его любить. Мне яснее там жизнь Фаины. Она, Славонька, напоминает мне даже мою жизнь. Она сначала со всеми кокетничала, была очень легкомысленна, но когда встретила его, то она его полюбила по-настоящему. Если раньше она очень настороженно относилась к мужчинам, то теперь для нее было все равно, она любила, он был для нее всем. «Я тебя прошу только об одном — жарко шептала она в ухо! Низвецкому, — помни о моей любви всегда-всегда! Я одна, одна буду тебе настоящей женой, настоящим другом! Милый, это ужасно, я чувствую, что буду ревновать тебя до безумия!..» — это говорила Фаина. И знаешь, Славка, эти слова мои, честное слово, потому что я чувствую, как она любит его, а я все-таки сильнее.

* * *

21.09.52

Изульчик! Милый мой! Родной! Не надо на меня обижаться за письма, которые послал тебе на днях я этих. Уж очень почему-то трудно было мне, поэтому я так писал, а по-другому, наперекор своей душе, писать тебе я не могу.

От слов твоих и писем, когда ты говорила и писала, чтоб больше не звонил я и не писал на старый адрес, — мне было, как тебе сказать, не тяжело, мне было здорово обидно. И на твоем бы месте, ну ни за что на свете, не стал бы унижать себя ни перед кем, поверь мне. Но это

мысль моя, а у тебя другая, тебе видней, конечно, как вести себя.

Потом, Изуленька моя, мне непонятны те слова, которые высказывали для тебя на том собрании: «И если у тебя есть какие-то сильные личные интересы, тебе, пожалуй, нечего делать в искусстве…»

С каких пор искусство стало отвергать сильные личные интересы? Хотелось бы знать. Затем, Изулька, я в корне не согласен с словами Корнейчука, мне кажется, что тут он чуть напутал. Именно человек, идущий по прямой дороге, с твердой верой в себя, в свою любовь может действительно высечь из последней ОГОНЬ…

А все «мучительные сомнения» давно предались старине (верней, должны предаться), и с них пример нам брать не нужно.

Ведь настоящая любовь (именно любовь сегодняшнего дня) должна и отличаться от той, которая была с мученьями, не спорю — своею прямотой и верой в человека — именно в него!!! Так разум подсказывает мне, а может, ошибаюсь я?

* * *

21-22.09.52

…

Теперь об идее.

Изулик! Мне кажется так, что везде, работая ли в малом городке, на сцене, в театре, где достойные лишь могут только быть, в кино и даже в цирке, — везде полезной можно быть как для себя, так и отчизны. Понять тебе ведь только нужно, Иза, что ты артисткой будешь. А это значит, что всегда ты зажигать людей должна своей игрой, своею правдой. Ты жизнь им настоящую должна преподнести как на ладошке, понимаешь?

Ведь ты учительницей быть должна не только для детей, а даже для седых и стареньких людей. Ты научить должна их правде, честности, любви и чтоб понять могли они, как нужно жить, как нужно строить и творить, как можно в обществе полезным быть. И чтоб по-настоящему они умели любить, смеяться, а иногда и погрустить.

Ты винтиком должна быть, но только не в машине мертвой, а в душе, душе народной. А отсюда — цель твоя

ясна. Понятно? Об этом все.

* * *

22.09

Славка, родной, здравствуй!

…

Была на просмотре 2-х фильмов: «Большая жизнь», 1-я серия, и «Оборона Царицына» — великолепные фильмы, столько народности, а главное, жизни.

…

А потом был политчас, на котором я должна была делать доклад. Политчас теперь ведет у нас Б. В. и поэтому дело поставлено очень и очень серьезно. А я вчера не готовилась, как я тебе уже писала. Почитала директивы по сельскому хозяйству сегодня утром в трамвае, прочитала еще на политэкономии и вышла «халтурить». Передо мной доклад делал Артур по директивам в области промышленности. В общем Б. В. сказал, что доклады сделаны добросовестно, но нет главного: на каких возможностях можно осуществить указания съезда в области промышленности и сельского хозяйства и какая сверхзадача нашего народа. Правда, это уже чисто актерский подход, но каждый ответит, что построение коммунизма и есть сверхзадача. Потом началось мастерство. Первый раз читали текст «Спутников». Это что-то волшебное. Б. нам сказал, чтобы мы читали слова почти что по складам, без всякого отношения к образу, ну мы и читали. А первую, самую первую фразу произношу я: «Вон интересный молодой человек!» — это было страшно, конечно, у меня ничего не вышло, перечитала еще раз, но потом за мной включились остальные. Знаешь, родной, было такое состояние, что чего-то мы ждем такого, которое должно вот-вот появиться, да нет! Невозможно рассказать о первой читке. Вот сегодня Б. много говорил о настоящей любви, и я, конечно, сразу обращаюсь к тебе, и вот он говорил, а мне казалось, что у нас все это уже давно было, а теперь выше. Ты знаешь, Славка, я даже боюсь, ведь так сильно бывает редко, а вдруг у тебя пройдет (ой, трясет), и, кажется, сейчас будет Трубная, мне выходить, допишу в троллейбусе. Ну вот, я и в троллейбусе, а здесь трясет еще сильнее.

…

Б. говорил о любви и когда он говорил о том, что бывает очень редко (например, любовь с первого взгляда), то я видела, что у нас все именно это редкое. И мне было очень хорошо, я даже гордилась, что ты у меня такой достойный и у нас получается по-настоящему. Но он еще сказал, что «нужно за что-нибудь любить». Вот этого я, ей-богу, не понимаю, я не знаю, за что я тебя полюбила и люблю, не знаю. Но только знаю, что пожар в моей душе никогда не погасить. А еще он говорил, что нужна общность интересов, что от этой общности интересов любовь уже перерастает саму себя и между любящими устанавливается чистая настоящая дружба. Этого я тоже не понимаю. Умом понимаю, а сердцем нет. Это, очевидно, в старости. Нет. Это пока к нам не относится, потому что у нас любовь + дружба

Дружба + любовь

Я тебя люблю больше жизни…

Ясно, курносый!..

Но я все-таки тебя спрошу: «Как ты меня любишь? Для себя или…»

Ответь, Слава, это важно. Ведь нам с тобой жизнь жить, и чтобы ты не говорил после, что пусто она прожита. Славонька, уже Арбат проезжаю, скоро выходить.

* * *

23.09.52

…

Изонька! Ответь мне на такой вопрос, может быть, ты знаешь? Почему меня всегда спрашивают или, вернее, задают мне вопрос люди из искусства, умные: «А ты не ревнивый — у тебя хватит силы и воли на то, чтобы иметь жену актрису?» А я и не знаю, что и отвечать. Затем продолжают: «А сильная ли она в душе, может быть, как большинство?» Ну на это (второе) я знаю, что говорить, а вот на первое — понятия не имею.

…

* * *

24.09

Славка, любимый мой, здравствуй!

…

У меня паршивое настроение, хочется реветь, но я еду в трамвае и, следовательно, этого делать нельзя, пишу тебе, и у меня постепенно все начинает проходить — это успокоение, но, как напишу письмо, то опять вернется прежнее настроение.

Но я начну все по порядку, хочется, чтобы ты понял меня, дорогой. Сегодня было мастерство, началось в 3.30. Сначала репетировали «Спутники», а потом «Три сестры». Но об этом ниже, я тебе главное, что меня сейчас так возмущает. В 7 часов Б. В. сказал, что будет читать нам новую пьесу, которая еще даже нигде не вышла, а только отпечатана с подлинника. Называется «Страницы жизни» Розана, но об этом ниже. Суть не в этом. Но в 6–7 часов Б. В. дал Лешке П. денег и велел купить в буфете на весь курс поесть. Понимаешь, Славонька, он так уж делал не раз. Ну, многие уже к этому привыкли и принимают, как должное, а я вот не согласна. Правда, все хотели есть и ни у кого нет денег, но бывают дни, когда мы не едим по 12–15 часов, а ведь сегодня все были в 1 час в столовой и опять. В общем Леха купил, кажется всем по французской булке, колбасы, чай; в общем, Б. В. велел всем идти в буфет, и все пошли. Мне было неудобно, но, оказывается, не только мне одной. В буфете, когда ребята приготавливали все на столы, Валя Березуцкая и Маша Кремнева стояли и о чем-то говорили, а когда я спросила, то, оказывается, они были того же мнения, что и я. И мы решили не есть, убежать, переждать, пока ребята поедят, а потом втихаря прийти в мастерскую. Мы подождали в раздевалке, а Маша с Валей все доказывали, что это очень и очень нехорошо со стороны ребят есть на деньги мастеров. Маша даже поклялась, что ни за что этого делать не будет. В общем мы пошли в мастерскую, нас встретил Б. В., он-то не знал, что мы не были в буфете, а ребята еще никто не пришел из буфета, кроме Генки. Генка подошел ко мне и заявил, что я поступила нехорошо, что не пошла есть. Я ему сказала, что у меня есть деньги, чтобы самой купить поесть в буфете, в общем мы с ним все равно не договорились, он только меня предупредил, чтобы я не наигрывала, как Березуцкая, потому что я все равно не права. Но и не это,

Слава, важное. А когда пришли ребята, то посыпались упреки, почему мы не были, а Ритка принесла сверток с бутербродами на нас троих и положила на окно. Славонька, но ты пойми только все так, как я поняла, все это очень мелко, мещанство, но я не понимаю, зачем так делать. Когда Б. В. кончил через 2 часа читать пьесу, и мы стали уходить домой, то Валя Березуцкая потихоньку взяла этот сверток, и уехали они домой. Славка! Мне ничего не надо, мне эта булка теперь в рот не пойдет, но зачем так говорить и совсем по-другому делать. Это все ужасно мелко, и даже об этом не хочу и говорить, но ведь если бы они были честные девочки, то они так не поступили бы, по-моему. Славонька, ты, может, будешь думать, что меня интересуют всякие мелочи, но ведь поведение человека иногда и определяется именно в мелочах. Не знаю, но меня это ужасно расстроило. Какая ерунда, булка с колбасой, ведь и сейчас пойду и куплю (трясет здорово, я уже еду в троллейбусе), но зачем так делать, Слава, я не понимаю. Думала, думала и просто не могу прийти ни к какому выводу. Просто нечестно и мелко с их стороны. Конечно, мы сделали большую глупость, что не пошли есть, ведь весь курс пошел, но я это себе прощаю, потому что вот молодость именно и способна удивительно на всякие глупость. Но зачем обманывать. Слава! Ну как даже после такого пустякового факта я могу верить в то, что они хорошие. Ужасно. Ответь мне, милый, или, может, у меня заскок от трудного дня и я глупости думаю. Но меня это сильно возмущает. А репетировали «Спутники» здорово. Главное, Славка, у меня теперь появляется капельная-капельная надежда, на то, что что-то получится. А раньше я думала, что Фаина из меня не выйдет, да еще девки… Они считают, что это реально только для Ритки, она же умирает по этой роли… Я сейчас злая, Славка, и пишу глупость. Но о читке я напишу, что помню. Эта пьеса написана одним московским драматургом, который еще написал «Ее друзья». Пьеса очень слабенькая. После читки у нас развернулась полемика. Мне пьеса не особо понравилась, вернее, там есть живые места, но вот вся очень мелко. В общем, все спорили-спорили, разругались. Но в общем она очень и очень инфантильная. Славка! Но там очень верно и правильно сказала Наташа, когда он спросил ее: «За что ты меня любишь?» — а она ответила: «Не знаю за что; наверное,

за то, что я тебя нашла». Мне очень понравилось — а почему, знаешь сам. Ну хватит, целую, родной. И чего ты не звонишь, я скучаю. Я сейчас не могу пока звонить, а ты звони, родной мой. Целую (знак бесконечности 3 раза).

Твоя Изка.

* * *

24.09.52

…

Любимая! Мне очень нравятся твои письма, ведь иногда я даже для себя нахожу что-то новое в них, полезное. Мне очень нравятся (почти) все твои смелые мысли, правота твоих суждений, твой простой и живой язык письма и все, все. Именно такой я тебя и мыслил всегда, умница ты моя.

…

Изуленька! А на твой вопрос отвечу: люблю я тебя, милая моя, именно для тебя. Я хочу, чтобы ты была самая счастливая и не считала потом, что жизнь твоя прожита бессмысленно. Для тебя я не пожалею ничего. И мне очень хочется, чтобы ты была настоящим человеком, с своей открытой прямой душой, смелой логикой и с чистой любовью, которая, наверное, действительно в далеком будущем перейдет в чистую настоящую дружбу, а это, по-моему, будет все равно, т. к. без любви не будет чистой дружбы. В общем, Изульчик, какая ты есть сейчас (самая хорошая), а в дальнейшем будешь в тысячу раз лучше.

* * *

27.09.52

Здравствуй, Изонька!

«Сколько лет, сколько зим?» — где же твои письма? Неужели надоело тебе писать? Тогда очень и очень плохо, для меня, конечно.

Или с тобой что случилось, любимая моя, почему ты молчишь? Заболела, может быть? Уже прошло целых 3 дня после получения твоего последнего письма, даже

четыре.

Да! Бывают в жизни злые шутки…

По-прежнему целую.

Твой Славка!

* * *

27.09.52

Здравствуй, дорогая Изонька!

Сегодня я, наверное, «сдурел» и сам не знаю почему?

С утра, как и вчера весь день чертил, а днем, к вечеру ближе, принесли письма, но… только не мне, а Анне Степановне — а мои, думаю, тогда определенно заблудились? И решил написать тебе несколько строк, ну и написал, да напрасно — вечером и от тебя получил 2 письма. — Спасибо, Изуленька.

А впрочем, нет — наверное, не напрасно — ведь целых 3 дня я прожил без твоих писем, а мы так не договаривались? Настроение, Изульчик, нехорошее какое-то, делать ничего не хочется, ничего не интересует. Даже в кино идти не охота. Да еще погода дурацкая — день и ночь дождь, ни на секунду не переставая — никогда не было такого серо-черного неба в это время. Весь день спать хочется.

* * *

27.09

Славка! Родной мой, здравствуй!

…

Слава! Ты написал очень своевременный вопрос: «А ты не ревнивый — у тебя хватит силы и воли на то, чтобы иметь жену актрису?» Это очень и очень своевременно. Я тебе пока своего мнения не напишу, а все доподлинно опишу о характере нашей вчерашней репетиции по мастерству с Б. В. Репетировали «Спутники», говорили о личных отношениях между мужчиной и женщиной и в частности о браке. Я буду вставлять небольшие комментарии.

Данилов женат, но смотрит на брак как на службу, т. е. жена должна быть у него в том же числе событий,

как работа, пища и жена. Для него жена и брак — это необходимость для мужчины, хотя он ее не обижает (перечитай, Слава, «Спутники» Пановой, только после диплома). Другой пример доктор Белов — для него жена Сонечка — это цель его жизни. Он безумно хочет, чтобы только она была счастлива, он знает, что рядом с ним всю дорогу идет тоже человек. Он об этом знает. Б. В. привел пример обо одной актрисе Клаве Хабаровой, которая кончала у него. Это пример брака между актрисой и человеком неискусства (он инженер). Этот человек любит Клаву глупо, вернее это нельзя назвать любовью, он ее ревнует ко всему. Он не понимает, что у его жены есть еще духовный мир! (подчеркнуто 8 раз. — *Авт.*)

Он не отпускает ее или устраивает сцены, когда ей нужно ехать на съемку. Это не любовь (я вполне согласна, ибо считаю, что жена — это друг не только, которой дали материальную сторону жизни, но и духовную. И тебе об этом тоже нужно подумать.

А еще такой пример несогласия между женой и мужем: Данилов приводил свою Дусю на вечер, но там он сажал ее в симпатичное общество, а сам оставлял и весь вечер проводил в разговорах с другими людьми (нет! Не с женщинами). Ему с ней было скучно, он кроме домашних вопросов ни о чем не мог с ней говорить, а она была только дома, работать он ей не разрешал (я против того в корне, ибо от домашнего хозяйства притупляется человек), а в наше время существует столько условий, которые облегчают труд жены. Многие мужья и этого не понимают. В первую очередь жена — это товарищ, по-моему, это тот же товарищ, какой она была, когда еще юноша и девушка дружили, но только они будут ближе и, конечно, пыл и страсть с годами должны пройти (это определенно), но если пылкая и страстная любовь между ними не выльется в новое более жизненное явление, то они никогда не будут счастливы. Повторяю, что жена-домохозяйка — это гибель! А обычно начинается с ревности к работающей жене, он запрещает ей работать и она становится домашней хозяйкой — а он по существу «квартирант». Поэтому, чтобы думать о браке (не о формальном — расписка, а о человеческом), прежде всего нужно проверить друг друга, это бывает, конечно, годами (я лично с этим не согласна, можно проверить человека не только годами, а одним каким-

нибудь серьезным случаем). И жизнь будет основываться так, чтобы у жены была своя духовная жизнь, и если у нее не будет своих личных интересов (по работе), то не будет счастливого брака, муж скоро отойдет от нее и встретит другую женщину, ну, например, на работе, у которой будут такие же цели, как у него (по работе), а людей, конечно, сближают одни цели и одни задачи, а тем более в семейной жизни. Слава, я лично могу сказать о любви матерей, они любят по-настоящему, эта любовь вечна, потому что они живут только для ребенка и любят не себя в нем, а любят для него, только для его счастья — это ведь заказано природой.

Поэтому настоящая брачная жизнь тогда прочна и нужна обществу, когда отношения людей складываются так: если любовь на определенном этапе (приходит с возрастом) не переходит в более новое качество (дружба душ), то брак разваливается (не формально, конечно, а человечески), а это все основательно только на человеческой духовной жизни. Есть в «Спутниках» — Супругов, для которого семейная жизнь страшна, потому что он не понимает и не хочет понять духовный мир окружающих людей. Да! Еще бывают подобные браки (на это способны Супруговы), когда нужен формальный брак, ибо без него нельзя продвинуть свою карьеру (поездки в дальнее плаванье, за границу). Славка! Я тебя не боюсь и говорю тебе все-все в лицо, только предупреждаю, что все, что я тебе написала, — это тоже моя точка зрения на семейную жизнь. Я считаю, что когда мы поженимся, а это будет определенно, то не должно ничего измениться, кроме того, что должны мы с тобой духовно расти и расти, — это будет настоящая человеческая жизнь, жизнь советских людей, я считаю так. Вот и все, что я тебе хотела сказать. А еще вот что о моей силе воли. Слава! Я обращаюсь к тебе как человеку, потому что в первую очередь я должна видеть в тебе человека, а не ангела, ведь в жизни все сложнее, чем представляется. Так вот: я посвящаю свою жизнь искусству, но искусству советскому, даже такому, какого еще нет! Пусть мы об этом только мечтаем, пусть, но нужно всегда надеяться на самое лучшее, потому что с верой в лучшее всегда лучше живется, разве это не так. Да? Сейчас артистический мир еще не тот, и он долго-долго будет не таким, каким должен, но ведь в жизни очень много хорошего, и мы должны вбирать в себя это честное и

хорошее. Я могу сказать о своей силе, что умом я за это отвечаю, но знаю одно, что я могу сделать с собой все-все-все, абсолютно все, что захочу. Если я не смогу владеть собой, Слава, то тогда нужно будет выкинуть меня из артистического мира, здесь не нужны слабые люди, потому что наша профессия — это профессия больше слез, чем радостей. Вот так ты можешь за меня отвечать. Слава! У меня к тебе, родной, большая просьба: пойми меня так, как здесь написано, ведь я тебе все говорю честно. Я лично считаю, что это не какие-то теоретические выводы, а об этом надо говорить. Я очень буду ждать ответа. Ты, пожалуйста, не вступи после этого письма на малодушный путь, что Изка к тебе охладела и все… Нет! Я это все говорю потому, что очень-очень тебя люблю и, знаешь, Слава, хочу, чтобы ты тоже меня так же, как я, любил меня, и не только сейчас, а всю жизнь, а жизнь — это сложный путь, много будет бугров и кочек, и если мы будем понимать друг друга, то нам ничего не будет страшно. А наоборот, я буду знать, что рядом со мной идет человек, которым я в любом деле могу заменить себя, которому не только я отдала себя всю, но и он сделал с собой то же самое. Вот, Славка. Конечно, может, это письмо и не похоже на остальные мои письма, здесь Изка серьезнее, но, Славушка, ведь я ничего не могу скрыть от тебя.

Славонька, пойми меня правильно. Эх! Славка, время уже около 12, а мне еще ехать целый час к 1.20 в институт.

…

Вчера в «Трех сестрах» я читала за Ирину. Так хорошо. Девки говорят: «Б. морочит голову всем, никому не дает эту роль, а читают за нее несколько девушек, ведь давно всем ясно, что на Ирину подходишь только ты!». И мне очень хочется ее играть. А потом стали читать новую пьесу. «У самого синего моря» — это такая муть, что была прочтена только 1-я глава, а потом мы с Таллисом репетировали «Медведя». Славушка, такая прелесть, главное, у меня появилось на миг правильное самочувствие: мне Смирнов — Таллис стал противен, так и нужно, что я его прогнала на другой конец стола. А потом, когда я приехала домой… Да! Забыла, репетиции нашей мешал Нищёнкин, он все приставал поцеловать меня в щечку — «вот гад»! Я ему, конечно, обрезала на это. Понимаешь, до чего подло, его девушка (Надя

Румянцева) только 2 часа назад уехала в Ленинград (на съемку), а он уже распустился — неужели всегда так бывает. Противно.

А дома вечером мне Юлька рассказала для меня ужасную историю. Есть у нас на курсе Руфка, ребенок ребенком, кривляется, ломается, живет одна в Москве, мать где-то на Востоке (вроде сидит — вообще непонятно). Ну, никогда ничего не подумаешь. А на последнем курсе режиссерского есть Глеб Нифонтов, его я очень хорошо знаю, он еще давно доверял мне все тайны, он сам говорил о таких вещах, и он год назад любил одну девчонку. И вот вчера мне Юлька говорит, что Руфа и Глеб так далеко зашли, что уже поженятся. Нет! Слава! Этого тебе не понять, потому что у меня сейчас нет ни времени, ни бумаги объяснять тебе, но меня это сразило. Как после этого верить мужчинам, ему 30 лет, он страстно любил Асеньку, как он мне говорил, и еще как, что и вдруг здравствуйте. Славушка! Это для меня был из ребят единственно солидный честный человек и вдруг… Меня очень возмущает. Конечно, если у них настоящее, то чудно, но я просто тогда еще много не понимаю.

…

Ведь мне 20, и я еще многого не понимаю, поэтому во многом буду еще сомневаться, и ты, если любишь меня вечно, то помоги мне разобраться в жизни.

Целую, родной, всегда твоя Изка.

* * *

28.09.52

Изуленька! Родная, Здравствуй!

Погода сегодня ничего, дождя нет.

…

Время 7 часов, за городом я был, Изулик, — немножко «халтурил». Описывать не буду, Изонька, о прелести природы, скажу одно — чудесно выглядел сегодня парк, за все 5 лет впервые видел я его таким. Тебе, любимая, я шлю листочки, которые я там сорвал (листочек один так и лежит в письме с надписью «Любимой Изоньке! Ленинград»).

Изонька! А мне сегодня про Свердловск подробно

все рассказали. Одна девушка, которая оттуда, а здесь она занимается (спортсменка, одна из тех, которых я сегодня «щелкал»).

Со слов ее мне здорово понравился Свердловск.

Зима там настоящая — сибирская, которую люблю я, а лето, как у нас в Дзержинске, и главное, дождей почти там не бывает.

…

А потом нужно и то сказать, что мне очень нравится операторская работа. Сейчас читаю книгу «Работа съемочной группы» — так нравится мне вся работа, которая на студии идет. Главное, все там очень интересно — каждый день может приносить самые неожиданные, интересные вещи.

…

Изонька! А бояться ты ничего не должна! У нас еще так с тобой будет, ну как ни у кого не было. В триллиарды раз лучше, чем было этим летом. И у нас с тобой, милая моя, будет всегда, всегда так, как сегодня (при условии, если ты останешься такой, как сейчас). Навсегда.

Люблю я тебя, умница ты моя, ведь ты же радость, Изулик, моя.

Когда я тебя не знал, то я и жил, и чувствовал как-то совершенно по-другому. Каким-то я пустым, беспечным был, и мне все было нипочем. И главное, я был всегда один (о! это очень тяжело), ни с кем не мог я чувствовать себя свободно, мне не с кем было говорить. Но успокаивало меня лишь то, что думал я: «Неправда, когда-нибудь и со мной будет то, что страстно так ищу».

И я нашел, Изулик, милый мой. Мне больше ничего не нужно и ничего я не хочу, как только одного, чтобы ты была со мной всегда! Пусть даже иногда мы будем и не вместе, но это ерунда, ты все равно ЛЮБОВЬ МОЯ, и это точно, как 2 Ч 2 = 4. Ты самая бесценная для меня.

…

Солнышко мое, ты парус мой! Завтра трудный день у меня — с утра писать, чертить, затем в военкомат сходить — билет офицерский получить, ведь нас произвели всех в офицеры, смешно!

А вечером иду к Вл. Мих., неужели я напрасно все дни сидел?

До свидания, кто знает, может быть, в Москве не только в ноябре, а раньше.

Как мне скучно без тебя, если бы ты только знала, неужели так будет все время?

* * *

28.09

Родной мой, Славонька, любимый!

Как мне сейчас хочется быть с тобой, как скучно и тоскливо одной, я даже всплакнула, потому что не могу я без тебя, родной.

…

Вчера после того, как написала на почте тебе письмо, поехала в институт, где попала прямо на движение (акробатику).

Славушка! Сейчас передают 2-ю рапсодию Листа — чудо! А мне реветь охота, слезы так и бегут. Почему всегда хорошая музыка ворошит самые глубокие человеческие струны, хочется самого дорогого, я хочу к тебе, хочу крепко-крепко обнять моего самого лучшего в мире Славку и поцеловать так, чтобы ты сказал: «Да! А ты умеешь целовать». Хочу!!! А рапсодия все продолжается, переходит в бешеный вихрь — прелесть!!! Вот! Опять эти мощные аккорды — чудесно!!! И легкая танцевальная музыка переходит в лирическую, медленную… ух! Задохнуться можно… А вот опять вихрь!!! — Все. Славка! Какая это волшебная вещь. А сейчас будет цыганская песня из «Кармен»… Ой! Славка, умру я, родной мой, так тоскливо без тебя, солнышко ты мое…

Продолжая день субботний. Потом была пантомима. Пока ничего ни у кого не выходило, а у меня тем более (Славка, просто писать не могу, Александрович поет: сердце мое так разжигает, рвется оно бедное к тебе, любимый, родной мой. Славка! Я ведь с ума схожу, ей-богу. Нет! Тебе не понять моего состояния), потому что я ведь пропустила много и не проходила самих элементов и все-таки (передают любимую Нинкину арию Арлекина из «Паяцев» — чудо! — «любовь пылает огнем горя и мучает меня…» — как это верно, черт возьми) — продолжаю, и все-таки делала девушку в «Застольной», сказал, что правильно, но ведь этого не достаточно. Но вот Александр Александрович (по пантомиме педагог) попросил повторить старые вещи, а я их не делала,

вернее только один раз. Стали делать «Бабу-Ягу», ну я и попросилась: мне разрешили, хотя и предупредили о том, что мне еще рано! Я взбила кверху волосы, намотала платок на голову, а когда зазвучали взбалмошные аккорды шагов бабы-яги, я влетела. В общем все смеялись, а когда все кончилось, то А.А. сказал, что правильно и хорошо, и ребята говорили, что Баба-Яга была мировая: дикая и красивая, но в то же время страшная. (Славушка! Прервусь. Принесли письмо от Галки. Сейчас прочту.) Славушка! Какое письмо! Какое! Прелесть! Пишет о нас с тобой. Ведь я ей написала, что я была в Ленинграде, знаешь, Славка, от Галки я ничего не могу скрыть. Она, конечно, переживает за нас, только почему ты им не пишешь, она мне об этом написала и просила тебе передать привет: о Ваське пишет, что он как лев теперь на всех кидается. Мировой стал. У меня настроение поднялось.

…

А сегодня в воскресенье поехали с Розкой в баню, только я вернулась, меня к телефону. Подхожу: Миша! И умоляет меня, чтобы встретиться с ним. А Миша — это художник-дипломник. Ему уже за 30 лет и он очень серьезен. Он секретно от всех пишет одну актуальную картину «семейный разрыв»! Так я ему еще прошлый год позировала для жены (сюжет: разрыв между женой — легкомысленной женщиной и самостоятельным мужем). Но прошлый год у него ничего не вышло…

Как он говорит, у меня очень положительное лицо, из меня трудно сделать отрицательный образ, но психологически (в глазах) я даю именно то, что ему нужно.

…

Пришлось согласиться.

…

Писал 2.5 часа, измучилась я, т. к. после бани у меня голова болела, да еще сиди тут неподвижно в определенной позе так долго. Но вот стемнело, и он опять меня не написал. Договорились встретиться в следующее воскресенье. А потом пошел на улице дождь, и я сидела поэтому у него, пока он не кончился. Сидела — болтали. Я ему рассказывала о тебе. Он меня зовет «Наташенькой», ибо уверяет меня, что это и только это имя мне подходит, потому что я очень русская.

…

Славонька, а как ты? Тебе скучно без меня? А? Вот Галка пишет, что она чувствует, как мы безумно влюблены друг в друга, и пишет: «Если он любит тебя, то будет стремиться к тому, чтобы вам быть вместе, и если ты его любишь, то вы будете вместе», — это правда? — Славонька! А она меня тоже зовет — «Изулька» — нет! Ты просто не можешь представить, как у меня все бушует в сердце.

…

Да! Ты — жизнь моя! Это так же точно, как день сменяется ночью, и я ничего не боюсь, только бы ты меня понимал, а надеяться ты можешь на меня, как на самого себя, любимый мой. Славушка! И это ведь совсем неважно, если мы будем часто вдали друг от друга, ведь мне еще учиться долго, правда? Ведь правда говорится, что расстояние не разрушает любовь, наоборот, расстояние и км только укрепляют настоящую любовь, правда, Славушка??

Родной мой! Ведь если даже что и случится со мной, ты не отвернешься от меня? Ты в первую очередь должен понять, проверить, а не молча оставить меня, ты должен узнать и поправить меня, да, поправить. Славка! Ведь я верю тебе, родной. А помнишь, ты говорил, что в случае чего ты просто отойдешь от меня. Славушка! Ты будешь не прав. Потому что со мной ведь ничего не будет, но ведь языки… Славушка! Ты должен меня понять.

Ну, прощай, родной.

Целую, милый мой, бесчисленное множество раз. Самый хороший мой, любимый, родной мой, только мой!

Твоя вечно Изка.

* * *

Без даты

…

В коридоре встретила Машку, она меня соблазнила не ходить на политэкономию, мы с ней забрались в пустую аудиторию и «мечтали» о героических ролях. И «намечтали». Открою тебе тайну: решили взять отрывок из «Отелло», сцену убийства Дездемоны. Это сейчас абсолютно секретно, знаем только трое. Думаем, что что-нибудь получится, т. к. желание дикое.

…

Славонька, нас тянет на героику, на сильные чувства. Да и в конце концов уже 3-й курс, чего бояться.

…

Только сейчас закончилось мастерство. Чудное было сегодня время… Очень интересное. Очень интересное. Главное, говорили о «Спутниках», о «Врагах», о «Трех сестрах».

Борис хитрый, Славонька, он на роль Ирины еще никого не назначил, и когда я ему сказала, что мне очень нравится Ирина (третья сестра), то он сказал, чтобы я присматривалась к этой роли. Ого! Это уже хорошо. А еще, Славка, мы с Таллисом взяли Чехова «Медведь». В общем работы куча.

Но сегодня сказано было еще одно, над которым я здорово задумалась. Дело в том, Слава, что я раньше была очень и очень великая дура. Так вот что Борис говорил об идее человеческой жизни. Что каждый человек должен иметь идею в своей жизни, именно для чего он живет. Я, Слава, задумалась не на шутку. Раньше я тоже знала, что у человека есть цель, но цели бывают разные. Вот! Мне хочется, чтобы у меня была настоящая цель, понимаешь, настоящая. Но я не могу в себе разбираться, хочу тебя спросить. Ведь ты, Славка, у меня единственный.

И потом, Слава, я не могу от тебя ничего скрыть, ни грязных, ни чистых сомнений. Потому что мы с тобой должны будем вдвоем разбираться в жизни, ведь мы нашли друг друга, а потому я и спрашиваю у тебя ответ. Слушай. Раньше я многого не понимала в цели человеческой и знала, что настоящей цели у меня нет. Понимаешь, я сама сознавала, что цели у меня полноценной нет. Правда, меня все интересовало, но как будет в будущем, как я должна по-настоящему жить, я над этим не хотела думать. Я была чистой мещанкой. Знаешь, Славка, у меня даже осталось это в какой-то степени сейчас. А именно: мне и сейчас хочется хорошо жить. Но сейчас это не то. Вот я представила, что я все: и обеспечена, и Славка со мной, а что дальше?

Что дальше? Это меня мучает. Но вот во мне иногда просыпается такой интерес, вернее, мысль: уехать куда-нибудь далеко в маленький город, где совсем обыкновенные люди, рабочие простые и там им, самым простым и обыкновенным, играть на маленькой сцене,

играть хорошие вещи и показывать хорошее, лучшее в жизни, и мне так хочется зажечь их этим хорошим. А когда я возвращалась бы домой, то со мной был бы только мой родной, мой красивый и самый любимый Славка, образ которого я буду проносить через все сцены и экраны в своей душе.

Вот, Слава, я тебе раскрыла то, что меня уже давно мучает. Теперь ответь мне: это цель в моей жизни настоящая или это очень узко и мелко? А? Конечно, можно играть и в Московском театре, можно сниматься в кино, но я почему-то морально этим не буду удовлетворена. Потому что это очень будет баловать человека, а я этого боюсь, боюсь всех этих денег, всяких похвал, ибо, Славонька, я это уже отчасти испытала. Ей-богу, это очень угнетает человека, он начинает успокаиваться. А я — нет. Я хочу все переиграть такое, что поднимает человеческую душу. Вот, открою тебе тайну моих долгих лет: я люблю Джульетту, но не потому, что эта роль восторженно всегда принимается зрителем, не потому, что это красивый образ, а потому, что эта девушка умеет как никто сильно любить. И знаешь, Славонька, я это понимаю только теперь по-настоящему, ведь раньше ее любовь к юноше представлялась мне абстрактно, а теперь… Когда я представляю, как она ласкает Ромео, я чувствую твое дыхание, твои глаза, и ты… Нет! Славка! Ты демон, честное слово. Вот Борис говорил о любви, что только тогда любовь полезна, когда она помогает творчеству. Да! Славка! Ведь здесь в Москве ты мое вдохновение. Моя мечта — это ты, а осуществление ее: играть на сцене так, как подсказывает мое к тебе большое чувство.

…

Дело в том, Слава, что сейчас во мне происходит коренной перелом, я сама это чувствую очень хорошо.

…

Встретила комсорга (Таллиса), он объяснил, что он «срывается» с политэкономии на просмотр в старое здание, и пригласил меня. Ну мы и отправились. А смотрели режиссеры 3-го курса, а я их не особо уважаю, потому что уж больно пристают: то да се, хорошенькая, глазки, щечки — противно. Но т. к. я была с Таллисом, то под его «покровительством» я решила посмотреть фильм «Иван Грозный», 1-ю серию — и опять, как когда-то давно, этот фильм произвел на меня чудное

впечатление. Потом был политчас, проводил Б. В. — ничего существенного не случилось, и потом мастерство. Читали (все еще читаем за столом «Спутники»). Ничего у меня с Фаиной сначала не выходило, потому что Б. категорически запрещает играть, велит просто читать, строя по логике фразы. А это скука ужасная, эта логика, но потом, когда пошли сцены Фаины и Юлии Дмитриевны, то мы с Руфкой (она — Ю.Д.) не сдержались и стали играть, немного подняло дух, Б. уже ничего не сказал, ему, наверное, самому надоела логика. А потом были «Три сестры». Знаешь, Славушка, вот с Ириной у меня лучше, я ее чувствую, особенно в отношениях с Тузенбахом. Сегодня Б. сам мне сказал: «Ну-ка, Изольда, прочти за Ирину» — уже вторую репетицию… И все-таки, Славушка, а вдруг мне не дадут эту роль… очень хочется играть. Она меня тянет к себе потому, что в Ирине очень много благородного, а во-вторых, она мне очень понятна тем, что вот она не может полюбить, у меня ведь до тебя, родной, было такое же состояние, я этим мучалась. Она и говорит, что «я как хороший запертый рояль, ключ от которого потерян», чудная она! И в то же время она простая, земная, избалована близкими, есть в ней и отрицательные стороны, но положительные превосходят.

…

И начались у нас репетиции самостоятельных отрывков. Я ведь, Славка, запарилась, честное слово. А у меня лично нет своего отрывка, все меня ребята приглашают к себе. Когда после мастерства пошли с Артуром попить в буфет, то ко мне подошел с нашего курса Валька З. и со слезами на глазах стал умолять меня, чтобы я согласилась играть с ним в отрывке из «Вишневого сада» — Аню, а он Трофимова. Я не могла отказать, хотя это для меня был уже 5-й самостоятельный. Отрывок, а это очень много, потому что все роли трудные. Но отказать было нельзя, потому что он просил слезно ему помочь, ибо он находится в институте на «птичьих правах», его ведь отчислили, а потом с грехом поставили трояк и оставили, теперь ему как никому нужно много и сильно работать. А с ним приключилось дело: он на днях попал в какую-то грязную историю, его избили так, что он лежал несколько дней в больнице, теперь он много пропустил, приходится не только наверстывать, но еще и

показываться в соответствующем свете, чтобы хотя бы тройку оправдать. Ну, он мне все это объяснил, и я не могла ему отказать, ибо это с моей стороны было бы великое свинство, если бы отказала. А потом, Славушка, репетировали с Артуром «Доходное» — ничего не выходит. Видно другой отрывок «Из доходного» — так этот идет чудно. С Астрой играем, она Юленьку, а я Полиньку. Самочувствие такое, как надо, по-нашему правильное.

Но самое главное — это «Медведь». Славка! У меня так разыгралось настроение после этой репетиции, что даже когда возвращалась домой, я, не смотря на дождливую погоду, с Таллисом шли до остановки трамвая, а доехали почему-то необыкновенно быстро до дома. А дождь сильный, но мне даже и погода по душе была, Славушка, так чудно прошла репетиция. Сначала у нас с Таллисом ничего, ну ничего не выходило, особенно у меня в первой половине, это очень трудный образ (Славушка, сейчас по радио передают вальс Хачатуряна из «Маскарада» — великолепный, он мне почему-то напоминает нашу вечернюю Оку, помнишь мы с тобой сидели над Окой на бревнах, помнишь, родной. Как мне еще хочется так посидеть вместе, только вместе. Любимый.) Но продолжаю. Но вторая половина у меня вдруг загорелась, и уже не сидела на месте, меня носило по мастерской, во мне уже сидел какой-то бес… Мы могли так репетировать до ночи, но был уже 9-й час…

…

А потом Таллис меня провожал до трамвая, и мы откровенно с ним болтали, он мне еще давно рассказывал о себе, о своей семье. Он — латыш, и мать его очень предана своей вере, она против того, чтобы Таллис был не только комсомольцем, но и артистом, особенно она не хотела его отпускать в Москву, она хотела сделать из него просто хорошего семьянина. Но он не из таких. Но сейчас дорогой он мне рассказал о себе, как ему трудно, она ведь ему не помогает, как тяжело без денег. А потом говорили о тебе, он расспрашивал, что ты сейчас делаешь и где будешь работать. Я ему сказала, что мы со Славкой поженимся, он сказал, что так и должно быть, но только, говорит, нужно, чтобы он там работал, чтобы ему не приходилось разлучаться с тобой надолго. Хороший он, честный и главное культурный. Вот я не знаю почему, но на курсе я

могу довериться (конечно, не во всем) только Юльке да некоторым ребятам. Знаешь, Славушка, ребята чуткие, сразу все поймут, а девчата завистливы. Ей-богу. А Юлька очень хорошая, я ее зову «Бархатные реснички» — у нее такие они пушистенькие-пушистенькие и кажутся бархатистыми.

…

Здравствуй, гадостный! Опять пишу, но уже утром. Ты меня здорово разозлил, зашла на почту и мне подают от тебя тоненькое, как скелетка, письмо. Правда, я знала, что ты такое пришлешь письмо (ты звонил), но не легко предполагать подобные его размеры. Ты — гадостный! Славка! Ты легко поддаешься… А вдруг тебе насплетничают, ты, значит, сразу поверишь? Да? Ведь я пишу тебе каждый день.

…

А ты пишешь «сколько лет, сколько зим…» или «Да! Бывают злые шутки… да еще в жизни» — я тебе за эту фразу так в ухо влеплю, когда приеду, что забудешь ты навсегда подобные мысли. Славка! Зачем ты меня обижаешь? Разве я буду над тобой шутить, да еще зло… Нет! Честное слово, ты не подумал, когда отправлял подобное письмо. Сознайся, не подумал?

Но когда пишешь даже такое короткое, то думай и гляди вперед, а живи именно тем, что есть, это настоящее уже завтра будет не таким. Ясно?

…

Я не очень стала любить речь, а сейчас читаем прозу — такая «проза»? Главное, ни у кого ничего не получается (а еще эта Марина Петровна: хорошая она, но сумасбродка великая). Вот! А потом будем петь… А потом, наверное, нет!

Я ведь агитатор, сегодня в 5.20 будет семинар для агитаторов, просвещать нас будут.

* * *

29. IX.52

…

Говорят, что беззаботность — это великая вещь для души. О да! И многие говорят, что во мне это есть. А в душе у меня творится… короче, беспокойство за тебя…

Твоя Изка.

* * *

30.09.52

Изуленька! Родная, Здравствуй!

Ну вот дождался я письма, в котором ты ответила на интереснейший и своевременный вопрос. И очень хорошо, что люди подсказали мне задать тебе его, который выглядит теперь иначе и, может быть, укажет правильный наш путь, как дальше быть? Мне кажется, что я тебя стал по-другому понимать, как раньше, еще в начале нашего знакомства (я говорил об этом). Сейчас ты подтвердила мои предположения, которые похоронил с большим трудом я там, еще в Дзержинске. Ну, а сейчас они опять передо мной. Тебя я понял очень хорошо, Изулик. Что ж я могу тебе ответить, Изонька, представь себе — не знаю. Лишь только повторить опять все то, что думал прежде, как смотрел на жизнь и представлял себе любовь и дружбу двух людей. Добавить больше ничего я не могу. Об этом говорилось много, очень много — могу сказать еще одно, что ты меня не поняла, что очень жаль. Таким, какой сейчас, я останусь навсегда, и думать больше не хочу об этом, что предлагаешь мне ты. Ведь о себе, Изулька, я тебе подробно рассказал, пора бы знать тебе не только внешне, но и внутренне меня. А комментарии твои, Изулик, «удачно» бьют меня. Странно?

Бесспорно, очень много мыслей твоих я разделяю, но… далеко не все.

…

Ну вот, Изуленька, как будто все. Все новости свои тебе рассказал. Как никогда, с тобой мне хочется сегодня говорить, и если бы не диплом, то был бы я на полпути уже к тебе. На путь же малодушный я не встану никогда, пока не вижу я способностей в себе к нему.

Неужели у нас с тобой, Изулик, все было сном, а письмо твое явилось пробуждением.

Письмо твое серьезно!!

До свидания, Изонька!

Целую тебя крепко, крепко, ведь больше никого я не могу так целовать. Ты ведь единственная у меня.

Всегда твой Славка!

…

* * *

30.09-1.10.52 г.

Вот уже 12-й час и как всегда я не могу не написать тебе, иначе я не усну. Родной мой! Мне очень и очень сейчас не по себе, дело в том, что дело с той неделей, когда я пробыла в Ленинграде, все еще тянется. А тянется оно потому, что декан сейчас у нас не настоящий, а просто его заменяет, и он не знает, как поступить. Сегодня он меня встречает и говорит, что я вам не верю, потому что некоторые говорят, что вы ездили неизвестно куда: ну, а я говорю, что последний выход поговорить ему с Б. В. Он согласился.

…

Просто не знаю, что делать, ведь они имеют полное право меня выгнать из института. Не знаю просто, я так волнуюсь, какая-то внутренняя дрожь.

А день в институте начался русской литературой. Это такая смерть. Читает наша Марья Абрамовна ужасно, нельзя уловить мысль. Я так устаю от нее (она очень много говорит), что стала сегодня читать на ее лекции «Войну и мир». А потом была речь. Славушка! У меня настроение ужасно падает, когда речь, ибо Марина Петровна очень и очень бывает нетактична. А еще и это, пожалуй, главное, что сейчас весь курс их сидит на 3-х отрывках, весь курс их читает, из прозы, ужасно надоели и потом ведь каждый читает. Но никто не может услышать слов одобрения. Как не читай, все не так. Я ей уже давно читала, она сказала, что ни одной живой интонации, сегодня вызвала опять читать «Огоньки» Короленко. А передо мной многие читали разное, и вот мы никто не можем от нее понять, как нужно читать, потому что если нам нравится, то она совсем бракует, если ей нравится, то мы ничего не понимаем. Поэтому, естественно не знаешь, как правильно читать.

…

Вызвала меня. У меня было очень и очень ленивое настроение, очень не хотелось читать. Славушка! Ведь я все равно знала, что ничего не выйдет. Думаю: а, была не

была — и прочла. Она говорит, это очень правильно по логике. А ребята орут разное: кто хорошо, кто говорит, что не несет идеи, а Генка, наш главный критик, говорит, что ему понравилось, что очень хорошо. Мне-то самой ничего не понравилось из своего чтения. Потом я пошла петь, и Александр Петрович поднял настроение. Он такой огромный и говорит басом — мировой дядька. Дал мне петь русскую песенку про соловушку, объявил, что я совсем не умею петь, а умею орать, и что я буду петь и у меня очень хороший тембр, и что это ценность иметь тембр. В общем, он меня спас от грусти.

…

Нас отпустили в столовую. И вдруг подходит к нам Мишка (с нашего курса) и заявляет, что его пригласили играть отрывок из «Свои люди сочтемся», где участвуют Валя Березуцкая, Маша (Леночка) и он, Подхалюзин. Юлька так расстроилась… и вот почему. Она еще раньше взяла оттуда (из «Свои люди сочтемся») отрывок этот и пригласила Мишу и Валю; Валя отказалась, а теперь взяла этот отрывок, но на Леночку взяла не Юльку, а Машу, свою подругу. Как это называется, Слава? Да, это подлость. Тем более, она поступила как плохой товарищ: отказалась от отрывка, отказала в помощи товарищу, но и не учла такое положение, как у Юльки. Если Юлька к ней обратилась за помощью, то она из-за такта не должна отказывать, потому что Юльку ведь отчислили и оставили условно. И поэтому она из-за человеческой тактичности не должна была брать этот отрывок. Ну а Юлька, очень расстроенная, подошла к Вале и сказала, зачем она так делает, а она отвечает, что разве нельзя играть один отрывок в 2-х составах. Вот ведьма! Тут вмешалась я, сказав, что Юле очень обидно, почему ты отказалась. Ну мы с ней сцепились, а Юлька не выдержала и ушла из столовой (мы уже поели). Валька заявила, что у меня «политика», — не знаю я, что это такое. Кончилось тем, что мы с ней теперь вряд ли будем разговаривать. И вообще, Славка, я не переношу ее, просто она мне очень неприятна, вот самая неприятная со всего курса. А эту неприязнь я питаю к Вале уже с 1-го курса, зазнайка она, но умеет перед нужными людьми превращаться в козочку. В общем нам с ней не сжиться.

…

С Юлькой говорили о мужественных людях и о тебе. Юлька говорит, что твой Славка наверное не

мужественный, потому что он очень хорошенький… Ну я, конечно, поставила тебя на твое мужественное место. Я права? А?

* * *

30. IX-1.X— 52 г.

Славушка!

Радость моя! Какой ты чудесный! Ведь я люблю-то тебя очень и очень сильно. Получила от тебя письмо, любимый мой, хотела ответить, но выбрала время только вечером. Славушка! А как хорошо ты сказал, что «без любви не бывает чистой дружбы». Да, родной! Любовь — это великая вещь. Она мне во! Как помогает работать, помогает, пусть помогает, ведь ты целый день со мной, хороший мой, и весь день ты только со мной, но ведь я с тобой и говорю.

* * *

1.10.52

Изонька! Родная, солнышко мое, здравствуй!

Изонька, сначала я не хотел тебе писать подробно, но сейчас попробую начать.

До встречи слишком долго ждать. Изулик! Ты не представляешь, с каким трудом читал я строки серьезного письма.

…

А если я тебе когда-то говорил, что мне нужна «расписка» для будущей работы, ведь это, Изонька, лишь только потому, что во-первых: мне очень интересно было знать, как отнесешься к этому сама ты, а во-вторых, скажу открыто, считал, что это для меня причиной будет не для того, чтобы иметь хорошую работу, а чтобы быть с тобой всегда. Но это было просто в мыслях у меня, о претворении которых я еще не думал со всей серьезностью тогда.

Сейчас мне очень стыдно за слабость глупую свою. Решил лишь твердо я одно, что ты со мной всегда должна быть, неважно рядом или нет, особой роли это не играет, а почему? — опять могу тебе я повторить.

Мне, Изонька, не 20, а 25, за это время мне много

попадалось на пути различных девушек, но… в них не видел я души, я их не понимал и проходил, не причиняя зла обеим сторонам.

…

Лишь в книгах и в кино, да кое-где еще увидеть можно то, что называется любовью. И так я думал до тебя. Даже и когда тебя восьмого встретил, несмотря на то, что ты меня со слова «здрасть» уже «убила» я все равно не думал, что для меня ты можешь стать всем тем, что я искал. Привык считать я все миражом и думал, что все это один обман, мимолетное влеченье, — вспыхнет и погаснет через день, другой.

Посмотрим, что же получится. Проходит день — по-прежнему, второй — опять все то же, чувства я ношу в себе, третий, пятый… месяц, приходится подумать: «Как же это так, ведь раньше ничего подобного и не случалось, а почему сейчас во мне горит пожар?»

А дальше… все в огне. Что ж ты на это скажешь, Иза?

Подобного я ничего не знал, не чувствовал и даже верить перестал, что можно полюбить, да так, что жизни никакой не жалко для ЛЮБИМОЙ. Но только, чтоб любимая была (как я считал всегда) не из таких, как многие «фи-фи», которые лишь могут говорить: «хачу в кино на первый ряд», в театр, конечно, в партер, а дома после возвращения, или вообще, лишь муж переступил порог — «ты идиот! — не любишь ты меня нисколько, вся извелась с готовками и разной дрянью — ты истукан! Ты не подумаешь о том, что «Фифочка» твоя не может в шляпке без пера идти со своей подружкой!»

И про мужей, которые («Фифочек») боготворят (немногие, конечно, чьи взгляды можно отнести немного лет назад): «Ты посмотри-ка, дочка-то у нашего соседа нашла себе такого, что ни пером не писать и в сказке даже не сказать. Вот это да, любовь у них, как раньше, право, ей-ей. Сейчас и не найти такой. Все дни она лежит, себя ничем не затрудняет, по 5 раз на день ведь гуляет и муж… Ей ничего не говорит, наоборот — все для нее»

Другая ей в ответ: «А как же иначе быть, на то и муж он — она, жена, так же говорит. Уж раз женился, так живи и исполняй любой каприз жены. Ты муж и помни это вечно — ведь не напрасно я, конечно, тебя нашла, чтоб утром рано мне вставать и на работу со всех ног бежать, как было прежде. А сейчас, что я хочу, ты должен

сделать. Ну а теперь — ты поцелуй и приласкай меня».

И он целует. Какой милок?

— «Не жизнь, а рай?»

Я не с луны пример привел и не со старины далекой, а с настоящего, с людей, которые живут не в книгах, а напротив в доме, с молодых, которые недавно поженились.

…

Жизнь — это горный ручеек, всегда себе найдет он правильное русло, выходит, он умнее некоторых «дураков» (хотя ему не сладко это достается).

Противоположность тому, что описал я выше, нашел в тебе я, милая моя.

Изуленьку мою по-настоящему люблю, ценю и никому и никогда я не отдам ее. А если и случится такое, то что же буду делать я? — наверное, сойду с ума.

Ты для меня дороже всех на свете, я дня прожить не мыслю без тебя — любимая моя, хорошенькая, Изуленька, бесценная моя!

И в мыслях я представляю, что в будущем ты будешь еще краше, чем сейчас, ты будешь настоящим другом (я верю в это), с которой можно будет не только радости делить, но и печали, все трудности совместно — все переносить.

Домохозяйкой ты не будешь, не будешь также «неженкой»-женой — ты будешь настоящим человеком — другом, перед которым будут все дороги настежь, — иди, пожалуйста, любой, никто тебе не скажет слова, коль безошибочен твой будет путь. Но помнить ты должна, что не одна ты, а с тобой находится такой же человек, как ты, с которым ты должна считаться, ведь путь-то и задачи с которым будут общие — не только делать счастье для себя, но и для людей, с которыми живешь ты, которым нужно все отдать, что можно, чтоб и они могли сказать: «Мы счастливы — спасибо ВАМ!»

* * *

1.10

…

Влетать мне уже стало с 11 часов утра. Но сначала о пантомиме. Была с 9 утра пантомима, разучивали из «Гамлета» — вступление, интермедию Короля и

Королевы. Музыка бетховенская и играть немного нужно по-нарошному, так что мы все были в восторге. Но на речи все упали духом. Потому что нужно сдавать гекзаметр, а для этого нужно было работать, а нам абсолютно некогда. И знаешь, Славушка! Сегодня у нас на тему речи был спор с Марией Петровной. Она умный и проникновенный человек, но одного не учитывает, что мы живем в общежитии, всегда ставит в пример Булгакову и Питаде, потому что у них всегда отработаны и стихи (вслух-скороговорка), и гекзаметр. Ну, это, Славушка, вполне понятно, потому что для голоса нужна обстановка, а мы живем в общежитии, где нельзя вслух читать стихи или упражнять голос, а они (эти девушки) имеют свои квартиры, это очень много значит. Марина этого не поймет.

…

А в перерыв забежал один режиссер с 3-го курса и велел мне прочесть «Гамлета», они ставят его, а Офелии у них нет, вот они решили просить мастеров наших, чтобы они отпустили меня, не знаю, как это будет, но я думаю, что Б. В. согласится, а мне очень хочется сыграть Офелию, все-таки это великий Шекспир, нужно все пробовать, пока есть возможность, в институте. Правда, Славушка? Но главное не это, я дрожала сегодня как заячий хвост, ждала результата о моем пропуске, я ведь знала, что Б. В. приедет и пойдет в деканат (я, конечно, решила с ним не разговаривать, положилась на волю божескую) и Широков — леший бы его побрал — будет, конечно, сверяться, как да что, насчет моего прогула, и главное я не знала, как к этому отнесется Б. В. Но вот началось мастерство, вошли мастера, а мои глаза не смотрят, я их опустила и уставилась в пол, а потом взглянула на Б. В., а он смотрит на меня. Господи! Но в его взгляде ничего нельзя было определить, что очень жаль, и так никаких признаков, я думала, что он в перемену мне что-нибудь скажет, но он все шутит со мной, и, что бы я ни сказала, какую-нибудь глупость, он все приходит в восторг — что такое? Но после «Спутников» стали беседовать по поводу «Трех сестер». Вдруг вваливается этот самый Широков, у меня сердце ускользнуло в пятки. Но он пришел относительно какой-то пьесы поговорить с Б. В., потому что Б. В. ведь сам пишет и поэтому они все с ним беседуют. Ну у меня отлегло от сердца…

А, черт возьми, не боюсь ничего, ведь страшнее смерти все равно ничего нет страшного.

Очень интересно было сегодня на лекции по французскому языку, главное, на этот предмет, Славушка, ходят всегда только 5–6 человек вместо 25, сегодня было 5 ребят да я. Я пришла первый раз, еле-еле разыскала аудиторию, где сидела наша француженка, а сколько было смеху.

Ребята — никто, кроме Генки, не могут даже читать по-французски, не только знать перевод. Она в дикой злобе орала на нас, а мы с Генкой играли в щелчки в нос. Потом она выгнала Белова, потому что он вел подсчет щелчков.

…

А после мастерства начались репетиции. 1-ой была — это «Вишневый сад». Мы с Валькой Зиновьевым говорили о любви Ани и Пети и опять ты! Ведь любят человека именно за что-то новое, что он несет в себе, чего нет в других, Аня Петю полюбила именно за то, что он стремится среди всего этого дворянского удушья к счастью, к «яркой звезде», как он говорит, это было абсолютно новое в той обстановке, где воспитывалась Аня. И она полюбила Петю. Я подумала, а почему я полюбила своего Славку, чего такое новое ты мне открыл; а теперь я знаю, Славушка, ведь ты лучше всех и поэтому я осознала какую-то радость, правда, эта радость сейчас безумная, но это-то и хорошо, правда, родной мой. И потом, нельзя говорить о нашей любви словами, правда, она очень и очень понятна нам обоим, а через нас всем будет понятна, пусть завидуют. А это есть. Я сегодня смотрела на тебя (на фото), а Артур подлетел и подсмотрел… глаза у него сразу стали грустные, и он тихо отошел в сторону.

…

Вот уж и не верю я в его любовь к Наде, это и оправдывается. Дурень он, если бы ты знал, как пристает к девчатам и по-старому лезет с «нежностями» ко мне. Фу! Он гадкий, Славушка, честное слово.

* * *

3.10.52

Изонька! Милая моя! Самая красивая, самая

хорошенькая моя!

Пришел сейчас домой и опять от тебя 2 письмя. Какая ты умница у меня — ты понимаешь, Изульчик мой дорогой, ведь я по-настоящему счастлив, ты мне заменяешь абсолютно все, я не могу прожить минуты, чтобы не подумать о тебе — миленькая моя, Изуленька.

Изонька! Пиши мне скорее, какой результат будет после разговора Б.Вл. с деканом. Я очень волнуюсь за тебя, милая моя, — пиши тут же, как получишь это письмо, но только, пожалуйста, не делай никаких глупостей — слышишь, Изулька. Я это тебе говорю совершенно серьезно. Ты не должна забывать, что у тебя есть Славка, который очень и очень любит тебя.

…

А с какой радостью, с каким волнением читаю я твои письма, если бы ты только знала, я каждый вечер читаю твои письма. Безумно я тебя люблю. Будь умницей, Изульчик, не делай глупостей.

* * *

4.10.52

Изуленька! Дорогая моя, здравствуй!

Изуленька! А сегодня 4-е, скоро и 8-е будет, какой это хороший день, самый лучший, правда?

Тебя я с ним и поздравляю. Почему-то сегодня целый день я вспоминал о хорошем лете, нашем Дзержинском, которое столько нового, столько светлого внесло в мою жизнь.

И сейчас передо мной тот облсовет, лестница и Изонька, моя любимая, еще тогда, не мог пройти я мимо. А сейчас и говорить не приходится. Ты самая дорогая для меня.

…

И у нас с тобой все будет хорошо, хорошо. Вот кончишь ты учиться, и тогда никогда с тобой не будем расставаться. Слышишь ты меня, Изонька, родная — любимая моя.

* * *

4.10.52

Изуленька! Любимая моя! Здравствуй!

Ну вот я и чертить закончил и даже раньше, чем предполагал на целых 2 часа. В понедельник с утра на завод поеду, чтобы показать — ведь они мне сами в тот подельник заказали их. А вообще здорово будет, если через месяц эти прессформы будут на прессе отщелкивать детальки, на которые, если раньше требовалось времени больше минуты и целые часы, то сейчас то же самое будет получаться за секунды. Во здорово, правда?

…

* * *

5.10.52

Изуленька! Дорогая моя! Остался ровно месяц, и ты опять будешь сидеть в вагоне поезда, который вновь на Север тебя унесет.

…

Завтра утром, Изонька, тебе я высылаю 100 руб, чтобы ты, при случае, могла купить мне тапки, рижские, 41 р. К праздникам, если, конечно, ты найдешь их.

…

* * *

6.10.52

Изуленька! Милая моя! Здравствуй!

Только что вернулся из кино, Изулик: Глинка бесподобен, об этом знают все и мало этого — он гениален, он талантлив, он душа людей всех русских, он — ЭТО НАРОД.

Но чтоб его талант, его любую нотку показать, чтобы она смысл глубокий раскрывала, чтоб души всех людей перевернуть умела, — для этого не малое искусство надо, и только НАШЕ РУССКОЕ, СОВЕТСКОЕ, которым так блестяще овладел наш Александров, сумел все раскрыть.

Искусство показывать искусством — ЭТО ЗДОРОВО. Ты только посмотри, Изулик! Какие люди там — богатыри, какой простор, свобода, сила духа предков наших; какие мысли, думы, чаяния людей и как они

похожи на нас сегодня, наших замечательных людей, которые, бесспорно прототипы: деда-самоучки, который без высших знаний, а своей лишь головой додуматься сумел, как просто можно церковь передвинуть. А душа, какая у него душа… один лишь взгляд его показывает, что это человек просторов русских, человек добра, который против зла, не хочет ничего плохого. Но если тронешь ты его, рассердишь, то — берегись. На зло врагов ответил он жестоко — в Париже он знамена их топтал и нам он завещал: коль будет повторение такое, то вы, мои сыны, ответьте так же всем врагам, как мы!

Так взгляд его нам говорит. Жаль, что увидеть он не может, каким сейчас стал наш народ, какими стали советские простые люди; за 35 всего лишь лет, которые сумели догнать и перегнать большие страны капитала и нос утереть. Увидеть бы ему реальных, сегодняшних людей… уметь стремиться трудности переносить и мужественным быть, иметь такую силу воли, как Алексей Мересьев; работать, как кавалер Звезды Тутаринов Сергей. Как все чудесно, Изонька моя, коль глубоко подумать.

* * *

12-13.10.52

Здравствуй, мой хороший Славушка!

…

Репетировали с Валей Зиновьевым «Вишневый сад» и разговорились об образе Ани, потом стали говорить о Платоновой линии, о ее истоках, попутно о людях, отношениях, и знаешь, Славушка, я была поражена знаниями Вальки. Так мыслить, как он, может только высоко интеллектуальный человек и я невольно даже сделала вывод (позже о нем). А когда он стал говорить о своем образе, Пете Трофимове, то он говорил о себе, и знаешь, Славка, опять и опять меня это заставляло удивляться. Я тебе сейчас все по порядку. Этот Валька на курсе всеми пренебрегаемый человек. Он замкнут (ему 24–25 лет), жил все эти 2 года на квартире, а сейчас только живет в общежитии, потому что у него нет родителей, а дядя, который помогал, теперь умер, и он очень беден. Одевается он крайне бедно, но вот благодаря своей замкнутости и молчанию наши ребята решили, что он нехороший человек. Я же еще на 1-м курсе говорила, что он не то, что мы о нем думаем, он умнее всех нас и культурнее, опираясь на факты. Но вот его прошлый год отчислили, потому что и у мастеров сложилось мнение о нем как о «темной» личности, мнение сложилось на основе сказанного ребятами, а на него чего-то наговаривают некоторые. Но все-таки он остался и сейчас учится, но с условием, что должен показаться по мастерству, как можно разностороннее. Вот, Славушка, то, что я знала о нем до этих дней. А в дни репетиций с ним я поняла, насколько он умен и начитан.

Я знаю, что он кончил энергетический техникум, разбирается в медицине и вообще во многих вещах. И я его поняла. Он говорил, что так трудно одному, просто жить неохота. Знаешь, Славушка, т. к. я была на таком положении, то я понимала его. Какая расстроенная уехала я домой, ведь если все это серьезно (я а думаю, что это так), то какое может быть здесь творчество, конечно, человека гнетут мысли, которые для него важнее, чем творчество. Это я уж очень хорошо понимаю.

И думала, Славка, всю дорогу. А когда рассказала Юльке обо всем, и о том, что Валька не такой, каким мы его представляли, то она мне заявила, что я ошибаюсь, потому что у каждого человека всегда есть две души. А я, Слава, не верю. Вот! Только меня это очень и очень трогает. Если его выгонят, то жаль человека, пропадет зря.

А в общежитии меня ждал «сюрприз». Помнишь, я тебе писала, что у Ритки день рождения. Вот в субботу Березуцкая, Столярская, Маша и вся их комната решили отметить это рождение. Пригласили ребят со сценарного, хамов.

А я приехала, привезла Юльке молоко с маслом (она еще лежит с гриппом), потом стала стирать, а когда на кухне грела воду, то они гуляли на всю. Вдруг кто-то меня берет за подбородок, я еще не видела, кто это, но уже дала ответного. Это был со сценарного Женька, но уже был под градусами и зачем-то ушел от них и стал мне говорить всякие хамские вещи вроде: «Если ты еще будешь так хорошеть, то я не только влюблюсь, но сойду с ума». Я его послала… А он не уходит. Я взяла и ушла сама, а когда стирала, то девки все из общежития ходят и дивятся: «Почему Изольда, ты не там?». Знаешь, Славушка, мне не хотелось быть там, я бы все равно не пошла, потому что Валю Дубину, Таньку, Юльку ведь тоже не пригласили, но это просто говорит об их «ТАКТИЧНОСТИ» — ведь бывают такие люди. А теперь боятся в глаза глядеть, ходят и прячут глаза. Дурно с их стороны.

…

Славушка! Снится каждый день всякая дрянь, дрянь и ничего светлого. Ты ни разу не приснился, а сегодня, например, приснился какой-то толстый дурак, который сказал: «Давай поженимся». Господи. Ересь всякая. — Почему?…

…

* * *

13.10.52

Здравствуй, мой родной!

Вот утром писала тебе, а вечером опять пишу. Только что приехала из института. Славушка! Я в

ужасном расстройстве от многого за сегодняшний день. На политчасе разговорились о советской молодежи, и Б.Вл. стал говорить о нашем курсе, о его низком интеллекте, и об актерах Театра киноактера. Говорил, что многие актеры утопают в том невежественном болоте, которое господствует в этом театре. Говорил, что от того, что эти актеры ничем не интересуются кроме как «захватить» себе роль, для этого они заискивают перед режиссерами, женщины строят глазки и т. п. Славка! Как это мерзко, и мы тоже пойдем в это болото, где увидят нас только как новых конкурентов, где все друг другу враги. Они не учатся и утопают в болоте, мещанстве. Славушка, родимый, как больно это слушать. А еще стыдно, потому что мы тоже такие, вот сегодня почти полкурса не были на политэкономии… ведь это несознательное отношение, правда? А Ольга Ивановна тоже говорила о том, чтобы мы учились и учились и не обращали внимания на старых актеров, у которых была очень пошлая молодость (о себе говорила, не стесняясь), что мы должны быть не такими. Слава! Я это очень хорошо понимаю и со многим согласна, но меня убивают те карликовые возможности, которые дают выпускникам ВГИКа… ведь они сидят все без ролей и в кино их не берут. Ужасно! Хоть нас и успокаивают тем, что мы будем в лучших условиях, ибо в наше время будет много картин, но все равно страшно… Ох! Славка! Такой страх нападает, а тут еще ни один отрывок не идет, ничего не «загорается», как Ритка говорит.

…

А еще до «Спутников» в аудитории я была одна, вдруг вошел Б.Вл. и говорит, чтобы я никому не говорила о том разговоре, который будет между нами, очень просил. А потом спросил: «Как у тебя личная жизнь, все нормально теперь?» Я ответила: да. Странно, Славка, что за вопросы он задает мне и что будет за разговор?… Мне что-то непонятно.

…

А потом была репетиция, говорили о логике человеческого поведения. Нас было только 4: Б. В., Валька Березуцкая, Руфа и я. Поэтому Б. В. говорил даже об интимных сторонах человека. Мне он заявил, что тебе я дам эту роль потому, что ты очень похожа на Фаину. Но Фаина очень хороший человек, побольше бы таких Фаин, но от природы у нее такая натура, что она хочет

нравиться мужчинам, ведь ты тоже такая. Я засмеялась, мне очень смешно, что меня за такую принимают, ведь это не так. Я совершенно не виновата, что нравлюсь, совершенно. Б. В. мне на это ответил, что это очень хорошо, что ты нравишься, но ведь это может отразиться на твоем деле. Господи! Славушка! Ты теперь понимаешь, за кого меня, твою Изольду, принимают. Теперь я поняла, что он ничего еще не знает о нашей любви, о том, как я к тебе отношусь, что такое ты для меня.

А потом говорили о том, как трудно человеку вообще жить. Вот выходит так, кто отдает себя работе, тот не имеет семейной жизни (это больше, конечно, относится к женщине). И наоборот, для кого главное — семейная жизнь, то этот человек духовно не растет, он становится обывателем. Господи! Я лично совершенно запуталась, Славка, и задала Б. В. такой вопрос: «Значит не нужно жениться?» — А он ответил, что нужно, но чтобы семья у тебя была не главное.

Славушка! Я с этим абсолютно не согласна, что я могу поделать, если я тебя больше всего люблю, и потом не может в мире все быть одинаково, все ведь находится в движении, люди ведь разные. Правда, Б. В. сказал, что очень трудно разобраться, что главное: семья или работа, для этого ведь не существует законов, и все-таки, по его мнению, если человек будет занят только семьей, то он погибнет, ему нужно иметь качества, которые были бы главнее, чем его семья.

Я, наверно, этого еще не понимаю, потому что считаю, что сейчас главное для меня — только ты, а это цель, к которой я стремлюсь, она так и должна быть, ведь всякий человек должен иметь цель как что-то неотъемлемое в жизни.

Но мне на все мои возражения Б. В. сказал, что у меня возраст «щенячий» (20 лет…), что у меня еще никакого нет своего определенного взгляда на жизнь, это очень, Славка, задело меня, но что я могла возразить человеку, чья голова вся покрыта сединами? — ничего, разумеется. И вообще я очень нехорошая, грубая и почти хамка. Вот сегодня опять сорвалась, не удержалась. Репетировали «Медведя», и вдруг в момент, когда у нас чего-то (понимаешь, после тяжелого труда!) стало получаться, и вдруг распахивается дверь и врывается Нищёнкин с криком: «Изка! Я поехал к вам в общежитие

репетировать, приезжай быстрей». Я не выдержала и накричала на него. Славка! Я это себе сейчас уже не прощаю, но тогда… в тот момент я была возмущена до глубины души. Ведь все, после этой его хамской выходки роль уже НЕ ПОШЛА… только у нас в актерском деле нужен какой-то человеческий такт, отношение к природе актера, иначе можно загасить другого человека в миг. Кто виноват? Плохая я, очень.

…

P.S. А еще Б. В. говорил, что любят только за духовный мир, а не за глаза, значит ты меня должен разлюбить! Вот!

* * *

13.10.52

Изулька, дорогая, здравствуй!

Вернулся с обсуждения картины «Композитор Глинка», которое было в доме кино и длилось больше 3 часов. Зал переполнен был, несмотря даже на то, что круг людей там был лишь одаренных и очень близких к искусству. Там были композиторы, певцы, артисты, режиссеры, хористы и танцоры, операторы и дирижеры — в общем все творческие работники нашего города. Когда все посмотрел, вышел и сел на диван. И вдруг в этот момент Александров со своей хорошенькой супругой входят и буквально в метре, даже меньше, от меня проходят. Мне так хотелось встать и им сказать что-то хорошее, от всей души поблагодарить за то, что дали они нам. Затем примкнул я к знакомым девчатам из нашего института и с копировальной фабрики, которые разговаривали со Смирновым (исполнителем роли Глинки), хороший дядька. Он и все смотрели на Александрова с Орловой, которые сидели на диване совсем рядом.

Какие они хорошие, простые оба, ну что-то такое в них есть притягивающее к себе. Ну а затем кино окончилось и началось обсуждение.

Первым выступил с большой речью Ивановский, наверное, ты хорошо его знаешь — он делал картины «Музыкальная история», «Антон Иванович сердится» и много других.

А мне знаком и близок он как никто другой, т. к. еще на первом, втором и 3-м курсе он часто посещал наш драмкружок, учил нас, как правильно играть. Говорил он очень хорошо, даже очень-очень, речь его была полна примеров, цитатами — любое слово отвечало за себя.

И в заключение он сказал, что теперь придется многим режиссерам поучиться, как нужно фильмы создавать, и даже не только им: «Фильм «Композитор Глинка» учит актера, как нужно играть, композитора — как писать, художника — как рисовать, оператора — как снимать и сценариста — как в 3-х тысячах кадров Глинку и весь народ показать».

Затем выступали и операторы, и композиторы, и литераторы, артисты, танцоры, певцы, дирижеры, а один музыковед даже сказал слова, которые и я тебе писал, нисколько не изменяя: «Искусство показывать искусством — это здорово. — Спасибо вам, дорогие товарищи, за блестящий фильм». Ну, а затем и Александров выступил, минут он 30 говорил, и как чудесно: вот и сейчас он предо мной: могучий, сильный, с простым открытым взглядом, почти с серебряною головой, но с золотым умом, как он прекрасен!

Вот, Изулик, так прошло обсуждение. Правда, говорили и о недостатках. Но очень мало, их просто было не видно на фоне всего прекрасного, что в картине. Да и то сказать, ведь идеального на свете не бывает.

Короче, этот фильм не знает себе равных в этом жанре, он великолепен.

…

И почему так часто стали появляться в письме твоем слова: «Учти… запомни… уйду…» и ряд других. Не понимаю я, что это угроза или просто шутка? Обдуманно ли пишутся они, Изулька? — и вообще, какое они право имеют место занимать в письме. Ты не подумала об этом?

* * *

14.10.52

Славка! Дорогой, здравствуй!

…

До чего я зла и в то же время очень счастлива, потому что у меня есть радость — это ты, хороший мой,

я целый день мотаюсь, а потом усталая вдруг начинаю смеяться и знаешь почему? — О тебе вспоминаю, хороший мой, как хочу к тебе, радость ты моя.

…

А злая я знаешь отчего: что-то НИЧЕГО не выходит с отрывками, ну ничего и все тут, по крайней мере, я сама себя чувствую в отрывках очень непонятно. Вот.

Сегодня она не пошла даже в Колонный зал, хотя билет давали (а их всего на инст-т 15, а потом еще режиссер какой-то по специальному пропуску пригашал пойти. Просто не хочет, скучает по Славе.

И если ты, гадостный, сделаешь что-нибудь с моей верой в тебя, то держись, я человек горячий, вот тогда буду настоящей Фаиной, ведь для этого нужно человеку однажды потерять веру в другого человека и все, он скатился.

Славушка! А еще я тебя хочу спросить об одной вещи…

Но сначала напомню, помнишь, я тебе писала об Асе, это чудный человек, она очень некрасивая, но у нее духовный мир, правда, еще не богат, ибо она из простой семьи крестьянина, но она так стремится все-все познать. Когда она еще была помоложе (сейчас ей 26 лет), то она стремилась стать актрисой, конечно, ее не приняли из-за наружности, но она внутренне удивительная, ей-богу, она для того, чтобы существовать в Москве (приезжая), устроилась секретарем на кафедре пластического движения, а сама все эти годы занимается и хочет поступить на режиссерский, она где-то при студии театра Вахтангова в самодеятельном коллективе ставит спектакли целые, и вообще, когда у меня наступают смутные минуты или после мастерства или так просто, то я поднимаюсь на 3-й этаж и иду в 307-ю аудиторию, где всегда она, и оттуда я уже иду с легкой душой, ей все можно сказать. Потому что люди, обиженные жизнью, всегда чутки и человечны. Нас с ней сблизило я знаю что: Орлова Любовь. Она до безумия ее любит, но еще сильнее она любит ее сына, вернее, не ее, а Александрова, его звать Вася или, как она называет его, Василек. Она мне о нем говорит очень много, только я не понимаю, за что она любит этого избалованного 3 раза женатого повесу, а вот любит… Это ведь такое дело. Я очень уважаю актрису Орлову за талант, не больше, а Аська ее боготворит. Ведь она лично знакома с ее всей

семьей и этим Васильком и говорит мне очень часто об этом, но самого главного, как она говорит, она так никогда не сказала Любови Петровне, теряется перед ней (да это и естественно). Она хочет все-все, что у нее на душе, написать ей и просит, чтобы я лично отвезла Орловой письмо. Господи! Славушка! мне это совершенно не нужно, но отказать Аське, которую я просто жалею, ибо она выглядит очень несчастной, я не могу. Все это в строгом секрете, лишь только ты теперь знаешь. Я же ей, со своей стороны, иногда говорю о своих душевных переживаниях, она так понимает, как никто, и я вижу, что это я могу доверить только ей. И вот теперь то, о чем она меня просит: дать ей прочесть твои письма. Славушка! Ты разрешишь? Если нет, родной, то никто кроме меня не будет читать их.

…

Твоя вечно Изка.

* * *

15.10.52

Изонька! Родная моя, здравствуй!

Вечер. Чудная погода на улице. Приятный, хороший, немного прохладный воздух так и охватывает тебя, наполняет всего свежестью и придает силы.

…

Изулька! Меня очень интересует, я давно еще хотел тебя спросить: неужели у вас действительно все ребята такие, кроме того, как страшно наивничать, показывать свою чрезмерную глупость и малодушие перед девушкой, больше ни на что не способны?

Или вообще у вас атмосфера способствует этому. Уж очень они все или же слишком грустные, по глазам которых можно прочесть все их душевные глубокие переживания, или же слишком развязные, готовые любой девушке сказать любую глупость и сделать что угодно, лишь бы быть благодетелем в лице кого-то, или наоборот. Что-то не укладывается у меня в голове, в чем тут суть.

Вызвали меня две дивчины Юля и Софа, попросили их сфотографировать на «Личное дело».

…

Затем пошли все вместе домой, дошли до Московского, а там расстались — дальше пошли мы с Софой, нам по пути с ней. Просила, чтобы помог ей в курсовом.

Спрашивала о тебе: «Ну как твои дела с любимой, все так же любишь ты ее?» А что я мог ответить, кроме одного: «Конечно, говорю, иначе быть не может, чтоб я свою Изульку разлюбил, ведь я ей первой душу всю свою открыл и никогда не разлюблю».

…

А завтра, Изонька, опять, возможно, встречусь я с Александровым и Тиссэ, на операторской секции в Доме кино, говорят, что они там будут. Картину новую, быть может, посмотреть удастся.

…

Изульчик! Ты пишешь, что тебе скучно? А мне как, если б только знала ты. Второй уж месяц начался, как я опять один, а чувства — такие же, как в день отъезда твоего (вернее, с первой встречи)

Что делать? Я не знаю. Я все забыл и ничего не вижу пред собой, кроме, Изульки дорогой, которая сейчас так далеко, что невозможно ее видеть.

Когда же, Изонька родная, ты вновь со мною будешь?!

И как бы я хотел, Изульчик, в такой хороший вечер быть с тобой.

Как раньше, пройтись по городу и обязательно с твоей рукой в кармане, в моем, конечно.

Скорее бы проходили эти 20 дней. Люблю тебя я очень.

Целую тебя крепко, крепко. Как всегда, как на нашей березке чудной.

До свидания, Изулька, дорогая, хорошенькая моя.

По-прежнему с тобой.

Твой Славка.

* * *

16.10.52

Здравствуй, Слава!

Я все очень хорошо понимаю! Понимаю, что тебе некогда, что у тебя горячая пора с дипломом. Все

понимаю. Конечно, нет времени написать Изке. Но ведь всему есть предел, ты согласен со мной? Последнее твое письмо я получила в воскресенье, а потом каждое утро заходила на почту целых 3 дня, сегодня даже не пошла, а писем от тебя нет. Славушка! Ты можешь мне сказать, что я не права, что нужно понимать, как ты занят? Я все-все понимаю, но ведь сердцу нельзя приказать, ты сам об этом знаешь. И оно тоскует. Сейчас очень интересная лекция о творчестве советского художника Герасимова, очень интересная, с каким вниманием воспринимают ребята его картины о Ленине и Сталине…

…

А сейчас мне сидеть просто нельзя, сзади сидят Мишка с Данкой и донимают меня, толкаются, а Мишка вынул нож перочинный и угрожает… вот черти.

…

А день вчера был шумный. С 9 утра: речь, пантомима, потом французский… Вот здесь было діло! Пришли сдавать факультативное чтение, но никто не был готов, потому что страх как много, а потом нет абсолютно времени еще французским языком заниматься. А позавчера вечером я приехала домой с благим намерением сесть за французский и выучить отрывок из «Воскресения», но ничего этого не было, потому что Иринка (соседка моя по комнате, ее кровать рядом) с редакторского факультета, очень любопытная девчонка, и вот мы с ней разговорились об искусстве, о современной драматургии, о возможностях и о том, что не используется, эдак проговорили 3 часа, а в 12 уж спать. Пришлось отрывок утром учить в трамвае. А уж о французском языке и говорить не пришлось. Поэтому на факультативном чтении мне нечего было делать, я, Валька и Ритка взяли и ушли. Я пошла заниматься к Марине «по речи», и здесь меня ожидала радость: Танька нашла отрывок «Муж» — Чехова, чудный рассказ, а ей он не подходит, он с характерным оттенком, Марина решила, что это подходит мне, когда я пришла к ней и прочла, то мне очень — очень понравился, и к сожалению глубокому Тани рассказ был отдан мне, а ей мой отрывок из «Воскресения». Мне не жалко его, потому что его нужно читать в героическом восторженном плане, Марина, сказала, что у меня это выйдет, но лучше читать «Мужа» — это выгоднее. А потом было мастерство. Перед мастерством педагог по французскому

языку опять на нас наябедничала мастерам и О. Ивановна (Пыжова. — *Авт.*) опять ругалась, здорово ругалась, а Б. В. молчал, молчал, а потом вдруг говорит: «Хватит! Ну, вас к черту, ребята, разделайтесь вы с этой француженкой, чтобы она не приставала ко мне, мне, говорит, приходится бегать от нее, не могу я видеть ее жалкого жалующегося лица». Смех с этой француженкой, но я тебе скажу, что француженка эта вообще не пользуется «успехом». Но все-таки я не буду больше писать, хватит. А лучше целую и жду писем.

Твоя Изка.

* * *

16.10.52 г.

Изуленька! Любимая, хорошенькая моя, здравствуй!

Получил письмо твое и решил ответить сначала.

Во-первых, Изонька! Родная ты моя, зачем опять ты говоришь о злополучном Доме актера — ты в нем не будешь никогда и думать перестань об этом.

Во-вторых, в части работы и семьи, я мыслю так: одно другому не должно мешать. Плохой тот семьянин, кто забывает все, кроме своей работы, и грош цена тому, кто знает только семью и больше ничего. От коммуниста, например, требуют, чтобы он был примером не только в обществе, но и в семье. И за сознательные ошибки, допущенные как в первом, так и во втором случае его бьют и жестоко, без пощады.

Необходимо в себе иметь настолько силы, чтобы уметь все сочетать и чтобы общественные и личные интересы не были помехой друг другу.

А это не так уж трудно, так кажется мне сейчас, и, судя по многим жизненным примерам, я думаю, что не ошибаюсь. И, в-третьих, как тебе, Изулик, не стыдно так писать, зачем ты пишешь так.

Люблю тебя я не за «глазки», а за внутренность твою, за ум твой светлый и за душу открытую, простую и чистую. Понятно тебе: сколько раз об этом можно говорить.

Изонька! Дописываю уже вечером, прервали тогда меня.

…

Сейчас вернулся от зубного врача, пилил он зуб мне, из-за чего и в Дом кино я не успел. Целых часа 3 был у него, испытывая адские боли. Самое страшное на свете — это зубы, честное слово. Изульчик! Ты понимаешь, я пришел и опять увидел на столе твое письмо — спасибо, милая моя, большое пребольшое.

Изуленька! Солнышко ты мое, какая же ты хорошенькая у меня, ведь ты же для меня все, понимаешь ли ты это? Ведь когда нет от тебя писем, я хожу как шальной, со всеми ругаюсь (не зло, конечно), и теперь уже в квартире знают все, что если я не разговорчив, значит не получил письмо, и все смеются надо мной. Бездушные они — Изонька! А почему вдруг Асе захотелось прочесть мои письма? Ну если хочет, пусть читает, мне все равно, ты можешь дать ей, причем эти письма твои. А что Ася из простой крестьянской семьи — это не значит, что у нее бедный духовный мир, духовно она может быть в 10 000 раз богаче сотен Васильков, взлелеянных на пухе и в высшем свете.

Большой + для нее, что она имеет такую цель. А письмо, я думаю, гораздо лучше послать по почте, если его необходимо писать. Но что проку в этом?

…

А после с часок «Тегеран» почитал, вторую книгу, сильная вещь, в ней описывается еще начало борьбы в Иране за нефть между американскими и английскими жуликами. Кстати, сейчас только сказали по радио, что дипломатические отношения между Англией и Ираном порваны. Стало быть, американцы стали хозяевами полностью. А я как раз прервался на том, когда еще только начиналась борьба монополии между Америкой и Англией, да и Гитлер там нос не вешал, 33–34 годы. Замечательная книга. И о людях там много хорошего пишется. Есть там одна девушка, Сурия, она из богатой семьи, влюбляется в одного молодого доктора Азади, великого революционера своей страны, который посвятил свою жизнь борьбе за национальную независимость своей страны.

И она, не взирая ни на что, говорит ему, что его любит и готова идти с ним куда угодно. В то время как всех людей, которые встречались с Азади, заносили в черный список. А как чудесно она описана, ведь ей свободно было можно порхать голубкой во всех шахских дворцах, иметь поклонников по 10, не меньше, каждый

день. Прочти, Изулька, эту книгу.

Изуленька! Сегодня уже 17-е, ведь скоро мы опять с тобою будем вместе, как хорошо-то, милая моя.

Как я хочу тебя увидеть, расцеловать, да так, чтоб никуда ты не могла потом уж убежать. Одни мечты… Как скучно одному мне, Изонька, весь разговор, все думы лишь о тебе.

…

P.S. А на улице снег идет, все покрылось белой пеленой. А в январе дождь будет, определенно.

* * *

17.10.52

Славка! Гадостный, здравствуй!

Наконец-то сегодня, после 5 дней я, НАКОНЕЦ! получила от тебя письма. Эх, ты… А впрочем, дело твое. Но ко всему еще ты ненормальный, потому что пишешь такую чушь: я к тебе охладела! Господи, как подобная глупая мысль могла попасть тебе в голову? А за мою резкость прости, ведь не всегда человек бывает мягок, ты ведь сам пишешь, что ничего нет идеального, а я и не собиралась скрывать перед тобой свои недостатки. Вот! Славка! А когда я читала твои восторженные строки о встрече с Александровым, я была очень довольна одной вещью. Дело в том, что ребята не очень щедры на подобные восторги, а ты молодец, искренно воспринимаешь все то, что тебе нравится, а знаешь что? Я тебя за это еще сильнее люблю. Ох! Славка! Если бы ты знал, чту ты для меня. Это чувство не передашь словами на бумаге, я это чувствую, а главное и понимаю, что ты для меня вся радость жизни. Нет! Это не слова, трудно говорить об этом. Но столько нежности и любви к тебе у меня, что с моей душой происходит что-то непонятное. И все-таки и эти слова не те слова — нет! Этого не напишешь. Ты родной мой, понимаешь, тебя нельзя ничем оторвать от моего сердца. Запомни это и опять буду говорить: Учти, запомни, ясно?!!!!

…

И вообще ты, наверно, замечаешь, что у нас все дни кошмарные. А вчера мы занимались 10 часов по расписанию, 6 часов теоретические занятия, а 4 часа —

танец. Очень, Славка, это утомительно, особенно 4 часа танца, ужасно. У нас все очень подвижные танцы: русская кадриль, гопак, испанские, а еще станок… Очень устаем. Так что к 7 часам мы все были «молодыми красивыми трупами». Да еще я пела в 8-м часу, а потом еще репетировали до пол-одиннадцатого. Но вчера все-таки у меня было небольшое удовлетворение от вечерней репетиции. Стали с Таллисом «Медведя» репетировать, прошли раз, и ничего… пусть. Он расстроился, и вдруг мне почему-то захотелось по-другому выйти к нему и задать ему вопросы. Я его отправила на место, видно я так загорелась, что Таллис покорно сел и… знаешь, Славка! пошел-пошел отрывок. Я ничего не играла, я просто просила его оставить мой дом, а он начал злиться, по-настоящему. Я это видела и была безумно этому рада, просто торжествовала, что он зол. Так шло до половины, а потом происходит перелом, и я его лично почувствовала, а как потом выяснилось, Талис в конце ничего не чувствовал.

Но это не важно, было бы начало, а оно есть.

…

А потом произошел «конфликт». Только мы кончили в 9.30 репетировать с Таллисом, пришла Рита и говорит: «Сходи, Иза, пожалуйста, за Нищёнкиным, нужно репетировать «Доходное место», а он вот уже 2 часа один на один любезничает в пустой аудитории с Надей». А он действительно поступает очень нехорошо, взял с ней отрывок из «Дяди Вани» и ты думаешь, что он с ней репетирует? Они под маркой репетиции пропадают часами одни, а дверь закрыта на крючок. Ужасно! Но я его нашла, привела и только начали, вдруг врывается Зиновьев и хватает меня за руку и утаскивает на репетицию «Вишневого сада», и тут началось: Зиновьев меня тянет в одну сторону, а Ритка с Артуром в другую, ругаются, кричат, потом Валька Зиновьев позвал Артура поговорить один на один. Господи! Ну что это такое?

Я тебе все это говорю для того, чтобы ты понял, что такое Нищёнкин, он до предела пустой…

…

Раз 15 начинали отрывок, и, когда было уже больше десяти, Ритка начала злиться, потому что он даже до сих пор не знает слов. И вот Ритка его начала «песочить» о Надьке, о его дурачестве. Ведь, Славка, этого типа Артура хлебом не корми, только дайте ему девчонку

поцеловать любую. До того он противен мне, где бы не был, в коридоре, в буфете, в мастерской ходит с вытянутыми губами и лезет целоваться. Ко мне-то он не полезет, потому что боится. Я его ненавижу просто, еще давно я ему сказала веское слово, и он ко мне не подходит, а девки, некоторые дуры (например, Березуцкая), сами подставляют губы. Славушка! Я бы тебе этого не писала, но я возмущалась этим Нищёнкиным, он такой неряха… господи, да в конце концов мне ведь стыдно, он ведь мой земляк.

Вчера ему говорю: «Артур! Не зевай так, ведь это же неприлично!» А он: «Правда? Ну, не буду», а через 10 мин опять старое. Какой-то урод, прости меня на слове, но я возмущена. А восторг твой по поводу «Горного орла» я разделяю, потому что я о них слышала, даже читала отрывки оттуда, постараюсь, конечно, все, если достану. А я прочла Толстого «Воскресение» и расстроилась. Почему и зачем все это, все его существо, было на то направлено, чтобы помочь Катюше, такая психологическая связь и все так кончается. Толстой велик в психологии, да так велик, что втягиваешься невольно в его сети, а вот взгляды его, эта религия… Зачем все это? Сейчас читаю Марича «Северное сияние», про декабристов. По отзывам, мировая книга, и мне начало нравится, не знаю, что будет после.

…

Славка! А я тоже 6-го жду, как божеского дня, ужасно скучаю, да что тебе объяснять, ведь ты тоже скучаешь, но с той разницей, что я гораздо сильнее!

Глупенький ты мой! Неужели ты можешь подумать, что я брошу тебя? Ведь я люблю, люблю Славку, да к тому же еще разбойника. Т. к. я могу оставить любимого самого дорогого мне на свете человека? И опять: УЧТИ!!!

До свидания, родимый! Целую бесконечно, много, много раз. Приветы всем-всем и передай Анне Степановне, что скоро приедет «квартирант» на ее «материк», можно?

Вечно твоя и только твоя Изка.

* * *

18.10.52

Славушка! Решила тебе написать, потому что тяжело мне очень. Не знаю, что делать, но я в отчаянии. Не хочу я быть актрисой, не хочу, хочу уйти из этого института. Ведь 20-го показ, а у меня НИЧЕГО не получается.

…

А получается такая ерунда. Вот вчера целый день с утра репетиции, репетиции с перерывом на политэкономию, а потом еще 4 репетиции, и уже, когда приехала домой в 12 ночи, то была уже не человек. Все дивятся на нашу актерскую работоспособность, даже жалеют, когда видят к вечеру уже бледные измученные морды. Но это не главное, главное то, что творится сейчас во мне, только что пришла из просмотрового зала, смотрели по истории кино «Комсомольск». Как я расстроилась, ведь вот это люди.

Славушка! Не хочу я быть человеком, который не знает еще своей будущности, хочу хоть пни корчевать, но знать, для чего я это делаю. Ты, пожалуйста, не думай, что я расхныкалась, нет! Ты понимаешь, родной, мне очень-очень трудно. Вчера репетировали «Медведя» — опять ничего не вышло, а когда показали Лехе отрывок, то он сказал, что отрывок, «мурово сделан», есть 2–3 места живых у Изольды. Все! Мне теперь все-все ясно про себя, а когда стали репетировать… да что говорить. Я понимаю, что очень трудно делать нам одним без мастеров, без режиссера отрывки (ведь это самостоятельная работа, мастера не вмешиваются, а вот 20-го покажем им), да что показывать. Я очень, очень переживаю. Нет! Мне ясно одно, что я дура, дубина и нечего мне в актерское дело совать нос. Слава! Не считай это малодушием, просто я тебе пишу все-все откровенно, что у меня в душе. Даже трудно передать все то, чем сейчас болеет душа моя. Понимаешь, Славушка! Вот «Вишневый сад» вчера вдруг начал получаться, потому что разобрались с Валькой, много пробовали всякого, но это меня не может успокоить, даже Ритка посмотрела мой отрывок с Артуром и говорит: «Идете по правильной линии, хорошо смотрится».

Хорошо смотрится, на что мне это, ведь лично-то мне совсем не это нужно. Ведь я знаешь, как играю с Артуром! Он должен меня раздражать своей речью, а этого нет, он, как дурень, сыплет текст, а мне приходится нажимать, получается чушь. Понимаешь, чушь!! Нет! Славка, как тебя мне сейчас не хватает, почему мне

трудно так?

Все! «Медведя» я не показываю, нет! Нет! И вообще я бы ничего не показывала, если бы это было можно. Нет у меня подготовленного отрывка, нет… Слышишь?!! Рвать и метать хочется, реветь, не нужно осуждать меня… Конечно, ты можешь сказать, что не получается потому, что не работали достаточно. Может быть, но ведь если человек талантливый… А впрочем, я сейчас пишу какую-то чушь, прости, Славка, но мне тяжело сейчас, ужасно.

…

Я так раздражена, что я не могу писать нормально, не могу. За окном пролетела стая птиц… Честное слово, они счастливее меня. Господи! Какой бред пишу.

Ничего не хочу, ничего не хочется, а вот плакать хочется.

Писать больше не буду, потому что напишу еще кучу глупостей.

Целую много раз тебя, Славушка, Изка.

* * *

20.10.52

Изуленька! Миленькая, хорошенькая моя, здравствуй!

Получил сегодня вечером два твоих письма — спасибо, Изуленька, за них. И вот сейчас, хоть времени первый час и голова моя ничего не соображает, решил написать, Изулик, немного тебе.

…

Вчера, Изулька, был у Вл. Мих. И ты понимаешь, все выглядело у него совершенно иначе по сравнению с пятницей.

Оказалось, я его не понял тогда. В записке у меня написано все правильно, но понять это может только грамотный человек, в этом деле разбирающийся. В общем, написано у меня много, а толку никакого. За формой (которая есть) совершенно не видно содержания. Так вот, мне сейчас необходимо все так откорректировать и отредактировать, чтобы всем было ясно, где главное, где мой конек, на что я должен опираться при защите, т. е. что в дипломе предлагается нового и что дополняющее. А то у меня действительно

получилось так, что за всей массой «воды» не было видно сути, даже в общем записка не оправдывала названия темы. Теперь мне все ясно и понятно и на этой неделе все закончу.

…

Вот, Изульчик, дорогой мой, — так теперь выглядит мой диплом. А теперь я тебя ругать буду, хотел еще раньше тебе написать, но думал, что ты не маленькая, сама поймешь. Но получается обратное.

Скажите мне, пожалуйста, многоуважаемая Изольда Васильевна, до каких пор Вы будете заниматься всем, чем угодно, но… не делом? Почему так получается, что Вы не сдали отрывок для чтения, не выучили отрывок, пропускаете лекции и т. д.? (это я для солидности так тебя называю, ведь скоро мне в действительности так придется обращаться).

В общем, Изулька, я тебе говорю честно — ты валяешь дурака — ясно тебе.

Ведь учти одно, что «шухарить» разрешается только тогда, когда все на «мази». А у тебя что? Ты же сама пишешь, что очень многое не сделано, и в то же время описываешь про разные шухарные штучки.

Впрочем, Изулик, я это тебе совершенно напрасно пишу. Правда? Но, если только ты мне опять напишешь, что у тебя дела не «ахти», то я по-настоящему буду ругать тебя, и тебе попадет. А с отрывками у тебя обязательно все получится, может быть, и не сразу, но получится.

Хватит «умничать» — перейду к делу.

Изонька! А почему, интересно, не было писем целых 5 дней? Вообще ваша московская почта хуже работает, чем наша.

Я всегда получаю письма через 2 дня, а ты через 3–4, а иногда и 5, непростительно Вашим почтовым работникам так работать.

…

Изонька! А любить я тебя все равно больше и сильнее люблю, чем мог. И ты меня не переубедишь. Ты самая хорошая, самая дорогая, самая бесценная для меня. Без тебя я даже и не представляю, что бы я стал делать?

Жду нашей встречи, Изулик, — осталось совсем немного времени.

…

* * *

Вечер. 20.35 20.10.52

Изонька! Родная моя, здравствуй!

Что с тобой случилось? Ты представляешь себе, что ты написала, — это же настоящий лепет ребенка 15 лет, который еще совершенно не научился мыслить и трезво смотреть на вещи.

«У меня не получается… нет таланта» и разная другая безответственная чушь. ДА! Она самая.

У тебя получится обязательно, возможно, это не легко, не сразу раскроются в тебе все мысли, чувства и сама жизнь того человека, которого ты хочешь перевоплотить в себе на время, — ведь, Изулька, ты еще не актриса и поэтому так серьезно говорить о неудачах у тебя еще нет права.

Неужели у тебя раньше в жизни не было подобных случаев: когда ты что-нибудь хотела сделать, у тебя было огромное желание для этого, ты стремилась любыми путями достичь своей цели, но… Ничего, абсолютно ничего не получалось. А потом или наступал сразу перелом, который наполнял твою душу большой радостью уверенности, или же через большой промежуток времени, несмотря ни на какие трудности, никакие преграды, ломал в своей голове все, выбрасывая весь хлам, который в такие минуты «оздоравливающе» действует на мозги, и ты все-таки добиваешься своего. Как приятно чувствовать после этого полную удовлетворенность — это очень хорошие и очень поучительные минуты в жизни почти любого человека.

Ведь потом, Изонька, ты учишься на таком случае.

И в трудные минуты всегда говоришь: «А помнишь когда-то ты делал(а) то-то и как тебе было трудно, но все равно, невзирая ни на что, дело-то было сделано и сейчас не осталось и следа от всего трудного; ведь это были просто временные неудачи, которые могли бы (как не странно сейчас) увести меня в болото малодушия и слабости. Так почему же мне сейчас не подумать так же, как в то время?»

Все, Изонька, дорогая моя, трудно ведь — «без труда не вынешь и рыбку из пруда», нужно бороться, иногда до бесконечности напрягать все силы, всю волю — все — для достижения цели. Никогда нельзя судить обо всем лишь по одной неудавшейся репетиции. Ничего

страшного нет, если один, два… десять раз не получилось — на сто десятый обязательно получится. Нужно лишь заставить себя думать (это очень трудно), что я должна это сделать и обязана.

Потом, Изулик, никогда не забывай того, что учишься, не учишь, а учишься — ты еще школьница, которой, конечно, дают больше возможностей думать и мыслить самой без посторонней помощи, а поэтому у тебя может быть очень и очень много ошибок, но они все поправимы. И если тебя приняли в институт, то значит, что у тебя талант есть. Но, Изонька, не нужно забывать одного, что чрезмерное самомнение ведет всегда к печальным результатам, а почему я так пишу, ты знаешь.

Изульчик! Очень жаль, что нет у меня времени и поэтому так уродливо приходится отвечать на твое письмо, что-то ничего не соображается, так что ты не обращай особенного внимания на неудачные обороты. Это очень интересная и жизненная тема, жаль, что нет времени сейчас. Я бы мог тебе привести много примеров, но… диплом-то я должен писать.

Кстати, Изулька, 16–17 и 18-го у меня тоже почти такие же дни были, я писал тебе об этом.

…

Изонька! Миленькая моя, а сегодня я из дома получил сразу два письма, от папаши и от Галки. Она велела тебе передать привет и свое сожаление по случаю твоего молчания. Ну, она, конечно, не знает, что у тебя время занято. Главное она меня спрашивает: «Пишешь ли ты Изе — почему она мне ничего не пишет?»

…

Начал читать новую книгу Шамякина «Глубокое течение» — начало хорошее. А все-таки очень хорошо, когда книга входит в жизнь в трамвае, поезде, — часы кажутся минутами и время проходит не бесполезно.

Изулька! Родная, миленькая моя, — скучаю я по тебе, знаешь, как здорово. Ну все время твой образ со мной — везде, где бы я не был, ты всегда со мною. И сейчас я нисколько не удивляюсь этому. Раньше я все-таки немного думал, что как же это так, ведь не могу же я дни и ночи думать об одном и том же — это, наверное, очень нехорошо будет?

Но сейчас, Изонька, нет! Честное слово нет! Мне очень приятно вспоминать улыбающиеся, веселые глаза, в которых столько хорошего, столько прямого и светлого,

твои отдельные фразы: «ты что сдурел» — а мне это здорово нравится и нравилось.

И с этими думами, мыслями я живу — теперь мне с ними становится гораздо легче и учиться, и жить. Люблю я тебя, милая моя.

И как же мне сейчас не удивляться — чтоб раньше я кого-нибудь назвал бы Милой, родной — боже сохрани — у меня же язык не ворочался. И это правда! Но, Изуленька, ты не думай, что я согласен только на воспоминания — нет, 1 000 000 раз нет — они мне помогают приблизить время нашей встречи, которая совсем рядом!

Как я хочу тебя видеть!

Радость ты моя.

…

* * *

21.10.52

Милый мой!!!

До чего мне стыдно, но я не могла все эти 2 дня писать тебе, а от тебя, родной мой, получила 3 письма. Прежде чем о себе, я сначала отвечу на твое последнее письмо (а потом на остальные).

Славушка! А ты ведь ни капельки не виноват в том, что записка не совсем то, что нужно. Только ты, дорогой, не расстраивайся, очень прошу тебя, тем более, что у тебя еще есть время сделать все по-настоящему, верно. Правда ведь? Не нужно падать духом, радость моя, вспомни, что ты Славка, которого я люблю больше всего на свете, ты даже не можешь вообразить, каковы размахи моей любви, родной мой, любимый Славушка!!!!

…

О ребятах. Славушка! Помнишь, я тебе еще давно говорила о их непригодности к жизни. На нашем девичьем языке они все похожи на телят. А атмосфера у нас строгая. На глупости способны ребята, а девчата разумеется не все.

Вот ты пишешь, Славушка, что ты меня любишь за мою открытую простую и чистую душу. А ты не ошибаешься, Славка!? Подумай об этом. Вот сегодня был такой факт М.П. (по речи), с которой у меня были столкновения по части пропусков ее уроков, очень

странный человек, очень. На 1-2-м курсе, когда я тщательно посещала все-все ее занятия, она говорила, что я ее любимица. А сегодня она мне сказала, когда я заявила, что Валя и Таня больны, что я лживая, что они здоровы и что любой неподготовленный урок они мотивируют своим «гриппом», и вообще, заявила она, я тебя не люблю, потому что ты не искренняя, носишь иногда маску. Знаешь, Слава! В ее устах я услышала слова Столярской и Березуцкой. Как обидно. Но если она это повторяет (а ее, разумеется, эти пройдохи уже информировали о причине моих недельных пропусков с самой выгодной для них стороны), то значит, она имеет уже мнение. Мне плевать на ее мнение, работой можно составить любое мнение, правда, Славушка, только ведь работой? Только неужели я такая, господи? Мне обидно, очень обидно, ведь девчата совсем не так, как раньше, относятся ко мне. Даже Руфа, с которой мы были в контрах, вечно «жить» не может без меня, как она сказала. Но все-таки я занимаюсь сегодня с М.П., вроде нормально. Теперь о всех событиях, которые произошли за этот период.

Слава!

Изорви последнее мое письмо, оно малодушное, но мне было тогда очень трудно, а теперь я вот поняла, как это по-детски.

…

А позавчера вдруг приходит в общежитие парень и меня вызывает к себе. Оказалось, что это Толька Кокорин…

Он со мной вместе поступал во ВГИК, вместе сдавали экзамен, было дело! С его стороны. Он хороший способный парень, но во ВГИК его не приняли…

Теперь он в студии Малого, где он учится. Поет красиво, он пел, когда поступали… А потом начал вспоминать о том, как было хорошо, когда поступали, как он помнит все досконально, все-все до капельки. А потом прямо: «Ты, наверное, здесь все…???» А я ему прямо говорю, что у меня есть друг в Ленинграде и что люблю его. Знаешь, Славушка, как он сразу помрачнел, глаза потускли.

…А когда я с ним прощалась, то он заявил, что очень жаль, что звонить нельзя, а он бы хотел, тем более, что он может мне доставать пропуск на спектакли в Малый

театр. Я разрешила ему звонить.

А воскресенье было бешеное. Встала рано утром и поехала на репетицию в институт, это была последняя репетиция отрывков, репетировали весь день, измучились ужасно, а приехала вечером, и вечером пришел этот Толька. А репетиция шла очень плохо, Славушка, я до того расстроилась особенно из-за «Медведя», показывали ребятам, а они нам свои отрывки, критиковали друг друга.

А вчера с утра была политэкономия, на которой я не могла тебе написать, потому что срочно нужно было переписать отрывок по речи, а потом после политчаса в 1 час дня начался показ. Б. В. пригласил директора Театра кино-актера, были ребята с 3-его режиссерского, больше никого не пустили. Мы сами не захотели, все-таки это работа самостоятельная, а ведь люди злы на языки.

Славушка! Продолжу после, а сейчас мне нужно петь… Так вот, был показ. Я на «Медведя», знаешь, какие «надежды» возлагала? Грусть одна. И вдруг, ты знаешь, Славушка, он вышел!!! Когда кончился отрывок, то среди «зрителей», а там были и наши ребята, раздался шум, а когда я вышла из-за кулис (мы все после отрывка выходили и садились смотреть другие отрывки), то даже Валька Березуцкая — змея подколодная, чмокнула и говорит «Хорошо! Ой, как хорошо», а когда обсуждали, то Б. очень много говорил об этом отрывке, что я здесь очень хорошо показалась совсем в другом качестве, что есть большие намеки на образ, чего нет совсем в других отрывках, в общем, Славушка, оказывается, он всем понравился, но самое лучшее было для меня: «Вы работали по верным рельсам» — Б. Кому он так скажет, то очень это хорошо.

Ну а потом у меня поднялось настроение. Аню я в «Вишневом саде» играла верно, но не было изюминки в роли, т. е. глядеть было очень приятно на молодую обаятельную девушку, как объяснил Б., но все было по поверхности, а не изнутри. Это я чувствовала, когда кончился отрывок.

А «Доходное место» у нас все сплошь шло на хохоте зрителей. Даже когда я произнесла: «Здравствуй, сестрица!» — раздался оглушительный смех. Но эта роль мне раньше казалась непонятной, а здесь вдруг как-то я чего-то поняла, Славушка, и она пошла…

Вот бывает так, что даже на репетициях ничего не идет, а здесь вдруг сразу загорелось. И когда кончился отрывок, то мне все хотелось и хотелось играть, такое же ощущение и после «Медведя», а это самое верное ощущение.

Беседовали после показа еще 3 часа. Весь показ прошел на высоком уровне, но не все, конечно, показались. Столярская Дана… Вот здесь я просто ничего не могу сказать. Она злюка в жизни, это из нее идет и на сцене, она интересная на внешность, но это ее губит, она становится очень противной, злой. Она играла Василису, «На дне» — гадко!!! Очень. Особенно голос слабый, да и не только она, многие (Березуцкая, Питаде, Маша, все эти девчата, которые занимались раньше на меня сплетнями). Это нехорошо, но Славушка, мне кажется, что я так думаю, их это бог наказал, ей-богу, бог наказал. А когда мы с Данкой кисли, и я сказала, что в театре киноактера нам не будут давать роли, то она грустно сказала мне: «Нет! Тебе-то всегда будет что играть, Изка, ты можешь не расстраиваться». А ее жаль. Сегодня о ней даже с Руфой говорили, и Руфка мне стала говорить все то, что я думала о Данке, вот, Славушка, когда все наружу выходит. Поймут они все всё.

А вчера после показа я еле доплелась домой, адски устала и в 9 я была уже в постели и очевидно спала. А Толька, видно, приходил ко мне, вот чай еще повадится, нужно его отвадить. А… ерунда.

Славка — родной, как я хочу к тебе, хоть на секунду, ужасно скучно.

* * *

Без даты

Славка! Здравствуй!

Пишу на 2-ом часе политэкономии, семинара так и не было, он перенес его на послепраздничные дни. Очень хорошо!

Конечно, я все сделаю, как ты говоришь, а вечером сегодня будем говорить по телефону, может, привезу Володю, если застану. Но ты очень странный. Почему ты хочешь уезжать из Ленинграда, когда можно что-нибудь еще исправить в дипломе? Как же ты будешь защищать неправильный диплом? Конечно, тебе виднее, но я не

понимаю. А что приедешь, то это очень и очень хорошо, если говорить по правде, то я ужасно хочу тебя видеть, а то нет никакой силы больше ждать.

А меня все одолевает эта сплетница Столярская Дана, когда я болела, она вдруг пришла ко мне ни с того, ни с сего и так подозрительно расспрашивала меня о моем здоровье. Она делала все деликатно, но я поняла, зачем она пришла. Когда Юлька узнала об этом, она пожалела, что я не дала Данке в морду. Ужасный человек, ее интересуют только грязные вещи! А сейчас опять не дает мне покоя: пишет записку: «Иза, у тебя, наверное, какое-то горе». Я на это ей ответила, что нет. Так она не унимается. Понимаешь, Славушка, она опять страдает, что не может пока сочинить про меня какую-нибудь грязную историю, причин нет. Ох, уж до чего презираю таких людей. Юлька мое утешение, правда, сейчас какой-то перелом после показа по мастерству произошел, девчата многие ищут дружбы со мной, но, Славушка, я уж на многих обожглась и всех их знаю. Единственно — это Юлька. Она делит все мои радости и горе, сердечная девушка. Она тебе во-от такой шлет привет, очень просила передать.

…

Целый день хандрила, и какая скука, тебя ужасно не хватает. А я ведь с ума сошла, Славка! Мне предложили ребята роль Мурзавецкой в «Волках и овцах» и я согласилась. Дуреха, но мне хочется попробоваться и в роли старухи, в конце концов, ведь когда-то я буду играть старух.

…

Приезжай, радость моя. Целую, целую, всегда твоя Изка

Славушка! Здравствуй, родной!!!!

Ты должен мне немедленно писать обо всем-всем, что происходит с тобой в Ленинграде.

…

Поезд остановили, помнишь, это какая-то женщина забыла билет. А когда я возвращалась, то мне было жутко грустно, у меня стоит фраза: «Я с тобой хоть на Курилы уеду». Ох! Если это так?!!!!! У меня, поэтому возникают средневековые мысли: если бы можно от всех и всего убежать и быть только вдвоем. Все-таки обстановка, тем более современная, очень действует, хочется чего-то и определенно больше того, что есть,

хочется многое знать. Вот, родной мой, поэтому и возникают у нас с тобой «конфликты». Слава! Ты не должен обижаться на меня, потому что на меня влияет каждая твоя интонация, даже когда ты называешь меня Иза, а мне очень не нравится это имя, да еще ты это произносишь ужасно грустно.

…

Мне вечером кто-то звонил (мужской голос) раза 3, ну на 3-й ему ответили, что она ушла провожать мужа на вокзал. Вот черти…

* * *

23.10.52

Изулька, любимая, здравствуй!

До сих пор, Изонька, не понимаю — чем вчера тебя я огорчил?

Прости меня, но… я был таким же, как всегда.

Два дня, Изулик, писать не мог, с утра до ночи переписывал записку.

…

С утра сегодня весь день был в институте на кафедре экономики и на своей. 1 ноября отчитываюсь перед комиссией (предварительной). Как ни странно, но первым я закончил все.

…

Все будет хорошо, если я в НИИ уйду, а если нет, что тогда? Возможно, и Свердловска мне не придется увидеть.

…

Ведь НИИ аргументирует свою просьбу, во-первых, правом своим на часть инженеров из нашего выпуска, а во-вторых, моим письменным заявлением, которое гласит о категорическом отказе работать в системе кинематографии и большом желании работать у них. А сейчас, если меня не отпустили, то… вопрос уже решится без участия меня. Рискнул я здорово весной, написав такое заявление.

…

Так вот, Изуленька, сейчас судьба моя решается, а это все-таки не шутка, приходится серьезно задуматься.

Допустим я в НИИ, т. е. вся моя жизнь должна заключаться в серьезной научной работе в военном

учреждении, где нужно много силы и труда отдать, чтоб быть полезным. Посвятить себя всецело формулам, теориям, мечте технически свободно мыслить, короче говоря, учиться, но… с результатом, который в жизни можно не увидеть. А это очень трудно. Хватит ли меня для этого?

Второе — студия, там, безусловно, интересней, особенно сейчас, когда еще, по сути дела, вступаешь в жизнь и кроме того работа там связана с искусством, с творчеством, отличным совершенно от того. А к этому когда-то я стремился здорово, да и сейчас стремлюсь — мне нравится подобная работа, и я бы очень хотел посвятить себя именно этому, но… много есть препятствий.

…

Письмо, Изулька, твое я получил — спасибо, милая.

Я очень рад за твои успехи, напрасно ты волновалась, чудачка ты великая.

…

Потом, Изульчик, хоть мне и очень стыдно за себя, за слабость глупую свою, тяжелым бременем она уж больше месяца со мной и мне не стоило б писать об этом; но я считаю, что скрытность еще страшнее и глупее. Пусть этот недостаток будешь знать и ты. Мне очень почему-то больно, когда ты пишешь о своих «поклонниках», об институтских и о последнем, поэтому не надо больше мне писать об этом, я прошу тебя. Потом ты лучше мне сама расскажешь, при встрече.

За эти дни прочел две книги «Пулат из Гульру» и «Глубокое течение». Последняя сильная книга, вернее, отдельные места — хороший язык.

А сейчас начал читать Лаптева «Путь открыт», начало неплохое.

Вообще, Изулька, настроение дурацкое, не знаю, что со мной творится. Никогда так не было со мной, как в последнее время — полное безразличие ко всему окружающему, скорей бы последний месяц проходил. Защита начинается после праздников в день моего рождения — какое совпадение.

…

P.S. А Софа, увидев на стене фотографию твою спросила: «Что это, сестра твоя, она очень похожа на тебя». Ответил я, что нет — это

моя… — Изулька!

…

* * *

23.10.52

Записка, с одной стороны написано Изой, с другой — Славой:

Слава, что произошло? Почему ты так говорил по телефону? Если у тебя дурное было настроение, то ты мог сказать об этом, не вводить в заблуждение меня. И еще запомни, что теперь ты ничего не скроешь от меня. А если ничего не произошло, то для меня тогда совсем ничего не понятно. Но я думаю так, что любви на словах не бывает, не нужно обманывать ни себя, а тем более меня. Подумай, пожалуйста, об этом, если тебе, конечно, еще не надоело совсем думать обо мне.

Изольда.

«Изольда» — как хорошо звучит.

Спасибо, Изонька, выходит, это заслужил я.

Но все-таки сказать мне хочется еще раз: я никого и никогда, Иза, еще не обманывал и особенно тебя — кто дороже и милее всего на свете.

Вячеслав.

P.S. И любить я умею только сердцем.

Конец записки…

* * *

24.10.52

А сегодня получила от тебя письмо. Славка! Какой — ты правильный человек!! Ты знаешь, я горжусь тобой, горжусь и того, что люблю именно такого, как ты, Слава! Именно так все и бывает, как ты пишешь о неудачах и о характерах, которые слабы, когда они гнутся под давлением этих неудач. Со мной ведь это случилось. Да! А на ошибках учатся. Это очень правильно, ведь я это испытала сама не однажды.

…

Видишь, какая я Славушка, несдержанная, не могу

больше молчать, потому что люблю тебя сильно-сильно, а поэтому и не могу не писать. Родной! Пиши скорей мне, а то письмо изорви, оно ненужное, тем более, что если ты чувствуешь себя так же, как и прежде, что любишь меня, то мне ничего больше и не надо.

…

Но я люблю тебя, люблю миллиард раз.

Целую родного моего Славку, крепко-крепко.

Вечно твоя всегда Изка.

* * *

26.10.52

Я понимаю, что полная откровенность с человеком, которого полюбил по-настоящему, очень опасна и может принести много вреда влюбленному, но…

Обычно люди стараются скрывать свои истинные чувства и показывают себя и видят другого человека через розовую пелену, которая впоследствии превращается в черную. И благодаря этому довольно длительный промежуток времени наблюдается у них истинно любовный период — они дышат друг другом. Вот почему все «опытные» дают советы, которые предусматривают некоторую скрытность по отношению к любимому человеку. Но… я не хочу никакой скрытности, я хочу быть открытым перед человеком, которого я люблю, которого действительно можно считать своим другом, товарищем, который бы понимал меня с одного слова, с одного взгляда и который бы верил мне. Может быть, мне кто-нибудь скажет, что так не бывает, — так я отвечу: никогда этому не поверю, а если действительно придется убедиться в противоположности своих мнений, то, простите, я согласен быть один.

И с совершенно ненужными сомнениями, ожиданиями и, самое главное, недовериями я не нахожу нужным оставаться.

Пусть будет гораздо труднее мне, пусть я буду одиноким, пусть — но это все-таки лучше, во всяком случае, нет постоянной меланхолической игры струнок души, пусть будет очень, очень тяжело.

Нехорошо у нас с тобой получается, Иза, все это очень печально кончиться может для нас обоих. Я не

верю теперь тебе, Изулька, мне очень нехорошо сейчас, я не нахожу себе места.

Может быть, тебе это покажется странным и ты скажешь: «Как быстро меняется Славка?» Нет, Изонька, меня очень трудно в чем-либо разубедить.

Я не могу даже себе представить, что моя любимая Изулька могла так подумать обо мне, — та, которая заменила мне абсолютно все и которая сейчас, в очень напряженный для меня промежуток времени, «обрадовала» меня таким недоверием.

Ведь ты, Изулька, заметила за мной совершенно мнимую вещь и неужели ты не могла спросить меня просто, как своего Славку.

Тебе я мог бы писать о своих волнениях и опасениях больше, даже почти после каждого твоего письма.

Эх, Изулька, ты моя Изулька, зачем так делать?

Изонька! Хорошая ты моя, я тебя очень прошу, и это совершенно серьезно.

Приезжай сюда числа 4-5-го, я думаю, что это возможно, — все будет зависеть от тебя.

Мне очень необходимо с тобой поговорить — очень.

А верить я тебе все-таки верю — честное слово, не подумавши я написал выше.

После получения этого письма позвони мне, пожалуйста.

Жду тебя, Изонька.

Целую крепко, крепко мою дорогую, любимую Изульку.

Твой Славка.

* * *

26.10.52 г.

Здравствуй, милый мой, Славка! Вот уже 12-й час и, как всегда, я не могу не написать тебе, иначе я не усну. Родной мой! Мне очень и очень сейчас не по себе, дело в той неделе, когда я пробыла в Ленинграде, все тянется…

* * *

Без даты

Изулька, здравствуй!

Утром получил твою записку, которую решил отправить обратно, — мне не нравятся нисколечко такие шуточки. Запомни, Изонька, что у меня хватит силы на то, чтобы сказать правду, и я вполне отвечаю за все свои поступки и серьезно сказанные слова и в первую очередь перед тобой.

…

* * *

27.10.52.

Славушка!

Вот ты какой, я не думала. Я считала, что мой Славка гораздо серьезнее меня, а оказалось не гораздо, а только капельку. Не обижайся, я не велю тебе обижаться, а вечерние слова возьми назад, как сделала я. Ведь все так вышло, но больше ничего не будет, будет все очень хорошо, очень хорошо. Из всего этого мне понятно, что я поступила неправильно. А почему и как что будет, известно только мне одной, тебе знать об этом не обязательно.

Сегодня у нас продолжение показа отрывков, не знаю, как будет, но боюсь ужасно, показываем из «Доходного места» Артур, Ритка и я. В субботу репетировали, но «пусто» было до предела. Не знаю… Ничего не знаю, провалимся, наверное. С Риткой творится что-то ужасное, она вообразила, что ее отчислят, потому что не дают больших ролей. Я с ней не согласна, ей дали роль и притом хорошую: Ваську в «Спутниках» и полковницу Карпухину в «Дядюшкином сне», но она хочет Фаину (мою роль), ибо считает, что это ее роль, а Б.Вл. считает, что это не для нее роль, даже внешне она не подходит. В субботу ехали с ней домой, она всю дорогу мне жаловалась на плохое отношение к ней со стороны Ольги Ивановны. В общем она в ужасно убитом состоянии, а ведь трудно, очень трудно здесь переубедить человека.

А в субботу с утра глядели «Богатую невесту». Ужасно! Раньше я была в восторге от этой комедии, а сейчас, Славушка, это не то, нам, современному советскому зрителю, уже не смешно. Есть такие скучные места, особенно Ладынина, она уже не интересна, даже

внешний вид ее не привлекает. А сейчас режиссер этой картины работает над исторической картиной «Иван Грозный», по заданию «правительства». Сейчас всем знаменитым режиссерам поручено создать новые картины о великих людях, хотя уже есть такие картины! А Пырьев всегда создавал фильмы на деревенские-колхозные темы («Кубанские казаки», «Свинарка и пастух» и др.). Так у нас смеются, что он создает «Ивана Грозного», где будут трактора, а Марина Ладынина будет играть Марию Ногуб и будет петь «каким ты был». Просто трудно представить Пырьева в историческом жанре.

А кроме того, в субботу у нас Надя (новенькая девочка, в которую был влюблен Артур) выкинула номер, так сказать, эта девица, которая с недавних дней нам безумно нравилась, теперь показывает свое истинное лицо. У нее не было тапочек на движение, она попросила у нашей группы (курс разбит на две группы, мы шли на пантомиму, а ее группа на акробатику), но тапочки все уже отдали и ей никто не смог дать, так она надулась, позвала Белова и приказала ему найти ей тапочки. А девки у нас ужасные язвы, ну и подъязвили Белова: «Дескать, ха-ха. На побегушках». Он никуда не пошел, и она осталась без тапочек, фыркнула и ушла с занятий домой. А сегодня дуется и ни с кем не разговаривает. Как глупо, не похоже, что ей 22 года, правда, не солидно? А после занятий я, Ритка и Артур должны были репетировать, но Ритка была занята в другом отрывке и, пока мы ее ждали, Артур начал мне раскрывать свою душу, как прежде, о своей личной жизни рассказывать, дал почитать письмо от девушки из Дзержинска, ты, наверное, ее знаешь, она училась в техникуме и живет на вашей улице, такая Эля Комарова. Ну вот она в письме пишет о своем падении, о том, что ей трудно без Артура, она месяц тому назад была из-за него в Москве, но как раз в момент страстного его увлечения Надей. Так что она несчастная, его даже не видела. Ну, он мне все описал, как он себя к ней чувствует и как глядит на это дело. Славка! Честное слово, он самый настоящий зверь, противное животное. Если бы ты послушал, что он говорит, а о мальчишках нашей группы он мне тоже все рассказывал такие гадости. А потом сказал, что Надьку он ненавидит, потому что трудно с ней «сговориться», — вот гад… Я чуть ему по морде не дала, такое отношение

к девушке. В общем он говорит, что он ее и не любил (я была права), а Элька ему надоела. А когда он о себе наговорил кучу всяких откровенностей, тогда мне с ним стало так тошно, так тошно, что я чуть не ушла.

Так он стал о тебе спрашивать, а потом говорит, что я дура, потому что все равно Славка тебя разлюбит или изменит, говорит, знает природу ребят лучше твоего и можешь не ругаться (я ему чуть в морду не дала).

Такой хам, просто жуть.

Славушка!

Я, конечно, ему не верю, но все-таки ведь может быть так, что тебе встретится девушка…

И чушь опять пишу, прости, родной. Больше не буду.

А вчера целый день без всякого творчества. Славка, ужасно не люблю воскресенье, одна тоска и ждешь понедельника, чтобы идти на занятия.

В комнате муки ада, потому что девки все разные и без конца спорят, ругаются и вчера о замужестве такое болтали. Девчонки и есть девчонки, ничего не скажешь.

До встречи, родной мой, до встречи.

Напиши, как в Ленинграде, как чувствует себя «прочное». Иначе я опять приеду налегке.

Целую, радость моя, не дури, и с дипломом чтобы был порядок, а то по ушам…

Всегда твоя *Изка.*

Приветы всем-всем.

Иза.

…

* * *

27.10.52 г.

Изулька, здравствуй!

И все-таки я опять тебя прошу, чтобы ты приехала, это совершенно серьезно, и ты, пожалуйста, не делай никаких глупостей. Ты понимаешь, что ты наговорила вчера по телефону.

В общем тебя я жду.

Завтра вызывает директор, решается моя судьба.

Целую тебя.

Твой Славка.

* * *

28.10.52 г.

Изуленька, родная, здравствуй!

Мне очень тяжело, я не могу больше так мучиться; в прямом смысле слова. Что ты со мной делаешь, Изулька, родная моя.

Ты понимаешь, что я тебя люблю, для меня ты самое дорогое, самое бесценное — Изка, зачем толкаешь меня на неприятные для меня вещи, ведь ты же можешь погубить меня. Я всегда был сильным, всегда я был уверен в себе, я мог всегда держать себя в руках, и никогда мне не приходила мысль, что я могу оказаться ребенком, совершенно беспомощным, какой я сейчас. Сейчас я ничего не могу делать, я стал без воли, без силы, внутренне разбитым человеком, а ведь через несколько дней мне защищать диплом, а еще столько мне нужно делать! Ведь я сейчас в полной неизвестности — что со мной будет, я не знаю.

Почему ты так сумела заставить меня полюбить тебя, почему, Иза, ты мне всегда писала так открыто, так хорошо, что я люблю Изку, что она самая хорошая, — она это то, что я искал. Неужели ты играла??? Тогда было бы лучше, если бы об этом ты мне сказала, я бы совершенно по-другому к этому отнесся. Я бы ненавидел тебя тогда. Но сейчас я не знаю, что делать, ты говоришь, что любишь меня, что тебе очень тяжело, но… делаешь ты совсем другое. Неужели у тебя нет души, неужели все то, что ты говорила, было отговоркой, которая могла на то время просто-напросто поддерживать атмосферу, в которой тебе хотелось быть.

Иза! Я сейчас слишком слаб, я настоящий дурак, я безвольный человек в настоящее время, я не нахожу себе места. Ты можешь, конечно, торжествовать, можешь смеяться надо мной — можешь делать все, что тебе угодно, — ты герой сегодняшнего дня. Но… это хорошо (конечно, для тебя), если ты так свободно можешь забыть все сказанные ранее свои слова, забыть все обещания, забыть все самые возвышенные чувства человека (как ты пишешь), это очень хорошо будет для тебя — ты просто будешь тогда счастливой. Ведь такое в твоей жизни еще может встретиться не раз. Все это очень хорошо, Изонька, но почему ты не можешь сказать об этом мне, я бы не стал на тебя сердиться, нет, — я бы ушел от тебя

— зачем ты меня обманываешь, зачем ты играешь со мной, неужели ты не можешь понять, что такое, когда человек любит и знает, что его любят. Конечно, Иза, эта дурь со мной пройдет, я в этом уверен — но ведь после всего этого я буду другим в этом отношении, зачем ты меня толкаешь на такое преступление? Неужели мне придется сказать о тебе, что ты совершенно бездушный человек, как многие, Иза, — подумай хорошенько, что ты делаешь.

В дальнейшем я не ругаюсь и не отвечаю за свои слова, я буду поступать, как буду считать нужным, не сердись тогда на меня, моя любимая, единственно дорогая, моя родная Изулька. Я понимаю, Иза, что после этого такого жалкого, такого унизительного признания может многое измениться, — пусть, сто раз пусть — я ничего не боюсь.

Скажи мне только правду, что думаешь и что ты хочешь делать?

Об остальном ты можешь не беспокоиться.

Жду, Иза, ответ.

Лучше будет, если ты позвонишь.

До свиданья.

Пока, да нет — это неверное слово -

Твой Славка.

P.S. Но учти, он не будет слабым, как сейчас, и это плачевное безвольное письмо — первое и последнее. И я тебя, Иза, очень прошу, после чтения изорви его — это моя последняя просьба.

* * *

28.10.52 г.

Изулька, здравствуй!

Порви, пожалуйста, последнее глупейшее письмо, а если ты вначале будешь читать это, то утреннее не вскрывай совсем.

Как интересно все-таки бывает в жизни, как быстро может все меняться.

Сейчас вернулся из института, был у директора, где находился гл/инженер с московского з-да «Кинап». И точно оправдался разговор, который слышал раньше, — мне предлагают место на вашем «Кинапе» и даже с

комнатой, в 2-х шагах от завода, на площади. Работа конструкторская по киносъемочным камерам.

Согласия пока я полного не давал, не знаю, что и делать?

В части НИИ директор мне сказал: «Вас туда мы не отпустим и не старайтесь больше говорить об этом».

Я спросил, а как же тогда со студией? — «Если министерство посылает вас в Москву, значит это важнее, чем студия». И точка.

Какой же сумасшедший конец этого месяца, и началось, как это ни странно, со сна, который первый раз запомнил я и рассказал Ан. Ст. — а она ответила, что будут у тебя большие перемены. — Так оно и есть. Каждый день приносит совершенно новое, о чем даже и не думаешь. Все получается наоборот. А, наплевать, ведь что ни делается, то только к лучшему. Ведь это ерунда, главное, диплом не делается, да и Вл. Мих. как нарочно нет, а 1-го сдавать все комиссии. Но ничего, ничего — все это пройдет и все опять будет хорошо, я верю в это.

А писем, Изонька, я от тебя уж третий день не получаю. Молчишь. Ну что ж — тебе видней, как поступать. Изулька ты Изулька — какая бессердечная все-таки ты. Вот я смотрю сейчас на тебя, на фотографии, и мне не верится, что со мной позавчера разговаривала именно ты, которая сейчас смотрит на меня.

Пиши, звони, делай что хочешь, но объясни скорее, что с тобой?

Целую тебя крепко, крепко.

Твой Славка.

* * *

30.10.52 г.

Изонька, родная моя, здравствуй!

Получил сегодня твое письмо — спасибо. Ох, и вредная все-таки ты, почти неделю ничего не писать. Ну ладно, тебе попадет, когда ты будешь здесь.

А вообще страшная ерунда получилась на этих днях — вот что значит психика человека, смешно сейчас, честное слово! Ну ничего — это большой урок на будущее.

Новостей за эти дни никаких не было.

…

Диплом почти закончил. 1-го будет все ясно, что скажет комиссия?

Два часа тому назад получил открыточку на разговор с Москвой — это хорошо, правда? Изонька! А погода у нас сумасшедшая, как я. Вчера, например, был снег и холод приличный, а сегодня вот сейчас идет дождь. Но в праздники, конечно, будет холодно, судя по прошлым годам, так что ты одевайся теплее.

…

Ну вот, Изулька, милая моя, на этом и кончаю, жду писем от тебя, а потом… и тебя — хорошую мою.

До встречи, любимая моя.

Целую крепко, крепко Изульку милую мою.

Твой Славка!

* * *

2.11.52 г.

Изуленька, милая моя!

Изонька, никогда со мной подобного не случалось. Я понимаю, что во многом не прав, но я ничего не мог с собой сделать. Неужели ты не понимаешь, что это только из-за того, что я тебя очень, очень сильно люблю. Ведь самое дорогое, самое бесценное и любимое на свете у меня — это ты, Изуленька, — это честно, открыто и искренне.

А сомнения — это ведь так естественно и жизненно для тех, кто любит. Ты сама говоришь, что ты сомневалась, но… сразу об этом мне не писала и не говорила. Я же тебе написал тут же, как и что я думал, но меня поняла ты по-другому — да ведь и я тебя так понимал.

В общем, Изульчик, не нужно больше так, давай раз и навсегда покончим с этой ссорой, она совершенно не нужна и главное нисколько не подходит к нам обоим. Ведь все, что получилось у нас, я всегда считал самым великим злом в жизни людей, но не знал причин его возниконовения и, действительно, никогда не думал, как поступал. Вот ты, Изонька, пишешь мне, что я не искренний, а мне кажется наоборот, что ты не искренна,

а почему — да потому, что я тебя люблю, что я дурак великий, что никогда еще я не любил. А вот как полюбил — так и струсил. Я слишком слабым оказался, Иза. Но это большим уроком будет для меня.

Изульчик! Милый мой — пойми, что ничего и никогда я не хотел тебе плохого.

Я люблю тебя и, несмотря ни на что, для меня ты останешься самой любимой и дорогой до конца жизни, как я тебе еще говорил летом. Без тебя я не мыслю прожить и дня, ты — жизнь для меня.

А теперь, Изонька, я тебе напишу, почему я хотел, чтобы ты приехала. Почему я раньше не говорил, думал, что ты сама понимаешь.

Мне очень хочется быть с тобой, ты это знаешь, но условия нам этого не позволяли, ибо при любых вариантах до 28-го мне обязательно нужно было быть в одном городе — тебе в другом.

Но это неважно, все равно через некоторое время мы были бы вместе, но это все-таки так долго. Ведь все эти 4 месяца, все мечты, все мысли были только о тебе, Изулик, и когда вспоминаешь, что еще целых 2 года быть в разлуке, — это ужасно тяжело.

И вот 28-го совершенно неожиданно предлагают ехать в Москву работать, но площадь там дают лишь женатым. Я сначала не знал, что отвечать, откровенно говоря в Москву меня не тянуло из-за работы… Но… ведь там же Изка… и я сказал тогда, что сейчас холост, но к заполнению анкеты на работу я буду женат и мне нужна комната.

Почему я так сказал уверенно, опять-таки исходя из твоих ранее сказанных слов, когда ты говорила, что если будет что-нибудь серьезное, то решай сам. А твоим родителям, Изулька, я думал, что мы можем позвонить отсюда, когда ты будешь здесь, т. е. в праздники. Правда, формальность эта делается в течение 7–8 дней, но здесь можно сделать за 3 дня.

И опять таки я думал, что сначала я позвоню в Дзержинск, и если будет положительный результат, то можно будет сделать все. Вот так обстояло дело.

О дипломе немного.

Только что пришел от Вл. Мих. — опять неправильно, а что — понятия не имею, он сам не знает, что должен сделать я (по крайней мере такой вывод сделал я для себя). Завтра проверяет комиссия, с 1-го

перенесли на 3-е.

И все наверное лишь потому, что очень рано я закончил. В общем получается страшно неприятно и чем кончится не известно. Желания что-нибудь делать абсолютно никакого и ничего делать не буду. Правда, дополнительно ко всем на кафедре мне дали еще задание — сконструировать приспособление, чтобы был полностью показан весь процесс, — но это к теме не относится. Что ж, раз велят, придется сделать.

Изонька! Опять все с той же просьбой.

Приехать сам я не могу, ты понимаешь, что такое диплом. Но тебя я прошу приехать и ты можешь это сделать, приезжай, Изулька, я очень хочу тебя видеть. Поговори с Б.Вл. раньше, а если ничего не выйдет — приезжай хотя бы на один-два дня. Когда тебе будет нужно, ты уедешь. Защиту у нас перенесли на 20.12, так что все закончится в декабре.

Я жду тебя, любимая моя. Целую тебя крепко.

С тобой всегда твой Славка.

* * *

10.11.52

Здравствуй, любимая моя!

Изонька! Я не мог написать тебе в поезде, просто невозможно было — на полке неудобно, а внизу сидели какие-то непонятные, удрученные люди, которых мне не хотелось тревожить. Не сердись, родная моя.

Изулька! Мне хочется написать тебе вот о чем.

Почему?… Почему до этого злополучного 22-го у нас с тобой было так светло, так хорошо, что, казалось, никакие силы ничто не может нас с тобой разъединить?

Мы с тобой были единое целое. О! С 22-го было что-то ужасное, как будто бы все перевернулось и открылся совершенно новый мир. Все дни приходилось только спрашивать и говорить самому себе: — неужели это было сном, который обычно забывается к обеду, как бы он хорош ни был? Я не мог представить себе, что моя Изулька, моя родная, самая бесценная и любимая девушка, которой я первой отдал свое сердце, к которой были все мечты, все мысли, так холодно ответит на мою любовь. Это очень страшно, Изулька.

Но я не верил этому и не верю. Вот сейчас я вернулся от тебя, но на душе у меня все-таки неспокойно. Ведь, Изонька, как далеки были эти 4 дня, проведенные с тобой от тех, прежних, когда мы были с тобой самыми счастливыми, самыми радостными на свете, — это были незабываемые дни нашей дружбы. Но почему они не могли быть всегда такими?… ведь тогда-то не люди, не окружающая среда, заставили нас полюбить и любить друг друга. Нет, не взирая ни на что, мы были с тобой всегда вместе, нам было всегда хорошо, это чувствовалось во всем. Я, Изонька, всегда понимал каждое твое слово, мог читать в твоих глазах все, что ты думала, простое твое прикосновение говорило о большой любви, которой никто и ничто не могло помешать. Я верил в это, да и сейчас нельзя сказать, что я тебе не верю, — это не то слово. Я верю тебе, милая, но просто волнуюсь за некоторую скрытность и отчужденность, которая появилась две недели тому назад. Я не хочу, Изонька, чтобы ты от меня что-то скрывала, не нужно этого делать. Очень прошу тебя — говори только правду.

А то, что было в течение последних двух недель, больше никогда не должно повторяться, и не будем об этом больше вспоминать.

Я верю в тебя, Изулька, верю в то, что у нас будет всегда очень хорошо и светло, — ведь это же зависит только от нас и ни от кого другого. Согласна ты со мной? И еще, Изонька, я хочу, чтобы ты мне объяснила смысл написанных на фотографиях слов (…«боюсь за тебя»… «ситуация» и т. д.) вчера я не совсем это понял.

На этом, Изулька, кончаю. Сейчас сажусь за диплом, вечером пойду к Вл. Мих.

Утром встретил у вокзала Андрея (товарища из группы), передает тебе большой привет.

Жду, Изонька, писем.

Пиши мне чаще, милая моя, больше и все подробно. Большой привет тебе от наших, получил письмо, телеграмму и даже перевод — красота.

Пиши, любимая.

До свидания.

Целую тебя крепко, крепко, как всегда.

Всегда с тобой твой *Славка,* и только ТВОЙ.

Изонька! Жду от тебя фото. Присылай скорее. Люблю тебя, хорошую мою. Никому не отдам тебя и никогда. Ясно!

* * *

11.11.52

Здравствуй! Славушка!

Подействовал на меня праздничный дождь, заболела гриппом.

У нас теперь смена отрывков. Дело в том, что Мишке нужен отрывок, в котором он бы мог показаться на экзамене. Отрывок из «Волки и овцы» очень хорош, но как бы мы ни играли, его все равно не пустят на экзамен, мне еще не разрешат играть Мурзавецкую. Поэтому мы сегодня переменили все: взяли отрывок из Грибоедова «Горе от ума», Мишка — Молчалин, Маша — Софья, я — Лизонька. Мне самой это больше нравится, особенно Лизонька.

…

Сегодня получила от одной девушки письмо с Кубани, она пишет о своей учебе и скромно о том, что чуть-чуть не вышла замуж. Но все-таки не вышла, меня это почему-то обрадовало. Ты не знаешь почему? А впрочем, зачем я тебе это пишу? Ну, хватит, пиши, Славушка! Целую родного крепко-крепко.

Твоя Изка.

* * *

13.11.52

Славушка, милый!

Я сегодня, наконец, получила от Вашей милости письмо на почте, только оно почему-то распечатанное было, в следующий раз будь осторожней. Как ни странно, но грипп у меня прошел после того, как я съела в момент сильного жара 2 мороженых и легла в постель.

…Целый день занятия-занятия, только сейчас (8 час.) освободилась, сижу на почтамте и пишу тебе, мы приехали сюда с Асей, от нее тебе теплый привет. У нее 14 ноября день рождения (27 стукнет), справлять будем в нашей комнате в субботу, человек 15, она даже пригласила ребят, будет аккордеон. А вчера я была в кино, смотрела эту гадость «Королевские пираты», какие штампы и совсем нет души в образах.

Ты уехал, а я опять вдарилась в чтение, сижу читаю

на лекциях, сегодня чуть с самозащиты не попросили.

Скоро вышлю тебе, наверное, свои «морды», потому что вчера меня Сашка затащил в павильон и щелкал целый час, обещал сделать.

Сейчас вместе с письмом поздравления посылаю тебе по телеграфу.

Значит, у тебя завтра день рождения… Ну, что ж! Поздравляю и желаю счастливой жизни, дорогой мой, самой счастливой, что есть на свете, и чтобы было все так, как тебе хотелось, как думалось, так и исполнялось. Мой день рождения придется встретить не вместе, ну да ничего.

Самое главное, чтобы ты в этот памятный вечер был весел.

* * *

13.11.52

Изулька, родная, здравствуй!

Оказывается, я не на шутку разболелся, только сегодня, Изулик, поднялся с постели, что случилось со мной — не понимаю? Ведь за 5 лет жизни в Ленинграде впервые так со мной случается. Но ничего, скоро все пройдет, правда, Изулик? Изонька, а с дипломом пока у меня все хорошо. Был на кафедре, взял направление к рецензенту и у Вл. Мих. тоже был, записку проверил окончательно, хотел подписать, но у меня не было титульного листа. Просто зло берет — надо же разболеться в эти дни, тысячи бед на голову в одно и то же время. На всю жизнь останется в памяти окончание ЛИКИ. А… все это ерунда, главное не в этом. Скучаю очень без тебя, милая моя, душа так рвется к тебе, Изулька, честное слово. Не пройдет ни одной минуты, чтобы я не вспомнил мою любимую, родную Изоньку, даже во сне ты теперь со мной. Да как нарочно в голову лезут твои слова, написанные на фотокарточке… «вместе быть нельзя»???

Но почему, как это глупо, очень даже. Я не верю в это, Изулька — объясни мне, Изулька, хорошая моя. И писем все нет от тебя — ничего не понимаю.

Смотрел, Изулик, картину «Парень из тайги», и так мне захотелось уехать в тайгу, в глушь — как там хорошо. Не хочется мне сейчас ехать ни в Свердловск, ни

в Москву — хочется куда-то далеко, далеко, лишь на природу и любую работу делать я согласен, и… чтоб только Изонька моя была со мной. Мечты… о, как вы глупы иногда.

А потом смотрел и «Случай в пустыне» — так себе, смотреть можно от нечего делать.

Изулька! Письмо твое получил — спасибо, родная, я сразу выздоровел и голова не болит теперь. А девки правильно сделали, потому что все равно скоро будет так, другого быть ничего не может — так должно быть, слышишь ты меня, радость ты моя. Ведь как я люблю тебя, Изулик, — крепко, крепко, — звездочка ты моя хорошенькая. А потом вот что я тебе скажу в части окружающей среды и обстановки. По-моему, она страшна и действует болезненно на тех людей, которые борются за идеи только тогда, когда они побеждают. На тебя, Изонька, я не обижаюсь и никогда не буду обижаться, это совершенно ненужное в нашей дружбе, я думаю больше нам никогда, никогда не придется обижаться друг на друга, согласна ты со мной?

Изулька! Получил я еще одно письмо от моей коки, которая так хорошо всегда относилась ко мне, с самого раннего детства, и ты представляешь, что она пишет. Врачи признали у нее первые признаки рака и сейчас она в очень тяжелом моральном состоянии, какое она прислала письмо — вот она какая жизнь.

Я тебе вырезал и присылаю несколько строк из ее письма, очень жалко ее, Изулька, ведь она такая хорошая, единственный человек с которым я обо всем мог говорить, а как трудна ее была жизнь.

Изулик! Фотки я тебе высылаю маленькие, большие отпечатаю после защиты.

Кончаю, милая, на этом. Жду от тебя писем больших-больших.

А целую я тебя все равно больше чем (знак бесконечности. — *Авт.*) и люблю крепче и сильнее, чем ты меня. Это точно.

Пиши, Изонька, мне очень скучно без твоих писем.

Большой привет Асе, Юле, Артуру и всем, всем.

Тебе приветы от кв. № 11.

Целую родную, любимую Изульку.

Всегда с тобой

твой Славка.

P.S. Изуленька! Может быть, ты мне объяснишь, какая разница между искусством и моралью?

* * *

16.11.52

Изулька! Милая, здравствуй!

Вернулся из Дома кино, на обсуждение не захотелось оставаться, проголодался здорово — вот и убежал. А сейчас сижу дома один, по радио «30 серебрянников» передают — чудная вещь.

А кино ничего, хорошее — сама пьеса чинненькая, а поэтому и фильм должен быть обязательно хорошим. И играют артисты хорошо. Наш Горбачев хорошо играет, правда? Сейчас он работает на сцене в Горьковском театре.

Делать нечего, Изулька, понимаешь — это, пожалуй, самая нудная штука. По диплому все закончил, читать нечего, фотографией заниматься не хочется — просто не знаю, как остаток вечера провести. Всем письма буду писать, самое лучшее.

От тебя сегодня письмо не получил. Вчера тебе отослал, опять чушь какую-то написал.

Вот что ты хочешь делай, а я никак не могу избавиться от таких мыслей, и откуда они берутся, просто не представляю.

Какая все-таки интересная жизнь, сколько в ней встречается и хорошего, и плохого, и как плохо чувствовать себя слабым, не быть уверенным в своих мыслях и словах. А стараться быть сильным обязательно нужно, иначе можно оказаться порошком — это очень печально.

Ничего, все будет хорошо, так, как нужно.

День прошел сегодня незаметно как-то. Встал в 12, позавтракал, а потом пришел Маркович, Алексей — в шахматы играли, а потом… потом в Дом кино поехал и сейчас уже дома.

Завтра на завод надо ехать, дел много. А за город так и не уехал сегодня, опять проспал. До защиты последние 3 дня остались, завтра начинают защищаться электрики, а потом и мы.

А затем знаешь, Изулька, днем сегодня мне опять гадали, но только на бобах. Приехала т. Дусина сестра из

деревни, ну они там сидели хохотали и всем гадали (верней, только т. Клава гадала, а все слушали). Ну когда я вошел, все ко мне обратились — иди, Славка, тебе сейчас правду скажут.

И она, знаешь, мне что сказала, что ты (это я) чего-то переживаешь, но потом тебе будет хорошо, а вот твоему другу сейчас очень плохо, это на кого я загадал. А загадывал я на тебя — что же плохого у тебя, Изулька? Она, конечно, неправду сказала. Все это чепуха, просто нечего делать.

А скучно как, Изонька, никогда за мной так скука не ходила, никогда, и чего я ей так понравился, что ей нужно от меня? Неправда, надоест скоро ей быть со мной.

Кончаю, Изульчик. Всем большой привет. Целую тебя.

Твой Славка.

* * *

16.11.52

Здравствуй, Славушка!

Я вчера еще получила от тебя письмо, большое спасибо, Славонька! Родной мой, зачем ты так пишешь, что останется в памяти у тебя окончание института. Значит, ты винишь меня? Ну, дело твое, как хочешь, думай, только я ни в чем не виновата, потому что если что и было, то все это от меня не зависит.

С зимними каникулами получается ерунда, вероятно, домой ехать не придется, останусь в Москве, потому что берет меня Очкин в диплом, съемки будут, я бы удрала, да сам Б. В. будет руководить этими съемками, но все-таки мне очень-очень хочется домой к родным. Мама мне прислала такое хорошее письмо.

А позавчера было комсомольское собрание у нас на актерском факультете, отчетно-перевыборное, а мы с девчатами и с Артуром в щелчки играли, потому что все было очень несолидно поставлено, было скучно, потому что не деловая обстановка. Вот.

А у меня какое-то состояние непонятное, то веселое, то грустное, для того, чтобы разбить это состояние, начала читать «Анну Каренину», вроде разгоняет это

состояние, говорят, что если читать про трагическое, то становится страшно и собственный страх пропадает.

А ты береги себя, а то в Ленинграде очень плохая погода, сырая, а ты и так болен и простужен. Береги себя.

Привет тебе от Аси, особый от Юльки. Мы сейчас друг без друга жить не можем, до того сдружились, мировая она девушка.

Целую тебя крепко-крепко, твоя Изка.

* * *

17.11.52

Здравствуй! Изулька!

Последние дни остались до защиты, немного страшновато сейчас. Ведь впереди масса неизвестностей, любой, самый ничтожный вопросик при защите может принести много неприятностей. Сейчас думаю набросать вчерне план своей защиты, ведь 20–25 минут нужно говорить что-то самое существенное и связное, чтобы не было похоже на детский лепет. Завтра еду за дипломом к рецензенту, что он напишет в рецензии? — это, пожалуй, самое главное. Ведь, в конце концов, слова руководителя и рецензента являются решающими.

Сейчас собираюсь в институт, электриков нужно послушать, сегодня у них первый день защиты, да последний раз проконсультироваться по металлам.

Вчера был в Д. кино, смотрел «Ревизора» — понравился фильм. На обсуждение не остался, голоден был здорово, решил уехать домой и пораньше спать лечь. Вот уже 3-й день по 13–14 часов сплю не просыпаясь, вдохновение какое нашло на меня, очень даже удивительно, что со мной творится? Это, наверное, от нечего делать. Действительно, время тянется очень медленно, с ума можно сойти, а делать ничего не хочется.

После защиты, если все будет хорошо, возможно, уеду на полмесяца в дом отдыха, куда-нибудь в Карелию, а может быть, опять уеду с «Хроникой» дней на 20. Что-

то я очень, очень здорово устал, Изулька, никогда в жизни не чувствовал себя таким нездоровым.

Вчера целый вечер, вернее, остаток вечера с Ан. Ст. все о тебе говорили, — очень жаль, что увидеть не придется, Изульку, говорит она мне.

Но это неправда. В кино-то обязательно должна увидеть. На этом кончаю, уже нужно идти, времени пятый час.

Погода опять испортилась, то дождь, то снег пойдет — слякоть страшная, быстро все меняется, нигде нет постоянства.

Кончаю, Изулик.

Большой привет с Ленинграда передавай Юле, Асе…

Тебе персональный от Ан. Ст. и всех остальных.

До свиданья.

Целую любимую Изульку крепко, крепко — как всегда.

Твой Славка.

P.S. Привет тебе от наших, большой, большой.

* * *

19.11.52 г.

Дороги!..
Как вы обманчивы.
Зачем они слились
В одну когда-то:
Лишь для того, чтоб
Снова разойтись?
За что же их благодарить,
конечно, есть за что —
Они были прекрасны.
Ну что ж, как будто бы
Сомненья справедливы.
Дай бог Вам всех ветров
Попутных, всех радостей
Земных и прочих, прочих
Развлечений.
Я был беспечен, глуп,
Не видел ничего перед
Собой, кроме звезды

Своей любимой… —
За это я наказан жестоко,
Тяжко, безвозвратно!

Но я не буду плакать, нет?
Я буду петь, да только нет
И не о том, что нет
Любви на свете, наоборот —
что она есть, была
И будет.
Я в это верю!

Славка.

Ленинград.

P.S. А честность в жизни — это больше, чем главное.

* * *

22.11.52 г.

Славушка, здравствуй!!!!!!

Вот наконец пишу тебе. Болела я очень. А вчера получила на почтамте от тебя, хороший, 4 письма. Очень хороший ты парень, Славка, просто чудо, я это очень хорошо чувствую, и мне очень жаль, что я такая плохая. Только не надо так писать, что я тебя не люблю, это неправда. Мне очень хочется, чтобы тебе было хорошо, очень хочется, значит, я тебя люблю, но повторяю, что я-то не для тебя, я очень плохая. Ты должен отнестись к этому внимательно, потому что я могу очень испортить твою жизнь, Славонька! Подумай, пожалуйста, дорогой, можешь ли ты быть со мной, ведь немного меня знаешь? Подумай, кем я буду и что меня ждет. Конечно, каждый человек имеет право на личное счастье, но я, очевидно, или ничего не понимаю, или это мое мировоззрение, но у меня нет никакой еще потребности в создании своего семейного счастья. Слава! Говорю откровенно. В этом явлении мне не нравятся многие вещи, даже такие, которые, можно сказать, известны нам двоим… Почему

так, не знаю.

Я сама решила так, что я очень и очень дурная, мне и нужно дурного человека, но только не сейчас, а через несколько лет, а ты очень хорош. Повторяю, Славушка, что мне очень хочется твоего счастья, почему-то мне просто необходимо знать, что ты живешь хорошо. Все эти дни я очень много думала и ничего не решила, но одно мне страшно вообразить, что у меня не будет друга Славки, очень трудно, почти невозможно.

Читала твои письма и видела, как ты остываешь, Славушка, да, это, пожалуй, так и должно быть, ты в конце концов во всем должен разобраться. Сейчас я лично не знаю, что делать, не знаю, напиши, но прошу тебя, подумай как следует, а не делай скороспешных выводов.

Скажу тебе откровенно, что моментами мне казалось, что я тебя не люблю, когда вспоминаю… но если представить, что Слава уже не мой друг, то мне становится не по себе, хочу, чтобы ты был мне другом, ты очень хороший, очень. Ведь я за эти дни многое пережила, многое случилось у меня происшествий, да еще проклятое моральное состояние с болезнью, но написать НЕ МОГЛА, а вот сейчас уже не могу больше молчать, нет сил!

Мне, конечно, нужно просить прощенье у тебя за подобный лепет, но иначе я ничего не могу написать, я чего-то жду, Славушка? Не знаю чего, но жду.

Напиши мне вразумительный ответ, хороший мой.

* * *

23.11.52 г.

Здравствуй, Изулька!

Жизнь, безусловно, очень интересна и разнообразна. И чем труднее она, чем больше на пути встречается различных преград, тем она краше, прекраснее.

Ведь преодоление любой преграды вселяет в человека большой прилив энергии, утраивает его силы, уверенность, толкает его на еще более трудный путь.

Бывает и обратное, когда человек оказался слабым и на данном этапе терпит поражение, либо непосредственно по своей вине, либо в силу каких-либо обстоятельств, но… несмотря на это он смело

продолжает идти вперед и исправляет свою или же чьи-то ошибки.

А бывает и по-другому, когда, достигнув вершины, познав в деталях весь пройденный путь, на последнем шаге человек падает в пропасть, совершенно неожиданно и причем по своей собственной, нисколько не оправданной вине. Вот с первым мне приходилось сталкиваться очень часто, но никогда я не грустил, не чувствовал себя подавленным, как бы трудно мне ни было. Я был всегда весел, я верил в себя и любая трудная минута, любое трудное дело учило меня, даже от неудач я получал удовлетворение.

А вот сейчас что произошло — это, пожалуй, самое страшное, самое кошмарное, что может случиться с человеком.

Аудитория, заполненная студентами, преподавателями, совершенно посторонними людьми, за красной скатертью сидит комиссия и… у чертежей с указкой в руке студент-выпускник. Вступительное слово председателя, затем декана и… началось. Сначала как будто шло хорошо все, ну а потом все изменилось в обратную сторону.

И когда окончилась защита, уже новоиспеченного инженера окружили его товарищи различных курсов и со всех сторон слышались одни восклицания — «Ты что с ума сошел, что с тобой случилось, ведь это был не ты!» Что мог ответить он? Да и стоило ли что отвечать — он бит был здорово, заслуженно, ответ и оправдание здесь были неуместны.

Вот так бывает в жизни, Иза, очень трудно, стыдно даже по улице идти в такие минуты, стыдно в глаза даже людям смотреть, а почему? — да потому что я действительно стал дураком, жалким, безвольным — противно мне самому сейчас на себя смотреть.

Что будет дальше, я не знаю. Работать куда-нибудь придется ехать далеко, на должность инженера с окладом до 700 рублей. И правильно — я большего не заслужил.

Поеду прямо на работу, без всяких отпусков.

Вот все, Изулька.

Часы тебе сделал, мировые стали, если не буду сам в Москве, то передаст тебе их Юра!

Всем большой привет.

Тебе привет от всех знакомых.

Целую тебя.
Такой сейчас

твой Славка.

Он действительно нехороший, жалкий.

* * *

24.11.52

Здравствуй, Иза!

До получения последнего письма я еще сомневался в своих предположениях, но, оказывается, еще я могу читать мысли на расстоянии. Месяц и два дня — это самый страшный, самый большой урок для меня.

Весь этот месяц я старался не думать о том, что, наконец-то, стало реальностью. Как это тяжело, ты даже не можешь представить себе, что было со мной, да и никогда не узнаешь об этом. Я не понимаю только, зачем, для какой цели нужно было так лгать, притворяться и показывать свои внутренние чувства с совершенно другой стороны. Зачем нужно было показываться любящей не только мне, но и людям, для чего нужна была такая видимость? Ведь играть можно лишь на сцене, а в жизни никому не дано права — это ты понимаешь, что такое, Изка, — это больше чем подло, это просто несовместимо с нашей действительностью.

Я, например, сужу по себе, что я встречался со многими девчонками, которых я не любил, но таких подлостей я не делал.

Я пишу тебе прямо, как писал всегда, т. е. как я думаю, как мне велит поступать мой внутренний мир, насколько я тебя раньше любил, настолько я тебя сейчас ненавижу, я презираю тебя.

Ты бросила в мою душу целый ад, все нечеловечное, самое противное я познал за один какой-то месяц. «Вечно твоя и только твоя…» — эх, ты, ты человек без мыслей и убеждений собственных, ты просо лживая с утра и до вечера и с вечера до утра!

Больше я тебе ничего не могу сказать.

Желаю всех попутных ветров.

Обо мне можешь не волноваться, я найду дорогу и девушку, конечно, найду, которая по-настоящему открыто будет говорить. Но с тобой мы еще встретимся.

Прошу тебя, пришли мне все до единой мои фотографии до 1 декабря, ибо 2-го я уеду.

Я все сказал, что думал, мне можешь больше не отвечать.

Прощай.

В.К.

* * *

24.11.52 г.

Ленинград

Мне очень жаль тебя, Слава, но я не люблю тебя более, потому что оправдалось то, чего я боялась: ты оказался слабее меня. Почему жаль? Да потому, что ты очень хороший парень, я хотела бы иметь такого друга, но чтобы любить еще его, то он должен быть для меня сильным человеком.

Можешь не беспокоиться обо мне, я никогда не пропаду, а пугать меня не стоит, я тебя не боюсь, несмотря ни на что.

Хотелось бы мне поговорить с тобой лично, я честна была перед тобой и всегда такой буду, поэтому мне стыдно с тобой встречаться.

P.S. Комната моя № 61.

* * *

28.11.52 г.

Здравствуй, Изулька!

Не хотел больше я тебе писать, не встречаться, но… не могу никак пока выполнить даже первое условие.

После того, как написал тебе последнее письмо, а писал я его в тот момент, когда самое страшное обрушилось на мою голову: диплом с четверкой, поиски причины для оправдания перед распределительной комиссией за свой обман, все-таки это очень серьезное дело, за каждое сказанное слово я должен отвечать с полной ответственностью и будущая работа — очень хотелось иметь работу, которая удовлетворяет тебя внутренне, а не то чтобы ехать куда-нибудь, даже в хорошее место, чтобы только отсиживать свои часы без

какой-либо искорки. Последнее твое письмо окончательно убедило меня в правоте моих сомнений, причем я его читал Ан. Ст. с М.Вас., они говорили то же самое, ну я и решил бухнуть тебе ответ. Но, Изулька, я и сейчас все-таки остаюсь при своем мнении, и свои слова я никогда не возьму обратно. Разница только в том, что если в тот момент я был очень зол на тебя, у меня все кипело, я никогда, никогда не допускал такой мысли, что моя хорошая, любимая Изонька может так холодно, так жестоко отнестись к Славке, после таких встреч, слов и отношений, которые действительно бывают один раз в жизни. Такого лета больше не будет — как легко писать, но трудно представить и поверить в это. Ведь я больше месяца ходил как чумной, кроме тебя у меня абсолютно больше ничего не было в голове, даже при защите все 50 минут ты у меня не выходила из головы, дело доходило до смешного — везде надо мной смеялись. Это было очень тяжкое для меня время, и сейчас я не могу представить себе, как все это могло случиться, как будто бы я был в потустороннем мире.

Ты можешь мне сейчас сказать и именно так скажешь: «Зачем он это пишет, ведь я уже не та»… Я знаю это, Иза, и все-таки пишу, потому что пока что я не могу еще отделить тебя от себя, несмотря ни на что я тебя еще люблю и почему-то все плохое куда-то улетучилось, а потом я всегда делаю так, как мне велит мое сердце. Сейчас оно разрешает, ну вот я пишу.

А сейчас, Изулька, уже несколько дней мне совсем хорошо, сейчас у меня есть хорошая идея — это работа, которой я могу отдать всего себя, все свои силы и знания, а ведь это в жизни главное, когда человек выходит именно на такую дорогу, о которой он мечтал. Я еду в Свердловск на студию, на творческую операторскую работу, даже большую, чем предполагал я раньше, уже получил путевку.

…

Будь счастлива, Иза.

Но в будущем так все-таки не поступай — это очень нехорошо, не нужно быть такой. Никогда не забывай одного, что вокруг тебя находятся люди такие же, как ты, ничуть не хуже и не лучше, не делай исключений для себя.

Тогда ты будешь очень хороший товарищ и друг.

За все плохое и нехорошее, по отношению к тебе, я

извиняюсь пред тобой, но плохого я тебе никогда не хотел.

До свидания. Славка.

Первые роли, первые разочарования

Сниматься в кино Извицкая начала за год до окончания института — в 1954 году, правда, пока только в эпизодах: в приключенческой ленте «Богатырь» идет в Марто», в оптимистической драме «Тревожная молодость». В них Извицкой ничего играть и не пришлось, но само участие в этих съемках прибавило юной дебютантке уверенности в себе. Первой заметной работой стало ее участие в мелодраме «Первый эшелон».

Он стал третьим фильмом с участием Изольды Извицкой и судьбоносным, задавшим тон всей ее дальнейшей творческой карьере. После роли трактористки и секретаря комсомольской организации Ани Залогиной Извицкая, с легкой руки режиссера Михаила Калатозова и оператора Сергея Урусевского, получила свою звездную роль — Марютку в «Сорок первом». Здесь же, в «Первом эшелоне», она встретила и своего будущего мужа актера Эдуарда Бредуна. Вот как предстают первые месяцы ее брака в ее письме школьной подруге Зорине Кормилицыной, написанном 12 декабря 1954 года: «Извицкая — идиотка. Вышла замуж. Да-да. Это реальное дело. Факт в паспорте. Но ты не огорчайся, мой котенок. Она, эта дрянная девчонка, которая называется актрисой, все такой же баламут и ничего не понимает в жизни. Она каждый день ссорится с мужем по поводу: кто глава семейства. Так еще и не выяснили. А расписались мы с ним 26 ноября. Да будет увит хоть один день розами и лианами. Короче, он актер. Снимается со мной в «Целине» (рабочее название «Первого эшелона». — *Авт.*).

Конечно, размолвки случаются в любой семье, особенно в молодой, пока не стерлись острые углы во взаимоотношениях молодоженов, но в данном случае, как показало будущее, первым разочарованиям суждено будет перерасти в годы устоявшихся несчастий и бед…

«Первый эшелон» стал творческим трамплином не только для Извицкой. Он открыл миру целую плеяду молодых актеров, впоследствии ставших цветом российской кинематографии и театра: Олега Ефремова, Татьяну Доронину, Нину Дорошину, Эльзу Леждей… Снятый прекрасными операторами Юрием Екельчиком и Сергеем Урусевским по сценарию Николая Погодина, проиллюстрированный гениальной музыкой Дмитрия Шостаковича, фильм рассказал о подвиге молодых целинников, борющихся со стихией и непогодой казахстанских степей. Это была актуальная тогда история, в духе своего времени. К сожалению, ныне данная мелодрама — редкий гость телеэкрана.

А жаль. Кроме удовольствия увидеть целый ряд любимых актеров совсем юного возраста, он знакомит нас с искренним энтузиазмом того времени. Наивность поступков патриотически настроенных героев компенсируется их искренностью.

Вот как вспоминает свою работу и встречу с Изольдой ***Нина Дорошина***, сыгравшая в картине одну из своих первых заметных ролей.

> «С Изольдой мы встретилась полвека назад на картине «Первый эшелон». Обе мы были тогда студентками — она четвертого, а я второго курса. В следующий раз мы увиделись на съемках «Неповторимой весны», когда я, в свою очередь, училась на четвертом курсе, а Изольда уже стала актрисой Театра киноактера. Мы были с ней тогда еще юные и очень неопытные, «зеленые» артистки. Все было интересно, все было вновь.
>
> На первом фильме у нее была любовь, мы ее и замуж там выдали за Эдика Бредуна. А потом жизнь нас развела: она была актрисой кино, а я театра, работала в другом месте. И в дальнейшем мне уже не приходилось с ней пересекаться, никак и никогда. Мы жили разными жизнями, занимались разными делами — она много снималась и разъезжала по фестивалям и встречам. У киноактеров свой образ жизни, нежели у драматических актрис. У нас свои дисциплина и режим. Мы привязаны к месту работы. Я знала, что Изольда снималась, была замужем и вначале жила с Эдиком вполне счастливо. Не знаю, когда у них произошел тот конфликт, о котором теперь знают все, почему они под конец жизни расстались…
>
> Наша жизнь на «Первом эшелоне» была очень интересной и событийно наполненной. Эта поездка на целину оставила в моей душе незабываемый след. У нас был совершенно потрясающий коллектив. Экспедиция длилась восемь месяцев. Все это время мы жили отдельно от дома, своих близких, собственной взрослой жизнью, как туристы — в палатке, в вагончиках. Любили собираться вечерами под полным звезд небом, с песнями, танцами, ночными кострами. Нас переполняла такая радость, такое счастье… Вокруг такие красивые места — цветущие поля, все эти луга… Потом переехали в Алма-Ату — заснеженные горы вокруг. Трудно даже представить подобное раздолье и свободу 18-, 19-летних

девочек, выехавших на природу.

Конечно, на съемочной площадке не обошлось без романов, ведь мы были молоды, красивы, свободны… Случались женитьбы, замужества и много чего еще… И все это так необыкновенно празднично, дружно. Пели, на автобусах выезжали на съемки от места жительства. И не было ни трагедий, ни проблем. Только радость, раздолье, веселье и романтика.

На это вдохновляли нас и очень красивые места, такие далекие от дома, и большая веселая молодежная компания. Стариков на «Первом эшелоне» снималось мало. Основные роли были распределены между студентами театральных вузов, потом Изольда и Эдик, еще несколько ребят из ВГИКа. Я — из Щукинского училища, Элла Леждей из Щепкинского, еще одна пара — Таня Доронина и Олег Басилашвили из Школы-студии МХАТ… Таня Доронина была студенткой четвертого курса. Мы ее тоже там замуж выдали за Олега Басилашвили. И записываться они ходили в казахский ЗАГС. Все это было здорово! И даже сегодня, в мои семьдесят с хвостиком, та жизнь воспринимается только в радужных красках. И вспоминается только самое хорошее, а все печали, даже если они и были, ушли в небытие.

На целине соблюдался сухой закон и наше приподнятое настроение не было связано с возлияниями. Все было строго. Восемь месяцев целина жила на трезвую голову, целомудренно, без всяких там пьянок-гулянок. Компания у нас была такая сплоченная, что не было никакого соперничества, даже из-за мальчиков. Народу было столько, что хватило всем. Частота чувств и душевных порывов были искренними, не то, что сейчас. Я уже много лет преподаю в том же вузе, что когда-то окончила сама, и могу сопоставить сегодняшнюю молодежь с нами, какими мы были тогда. Все наше веселье шло от сердца и молодости. Мы были счастливыми, трезвыми, влюбленными, и сама природа располагала к подобному всплеску романических чувств…

Изольда была очень красивой девушкой. Они с Эдиком учились вместе во ВГИКе. Девушки у нас были все, как на подбор — красивые, статные, фигуристые. Все мы прекрасно танцевали и пели. То были наши самые прекрасные годы. Такими они и останутся в моей

памяти. Когда меня спрашивают об Изольде, я сразу вспоминаю, какой молодой, красивой, яркой и веселой она была. И еще она была очень правильной девушкой. И в картине играла такую правильную комсомолку, секретаря комсомольской организации, какой была и в жизни. Вся такая прямая, честная, откровенная. И очень красивая. Случилась любовь — сразу замуж вышла…

На втором фильме «Неповторимая весна», когда мы встретились через пару лет, в 57-м году, Изольде вновь досталась главная роль, с которой она тоже чудесно справилась. Я же играла ее подружку. Об этой нашей совместной работе у меня остались самые хорошие воспоминания. Позже мы уже и не виделись. Изольда была уже замужней дамой, вместе с мужем работала в одном театре. Я к тому времени еще не составила своей партии. Словом, у нас были разные жизни, разные судьбы. В театре работаешь в хвост и в гриву — сегодня главные роли, завтра может быть только эпизодик. И ты должна вырабатывать свою норму. А в кино — сегодня ты известна, а завтра приходит время другой звезды. И так было всегда. И это тяжело переживается актерами, многие из них плохо кончают.

Пока тобой увлечены, ты в славе, на тебя мода — все нормально. Потом все кончается. Так произошло и с Таней Самойловой на самом взлете ее карьеры, а ведь она была еще молода, красива. Сняли в двух-трех фильмах и на этом все. В театре не играет, а привыкла быть в центре внимания. Таковы атрибуты киношной жизни: поездки за границу, большие зарплаты, которые они получали, в отличие от нас, драматических артистов. Мы-то жили на крошечные бюджетные заработки. Как говорится, то густо, то пусто. Поэтому все так трудно переживалось, а порой и столь трагически кончалось, как у Изольды. И я считаю, что тому виной не только отсутствие работы, но и то, что у Изольды не было детей. Слава: поездки, фестивали, яркая, насыщенная жизнь, конечно, хорошо. Потом все это куда-то исчезает, и что остается…

Снявшись в таком фильме, как «Сорок первый», со столь чудесным партнером, как Олег Стриженов, Изольда побывала везде — картина прогремела на весь мир. Всюду грандиозный успех. Потом один фильм, другой и вдруг — бац, и ничего. Другой работы нет. Наваливается депрессия… Нам, драматическим

артистам, некогда тосковать, нужно работать, вкалывать. А киношники живут полной жизнью лишь тогда, когда на них мода и они нужны.

А тут у Изольды еще и личная жизнь пошатнулась. Занять себя было нечем. Человек она была честный, принципиальный. Зная ее, могу предположить, что она очень тяжело переносила подобную ситуацию, ведь была достаточно сильной личностью. Но когда-то наступает подобный тупиковый момент. А идти на какие-то компромиссы просто не хотела и не могла. В результате — трагедия…

Вспоминая Бредуна, который был моим партнером по «Первому эшелону», могу сказать, что работалось с ним легко. Что он был за человек, ответить сложно. Очень закрытым, даже сказала бы, скрытным — весь в себе. Его трудно было разговорить, приходилось вытягивать из него какую-то информацию «клещами». Словом, Эдик никогда не был рубахой-парнем. У меня на этой картине была любовь с другим актером. Свою любовь я пронесла через всю жизнь. Недавно он умер.

Когда начались наши романы, все стали уединяться, что естественно. И тут этот сумрачный Бредун. Наверное, он просто «заразил» Изольду своей одичалостью. Не могу сказать, чтобы он располагал к дружбе. Думаю, что у них на съемках случились какие-то отношения. А она была девочка правильная, невинная и чистая. Такой распущенности, как сейчас, среди молодежи ведь не было. И значит, коли у них что-то произошло, она уже считала себя привязанной к нему, считала зависимой, как «присохла» к своему первому мужчине. Тогда считалось, раз между ребятами что-то произошло, надо жениться, вот он ее и взял. И она, на свою беду, попала в некую перед ним зависимость. Бредун был человеком пьющим, грубым, резким, поджал ее под себя, подломил. И когда она перестала сниматься (ему-то с работой вообще не везло, да еще и все деньги пропивал, что она даже никакую обнову купить не могла) и с нее взять уже было нечего, он ушел к молодой. Вот здесь-то Изольду и «накрыло» то страшное отчаяние, та депрессия и стрессовое состояние, которые она начала заливать вином, вместо того чтобы пойти на люди.

Мне трудно поверить, что она была предрасположена к алкоголю. Скорее, это произошло с горя, с отчаяния. А там, кто его знает, какие у нее были

обстоятельства. Но то, что муж сыграл не самую лучшую роль в ее жизни, думаю, со мной многие согласятся. Я его видела всего один раз после ее смерти. Он от меня шарахнулся, как «черт от ладана», может, боялся, что я начну что-то выспрашивать…»

Нина Агапова, актриса, снималась с Изольдой Извицкой в картинах: «Доброе утро», «К черному морю», «Цепная реакция».

Агапову знают все. Она немало снималась на своем веку. Играла разноплановые, а то и острохарактерные роли. Режиссеры, зная, что актрисе по плечу «вытянуть» любую сцену, зачастую доверяли ей совсем небольшие, а то и крохотные ролишки, зная, что она сделает их незабываемыми. Кто не помнит ее смотрительницу музея в рязановских «Стариках-разбойниках», певичку варьете в гайдаевских «12 стульях», распевающую на французском «Шумел камыш, деревья гнулись», а в кеосаяноской «Короне российской империи» богатую иностранку с попугаем, задающую нелепые вопросы…

Вот какой актриса вспоминает Извицкую.

«Изольда была очень милым и обаятельным человеком. Одно время мы жили с ней недалеко друг от друга. Она частенько забегала ко мне — поделиться какими-то своими новостями, спросить совета. На ту пору ее соседом по квартире был блистательный комедийный актер Репнин. Помните его роли в довоенных картинах «Девушка с характером» — с Валентиной Серовой или в комедии «Подкидыш», где его «супруга» Фаина Раневская прославила его фразой: «Муля, не нервируй меня!» В то время он был уже стареньким. Но вы бы слышали, с каким вдохновением о нем рассказывала совсем молоденькая Изольда! Она была несколько экзальтированным и легкомысленным, но очень светлым и сердечным человеком. В Репнина она была просто по-человечески влюблена и называла счастьем то, что живет рядом с таким человеком. По-моему, это был самострой. С жильем как всегда было нелегко, и часть мосфильмовцев самостоятельно построила себе дом. Он находился пониже от студии и, возможно, сохранился и по сей день.

Мы подружились с Изольдой на съемках. Меня привлек ее открытый нрав. Она запросто общалась со всеми. Ее обожал весь «обслуживающий персонал» — осветители, техники, водители, гримеры. Всем хотелось

сделать Изольде что-то приятное. Самое удивительное, что эта ее дружба не вызывала ревности у других женщин на площадке. На Изольду нельзя было долго сердиться, она легко «разруливала» любой конфликт. И даже став знаменитой, сохранила эти редкие качества. Я никогда не видела, чтобы она «задирала» нос.

В проявлении чувств Изольда была чиста, как ребенок. Она любила жизнь и оценивала ее радостно. В отношении разных людей я часто слышала от нее такую неожиданную оценку: «Какой он лапушка!» И не стыдилась этого. Она была восторженной натурой. И не было здесь и доли фальши или наигранности. Что можно сказать о ее трагедии… Пьющую женщину очень трудно остановить».

Анатолий Кузнецов, партнер Изольды Извицкой по фильму «К Черному морю».

«Хотя в картине мы и играли влюбленных, у нас с Изольдой не могло быть, и не было тогда никаких романов, романтических отношений. Всех, как правило, в первую очередь интересует: «А что под камнями было?» А ничего! Я был женат, Изольда замужем. На съемках присутствовали обе наши половины, и Эдик Бредун за всем бдительно следил. На съемках царила чудесная атмосфера, сама обстановка, ведь в картине работали прекраснейшие актеры: отец Тани Самойловой Евгений Самойлов, муж Клары Лучко народный артист Сергей Лукьянов из театра Вахтангова, Нина Агапова… Поставил фильм Андрей Тутышкин — сам известный в недавнем актер, позже поставивший «Свадьбу в Малиновке».

Для меня, в первую очередь, остался в памяти эпизод работы в Звенигороде. Только что появилась новая 21-я «Волга», и на дорогах «Москвичи» и «Волги» расценивались как предметы некой игры, как живая реклама этих машин. Мы работали в наших сценах очень дружно. В отношениях с людьми Изольда была человеком легким, светлым, достаточно подвижным, веселым и общительным. И при этом очень красивой и эффектной женщиной. В нее многие влюблялись, не обращая внимания даже на то, что муж был рядом, — трудно было удержаться, чтобы ею не увлечься.

При этом, насколько я сейчас вспоминаю, никаких

«отягчающих» обстоятельств у нас на съемках не было, как это порой бывает между партерами, когда нервы на пределе, и они друг на друга срываются. Была совершенно чудная рабочая атмосфера. Вставать на съемки приходилось очень рано, чуть ли не в 5 утра, чтобы успеть захватить солнце. Потом нужно время — пока грим сделают, пока подготовишься… И после окончания работы уже не было сил для посиделок с бутылкой и закуской, как часто думают о нас зрители. Я, и правда, ничего не скрываю. Поэтому и не было никаких разговоров по душам. Хотя в перерывах мы общались. Помню, сидели в машине, пока оператор ставил кадр. Изольда делилась своими впечатлениями о поездках. Она к тому времени уже побывала в Италии, во Франции… И очень интересно и красочно об этом рассказывала.

Что касается вождения автомобиля — меня не раз после съемок спрашивали: умели ли мы с Изольдой до этого ездить на автомобиле или учились этому на фильме, ведь наши герои едут своим ходом к морю. Я научился водить машину гораздо раньше. Всегда страстно об этом мечтал — так, просто для себя. До этого я снимался в картине «Гость с Кубани». Съемки тоже проходили под Москвой. Я попросил водителя «Виллиса» покататься по дорогам, а когда их не было, то и по полям. Тогда и движение-то было другим. И там я научился ездить на машине. А потом пошел к инструктору и сдал на вождение. Правда, своей машины у меня еще долго не было. И я, как мой герой-таксист из фильма «Ждите писем», мечтал о собственной «Волге». Личная машина появилась гораздо позже. Ведь у нас не было таких заработков, как, скажем, у голливудских актеров. И даже сейчас. Все жили довольно скромно, не очень-то думая о деньгах. Зато жили более одухотворенной жизнью, чем сейчас. Конечно, все мы были молоды, влюблены, полны жизнеутверждающих планов, здоровы, веселы, несмотря на трудности в стране. Сейчас все любят вспоминать и говорить про колбасу, про нехватку денег, про то, что нечего было одеть… А тем временем мы не страдали от нехватки каких-то товаров — всего хватало. Очевидно, все скрашивал возраст. И это искренне. Правда, я не знаю, как чувствовали себя люди старшего поколения, мы с ними не говорили об этом. Нам же, молодым, было

прекрасно!

Насчет личной жизни Изольды — я никогда не интересовался подобными историями. Так уж я устроен, что мне не было интересно в этом копаться. Я сразу выключаю телевизор и не смотрю, когда речь идет о том, кто что сказал, кто на ком полежал, кто к кому ушел… Это их личное дело. Меня постоянно зовут то в шоу к Малахову, то в другие подобные передачи, и я постоянно отказываюсь. Не хочу сидеть там со скучающим видом и обсуждать какие-то грязные истории. Меняются только названия передач, суть остается прежней — сплетни для бабушек-пенсионеров, которым потом будет что обсудить на лавочке у подъезда…

Каким человеком был Бредун? Мужиком — достаточно интересным, способным актером. Много снимался. Сейчас всех его фильмов не упомню… Достаточно мужественный человек. На площадке я за ним не следил — было много народу, каждый жил своей жизнью. Я из другой школы: окончил студию МХАТ, воспитывался совсем в другой атмосфере. У меня совершенно другой подход к делу и ко всему — нас учили несколько иначе. Хотя из МХАТа педагоги преподавали и во ВГИКе, подрабатывали. И потом у нас с женой было достаточно много друзей из других категорий. Я дружил с молодыми композиторами — тем же Андреем Эшпаем, Кареном Хачатуряном… С писателями, поэтами: Робертом Рождественским, Евгением Евтушенко… Часто встречались с тем же Иосифом Кобзоном. Мы подходили друг другу по возрасту, собирались и живо, весело общались. У меня были другие интересы — я не вылезал из консерватории, имея музыкальное образование.

С актерами я встречался только во время работы. Собирается группа: поработала и распалась. Не то что в театре — сорок лет копошишься в одном интерьере. Поэтому я и в театре-то никогда не работал, ведь там полжизин, полздоровья своего тратишь на выяснение отношений. Когда меня пригласили в кино, оно меня затянуло: одна картина, другая, третья… Поснимался я так года два и понял, что надо бы и базу какую-то жизненную иметь под ногами. Так, по окончании Школы-студии я попал в Театр киноактера, куда меня пригласили и сразу «запрягли» в спектакль по повести Калинина «Суровое поле». Моей партнершей была Нонна

Мордюкова, были заняты и другие известные актеры. И все же я оставался вольным «художником». Потом долго не играл. В театре состояла и Изольда, но мы с ней никогда на сцене не соприкасалась. Театр был для всех нас базой, главным делом было сниматься».

Жена Анатолия Кузнецова ***Александра Ляпидевская***, режиссер документального кино.

«Это было в июне месяце 1957 года. Лето. Я училась на режиссерском во ВГИКе, закончила первый курс. Мне очень интересен был съемочный процесс. Я уже была замужем за Анатолием Кузнецовым и приехала к нему на съемки. Там и познакомилась с Изольдой. Помню, она мне как-то рассказала очень ее характеризующий эпизод. Она была очень жизнерадостным человеком, жизнеутверждающим и очень веселым. К этому времени уже снялась и в «Сорок первом», и чуть раньше — в «Первом эшелоне», где познакомилась с Эдиком Бредуном. Он был очень импозантным и эффектным молодым парнем, выделялся своей спортивной фигурой.

Кстати, и сама Изольда как-то рассказывала, что во время съемок этой комедии поняла, как важен для актера физический тренинг, как важно уметь владеть своим телом, быть всегда в форме. В фильме есть такой эпизод: Ирина — Извицкая опаздывает на занятия в автошколу. Сцену снимали дважды. На первой съемке оказалось, что актриса не умеет бегать, — она безнадежно отстала от сопровождающей ее машины с кинокамерой. Спустя несколько недель, на второй съемке, выяснилось, что скорость, с которой двигалась машина с оператором, слишком мала для Извицкой: она намного опередила автомобиль. Пришлось позаниматься на стадионе.

Помню, мы ехали с «Мосфильма» на съемки, Изольда сидела рядом с шофером и все время поворачивалась ко мне назад, рассказывая о том, как была за границей, что видела… Когда как-то в очередной раз приехала на съемки, то поделилась со мной: «Представляешь, не знаю, как буду сейчас сниматься, ведь я сегодня не спала всю ночь, пока ехала сюда. Зашла на Киевский вокзал, мне нужно было там кое-что узнать, и вдруг вижу группу военных — таких вышколенных, подтянутых, в новых формах. И вдруг они бросились ко мне: «Ой, вы —

Изольда Извицкая! Какое счастье, что мы с вами встретились! Как нам повезло!» Я растерялась… Они попросили у меня на память автограф, а затем поинтересовались, не тороплюсь ли я. А дело к вечеру. — «Не согласитесь с нами поужинать? Мы уезжаем на Дальний Восток. Нам это будет такой памятью. Этот праздник мы будем вспоминать всю жизнь!» И я не смогла отказать. В итоге пошла с ними в ресторан. Мы просидели всю ночь. Под шампанское рассказывали друг другу разные истории. В итоге я отдохнула только пару часов». Я ей: «Ничего! Главное, что на лице у тебя ничего не отразилось. Хороша, как майская роза». Был, правда, на съемках и запоминающийся эпизод — в Изольду влюбился Андрей Эшпай. Но об этом лучше теперь не вспоминать — с тех пор столько воды утекло…»

Замужество — счастье или беда

Что и говорить, это была весьма странная пара. О ней немало сказано на страницах этой книги — в воспоминаниях Татьяны Конюховой, Лидии Степановой, Нины Дробышевой, Кирилла Столярова, Тамары Семиной… Это помогает нарисовать портрет этих непростых взаимоотношений. У каждого он будет свой…

Я же старалась сделать его как можно объемнее, реалистичнее. Не знаю, насколько мне это удалось. Так не хотелось голословно обвинять в чем-то ни Извицкую, ни Бредуна. Минуло немало лет со времен трагедии вокруг их имен. Не нам судить… Единственно, в чем хотелось бы извиниться перед теми, кто всем сердцем, как и я, любит удивительную актрису Изольду Извицкую, это в том, что, возможно, в какие-то моменты я теряла объективность. Произошло это вовсе не потому, что мне хотелось обнародовать скандальные страницы ее несчастной жизни. Каюсь, если оставила в книжке, не затушировав, какие-то острые штрихи ее биографии. Перед временем все правы. Надеюсь, никто не в обиде. Открывая завесу над тайной Изольды Извицкой, я старалась, как могла, балансировать на зыбкой грани прошлого и настоящего, не навешивая ярлыков свидетелям тех далеких событий.

Хочется, чтобы те, кто делился со мной своими воспоминаниями об Изольде, отдавая частичку своей души и любви, не судили строго — я не могла обойтись без определенных нелицеприятных подробностей этой достаточно скандальной и противоречивой жизни. Не ставя своей целью раскопать ту или иную сенсацию, а их встречалось немало, я старалась обойти какие-то особо тяжелые моменты жизни Изольды. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь…

Конечно, хотелось, чтобы книга была как можно светлее, как и сама Изольда. Именно поэтому так много места отдано неизвестной переписке студентки Изольды Извицкой со своим земляком, оператором Вячеславом Коротковым. Как так вышло, что эта любовь не имела продолжения, уже не понять. Жаль, что она связала свою жизнь не с тем. Из переписки видно, насколько чисты помыслами и духовно близки эти два удивительно светлых человека. Ее жизнь прошла рядом с другим — достаточно приземленным и завистливым грубияном, уж прости меня, Изольда, каким мне представляется Бредун…

Два человека — одна судьба… Сколько знавших их, столько и мнений…

Вот как описала сама Извицкая своего избранника,

явившегося ей в пророческом сне за несколько лет до того, как она его встретила: «…А я все о тебе думаю, живу только тобой. Мне даже вчера сон дурацкий приснился, но как только я проснулась и посмотрела на тумбочку, где стоит твой портрет, у меня все дурное пропало, опять появились светлые мысли. А сон очень дурацкий: как будто ты пригласил меня в кино на какой-то фильм в клуб около нашего института, а сам опоздал, да пришел не ты, а какой-то противный широкий такой парень. Я как посмотрела и говорю, что это «не ты», и парень ушел… Он был очень мне неприятен… Как я расстроилась, проснулась с головной болью. Там, во сне, было что-то еще, но я уже не помню…». Если бы позже, при первой встрече с ним она послушала свое сердце и вспомнила тот «дурацкий сон», может, все бы и обошлось…

В ноябре 1954 году Изольда Извицкая выходит замуж за актера Эдуарда Бредуна, известного по фильмам «Первый эшелон», «Разные судьбы», «Дело Пестрых», «Казаки», «Любовью надо дорожить», «Коллеги» и другим. Школьные подруги говорили, что Бредун в период ухаживания за Изольдой ей как-то сказал: «Если не со мной, то не с кем». Кое-кто из друзей звездной пары утверждает, что Бредун только внешне выглядел жестким и грубоватым, на самом деле был достаточно добр. Иначе как объяснить привязанность самой Изольды к мужу.

Вот, например, что говорит об этом замужестве хорошо знавшая обоих супругов актриса ***Тамара Семина.***

> «Это была замечательная, красивейшая и любящая пара. Два талантливейших человека. Они любили друг друга, жили вместе, у них была одна крыша на двоих. Их никто не заставлял жить вместе. И что говорить об их бедах, это только кажется, что со стороны все виднее. И на вопрос, кто виноват в их беде, только они и могли дать ответ. Это частное дело — люди сходятся, расходятся. Как это объяснить? Любовь! Здесь надо смотреть и на характеры — кто справляется с бедой, которая его настигает, кто нет. Это уже зависит только от самого человека».

Трудно представить, чтобы внешне столь благополучный и лучезарный образ скрывал вечную боль за близких и страх перед наследованием родового душевного заболевания, преследовавшего род Извицких. Не стала ли именно эта беда отправной точкой трагедии актрисы? В этом я все больше убеждалась, беседуя с людьми, лично знавшими Извицкую. И брак

с актером Эдиком Бредуном вызывал слишком много сомнений. Скорей всего он был лишь ширмой, отгораживающей ее от неумолимо надвигающегося конца…

И все же это был ее выбор, ее добровольное самопожертвование. Она не хотела кому-то принести лишнюю боль, связать любимого человека по рукам и ногам, когда с ней случится непоправимое… За ней ухаживало много известных, красивейших и респектабельнейших мужчин. И никому из них она так и не отдала свое сердце. Многих удивляла эта странная семейная пара — Извицкая — Бредун. Кому-то она казалась вполне удачной — несдержанный, порой несколько агрессивный и мрачноватый, а то и озлобленный на весь мир Бредун и солнечная, открытая, не допускающая никаких закулисных интриг, несколько сама в себе, сердечная Изольда. Кто-то говорит, что это была любовь, кто-то сетует на слишком грубое отношение Бредуна к своей жене, на его явное манипулирование ею.

Конечно, она не могла не знать, не чувствовать этого. Многие считают его главной причиной беды. Но для всех так и осталось загадкой — что же удерживало эту пару вместе. Скорее всего — наследственная душевная болезнь Изольды. По той же причине у них не могло быть и детей. Вряд ли стоило обманывать себя, что роковой недуг, поразивший прабабушку, мать и брата актрисы, пощадит и ее будущего малыша. Отказ от малыша был неким «спасением» и особой болью. Зато не нужно было бояться за близкое, незащищенное существо, за то, что оно может когда-нибудь разделить участь матери и ее близких. Говорят, что в этом вопросе Бредун держал свою позицию, не раз говоря жене, что не желает «плодить нищету», опираясь и на бытовую неустроенность, и на скромное денежное прожитье известных артистов, чья слава была в прошлом.

Боялась и сама Изольда наследственной душевной болезни, которая стала одолевать ее брата Женю. Пыталась изо всех сил помочь ему — привезла в Москву, определила в столичную больницу. Бредуну все это не нравилось… Доставать лекарства помогала семья Патоличевых. Лечение кое в чем пошло на пользу. Но психическое состояние нормализовать не удалось. Извицкой пытались оказать содействие друзья-актеры — а дружила она с Аллой Ларионовой, Татьяной Конюховой, Николаем Рыбниковым, Нонной Мордюковой. С семьей Стриженовых Извицкая и Бредун жили на одной лестничной площадке.

Творческая судьба самого Бредуна так и не сложилась. При его таланте и достаточно ярких внешних данных, актеру так и не

нашлось достойных экранных ролей. Как-то довольно быстро от героев-любовников и героических парней Бредун перешел в разряд негодяев и алкоголиков.

Вот что вспоминает лучшая московская подруга Извицкой ***Лидия Степанова***.

> «Помню, у нас с ней как-то состоялся такой разговор: «Как ты могла связать свою жизнь с человеком, который ниже тебя по уровню развития, по всему?» А она в ответ: «Лида, а кому я такая нужна?» До меня смысл этих слов дошел только после смерти Изольды, когда и мать, и лечащий врач подтвердили, что причиной всех ее несчастий была болезнь, передающаяся из поколения в поколение. На матери внешне это никак не проявлялось, и на Изольде вроде бы тоже. Мать мне потом призналась, что когда она как-то приехала в Москву и увидела, в каком бедственном положении находится дочь, то позвала ее в Дзержинск: «Что же ты тут будешь делать одна?» Бредун к тому времени уже ушел. Изольда ответила: «Мама, поезжай в Дзержинск!» И повернулась к ней спиной…
>
> Ведь, если быть откровенными, мы с Таней Конюховой даже хотели посадить Бредуна. Мы считали, что это он убил ее. Но потом, когда прочитали выводы судебно-медицинской экспертизы, в которой черным по белому было написано, что у нее были больными почки, я вспомнила, что Изольда мне писала об этом. Десять писем и двадцать фотографий у меня забрал журналист, который так ничего и не отдал. Там были добрые отзывы о друзьях, о тех, с кем она в тот момент снималась… Интересно, что она никогда ни о ком плохо не говорила. Даже ее преподаватели ВГИКа, которые его близко не знали, и то не поддерживали это замужество…
>
> Однажды Изольда в самолете познакомилась с военным офицером, который служил на Севере. Какое-то время она жила у него в однокомнатной коммунальной квартире. Я много раз ночевала у нее, приходила с работы с целой стопкой тетрадей, я тогда работала в школе, и Изольда помогала мне их проверять. Она не раз вытаскивала меня на свидания, видимо, когда была равнодушна к объекту страсти…
>
> Бредун на два года был моложе ее. К тому времени, как они познакомились, Изольда уже снималась. И он

привык быть на полном иждивении и этим пользоваться. Она знала о своей болезни и не искала лучшую партию, боясь испортить жизнь мужу. Бредун был явно ей не ровня по интеллектуальному развитию, по большому счету не разбирался в искусстве.

Последний раз она лежала в больнице в тот момент, когда снималась в фильме «Каждый вечер в одиннадцать». Я думала, что она играет главную роль, а оказалась, что просто находилась в числе компании…».

Трагизм ситуации усугубляло и то, что актриса не родила ребенка. Возможно, если бы это случилось, Извицкая была бы более счастлива. Кто-то из друзей считал, что она просто не хотела рожать от Бредуна. Вряд ли. Она его все-таки любила. Просто те, кто это утверждал, не были посвящены в тайну ее трагедии. Муж был в курсе, а вероятность болезни была слишком велика. Изольда мечтала хотя бы на экране сыграть роль многодетной матери, этого требовало ее несостоявшееся материнство, но даже такому не суждено было сбыться.

И все же почти все, знающие пару, убеждены — не свяжись Изольда с Бредуном, ее судьба могла бы сложиться по-другому. У такой яркой женщины всегда было немало поклонников, вокруг Изольды всегда крутилось множество мужчин. Говорят, она и сама иногда была непрочь крутить одновременно несколько романов.

Жизнь в киносреде порой складывается непросто. Недаром в народе ходит пошлая поговорка: «Или ты — девочка, или снимаешься в кино». Ни для кого не секрет, что многие роли актрисы получают именно так. Изольда на этот счет была редким исключением. Она была чиста. Об этом говорят и ее письма. Во многом из-за этого у нее и не сложилась судьба в кинематографе. Бредун был ее первым мужчиной. И ей нравилось такое положение вещей. Известно, что когда Изольда снималась в своем первом фильме «Богатырь» идет в Марто», то чуть было не вышла замуж за актера Раднэра Муратова («Максим Перепелица», «Джентльмены удачи»), с которым встретилась на съемочной площадке. Об этом рассказывала и мама актрисы, узнав о несостоявшемся замужестве дочери из ее писем.

Сказать откровенно, выдающимся талантом Эдуард Бредун, в отличие от своей жены Изольды Извицкой, не обладал. Тем временем Извицкая после выхода на экраны драмы «Сорок первый» стала настоящей звездой мировой величины. Про Эдуарда Бредуна стали говорить не иначе, как: «Это Эдик, муж Изольды Извицкой». И это сильно раздражало актера. Как это ни

кощунственно звучит, в поведении Бредуна ясно угадывалось желание опустить жену ниже себя, отомстить ей за собственное незавидное положение в кинематографической среде.

На радость завистникам и недоброжелателям, на горе друзьям и близким, совсем молодые еще Бредун и Извицкая опускались все ниже и ниже. В конце 50-х — начале 60-х популярность Изольды Извицкой пошла на спад. Слава, едва начавшись, исчезла, и привыкнуть к этому актрисе было нелегко. У Бредуна дела были и того хуже. Сплошные эпизоды, малозначительные фильмы способствовали развитию в нем зависти к славе жены. Поэтому, когда ей требовалась надежная поддержка, найти ее в лице Бредуна она не могла. Единственное, что он смог, — научил жену заглушать обиды водкой.

А. Бернштейн рассказывал:

> «Именно Бредун, может быть, сам того не желая, приучил молодую жену к спиртному. Но это не помешало ему впоследствии оскорблять ее, обвиняя в пьянстве. Влияние алкоголя на ее хрупкий организм было разрушительным: уже скоро у нее становится невнятной речь, она неожиданно для окружающих начала терять координацию движений, уходить в небытие… Актеры рассказывали мне, что во время кинофестиваля в Горьком из комнаты гостиницы, которую занимали Бредун и Извицкая, был слышен такой разговор: «Мне плохо, Эдик… Я больше не могу пить эту гадость». — «А ты опохмелись, легче будет». Бывало, во время отъездов мужа на съемки или гастроли актриса забывала о водке, но неожиданно приезжал Бредун с неизменной бутылкой, затем появлялись «друзья».

Все чаще Бредун уезжал в киноэкспедиции, на гастроли — с 1958 года он работал в Театре-студии киноактера, забирая с собой почти все свои вещи и даже магнитофон. Одиночество ее изматывало, и она начала пить сама.

Кинематограф 60-х уже не нуждается в героях недавно прошедшего времени — нет работы, нет ролей, нет успеха и славы. В конце концов, и денег. Все это еще усугубляется пристрастием к алкоголю. С большим трудом друзья уговаривают режиссеров дать Извицкой хоть небольшую роль. Играет она скучно, от прошлого блеска не осталось и следа. В семье навсегда поселяются нищета и разлад. Последний раз на экране Изольда Извицкая появляется в 1969 году — это маленькая,

незначительная роль в мелодраме «Каждый вечер в одиннадцать».

Эдуард Бредун тоже снимается крайне редко, да и то в эпизодических ролях. В первой половине 70-х Бредун снялся в нескольких комедиях Леонида Гайдая, с которым познакомился во время съемок фильма «Ветер» («Двенадцать стульев», «Иван Васильевич меняет профессию» (спекулянт радиотоварами), «Инкогнито из Петербурга», «Не может быть!»).

В январе 1971 года он и вовсе уходит от вконец опустившейся жены к ее подруге-продавщице, прихватив с собой последние вещи. Это событие окончательно сломило несчастную женщину. Изольда, закрывшись в своей квартире, неделями не показывается на улице, надеясь только на помощь друзей, которые о ней не забывали.

Вот что мне рассказала актриса ***Татьяна Конюхова***.

> «Уход Бредуна был той последней каплей тяжких обстоятельств, сложившихся вокруг Изольды в силу ее совершенно безумного замужества. Мне рассказывали, что когда нашему педагогу Борису Владимировичу Бибикову, который просто обожал Изольду, любовался ею, видно, у него было к ней какое-то чисто мужское благоговение — он смотрел на нее как на какую-то недоступную красоту… Так вот когда ему сообщили, что она вышла замуж за Эдика Бредуна, он опустил голову, закрыл глаза и как-то тягуче-отстраненно произнес сакраментальную фразу: «Какая страшная фамилия!» Видно, у него в голове пронеслось что-то наподобие: Бредун — шатун… Как медведь-шатун — Бредун… И действительно, жуткая фамилия. Есть в ней что-то и впрямь демоническое…
>
> Бредун был человеком, падким на внешние проявления успеха. Наверное, он мечтал, чтобы у него жена была из какого-то знаменитого рода, из каких-нибудь породистых семейств… В кино он играл своих «в доску» парней, этаких рубаха-парней. И хотя Бредун не был лишен какого ни было бы таланта, он у него был какой-то ядовитый, характеризующий ущербных, злобных людей. Недаром Бредун сыграл в фильме «Первый эшелон» персонажа, который овладевает героиней Изольды.
>
> Мне кажется, что и в жизни у них произошло что-то подобное, за гранью человеческого понимания… Не по доброй воле и большой любви, а как-то так, то ли

спьяну, то ли еще как-то некрасиво. Уж слишком она, как мне рассказывали, наигранно вела себя, когда вернулась со съемок. Старалась создать видимость такого спокойного, благополучного семейного счастья. Она словно пыталась всем доказать, что все у нее хорошо, не допуская того, чтобы ее жалели, лезли с душещипательными разговорами в израненную душу, заняв крайнюю позицию: «Да, у нас все хорошо, мы любим друг друга. Что вам еще…» В ней вдруг появилось то, что впоследствии, как ржавчина, и разъело ее душу. Чтобы хоть как-то это в себе загасить, Изольда стала заглушать горе таким типично русским ходом, столь соответствующим и образу жизни мужа, — Бредун просто не мыслил себя без пол-литра. Никогда не забуду, как однажды, после первого просмотра фильма Люси Гурченко «Карнавальная ночь», который был на территории киностудии, мы случайно встретились. Сидели, разговаривали… Он рассмеялся каким-то очень нехорошим смехом. И с каким-то особенным апломбом, строя из себя эстета, произнес: «Это я научил Изольду пить коньяк!..»

Надежда Румянцева:

«Извечные русские вопросы: «кто виноват?» и «что делать?». Кто может быть виноват в том, что так, а не иначе сложилась жизнь у той же Изольды… Никто не вмешивался в нее. Она сама сделала свой выбор. Потом вдруг начинают обвинять: «Ах, никто не интересовался, как живет Извицкая…» Да, я видела, как она приходила в театр и получала зарплату. Что пил Эдик Бредун, знали все, и она знала, и сама с удовольствием с ними выпивала. Ну и что? Таких примеров можно найти тысячи, когда в семье пьют. Я, думаю, все дело в отходчивости Изольды. Если она вдруг с кем-то и ссорилась, через пять минут можно было уже наблюдать, как она с этим же человеком вместе ходит и спокойно общается: «Мы помирились!» Ну, и хорошо…»

Вот что говорит об этом семейном союзе актриса ***Нина Дорошина***, несколько раз встречавшаяся с Изольдой Извицкой на съемочной площадке.

«Пару Извицкая-Бредун я знала, когда у них все было хорошо. Эдик снялся в одном фильме, потом в другом, я с ним встретилась в кино еще раз. Они с Изольдой были такие разные, трудно было их даже представить вместе. В жизни Бредун был далеко не обаятельным и привлекательным человеком, а достаточно мрачной личностью. В нем чувствовалась какая-то скрытая угроза. Говорят, он пил безумно, позже нашел себе какую-то другую бабу. А знаете, когда муж пьет, женщине приходится тоже несладко — или самой пристраститься к этой пагубной привычке, или же очень тяжело переносить это состояние мужа. Пьющий человек несдержан, груб. Значит, между ними были конфликты, которые она все время старалась сгладить, загасить. В конечном итоге Изольда осталась абсолютно она. И, видимо, рядом с ней не оказалось человека, который смог ее поддержать. А то, на кого променял ее муж, уйдя к какой-то торгашке, говорит об его уровне, о его неразборчивости. «Выкачав» из Изольды все, что ему было нужно, он нашел другую, на плечи которой и перенес заботу о себе любимом. Теперь она взялась его поить-кормить.

Думаю, в беде Изольды во многом виноват именно ее муж. Он — главная причина. Восемьдесят процентов этой трагедии. И не последней здесь была его творческая ревность. Ей легко удалось то, что у него никак не выходило, не сложилось. Ее блистательная карьера его раздражала. И вдруг после такого взлета — пустота… Возможно, он над ней посмеивался и подтрунивал… Она же по характеру была очень сдержанной, все всегда держала в себе. У нас на «Первом эшелоне» все-таки много было девочек, молодежи. Мы все тогда только начинали свою жизнь, были очень открытые, веселые. Изольда выделялась своей сдержанностью — была вся в себе. И, наверное, именно это черта характера все усугубила — она переносила свою беду очень тяжело, пряча ее от посторонних глаз и даже друзей. Была бы Изольда более открытым человеком, имела бы каких-то хороших подружек, общение с ними могло бы ей помочь все это перенести. Они бы не допустили подобной беды. Она запуталась в себе. И то, что Изольда была столь срытым человеком, сыграло свою роковую роль.

Мне рассказывали, что ее неоднократно приглашали выступить на каких-то встречах со зрителями, но она под

разными предлогами отказывалась, порой ссылалась и на то, что ей и одеть-то нечего кроме черной юбки и белой кофты. Она не хотела никуда ездить, ни с кем общаться. Все только дома, дома, одна, в одиночестве, а потом, оказалось, что ей одеть-то нечего…

Это до чего же нужно дойти, чтобы женщине — красивой, известной актрисе было нечего одеть! Хотя, конечно, в то время, чтобы хорошо одеваться, нужно было крутиться — водить дружбу со спекулянтами, иметь связи в магазинах… Достать хорошие духи или какую-то «тряпочку», даже белье какое-то было большой проблемой. Все это делалось через спекулянтов, и было очень дорого. Надо было иметь знакомства, чтобы хоть как-то приодеться и куда-то поехать. Помню, как мы всем коллективом собирали одну артистку за границу, отдали ей свои самые красивые вещи, наряды, платья… Так было принято — помогать друг дугу. А Изольда жила замкнуто, в своем мире — дичилась, сторонилась. И ее перестали звать куда бы то ни было. А если бы она была со всеми вместе, все могло бы сложиться и по-другому…»

А вот мнение актрисы ***Майи Менглет***, блестяще сыгравшей одну из главных женских ролей в картине Станислава Ростоцкого «Дело было в Пенькове» и проживающей сейчас в Америке.

«Если вам кто-то скажет, что в ее смерти повинен Эдик, не верьте. Он, конечно, сам не отказывался от выпивки, но, когда Изольда стала пить, пытался ее лечить, устраивая в больницы. Но, видно, не получилось… Он с ней устал. И потом, наш киношный мир такой христопродажный, многие ей завидовали, и ее депрессию воспринимали чуть ли не с восторгом. А Изольда очень любила своего мужа».

Наверное, мы никогда уже не узнаем, кто виноват в столь безрадостной жизни и трагической смерти Изольды Извицкой. Поэтому последуем совету Леонида Филатова, высказанному им в телепередаче «Чтобы помнили», посвященной актрисе: «Все-таки не забудем, что Эдуард Бредун был любимым Изольды Извицкой. Поэтому, если он в чем-то виноват, с него спросится на небесах. А мы поступим в отношении его памяти так, как поступала всегда сама Изольда, умудрившаяся за всю свою жизнь не сказать ни о ком ни одного дурного слова».

Кино «оттепели»

Времена, когда снимался фильм Григория Чухрая «Сорок первый», ознаменованы в жизни страны новым этапом, последовавшим после смерти И. В. Сталина. То был период больших перемен как в общественной жизни страны, так и в кинематографе — период «оттепели», восходящей своим названием к повести Ильи Эренбурга, увидевшей свет в мае 1954 года. Эпоха эта подвергла если не полной ревизии, то, во всяком случае, значительному пересмотру устоявшуюся систему политических, социальных и моральных ценностей. Началом периода «оттепели» вполне можно считать пятьдесят четвертый и с еще большим основанием пятьдесят пятый год. Год выхода фильма, 1956-й, был временем больших ожиданий. И не только потому, что это был год XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. Исходя из бесспорной истины, многое из ранее намечавшегося и утверждавшегося с постоянной оглядкой на недавнее прошлое прорвалось с неумолимой, заставляющей считаться с собой силой.

С разной степенью глубины и таланта, в постоянном борении с ложными кумирами и с самим собой, новое искусство, прежде всего стараниями молодых, утверждало принципиально иной взгляд на мир, выдвигая на первый план в качестве основополагающего принципа правду, красоту обыденной жизни, высокую справедливость нормальных человеческих отношений, торжествующих над любой попыткой подчинить их догматам предписанных правил.

Кино «оттепели» не могло не приметить молодых. Выпускники ВГИКа — актеры, режиссеры, операторы, художники получили возможность активно работать. Подход к воплощению жизни на экране в корне изменился и усложнился. Если в картинах 30–40-х персонажи часто являли собой типажи с четко обозначенными социальными приметами, то кинематограф 50–60-х привнес полутона, позволяющие рисовать сложные и многогранные характеры без предвзятого деления на «черное» и «белое». У нового поколения кинематографистов из желания построить «социализм с человеческим лицом» проявилось романтическое отношение к современности.

Фильмом, положившим начало новому периоду советского кино, стало «Возвращение Василия Бортникова» (1953 г., режиссер В. Пудовкин). В этом рассказе о послевоенной деревне не было бутафорского изобилия «Кубанских казаков». Крестьян интересовали не только сельскохозяйственные достижения, но и

личные проблемы и переживания. Кинематограф устремился к изображению реальной жизни и реальных характеров. Трилогия И. Хейфица «Большая семья» (1954 г.), «Дело Румянцева» (1956 г.) и «Дорогой мой человек» (1958 г.), а также «Урок жизни» (1955 г.) Ю. Райзмана, «Неоконченная повесть» (1955 г.) Ф. Эрмлера были сделаны на современном материале и затрагивали такие нравственные категории, как честность, трусость, благородство и верность.

В общем потоке «оттепельного» кино выделялся фильм «Дело Румянцева», в котором героя Алексея Баталова, молодого шофера Румянцева, обвиняют в преступлении: груз, который он перевозил, оказался краденым. И хотя поначалу все улики были против Румянцева, справедливость и вера в человеческую честность восторжествовали… Еще несколько лет назад невозможно было даже представить такой экранный сюжет. И это свидетельствовало об изменении отношения к отдельной личности и приходе новых времен.

После выхода лучших лент 1956-го стало невозможно снимать как прежде. Этот год подготовил взлет отечественного кино, положил основу его будущих поисков и побед. Вот только несколько лент этого периода: «Летят журавли» Михаила Калатозова, «Земля и люди» Станислава Ростоцкого, «Дело Румянцева» Иосифа Хейфица, «Сын» Юрия Озерова, «Разные судьбы» Леонида Лукова, «Человек родился» Василия Ордынского, «Весна на Заречной улице» Марлена Хуциева, «Это начиналось так…» Льва Кулиджанова и Якова Сегеля, «Карнавальная ночь» Эльдара Рязанова… «Сорок первый» Григория Чухрая по праву занимает в этом списке самое достойное место.

Фронтовик Чухрай, не понаслышке знающий войну, в «Сорок первом» старается избавить экран от идеологического монументализма, ложного героизма и казенного пафоса. Его картина не об общеизвестных героях гражданской — Щорсе, Чапаеве, Пархоменко или Котовском. Его кинорассказ — о рядовых участниках героических событий. В нем немало ранее недопускаемых сильнейших душевных контрастов, глубоко иррациональных поступков, таких, как последний Марюткин выстрел. Отраженный в зеркале условного прошлого человек оказался непреодолимо раздвоенным — влюбиться без памяти в того, кого еще вчера ненавидела так же яростно и страстно. Не дрогнув, взять прицел, всадить пулю точно между лопаток, а потом обнимать мертвое тело и выть: «Синеглазенький, мой…» Прежде советский фильм не мог, не имел права так закончиться…

Оттепельное кино находит в революционной теме

трагический масштаб страдания и с презрением отворачивается от искупления как от недопустимого упрощения и снижения образа. И настоящий идеал здесь, у начала нового мира, — это идеал мученика, которого нельзя оторвать от его мучений, нельзя спасти.

«Сорок первый»

В середине пятидесятых годов прошлого века, на заре хрущевской оттепели, в советский кинематограф стремительно и дерзко ворвался молодой режиссер Григорий Чухрай. Его дебют, фильм «Сорок первый», стал заявкой на «большое кино». Затем последовали другие работы режиссера: «Баллада о солдате», «Чистое небо», ставшие не только настоящим прорывом к исторической правде, но и примерами гражданской смелости. Григорий Чухрай пришел в кино практически с фронта, сразу после войны, которая еще долго давала о себе знать то тяжелым ранением, то неизгладимыми воспоминаниями, изменившими представления о мире людей (режиссер говорил: «Войны ведутся не между умными и дураками, не между подлецами и благородными героями, а между людьми разных убеждений, преследующих разные цели») и сформировала четкое понимание цели жизни.

Григорий Чухрай начинал учиться во ВГИКе на курсе одного классика — Сергея Юткевича, а заканчивал у другого — Михаила Ромма, совершенно им очарованный. Ромм стал наставником Чухрая на многие годы, предопределив первые шаги своего талантливого ученика. После института он какое-то время, как многие другие выпускники ВГИКа, поработал вторым режиссером. На Киевской студии художественных фильмов им. А. Довженко он набирался постановочного опыта до 1955 года. До того времени, как Чухрая не пригласил к себе руководитель «Мосфильма» Иван Пырьев.

В середине 50-х на «Мосфильм» с предложением экранизировать «Сорок первый» пришел выпускник ВГИКа, ассистент режиссера Киевской киностудии Григорий Чухрай. Когда-то по повести Бориса Лавренева уже был снят фильм знаменитым кинорежиссером Яковом Протазановым. Но старый фильм был немым. Звуковой римейк оказался весьма кстати. Чухрай прочел впервые «Сорок первый», когда во время войны лечился после ранения в челябинском госпитале. Эта история запала ему в душу. Окончив ВГИК, он решил ее экранизировать, причем по собственному, адаптированному к современности, сценарию. Его «Сорок первому» суждено было стать одним из первых и ключевых оттепельных фильмов.

На Киевской киностудии им. А. Довженко, куда вначале отправился Чухрай с идеей постановки лавреневской повести, его категорически завернули. Было сказано, что любовь красной партизанки к белогвардейцу неактуальна. И предложили снимать

фильм «Триста лет тому» — об объединении Украины с Россией. Делать было нечего, Чухрай согласился, но не сдержался, откровенно высказавшись о слабом сценарии обласканного властью Александра Корнейчука, в результате чего его отстранили от работы. Тогда начинающий режиссер решил податься за правдой в Москву. Он надеялся, что там его идея экранизации все того же «Сорок первого» найдет своих горячих сторонников, и не ошибся.

И хотя столичное кинематографическое начальство тоже вначале сомневалось, нужна ли советскому кинематографу вторая экранизация повести, где главный герой, белый офицер, вполне вызывает человеческие симпатии, участник Сталинградской битвы, о которой он правдиво рассказал перед своей кончиной в автобиографической книге «Моя война», смог настоять на своем. И новелла известного беллетриста Бориса Лавренева «Сорок первый», повествующая о вполне реалистическом, а может, и мелодраматическом эпизоде гражданской войны — о любви девушки и синеокого поручика, любви внезапной, сильной и искренней, была запущена в производство. Директор «Мосфильма» Иван Пырьев не только разрешил постановку, но и обещал по окончании благополучной съемки жилье — комнату в новом, строящемся возле студии, доме.

Однако вскоре московской идиллии пришел конец. Григорий Колтунов, подключившийся к работе над сценарием, не только постоянно конфликтовал с Чухраем, но и гнул свою линию, считая, что любовь Марютки к классовому врагу, поручику Говорухе-Отроку, нуждается в осуждении. Чухрай же считал, что гражданская война заслуживает более объемного и честного изображения. Он не собирался делить своих героев на красных и белых, правых и виноватых. Таким образом, сценарий пришлось переделывать раз шесть. И все-таки молодому режиссеру удалось отстоять собственное видение будущего фильма. При этом пришлось поменять и актеров. Вначале на главные роли были выбраны начинающие актеры — Екатерина Савинова и Юрий Яковлев, последнего очень рекомендовал режиссеру Иван Пырьев. Однако ни один из них в картине так и не сыграл: Савинову запретил снимать сам же Пырьев, когда она влепила маститому режиссеру за приставания пощечину, а кандидатуру Яковлева отклонил сам Чухрай.

Среди других претендентов значились и Руфина Нифонтова с Иннокентием Смоктуновским. Однако не подошла и эта пара. В результате на главную мужскую роль поручика был утвержден «красавец эпохи» Олег Стриженов («Овод», «Капитанская дочка», «Белые ночи»), а Марюткой стала недавняя выпускница ВГИКа

Изольда Извицкая. Правда, с ее утверждением на роль тоже все оказалось не так гладко — худсовет «Мосфильма» выступил против ее кандидатуры, считая, что грациозной зеленоглазой красавице с превосходной гривой светло-каштановых волос вряд ли удастся сыграть диковатую и резкую Марютку. Однако Чухрай считал иначе. Режиссер был уверен, что роль немного угловатой девушки с ружьем, словно специально написана под утонченную красавицу Извицкую. И отстоял молодую актрису. Пришлось чиновникам от «Мосфильма» согласиться с доводами режиссера. Работа над картиной продвигалась непросто. Нашлось немало противников точки зрения режиссера на войну, на то, как надо ее снимать. Однако, когда фильм вышел на экраны и получил множество призов, в том числе и награду Каннского кинофестиваля, он подтвердил правоту точки зрения режиссера, утверждавшего: «К искусству кино я относился почти религиозно. Я считал, что фильм — это поступок, и стремился снимать так, чтобы не стыдиться своих поступков».

Однако не прошло и нескольких недель со дня начала работы, как съемки остановились. «У меня вышел конфликт со сценаристом Колтуновым, — вспоминал позже Григорий Чухрай. — Сценарий у меня фактически уже был до него, но я решил, что нужна все-таки опытная рука драматурга. И вот Колтунов, воспитанный в правильном духе, сразу понял, какая это скользкая тема — любовь к врагу. Он мне сказал: «Не беспокойтесь, мы выйдем из этого положения». И действительно вышел. Мы писали так: один эпизод — я, другой — он. И вот он придумал эпизод: Марютка сочиняет стихи, и к ней являются души, образы погибших в песках товарищей и спрашивают: «Как же ты могла полюбить нашего врага?» И она отвечает: «Никогда вас не забуду, и любить его я буду». Это был эпизод оправдания. Я запротестовал против этого. Сказал, что не хочу ни перед кем оправдываться, что и Марютка в этом не нуждается — она полюбила! Да, полюбила врага. Ну и что? Полюбила, и все! А мне начали возражать: «Так нельзя. Чему мы учим нашего зрителя?… Собрали на студии худсовет, и я готовился выступать с протестом, но накануне встретил Юткевича, и он мне посоветовал ни в коем случае этого не делать. Я удивился: «Ну, как же я буду снимать эти эпизоды?» — «И не снимайте! Когда поедете на натуру, там вы будете снимать то, что вы захотите. А если сейчас вы затеете спор, когда у вас так много противников, вы рассоритесь с ними, и картину вам не утвердят…» И я воспользовался его советом, а если бы не воспользовался, то погорел бы».

Интересна позиция по поводу постановки «Сорок первого»

другого известного советского режиссера Григория Рошаля, который тоже активно выступил против съемок. Он опускался до крика, с хрипотой доказывая худсовету: «Молодой человек стоит перед пропастью, а вы толкаете его! Вы понимаете, что даже теоретически эту картину нельзя поставить, потому что если зритель увидит симпатичного поручика, то он простит Марютке, что она влюбилась в него, но не простит выстрела. Если же поручик будет отрицательным, то зритель не простит Марютке то, что она его, такого, полюбила… Одним словом, этот фильм сделать нельзя!» И, немного успокоившись, добавлял: «Вы что же думаете, молодой человек, что, кроме вас, никто не читал этого рассказа? Но сделать его нельзя! Вот когда работал Протазанов, тогда это было еще возможно…»

Между тем судьба картины висела на волоске даже после того, как ее все-таки разрешили снимать. Даже на завершающем этапе, когда уже угадывался будущий успех картины, кое-кто продолжал сомневаться и вставлять «палки» в колеса. Все тот же Колтунов послал на имя Пырьева такую записку: «Уважаемый Иван Александрович. Только что я посмотрел материал картины молодого режиссера Чухрая. Ставлю вас в известность, что под этой белогвардейской стряпней я не поставлю своего честного имени».

Безусловно, что все эти драматические коллизии вокруг фильма отрицательно влияли и на остальных участников съемок. Всю съемочную группу лихорадило, ведь судьба картины висела на волоске. Переживали и актеры. Больше остальных нервничала Извицкая. Во многом это объяснялось ее молодостью и отсутствием необходимого опыта, уверенностью в себе, ведь это была ее первая серьезная роль. К тому же съемки проходили в довольно сложных климатических условиях, в пустыне, и эти обстоятельства тоже отрицательно сказывались на молодой актрисе, послужив частым срывам. В такие минуты Извицкая впадала в уныние, подолгу плакала, убегая на берег Каспия. Работа простаивала, и тут ассистента режиссера осенило — он посоветовал Чухраю вызвать на съемки молодого мужа актрисы — Эдуарда Бредуна. Так и поступили, причем для артиста была специально придумана и эпизодическая роль — казака, чтобы он стал полноправным участником работы над фильмом. Дебютантка тут же успокоилась, пришла в себя и блестяще сыграла роль, передав не только удивительную цельность натуры своей героини, но и силу внезапно проснувшегося в ней чувства, весь трагизм неминуемой развязки. Бредун же неожиданно повел себя на съемках по-хамски — регулярно напивался, пытался поучать и даже оскорблял режиссера. Однажды в нетрезвом виде

чуть не подрался с Чухраем, вот только не учел, что Григорий Наумович — бывший десантник… В общем Бредуна отправили обратно в Москву.

Непросто складывались отношения у Григория Чухрая и с оператором картины Сергеем Урусевским, на тот момент уже сложившимся и известным в кинематографических кругах мастером. Урусевский вместе с супругой, вторым режиссером Беллой Фридман, пытался захватить лидерство в работе над картиной. Руководить процессом, отодвинув Чухрая в сторону. Практически весь период работы над картиной продолжались конфликты, разборки, собрания и взаимные оскорбления. Дошло даже до того, что Чухрая на нервной почве сразил остеомиелит. В какой-то момент Урусевский стал подумывать и о том, чтобы покинуть картину. Однако, ради общего дела, все же смирил свои непомерные амбиции и нашел в себе силы закончить работу. Отчего картина, надо сказать, несказанно выиграла, а мир получил возможность наслаждаться этим великолепным произведением. Сегодня уже невозможно представить ее без потрясающих урусевских пейзажей, панорам и удивительно романтических и героических портретов героев.

И все же, как известно, фильм — творение коллективное. Все участники съемочной группы — от сценариста, режиссера, художника, актеров, гримеров и костюмеров — в той или иной степени сопричастны его успехам и неудачам. Сам Урусевский сравнивал творческий коллектив с оркестром, «в котором каждый инструмент в полную силу своего таланта ведет свою партию, сливающуюся в общем потоке, эмоционально воздействующем на зрителя».

«Сорок первый» стал для оператора прекрасной площадкой для творческих экспериментов. Урусевский с удовольствием открывал все новые, неведомые художественные возможности камеры. И в основе этих исканий и любых операторских решений лежит живописная основа. Сюжетные условия этого произведения оказались таковы, что буквально все действие картины, за исключением нескольких эпизодов, разворачивается в пейзажной обстановке. Основная часть посвящена двум главным героям, поэтому портретные изображения здесь особо важны. Сам характер драматургии фильма, в особенности его лирическая линия, бесспорно, требует большой экспрессивной силы изобразительного языка. И выразительность некоторых фрагментов картины целиком зависит от этой экспрессии. Например, та часть, которая запечатлела тяжкий путь по пустыне от Гурьева до Урала, совершенный отрядом красноармейцев, и неожиданная робинзонада героев на заброшенном острове, с

непростой историей их взаимоотношений, наверняка бы оказалась на экране малоинтересной, если бы не различные оттенки чувств и переживаний главных героев на фоне окружающей их природы.

Вот, скажем, сцена вечернего перехода через Каракумы. Она сделана предельно лаконично: темные гряды песчаных холмов, огромный массив спокойного, высокого неба, слегка освещенного блеклыми лучами заката, и четкие, словно вырезанные на этом фоне, силуэты движущихся людей и верблюдов. Организация пространства, соподчинение пейзажной и фигурной частей изображения обладают законченной картинностью. Эта сугубо кинематографическая лента — зрительский образ глубоко связан с развитием драматического действия, основанного на напряженности и некоторой суровости изображения, что говорит об огромной трудности пути, требующей от участников перехода огромных физических и душевных сил. Фигура и пейзаж соотносятся в таких случаях как мелодия и аккомпанемент, где природное окружение рассматривается как условное дополнение к основному образу, оттеняющее его содержание. Панорама пустыни символична. Станковая основа здесь очевидна. Пластический язык любого кадра очень умело связан с психологическим смыслом действия, обладая очевидной «картинностью». Оператор старается акцентировать важнейшие моменты повествования посредством законченной системы выраженных живописных приемов, умело приобщая их к киноспецифике кадра.

Нелегко было ему добиться и взаимодополняющего единства звука и изображения, ведь «Сорок первому» суждено было стать одним из первых отечественных цветных фильмов. Понимание цвета идет в нем от живописи, а не от фотографии. И это важно понимать, чтобы понять цветовые особенности фильма. Фантастически снятые Сергеем Урусевским зыбучие пески и гибельные барханы, яростный ветер, что предстает в фокусе камеры прямым родственником блоковской петроградской поземки, молодые, вдохновенные, приподнято-романтичные Изольда Извицкая и Олег Стриженов, не только дающие в своем психологически выверенном дуэте-дуэли метафорический образ вставшей на дыбы эпохи, «прекрасного и яростного мира» — живые, дышащие полной грудью, страдающие и любящие — такие, какими и должны быть настоящие герои большой литературы и кинематографа.

Кадры пустыни из чухраевского фильма «Сорок первый» — признанная классика советского кино. Их цветографика завораживает. Бесконечно желтое безмолвие укачивает

монотонностью. Синее небо, линялое от раскаленного светила. Выдающийся оператор Сергей Урусевский снял все это «непрерывным цветом». Чухрай смонтировал эту сцену длинными и короткими кусками, находя нужный для зрительского восприятия ритм. Хорошим помощником в этом стал сценарий Григория Колтунова, главным достоинством которого стали: лаконичность, емкость и наполненность реплик и диалогов. Фильм не превращается, как порой горько шутят киношники, в «говорящие головы». Изобразительный и вербальный ряды в «Сорок первом» уравновешены и находятся в счастливом единстве. Движется караван по бесконечным пескам, оставляя глубокие следы верблюдов и бойцов, — на фоне закатного неба идет по барханам красный отряд.

В режиссуре этих эпизодов заметна некоторая доля увлеченности Чухраем «роммовской» пустыней. Стоит ли этому удивляться, ведь худруком картины был Михаил Ромм, автор «Тринадцати». К тому же, как мы знаем, Чухрай — ученик Михаила Ромма и по ВГИКу. Потом он стажировался у мастера на его картине «Адмирал Нахимов», снимал свой дебют в его творческой мастерской. Кроме этого, названный фильм Ромма близок «Сорок первому» и по теме, и по материалу.

И все же важно, что в художественной манере молодого режиссера прослеживается своя яркая индивидуальность. Она — и в стремлении к романтике, к острым столкновениям трагического и смешного, лирического и грубоватого, и в стремлении к сильным эффектам, к резким контрастам, к патетическим интонациям, в стремлении к красоте. Однако во всем этом присутствует свой разлом. Внешне это — пустыня и море, эмоционально — взаимоотношение героев. Интересно, что после повести «Сорок первый» Лавренев написал драму «Разлом», с успехом поставленную многими театрами.

Драмой любви и долга можно назвать и этот фильм. Советские люди воспитывались на военной романтике. Героика гражданской войны служила примером для подражания солдатам Отечественной. Тот же фильм о Чапаеве несколько десятилетий не сходил с экранов страны. К произведениям Шолохова, Островского, Серафимовича, Вишневского, Гайдара, Лавренева в то время с пиететом относилась вся молодежь. Легендарные герои гражданской были призваны воспитывать в ней великую стойкость духа, беззаветную верность идее, дерзкую уверенность в будущем. Возможно, небольшая по объему повесть Бориса Лавренева и уступала другим подобным произведениям в масштабности и исторической точности, но в полной мере передавала духовную силу человека, сражающегося за

революцию. Она оказалась удивительно кинематографичной и именно поэтому была дважды экранизирована: Яковом Протазановым (1927) и Григорием Чухраем (1956).

В первом фильме образы девушки-партизанки Марютки, комиссара Евсюкова и белогвардейца поручика Говорухи-Отрока в исполнении Ады Войцик, Ивана Штрауха, Ивана Коваль-Самборского много лет путешествовали по экранам. Несмотря на то, что суровая критика обвинила фильм в чрезмерно узком, камерном изображении исторических событий. Однако время показало, что скромность масштабов искупается психологической глубиной, это подтвердило и долголетие протазановского фильма. Вооружившись новыми выразительными средствами кино — словом, музыкой, цветом, свои силы захотел попробовать и молодой режиссер Григорий Чухрай, неслучайно взявшийся за эту повесть. Вступая в своеобразное соревнование с прославленным режиссером, он тяготел к сильным романтическим характерам лавреневской прозы, к ее острым драматическим коллизиям и психологической глубине. Вот что говорил об этом известный критик Ростислав Юренев: «Сценаристу Г. Колтунову пришлось ее лишь немного отредактировать и развить диалоги, сократить авторские отступления, несколько подробнее разработать образы эпизодических действующих лиц и усилить мотивы заинтересованности белогвардейцев в жизни поручика Говорухи-Отрока. Сделал он это умело и тактично. Может быть, смягчая грубость Марюткиного языка, следовало бы избежать и слишком частого повторения ею поговорки «рыбья холера»; может быть, следовало экономнее построить эпизоды в песках, но это частные замечания. Более серьезный вопрос: не стоило ли еще подумать над финалом фильма и даже во время идейной четкости изменить акценты, поставленные Лавреневым? Но этот вопрос, скорее, к режиссеру.

Вот только творческая манера Чухрая вырабатывалась на этой картине в содружестве с оператором С. Урусевским и во многом была определена этим превосходным и своеобразным мастером. Кадры оператора заметные, яркие, словно снятые «под кинохронику». Его композиции остры, порой причудливы, портреты эмоциональны, пейзажи одухотворены — они являются соучастниками человеческих дел и страстей. Через эти пейзажи — с грозными облаками, с изрезанными ветром барханами, с сокрушительными громадами волн он передает бури человеческих чувств, достигая высокого драматизма.

Романтическая манера Урусевского и Чухрая как нельзя кстати соответствует стилистике повести Лавренева и глубоко

воздействует на зрителя. Однако случается, что и в выразительной трактовке порой красота становится красивостью, а чувство — чувствительностью. Оказалась немного завышенной красивость украинских пейзажей в грезах уснувшего часового, слишком многочисленны и великолепно снятые волны. Встречаются и другие просчеты в операторской работе, однако не они решают дело. Изобразительное решение фильма глубоко эмоционально и своеобразно».

До нас дошли воспоминания помощников Урусевского — Алексея Темерина и Сергея Вронского, тоже в дальнейшем ставших крупными операторами-постановщиками, о том, как творил мастер. Вот что вспоминал по этому поводу один из них: «Перед объективом Урусевский ставит стеклянные пластинки. По первой льют жидкость, похожую на подсолнечное масло, вторая замазана вазелином. Женская часть съемочной группы поставляет Урусевскому для всевозможных сеток старые чулки различной плотности, эти капроновые сеточки работают в сложных комбинациях с бесчисленными туманниками, фильтрами — цветными, нейтрально-серыми, оттененными». Если вдруг по небосводу слишком жестко «мазанул» оранжевый фильтр, не беда — дополнительный нейтральный фильтр-диффузион все немного подправит, размоет. Произошла странная вещь — для Урусевского объектив утратил свое прямое назначение. Для него словно законы оптики не писаны, поскольку он снимал не одним объективом. Да Урусевский и не снимал вовсе тот же «Сорок первый», а живописал. После выхода картины появился даже слух о том, что картину на самом деле сделал Урусевский, а не Чухрай. У них действительно были сложности на съемочной площадке. А после завершения работы над картиной еще и сценарист Григорий Колтунов обвинил режиссера в искажении сценарного замысла…

Следуя канонам русской довоенной режиссуры, и в частности постановке Якова Протазанова, экранизировавшего лавреневскую повесть в 1927 году, Чухраю удалось не только проявить творческую самостоятельность в подходе к материалу, но и во многом превзойти своего знаменитого предшественника: в сюжете о любви девушки-красноармейки и белогвардейского офицера проблема политического противостояния «красных» и «белых» отошла на второй план, уступив авансцену «противостоянию-притяжению» молодых людей, экзотический роман которых на пустынном острове в Каспийском море пришел к такой трагической развязке.

Благодаря повести Бориса Лавренева, на которую обратил внимание дебютант Григорий Чухрай, на наш экран проникла

любовь к врагу, незваная, отчаянная и обреченная. Поручик Говоруха-Отрок изначально приговорен не от того, что попался красным, не от того, что сохранил верность белым, и даже не от того, что он аристократ, а за то, что именно его, такого, как есть, полюбила красноармеец Марютка. Рано или поздно ей все равно пришлось бы спрятать, уничтожить эту постыдную любовь, рано или поздно прогремел бы этот выстрел. То, что он прозвучит, заявлено уже в самом названии фильма. И эти цифры, как рок, висят над повествованием. В нашем кино трудно найти другой сюжет, так близко стоящий к классической трагедии, с ее чистым подобием жизни как таковой, с неотвратимым приговором, вынесенным в самом начале, и с отсрочкой, предоставленной чувству. Когда картина вышла на экраны, симпатии советских зрителей, как и предполагал Рошаль, оказались целиком на стороне классового врага, а история любви главных героев стала доминирующей, затмив идейную линию картины.

Чухрай и Урусевский впервые показали любовь как самостоятельную стихийную силу. Вырванная из созданного людьми мира и помещенная в мир природный, она стала его универсальным кодом с такими неотъемлемыми символами революции, как буря, морской шторм… А рядом аналогии — золото песка и золото тел, синева глаз поручика и синева моря. Природа, вступив в сговор с чувством, уничтожает всех боевых друзей Марютки. А ей предначертана первозданная роль Евы, возвращающая героев в рай первоначальной страсти. Рассказ о Робинзоне — это только бессознательная маскировка настоящего первоисточника. Когда герои остаются одни на острове, без очень кстати унесенного штормом ботика, они оказываются в совершенно ином, обособленном, оторванном от войны мире. Шторм делит их жизнь на — «до» и «после». Одежда намокла, герои вынуждены ее снять, чтобы просушить… Марютка первая делает шаг навстречу чувству, выхаживает заболевшего пленного, кормит его горячим, даже где-то находит для него махорочки: «Что я, зверюка, что ли, лесная?» — «Ты просто золотко, Машенька», — шепчет в ответ растроганный такой заботой поручик. А за сараем бушует море…

Болезнь и любовь на какое-то время примиряют влюбленных друг с другом, но не в силах сократить все, разделяющие их, классовые различия. Как ни грустно, зритель с самого начала осознает: у этого вновь зародившегося чувства нет будущего. И все же с упоением и грустью наблюдает за развитием романа.

К этому моменту внешняя привлекательность героев достигает апогея — Извицкая-Марютка, благодаря естественным данным и мастерству оператора, выглядит так, что вполне может

претендовать на звание самой женственной героини советского кино. В то время как Стриженов-поручик носит жалкие обрывки своего мундира с такой безупречной элегантностью, какую порой не встретишь и в иных костюмных фильмах.

Однако зритель понимает — чувственность проникла в этот мир контрабандой, без законных прав, а значит, ей нет в нем места. Видимо, поэтому любовные сцены в картине и получились столь робкими, и все же, как сказали бы сегодня, весьма эротичными. И прекрасная зазывная женственность Извицкой, и романическая мужественность Стриженова не могли остаться незамеченными даже в период тотальной борьбы за социалистические идеалы. Благодаря привлекательности героев сюжет наполнился явным эротическим подтекстом, что лишь прибавило фильму идеологических дискуссий.

Большая часть сюжетного времени на экране посвящена взаимоотношениям двоих — мужчины и женщины. Их связывает не только любовь, но и классовая ненависть. Молодая актриса блестяще справилась с образом Марютки: несмотря на простое происхождение, ее неграмотная, диковатая героиня показывает высокое благородство чувств.

Снимали фильм на Каспии, в Красноводске. Потом спустились ниже по морю к острову Челекен, на мысе которого и выстроили избушку, в которой развивалось действие последней части картины.

Один из главных эпизодов, когда Марютка застрелила своего «сорок первого» — любимого поручика, идет в фильме минут пять-шесть. Снимался же он пять или шесть дней — на дворе стояла ранняя весна, начало марта. Вместо морского пляжа был почти что лед, песочек не хотел, как требовалось киношникам, сыпаться сквозь пальцы. Ноги актеров в воде сводило судорогой. А ведь приходилось сниматься, мягко говоря, почти раздетыми. Ну, чего не сделаешь ради искусства…

Финальную сцену пришлось еще и переснимать: высокому кинематографическому начальству не понравилось, как Марютка горько рыдает над телом убиенного беляка. Переснимали ее уже в Таллинне. Потом мытарства продолжились и в Москве — нервничал Пырьев, нервничал Чухрай… Еще бы — на режиссера завели уголовное дело, обвинив в перерасходе средств. Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы фильм не произвел на кинематографических мэтров огромного впечатления. Григорию Чухраю простили все и сразу. Чиновники картину приняли без поправок. Дебютант Чухрай сразу стал знаменитым режиссером, а фильм получил ряд международных призов. Критики того времени, отмечая привлекательность характера

Говорухи, говорили о его «духовной бедности» по сравнению с наивной и, казалось бы, темной Марюткой. Мол, творческое дерзание авторов «Сорок первого» состояло в том, что они через лучшего, духовно самого красивого представителя старого мира показали бесплодие и обреченность его идей. Правда, молва продолжала приписывать громадный успех фильма исключительно Сергею Урусевскому, Чухрай же, говорили, так, сбоку припеку. Кстати, Григорий Наумович еле прорвался на премьеру «Сорок первого» в Дом кино. В своем скромном костюмчике он выглядел столь непрезентабельно, что вахтерша не захотела пускать его в зал. Туда он попал не без помощи роскошно одетого Урусевского…

Девушка с ружьем

Есть роли, обреченные на успех. Они приносят актеру, помимо успеха, зрительское обожание, звания, признание прессы. Такой ролью для Изольды Извицкой стала Марютка. Как может показаться несведущему зрителю, судя по названию, фильм «Сорок первый» о войне. «Наверное, о Великой Отечественной, она же началась в 1941 году», — подумает какой-нибудь юный знаток истории. На самом деле знаменитая картина Григория Чухрая в первую очередь — о любви. Действие ее происходит во время другой, гражданской войны. Она — о трагедии любви, о трагедии России. В картине подлинная всенародная трагедия гражданской междоусобицы, масштаб которой стал понятен лишь в конце прошлого века с обнародованием в печати запрещенных документов и воспоминаний русских эмигрантов. Свидетельства очевидцев красного и белого терроров дополнились исследованиями историков, получивших доступ к секретным архивам ЧК и КГБ.

Героиня Извицкой Марютка — снайпер красного партизанского отряда имеет на счету сорок убитых белогвардейцев. В плен отряду попадает поручик, дворянин Говоруха-Отрок, которому суждено стать в этом трагическом списке сорок первым на берегу необитаемого острова, куда героев случайно заносит судьба, чтобы подарить им несколько дней счастья. На какое-то мгновенье девичью любовь победит классовый долг…

Только сначала героев ждет долгий изнуряющий поход отряда по прикаспийским пескам, гибель красноармейцев во время морской бури, маленький домик на острове и закрутивший их вихрь чувств. Однако зловещие реалии гражданской войны вскоре ворвутся и в этот обособленный от кровопролитных событий мирок, и девушка убьет возлюбленного, обрекая тем самым и себя на верную гибель. Такой подход к революции и гражданской войне оказался слишком непривычным для советского кино, где эти страшные события, как правило, воспевались и восхвалялись. По свидетельству самого Чухрая, его родители тоже воевали на стороне красных, а мама до конца своих дней была ярой коммунисткой, как, впрочем, и сам Чухрай. Поэтому будущий режиссер услышал от нее немало правдивых, неприукрашенных советской цензурой, историй.

Съемки «Сорок первого» проходили на восточном побережье Каспийского моря в городе Красноводске. Вот как комментировала актриса свою новую работу школьной подруге:

«28 февраля 1955 г. Ну вот я и в Красноводске. В ужасном городе, где жарко, пыльно… Такая тоска… Живем мы в ужасной гостинице. Я очень и очень тоскую по Эдьке, по Москве, по Дзержинску. По добрым ко мне людям, которые остались там. Единственное, что мне здесь нравится, так это море, на котором масса птиц. В основном утки. Они ведь слетаются сюда из всех северных мест. Ими усеяны все берега. И в городе много раков. Крючков уничтожает в день по двести-триста раков. Я думаю, что он скоро сам станет раком. Да, собственно, здесь и есть-то больше нечего…» Говорят, были перебои и с водой. Зато водки, которой по привычке запаслись киношники, оказалось в избытке. Возможно, что именно тогда актрисе и пришлось впервые попробовать это «зелье»…

Для Изольды Извицкой, выпускницы ВГИКа, роль Марютки была пятой в большом кино и самой удачной в ее творческой судьбе. Извицкой удалось тактично и тонко показать превращение девушки-бойца в любящую женщину и неодолимую, вечную силу первородного человеческого чувства. Повторюсь: в сценарии Колтунова был эпизод — во сне к Марютке является комиссар Евсюков, призывая хранить революционную бдительность. А с ним, комиссаром, и тени живых и павших красноармейцев. Режиссер из принципиальных соображений выбросил этот, показавшийся ему столь фальшивым и пафосным, проиллюстрированный «классовый» кусок. Ему важнее другие эмоциональные сцены, которые призваны показать духовную чистоту той же Марютки.

…Герои все же добрались до Арала! На экране синь моря, парящая над ним чайка, разбивающиеся о берег волны. Наконец-то спасены! В хлебосольном казахском ауле вдоволь наелись плова, запили чаем, перевели дух. Пока все спят, в юрте, у костерка, Марютка читает связанному поручику свои корявые и незамысловатые, но написанные от чистого сердца, воспевающие красных бойцов, стихи. Поручик изумлен и обескуражен. Он другими глазами взглянул на нее. Оказывается, Марютка — это Мария Филатовна Басова, бывшая рыбачка. Важная сцена для сюжета фильма.

Евсюков принимает важное решение: сам пойдет берегом в обход в Казалинск, а Марютка с пленным и двумя бойцами сопровождения на боте поплывут через море в штаб фронта, чтобы быстрее доставить на допрос поручика. Приказ комиссара: живым кадета, если что, не оставлять. «Есть», — отвечает Марютка. Урусевский снимает прозрачную синь Арала, слепящие солнечные пятна на воде, веселый бег бота. Поручик сидит на корме, за рулем, он ходил на своей яхте по взморью под

Петербургом. Марютка ахнула, приглядевшись к рулевому: «Глаза-то у тебя точь-в-точь «как синь вода» (Лавренев в повести сравнивает их цвет с разведенной синькой). Поднялся шторм. Волны смыли двух бойцов, ветер сорвал парус. Истово крестится поручик: «Господи, пронеси!»

Его молитва услышана — двое выбрались на берег, забились в какой-то сарай, развели костерок. Порох ссыпали из пули, вместо хвороста в ход пошла жирная рыба. Сняли мокрую одежду просушить и сели друг к другу голыми спинами. Удивительно, как удалось режиссеру отстоять эти кадры при сдаче картины высокому киноначальству… И все же стараниями Чухрая они были сохранены. Фильм открыл мировому кинематографу новое имя — Григория Чухрая, очень талантливого и серьезного режиссера, одного из лучших советских мастеров экрана.

Для Олега Стриженова роль Говорухи-Отрока стала третьей в кинокарьере. Но он был уже знаменит — успел сыграть Овода и Мексиканца. До сих пор актер считает, что Чухрай выбрал его на роль поручика не по типажу, а как известного артиста. Образ Говорухи Стриженов придумывал сам: и манеру держаться, и детали поведения героя. На «Сорок первом» Стриженов закрепил свой имидж, помноженный на талант. Его поручик был настолько обаятелен, пластичен и открыт светлым чувствам, что в Каннах французы даже окрестили актера «русским Жераром Филиппом». Помните, как на острове Говоруха-Отрок рассказывает о себе: до войны был студентом, изучал филологию, у родителей был дом в Петербурге, три стенки книг, лампа под зеленым абажуром… А в ответ слышит от Марютки: «А я тебе по-простому скажу, счастливая я…» Влюбленные бродят по отмели, поручик носит Марютку на руках. У него, 27-летнего, здесь, на пустынном морском островке, проходят самые наполненные в жизни дни.

И вдруг вслед за этими идиллическими картинами счастья следует серьезная ссора. Все из-за разлома. Говорухе надоела кровь, опостылела злоба. Но Марютка со своей большевистской правдой: «рано еще конфеты жрать», «ах, зачем я тебя только полюбила!»… Очень важны для фильма слова поручика: «Я ждал революцию как невесту. За всю свою офицерскую жизнь ни разу солдата пальцем не тронул. А меня в Гомеле на вокзале поймали, сорвали погоны, в лицо плевали. А за что?» Марютка бросается к любимому, жарко обнимает. Нелегко любви и миру перейти в неизбежность смертельного выбора. Противопоставление долга и любви — извечные мотивы европейского искусства — человек у последней черты.

Берег, сидят на песке поручик и Марютка. «Парус!» — вдруг кричит он. Говоруха стремительно вскакивает и бежит по

мелководью: «Наши!.. Господа, скорее!» От барки отчаливает лодка, в ней несколько казаков и офицер. Теперь и Марютка разглядела белых. «Стой, кадет поганый, стой!» Лучший стрелок отряда комиссара Евсюкова нажимает на спуск. Следует стремительный наезд камеры на средний план. В последнюю секунду земной жизни поручик успевает прошептать: «Маша…» А Марютка, бросив винтовку, бросается по воде к убитому. Судорожно обнимает голову любимого, безутешно рыдает: «Синеглазенький!» А рядом плещется море…

Триумф в Каннах и отзвуки прошлого

Фильм «Сорок первый» вывел Россию на мировой кинематографический Олимп. А к исполнительнице главной женской роли Изольде Извицкой пришла громкая слава.

До сих пор неясно, как удалось «Сорок первому» пройти строгую советскую цензуру. Раздосадованное руководство студии, ища виновных, вначале взялось за «проштрафившегося» Чухрая. Очень хотелось устроить показательное судилище молоденькому дерзкому режиссеру, не побоявшемуся спорить с руководством. Нашелся и повод к экзекуции — превышение сметы. Уже подумывали завести уголовное дело…

Однако Чухраю удалось убедить раздосадованное начальство в слабости выдвинутых обвинений, ведь съемкам в пустыне часто мешали погодные условия, и это привело к перерасходу средств. Только все счастливым образом объяснилось, как «Сорок первый» был удостоен высокой чести — его повезли в Канны.

Только «Сорок первый» благополучно добрался до Канн, как здесь на него обрушился настоящий триумф. Над Извицкой то посмеивались, то сравнивали ее с Мэрилин Монро. А страна Советов испытывала законную гордость по поводу того, что появился еще один крупный режиссер — Григорий Чухрай.

Для девчушки из Дзержинска Изольды Извицкой, сыгравшей главную роль, «Сорок первый» стал настоящим звездным билетом. Ее актерская карьера сразу стремительно взлетела в кинематографический зенит, однако актрисе уже никогда после этого не суждено было побить собственную же высокую планку, установленную в начале славного творческого пути. Равноценных ролей она так и не дождалась… Однако в душе Извицкой навсегда поселилось теплое воспоминание о том, как после выхода картины 15 октября 1956 года ее — актрису, сыгравшую Марютку, полюбившую белого офицера и все же убившую его ради революционной идеи, узнавали на улице все, от мала до велика.

Что и говорить, артисты, сыгравшие центральные роли в картине — Олег Стриженов и Изольда Извицкая после выхода фильма стали звездами мирового уровня. Жаль, что в те времена о карьере за границей, тем более в Голливуде, нечего было и мечтать…

Поначалу французские журналисты встретили советскую делегацию «в штыки». В одной из газет даже написали, что в

Канны прибыла делегация из Москвы, в которой присутствует «актриса с ногами степного кавалериста» (и это об Извицкой!). Эта откровенная ложь о внешности русской красавицы, которая запросто могла состязаться обликом с любой силиконовой голливудской дивой, так расстроила юную дебютантку, что она чуть не впала в депрессию. Чухраю и Стриженову стоило немалых усилий, чтобы доказать легковерной девушке обратное, помочь Изольде успокоиться и прийти в себя.

В конечном итоге триумф «Сорок первого» оказался полным — он получил специальный приз Каннского фестиваля «За поэтичность и оригинальный сценарий», вызвав бурю восторга у зарубежных зрителей. В Марселе во время ее демонстрации белоэмигранты завалили Стриженова и Извицкую цветами. Популярные журналы «Нью-Йорк мэгэзин» и «Паризьен либре» разместили на обложках портреты Извицкой, назвав ее «актрисой номер один советского кино». В честь молодой актрисы устраивались бесконечные приемы, фотокорреспонденты не сводили с нее объективов, а в Париже открылось кафе «Изольда».

Вот только несколько выдержек, взятых из зарубежной и отечественной прессы тех лет.

> «Я был очень счастлив посмотреть этот превосходный и одновременно довольно удивительный фильм. Я был поражен тем фактом, что он не ставит никаких дидактических целей; не старается доказать ничего, кроме величия и силы любви. Оба героя одинаково симпатичны, как белый офицер, так и большевичка-партизанка. В фильме налицо чрезвычайная напряженность чувства, к чему советские люди нас не приучили, она выражается с бесконечным тактом. Для первого фильма это удивительный успех».
>
> *(Марсель Блистен, кинорежиссер (Франция), «Сорок первый». «Советский фильм», 25/07/1957)*

> «Сорок первый» — фильм одного дыхания, одного порыва. Это впечатление получается не потому, что в картине стремительно, в быстром темпе развиваются события. Нет, напротив, темп временами замедлен. Общее впечатление цельности оставляет удивительно стройный ансамбль художественных средств: актерская игра, работа оператора, художника, композитора — все направлено на то, чтобы ни на минуту «не отпустить» зрителя».

(Е. Бауман, «Фильмы молодых режиссеров», «Советская культура», 1/11/1956)

«Говорить о всех смелых и тонких, чисто кинематографических решениях творческой задачи — значит рассказывать о содержании всего фильма. Он действительно захватывает зрителей и порою, нечего греха таить, заставляет их прослезиться и порадоваться, мучиться мучениями и радоваться радостями девушки, которая полюбила впервые и сама должна была убить свое первое молодое чувство, догнать последней в винтовке пулей своего «синеглазенького».

(Е. Кригер, «Сорок первый», «Огонек», 28/10/1959)

«…Возле крепости разлегся на берегу уютный, ласковый город. Обилием зелени он похож на парк, и летом, когда цветут акации, улицы засыпаны душистой шуршащей пеной опавших лепестков, по которым идешь, как по ковру. Имя города — Херсон. В этом городе я родился 17 июля 1891 года»

(Борис Лавренев, настоящая фамилия Сергеев, автобиографические заметки «Короткая повесть о себе», 1958).

Показанная недавно, спустя полвека, на фестивале в Выборге картина «Сорок первый» по-прежнему была тепло встречена зрителями, давними почитателями таланта Олега Стриженова, который и представлял фильм. Постаревший «белогвардеец» был удивлен, когда увидел, с какой любовью его встречают местные жители. Народный артист СССР не ожидал, что эта лента до сих пор так популярна и тревожит сердца. «Вечные темы, — сказал он тогда журналистам, поинтересовавшимся у него причинами столь грандиозного успеха старой ленты, — и есть вечные темы». Актера зрители встречали стоя. Рассказ о съемках все слушали, затаив дыхание. «Григорий Чухрай каждый день до хрипоты спорил с оператором. А финальную сцену пришлось снимать не на Каспийском, а на Балтийском море», — с улыбкой признавался Олег Стриженов, до сих пор вспоминающий момент тех давних съемок с дрожью — то ли от волнения, то ли от холода, ведь ему пришлось «плавать» тогда в ледяной воде… «Вот помню — все готово. Мне кричат: Олег, ложись! Ложусь и думаю: только бы не скрючило судорогами!» — вспоминал, расчувствовавшись, актер. «После режиссеры не раз предлагали мне сняться в роли

очередного отважного поручика. Каждый раз приходилось вежливо отказываться», — добавлял он. Его Говоруха-Отрок так и остался самым интеллигентным и красивым белогвардейцем советского кино.

По общему мнению, фильм Чухрая превзошел немую экранизацию той же повести, осуществленную Яковом Протазановым, который был смонтирован и окончен 80 лет назад, в феврале 1927-го.

Свою повесть Борис Лавренев, певец гражданской войны, напечатал в 1924 году. Уже через три года она была экранизирована, буквально по горячим следам, обретя, таким образом, вторую жизнь в отечественном кинематографе.

Марютку сыграла Ада Войцик (01.08.1905 г. — 02.09.1982 г.), студентка 3-го курса ГИКа, для которой эта роль стала дебютом в кино. Первоначально на роль Марютки планировалась совсем другая актриса — Вера Марецкая, но на тот момент она ждала ребенка. 23-летнюю Аду Войцик, тогда первую жену Ивана Пырьева, утвердил ассистент Протазанова, будущий мэтр кино Юлий Райзман. Съемки на Каспии заняли всего два месяца. Все восхищались сценой последнего выстрела, где Войцик плакала настоящими слезами, а не водой с глицерином, как делали многие актеры немого кино. Интересно, что и Извицкой на момент начала съемок тоже только что исполнилось 23 года. Интересных совпадений вокруг экранизаций повести Лавренева немало, но об этом позже.

В экранизации 1927-го Марютка совсем иная, чем в 1956-м — ей не до сантиментов, ведь гражданская война еще не забыта. «Хорошая ты, Марютка. Жаль только, что красная! — Да и ты ничего, только белый, рыбья холера!», — именно эти слова определили концепцию первого фильма. Как и Извицкой, после ошеломительного успеха «Сорок первого» исполнительнице роли Марютки Аде Войцик в кино доставались в основном эпизоды. На это в немалой степени повлиял и развод с Пырьевым.

Говоруху-Отрока в первой экранизации сыграл Иван Коваль-Самборский (16.09.1893 г. — 10.01.1962 г.), до кино работавший в театре Вс. Мейерхольда. Пять лет он снимался за рубежом, сыграл там более десяти ролей. После возвращения на родину работал в различных студиях страны. В 1938 был незаконно репрессирован…

Сразу после выхода картины восемь рецензий центральной прессы наперегонки трубили об успехе новой картины. Одна из рецензий называлась более чем красочно «Плевок на утюг». В ней призывалось не вспоминать старое, тем более «белых гадов, вроде кадета Говорухи-Отрока». В ту пору представители побежденного

класса показывались если не ущербными, то никому ненужными и бесполезными. К Марютке, которая спасла ему жизнь, протазановский поручик не чувствовал ничего, кроме благодарности и покровительственной симпатии.

В жизни героев двух этих экранизаций есть немало весьма интересных поворотов судьбы. Так, в браке с Иваном Пырьевым у Ады Войцик родился сын Эрик, тоже актер, умерший в тридцать девять лет — то ли от слабого сердца, то ли от пристрастия к спиртному. Жена Эрика Пырьева повесилась. В другую свою героиню — Ванду в фильме «Мечта» Михаила Ромма актриса вложила всю горечь несостоявшихся и сломанных женских судеб. «Мечта» снималась в канун Великой Отечественной и была закончена в ночь на 22 июня. Фильм оказался не ко времени и вышел на экраны значительно позже Победы.

Интересно, что Стриженов женат на третьей, последней жене Ивана Пырьева — Лионелле, в девичестве — Скирда. Зрители помнят ее по роли Грушеньки в последнем фильме Пырьева «Братья Карамазовы». Интересно, что и с пассией именитого мэтра Людмилой Марченко Стриженова тоже когда-то связывали романтические отношения. Они вместе снимались в «Белых ночах». Она так и не стала очередной женой Ивана Пырьева. В 1959-м году 58-летний режиссер влюбился в студентку ВГИКа, которой было всего 19 лет. Скандал был страшный. Родные актрисы расстроили этот брак, считая недопустимой огромную разницу в возрасте. В «Белых ночах» ее партнером стал 31-летний Олег Стриженов, в те годы кумир и любимец женщин. Его она и предпочла.

Жизнь Людмилы Марченко также закончилась трагично, и так же развязку ускорил алкоголь. Был период, когда она была закадычной подругой, возможно, единственным близким другом Изольды Извицкой. А ведь и у Извицкой со Стриженовым тоже, поговаривали, случился на съемочной площадке, а может, и позже, в Каннах, роман. Это не помешало звездной четверке: парам Бредун-Извицкая — Стриженов-Пырьева дружить. Благо, какое-то время они жили на одной лестничной клетке и даже прорубили между квартирами общую арку, чтобы беспрепятственно ходить друг к другу в гости. Но все закончилось так же внезапно, как и началось, — между соседями пробежала «кошка». Возможно, то была просто чья-то черная зависть…

Звездный статус

Фильм «Сорок первый» вознес актрису на мировой уровень. Молоденькая, мало знающая жизнь девочка оказалась выше многих других, не менее заслуживающих славу, актрис. Это не могло не вызвать откровенной зависти и отчуждения коллег женского пола: все они женщины, значит, соперницы, тем более перед лицом мужчин-режиссеров и успеха. А тем временем огромные портреты лучезарной красавицы Изольды Извицкой украшали стены каждого кинотеатра Советского Союза, солнечно улыбались из всех киосков «Союзпечати»…

После столь ошеломляющего успеха в Каннах и на Родине у актрисы появилось немало могущественных поклонников. Зять Никиты Сергеевича Хрущева Алексей Аджубей даже как-то повздорил из-за нее с Марком Бернесом. Оба без памяти влюбились с молоденькую звезду. Бернес оказался удачливее, и Аджубей организовал против певца целую печатную кампанию.

После смерти горячо любимой жены Паолы, умершей от рака (она буквально «сгорела» в течение двух месяцев), в 1958 году певец влюбился в молоденькую актрису Изольду Извицкую, на которую «положил» глаз сам Алексей Аджубей, могущественный главный редактор «Комсомольской правды», зять Хрущева! Аджубей затаил обиду, и случай расквитаться с соперником вскоре представился.

Однажды Бернес и Извицкая мчались на его «Волге» по площади Дзержинского. На «красный» останавливаться не стали, постовой милиционер засвистел, но Бернес только прибавил газу. Тогда милиционер бросился наперерез машине! Дальше события развивались, как в приключенческой ленте: постовой запрыгнул на капот «Волги», а Бернес вместо того, чтобы ударить по тормозам, продолжал кружить вокруг памятника «железному Феликсу»… Когда начальство узнало, что в происшествии замешан не кто-нибудь, а сам Бернес, дело положили «под сукно», но протокол на всякий случай не уничтожили.

Через несколько недель на концерте, посвященном закрытию съезда комсомола, Бернес исполнил две песни, но на бис петь не стал (в «Москонцерте» его предупреждали о строгом регламенте — две песни и все). В зале сидел Хрущев. «Не может спеть народу лишнюю песню, — хмуро проворчал он. — Зазнался!» Аджубей, сопровождавший тестя на концерт, понял: пора! Вскоре в «Правде» появилась статья «Пошлость на эстраде» — Бернеса упрекали в «дурном музыкальном вкусе» и пении с использованием микрофона — без голоса, а туда же! А следом

«Комсомолка» опубликовала фельетон «Звезда на «Волге» — о том, как зазнавшийся артист едва не задавил милиционера. После выхода статьи протокол происшествия на площади Дзержинского был извлечен на свет, на Бернеса было заведено уголовное дело. Все могло кончиться судом, но помогли многочисленные связи — дело удалось замять. Проведенное следствие показало, что большая часть описанных в газете фактов была выдумкой, и дело Бернеса закрыли. Но вокруг Марка Наумовича образовался «заговор молчания». Запланированные концерты сорвались, его перестали приглашать сниматься в кино. Правда, полностью петь ему запретить не могли. В начале 1960-х годов он исполнил новые, мгновенно ставшие популярными, песни «Я люблю тебя, жизнь», «А без меня…», «Сережка с Малой Бронной…», «Я работаю волшебником», «Полевая почта», «Хотят ли русские войны»…

Спустя несколько лет Аджубей извинился перед певцом за всю эту историю, но в кино Бернес уже так и не вернулся. Единственную роль — в фильме Владимира Мотыля по сценарию Булата Окуджавы «Женя, Женечка и «катюша» — он сыграл в 1966 году. Окуджава писал специально для него, в сценарии так и значилось: полковник, похожий на Бернеса…

Рассказывают, что еще до Бредуна за Извицкой с серьезными намерениями ухаживал режиссер Владимир Наумов, предлагая ей руку и сердце, у него она снималась в картинах «Тревожная молодость» и «Мир входящему». Но она чего-то испугалась и, сославшись на то, что отец не даст на сей брак благословения, ретировалась. «Меня папа убьет, если узнает, что он — еврей», — призналась она как-то подруге. Отец внушил ей, что он никогда не даст добро на подобный брак. Кто знает… Возможно, судьба Изольды сложилась бы совсем иначе.

Вокруг Изольды всегда было немало мужчин. Трудно было устоять перед ее непосредственностью и женским обаянием, несмотря даже на то, что по признанию многих очевидцев, походка у Изольды, когда она переставала за ней следить, была немного криволапой. По этому поводу в Каннах произошел небольшой инцидент. Журналисты не смогли не пройтись мимо этого маленького минуса советской красавицы, выставив напоказ «изъян» Извицкой, обозвав ее женщиной-кавалеристом. Актриса очень переживала по этому поводу и позже всегда старалась следить за своей походкой.

Лидия Степанова вспоминает: «Помню за Изольдой еще ухаживал Андрей Эшпай. Она всегда таскала меня на эти встречи с ним. Помню, мы как-то ехали к нему в Дом творчества, да так и

не добрались из-за страшного тумана… Он был очень сильно в нее влюблен. Однажды неожиданно приехал ко мне на работу в научно-исследовательский институт при Академии архитектуры на «Волге», которую тогда редко кто имел, и все решили, что у меня с ним роман. А ему просто нужно было пригласить меня в ресторан, чтобы побольше выведать про Изольду, которая в этот момент была на очередных съемках. Сама же она была к нему равнодушна».

Извицкую избрали членом Советского комитета защиты мира, членом Ассоциации по культурным связям со странами Латинской Америки и членом Комитета молодежных организаций СССР. Актриса получила прекрасную возможность беспрепятственно путешествовать по миру и в составе делегаций, молодежных фестивалей, многочисленных встреч, декад советских фильмов, за короткое время посетила Париж, Брюссель, Вену, Будапешт, Варшаву, Рим, Буэнос-Айрес… Путешествуя по миру, Извицкая получала множество маленьких сувениров, презентов, подарков, которые она бережно хранила. В ее коллекции была и смешная лохматая обезьянка, подаренная актрисе австралийскими друзьями на VII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Вене, и альбомы с аргентинскими пейзажами из Буэнос-Айреса, и открытки с видами норвежских фиордов, улиц Варшавы, Будапешта и многое другое.

Среди этих памятных подарков есть один, которым актриса особенно дорожила, — маленькая фотография, сделанная в Бельгии, в Брюсселе, на состоявшемся там кинофестивале. На фотографии изображена она сама, в страхе отталкивающая ружье, которое ей кто-то протягивает из-за кадра. Внизу коротенькая подпись: «Самая миролюбивая женщина». И эта фотография, и подпись не случайны — ведь Изольда Извицкая приехала на фестиваль с фильмом «Сорок первый», где сыграла «женщину с ружьем», свою любимую роль, принесшую ей мировую известность.

В перерывах между поездками Извицкая продолжала сниматься в кино. Во второй половине 50-х она сыграла в мелодраме «Неповторимая весна», киноповести «Очередной рейс», драме «Поэт», комедии «К Черному морю». Кто помнит сейчас эти фильмы? И немудрено, ни один из них не шел в сравнение с «Сорок первым». Во всех этих фильмах она играла хоть и главные, но похожие роли, исполнить которые без особого труда могла бы любая начинающая актриса.

Вспоминает ***Тамара Семина***:

«После потрясающего всемирного, совершенно удивительного успеха «Сорок первого», когда красавицу-Изольду весь мир носил на руках, где бы она ни появлялась, в какой бы стране мира ни была, ее сопровождали восторги и искреннее преклонение. Я с ней была в Бразилии. Я — с Катюшей Масловой, она — с «Сорок первым». Боже, что это была за поездка… Что-то невероятное! Как нас там обеих встречали…

Старались к нам прикоснуться, чтобы удостовериться — настоящие мы или нет. Сколько зарубежных журналов и газет писали о нашем приезде. Фотографии, где мы то на пляже, то в казино, то еще бог весть где — две красавицы такие невероятные. Меня так вообще окрестили «русской Бриджит Бардо»… А потом возвращение домой. И что там? Ни работы, никаких предложений — ничего нет. Одни воспоминания. А на что жить?…

Артисты выживают, кто как может. Кто-то участвует в концертах. Кому-то это не под силу — один не любит, другой просто не может… Взять ту же Таню Самойлову. Сначала ее успех по всему миру фильма «Летят журавли», а потом полное забвение. И только последние годы о ней вспомнили, тот же Никита Михалков. А там «две звезды в одной кровати» — Эдик Бредун и Изольда Извицкая. Их ждала одна судьба на двоих».

Вспоминает ***Татьяна Самойлова***:

«С Изольдой Извицкой мы играли вместе в Театре киноактера — встречались то в раздевалке, то в Белом зале, когда заглядывали на минуточку в театр. Но, если я за долгие двадцать лет много играла на сцене, Изольду привлекало только кино. В театр она приходила только по каким-то своим «бумажным» делам — что-то отметить, подписать. Мы ведь в то время обязаны были предъявлять там паспорта, оформлять для поездок документы.

Мы дружили, благодаря театру, вначале очень любили друг друга. Не раз пересекались мы с ней и в заграничных поездках. Нас очень любила Фурцева, и мы с Изольдой объездили немало стран в составе делегаций ООН. Были — в Италии, в ГДР… Много летали и мало ездили. Но открывали звездный Олимп в разное время.

Изольда Извицкая — великая актриса,

неповторимая, словом — Звезда! Ее работа в «Сорок первом» — замечательная, дивная. Изольда в ту пору дружила с Олегом Стриженовым.

В Италии мы были довольно долго — 3 месяца. И везде зрители встречали нас великолепно. А мы все выходили и выходили к ним, все кланялись и кланялись. Как нас принимали коммунисты! Это были очень тяжелые для Италии дни. Всюду были выброшены флаги, почему-то Эйзенхауэра. В общем, мы облазили весь Рим. Деньги у нас были. Делали какие-то покупки: чулок набрали, граций, носовых платков. Хотя мы ни чем не нуждались, жили в хорошей гостинице.

Приходилось много выступать. Помню, когда вошли в ООН, раздался гром аплодисментов. Со всех сторон мы слышали: «Вот они, эти актрисы, наконец-то мы их видим!»

Начало кризиса

По картотеке Гильдии актеров Союза кинематографистов, где артисты по установленным правилам обязаны фиксировать все свои киноработы, в личной папке Извицкой значится немного — около 20 картин. Трудно представить, что она ходила отмечать все свои проходные и невыразительные крошечные роли, даже не запомнившиеся зрителям в период ее творческого кризиса.

В ту пору на экране особенно блистали две красавицы — Алла Ларионова и Изольда Извицкая. У каждой были все данные, чтобы стать звездой экрана, но лишь на короткое время. Видимо, нужен был особый расклад звезд на небе, чтобы вспыхнула еще одна на земле… Вот что сказал по этому поводу режиссер Григорий Чухрай, открывший миру Извицкую: «То, что Извицкую после «Сорок первого» стали приглашать на вторые, а то и на третьестепенные роли, связано с серьезными недостатками нашей социальной системы в кино. Многие крупные, да и молодые режиссеры не хотели работать с известными артистами, стремясь из эгоистических побуждений открыть свою собственную кинозвезду. Они не заметили тех значительных возможностей, которые раскрыла в Извицкой роль Марютки. Именно поэтому многие актеры поистине уникального таланта у нас снимались весьма редко, тогда как на Западе большой успех в фильме открывает дорогу актеру ко многим фильмам».

А вот точка зрения Тамары Семиной: «Многое в жизни человека зависит от характера. Возвращаясь из многочисленных поездок, я продолжала работать, работать и работать. А Изольда, видимо, ожидала некоего нового всплеска. Но так же не бывает, чтобы тебя каждый день ждал грандиозный успех. Есть каждодневный успех, а есть всплеск, подобный «Сорок первому».

В театре она тоже не хотела ничего играть. Есть актеры, которые не умеют выходить на сцену, не чувствуют ее. Они живут только ради кино, ведь театр и кино — два разных искусства. Бывало, что, вернувшись в очередной раз из-за границы, я получала приглашение в какую-то картину, в которой в данный момент не могла участвовать в силу ряда причин — была занята где-то еще. В таком случае я первым делом предлагала режиссеру Изольду, умоляла взять ее на эту роль вместо меня. А у него свое видение роли. Он ничего и слышать о замене не хочет… Однако я понимала, что, если не я, никто ей больше не поможет и не сделает ничего подобного. Это я одна такая «идиотка» — отказывалась от хороших ролей ради других актрис. Я же в течение ряда лет дарила и ей, и другим многие свои

превосходные роли. Режиссер настаивал: «Тома, да ладно, ей-богу! Как это ты не хочешь играть такую роль…»

Так Изольда получила работу в детективе «По тонкому люду», потом в другой картине, третьей. И так повторялось три раза! Пока уже режиссер не сказал: «Слушай, Тома, прекрати, ей-богу! Что ты все Изольда да Изольда!» А я в ответ: «Дайте ей прийти в себя, воспрянуть и отдохнуть от водки!» Но почти всегда слышала: «Да ее нельзя снимать, она такая…» И все же не уступала: «Дайте почувствовать, что она нужна. Да она только придет на площадку, сразу воспрянет духом…» Нет, не дали… И у нас ведь целая армия подобных погубленных судеб талантливейших актеров.

А все друзья-товарищи, как только чувствуют, что ты уже не совсем на плаву, отходят в сторонку. Идут в театре навстречу и не замечают, да еще умудряются так тебя обогнуть, чтобы не встретиться, — вдруг рядом увидят… А я всем таким людям помогала. И Изольде в том числе. И она была просто счастлива и благодарна мне. Часто звонила. И пусть мы с ней не так часто встречались, она всегда знала, как я замечательно к ней отношусь и желаю ей только добра. И не только на словах, но и на деле…»

Проблемы с выпивкой начались у Изольды с момента съемок в «Сорок первом». Как писала сама Изольда школьной подруге Зорине, съемки проходили в Туркменистане, то на берегу моря, то в барханах, далеко от ближайших населенных пунктов…» Говорят, из еды у киношников были лишь раки да ящики с водкой. Пища богов! Но только не тогда, когда больше нечего есть. Вот и питалась вся съемочная группа этим, порой даже не хватало воды. А женский алкоголизм, как известно, развивается быстрее мужского. Порой достаточно месяца два-три.

Семья Извицкой и Бредуна была хлебосольной и в доме никогда перед друзьями не закрывались двери, среди них было много известных актеров, подверженных той же напасти, что и она. Дружбу за бутылочкой водили: Алла Ларионова и Николай Рыбников, Нонна Мордюкова, Людмила Гурченко (в период, когда ее не снимали), Георгий Юматов (это была творческая дружба, вместе они не раз выступали с концертами), Светлана Харитонова, Владимир Гусев, Людмила Марченко и ее муж театральный администратор Виталий Войтенко, Владимир Гусев и многие другие. Те, кто из них жив сегодня, открещиваются от этого знакомства — не любят вспоминать о данном периоде своей жизни.

Марченко часто заходила вместе с мужем и Татьяной Гавриловой к Изольде Извицкой чисто по-человечески — помочь, поддержать. Именно они впервые рассказали, что Бредун бьет

свою жену. Актриса Татьяна Гаврилова вспоминала: «Мы пришли в гости к Изольде и были потрясены, увидев, что она сильно избита. Она показала нам множество ссадин на руках и теле, синие подтеки под глазами, но не сказала, кто это сделал…»

Интересных ролей все не было и не было. Начало 60-х годов Извицкая встретила творческим кризисом. Главные роли сменились ролями второго плана, а те, в свою очередь, и вовсе третьестепенными. Череда однопланових ролей закрыла перед актрисой возможность показать себя в более интересном, неожиданном ключе. Постепенно ее перестали звать даже на второстепенные роли. Это обстоятельство актриса воспринимала крайне болезненно. Рядом в тот момент не оказалось верного, преданного и благородного друга.

Слава, едва начавшись, тут же улетучилась, и привыкнуть к этому Извицкой было труднее всего. Режиссеры не спешили приглашать уходящую звезду в свое кино. Театр-студия тоже молчал. Режиссеры не хотели видеть на площадке нетрезвую актрису, которой трудно было поддерживать рабочий режим, — она могла запросто опоздать, забыть текст, а то и просто не явиться.

Крах актрисы, полнейшая невостребованность, а впоследствии и уход мужа превратили некогда красивую женщину в вечно пьяную и небрежно одетую нелюдимку.

И началось падение с вершины в никуда. Извицкой больше никто и никогда не предложил более значимой и интересной роли, как Чухрай. Оказалось, что Извицкая, как хорошая, характерная актриса, практически никому не нужна.

Наверное, она была слишком красивой и слишком «несоветской». Или просто так сложилось. Быть может, ей нужно было переждать, пережить. А она не смогла. Хотела все сразу, здесь и теперь. Перенести забытье и ненужность под силу только волевым личностям. У Изольды же были слабые нервы и ранимый характер. Возможно, если бы с ней рядом был другой мужчина, она бы, чувствуя опору и поддержку, все пережила. А муж Эдуар Бредун, оказался беспардонным и завистливым неудачником. Любитель крепких напитков, он спаивал жену, завидуя ее успеху. Карьера Бредуна как актера не сложилась, и удачи жены сводили его с ума.

А Извицкая любила мужа. Делала все в угоду ему. И не заметила, как стала неуравновешенной алкоголичкой. Сначала за компанию с мужем, потом и в одиночку.

Все чаще Извицкую замечали бродящей по двору со свертком, в котором потом, как оказывалось, она носила водку. Есть у нее было нечего, разве что кусочек хлеба. Но выпить было всегда.

Иногда актрисе помогали друзья, которых со временем становилось все меньше и меньше, иногда соседи. Кто-то передавал деньги, а она тратила их на водку.

Видя, что буквально на глазах актриса погибает, некоторые коллеги-кинематографисты пытались ей как-то помочь, просили режиссеров дать актрисе хоть какие-нибудь эпизодические роли. Это помогало Извицкой держаться какой-то короткий срок, но потом все возвращалось на круги своя. В 1963 году Извицкая с большим трудом получила работу в телефильме «Вызываю огонь на себя» и из всех сил старалась держать себя в форме. Но потом сорвалась. Ее вызвал для серьезной беседы начальник актерского отдела «Мосфильма» и предложил обратиться за помощью к наркологу, но она наотрез отказалась…

В 1969 году друзья уговорили режиссера Самсона Самсонова занять ее в своем новом фильме «Каждый вечер в одиннадцать», где главные роли играли Михаил Ножкин и жена режиссера Маргарита Володина. Говорят, об этом особо горячо Самсонова уговаривал давний поклонник Извицкой Марк Бернес, потому что видел — она стоит у последней черты. Когда-то у него из-за хорошенькой актрисы было немало неприятностей, но она не оставила его в беде. Пришло время платить по счетам. Бернес старался, как мог, вот только роль Извицкой в фильме оказалась настолько крошечной, что ее бессловесного присутствия в нем так почти никто и не заметил. Да и что это могло изменить… Хотя в этой короткой поездке на море и были свои плюсы — на какое-то время московские собутыльники оставили Изольду в покое. И она, приехав в Сочи, ненадолго взяла себя в руки. Не пила. Но потом стала на репетиции приходить в подпитии. С ней поговорил Бернес, и это дало результат — в последний день съемок она пришла на съемочную площадку трезвой. Дала Бернесу слово не пить, но вскоре опять сорвалась…

Между тем эта картина стала последней в послужном списке актрисы. Большая часть ее работ пришлась на «звездное» десятилетие — между 1954 и 1964 годами.

Вот что сказала по поводу актерской популярности ***Наталья Фатеева***, другая несравненная кинокрасавица тех лет:

> «Пика популярности» у меня никогда не было. Я не относилась к «модным», «престижным» артистам, никто меня в звезды не выводил, в лауреаты не толкал. В моде был серый цвет…»

Здесь хочется возразить, актриса немного лукавит. Пик популярности, хотя и недолгий, был — в середине 60-х. Но вскоре

в кино начала утверждаться новая эстетика, в центре которой стоял обычный человек — не с экрана, а с улицы. Наталья Фатеева, Алла Ларионова, Изольда Извицкая и другие превосходнейшие образцы эталонной русской красоты, хотя и продолжали блистать на экранах, но уже не в полную силу — их вытесняли новые лица, новые типажи. Режиссеры, еще вчера использовавшие редкую красоту актрисы, уже относились к ее отличительной внешности даже с пренебрежением, и ей постоянно приходилось доказывать, что она не только красива, но еще и что-то представляет собой как актриса. И это у нее получалось. Фатеева, не будучи в числе самых популярных, всегда оставалась заметной, неординарной, самобытной актрисой, имеющей своих постоянных поклонников. Поэтому из кино 60-х актриса достаточно легко перешла в кино 70-х и пополнила новыми ролями свою фильмографию, хотя ей самой, по собственному признанию, это и не принесло достаточного удовлетворения. Чтобы совсем не сидеть порой без дела, пробовала актриса себя и в дубляже, тем более на этой ниве поле было мало пахано — вместо того, чтобы тратить деньги на развитие собственного кинематографа и поддержку новых талантов, у нас в неимоверном количестве закупались не всегда стоящие картины из соцлагеря и развивающихся стран. И ради хлеба насущного многим актерам и актрисам, вместо того чтобы сниматься самим, приходилось дарить свои голоса зарубежным коллегам. Дубляж стал хорошим подспорьем в трудные минуты для Розы Макагоновой, Николая Бурляева, Владимира Яворского, Артема Карапетяна, Ефима Копеляна, Александра Демьяненко, Эдуарда Изотова, Вячеслава Тихонова, Татьяны Конюховой, Тамары Семиной, Надежды Румянцевой, Натальи Варлей, Карилла Столярова, Евгения Весника… Не раз таким образом подрабатывал и Эдуард Бредун. Почему Извицкая не захотела попробовать себя в этом успешном и увлекательном, приносящем неплохие дивиденды деле?…

Вспоминает ***Лидия Степанова***, подруга Изольды:

> «Я как-то спросила у мамы Изольды — почему последний раз из больницы родственники не забрали ее к себе. Мария Степановна так и не смогла ничего ответить. Лишь обмолвилась, что этого не захотела сама Изольда. Я же ходила в больницу каждый день, носила ей поесть, поддерживала, как могла. Пока однажды Эдуард Бредун не обвинил меня в нечистоплотности. Он устроил Изольду в очередной восстанавливающий

подмосковный санаторий. Я часто заглядывала к ней. Бывало, что Изольда просила что-то купить. Если не оставалось времени сходить в магазин, я оставляла ей деньги на продукты, не догадывалась давать их санитаркам. Потом выяснилось, что Изольда покупала на них водку, о чем и призналась мужу, и о том, кто их ей давал. Я была в шоке — деньги-то предназначались не на бутылку! Вот так добро может обернуться и против того, кто его делает… Я приходила к ней в синем свитере и таких же, под цвет ему, брюках. Она уже издали замечала меня и прыгала вокруг меня как ребенок — так радовалась моему приходу. Она лечилась несколько раз, но не от пьянства, а по неврологическим причинам в больнице рядом с Театром Советской армии.

Когда Эдька отвез Изольду в психиатрическую больницу, там оказалась моя приятельница. Она меня вызвала. Никто к Изольде не приходил. Совершенно. Эдьку к ней не пускали, потому что он являлся всегда совершенно пьяным. И врач ему сказал, что в таком состоянии он к ней его не допустит. Внешне она была такой же «ненормальной», как, скажем и я. Совершенно спокойная. Извинилась передо мной. У нас был такой момент, кода в нашу дружбу вмешалась моя подруга и нас развела. Мы два года с Изольдой не общались, пока не поняли, что виной всему пустые наветы. Это потом уже я поняла, что моя подруга, когда просила их познакомить, просто искала знакомства с известностью. Ей льстила дружба с Изольдой. А после постаралась все сделать, чтобы мы перестали общаться…

Так вот, вызывает меня к себе главврач: «Скажите, а вы родителей Извицкой знаете?» — «Да», — говорю. — «У них все нормально?» — «Да. Отец — химик. Мама — педагог, еще молодая, красивая женщина». На что он вдруг и говорит: «А наследственности у них никакой не было?» И вдруг меня как молнией ударило: «Господи! Я тут шла к вам и все думала — почему мне знакомо это здание?» Я ведь с Изольдой сюда приходила. Здесь лежал ее младший брат Евгений. И она меня тогда к нему не пускала, ходила одна.

Когда подняли архивы, выяснилось, что ее брат, Евгений Васильевич Извицкий страдал тяжелой психической наследственностью. Это же выяснилось потом и в отношении старшей сестры. Поэтому она и пила. Мне та же Таня Конюхова однажды призналась, как

видела, что Изольда перед концертом выпивала водку. А врач тогда сказал: «Я ее буду лечить от другого. Сначала надо привести в порядок нервную систему и психику, насколько это возможно. И тогда она сама бросит пить…»

Несостоявшиеся роли

К сожалению, у каждого артиста есть свой «черный» трагический список — несыгранных ролей. Недаром замечательный актер Георгий Милляр, запомнившийся своими многочисленными образами всякой сказочной нечисти и написавший немало прекрасных афоризмов, как-то высказался на этот счет так: «Актер — кладбище несыгранных ролей». Под этой лаконичной и по-философски мудрой фразой, думается, мог бы подписаться любой, даже самый удачливый актер. Даже если он прославился исполнением ролей многочисленных ментов, то, очень возможно, в душе все еще скорбит по образу Отелло или Гамлета. А может, он «пролетел», не получив главную роль в одной из нашумевших и всенародно любимых комедий Эльдара Рязанова…

Вот и у Изольды Извицкой таких разочарований было немало. По большому счету не так уж и много она успела сыграть в кино! Ее институтская подружка, кинозвезда Татьяна Конюхова в беседе со мной призналась, что неоднократно участвовала с Изольдой в кастинге на ту или другую роль (обычное дело в жизни актрис), на которую потом благополучно была утверждена она, а не Извицкая. Это не могло внести некоторый разлад в их ранее такие теплые и искренние отношения. Правда, жаль, что мне так и не удалось выяснить, что это были за роли. Да это теперь, по большому счету, уже и неважно — мы привыкли видеть в картинах именно Конюхову и от всей души полюбили ее героинь.

«Идиот»

Оказывается, среди несостаявшихся ролей Извицкой есть и классика — она вполне могла бы сыграть Настасью Филипповну в экранизации Достоевского «Идиот». У постановщика картины Ивана Пырьева уже были найдены все актеры — утвержден Юрий Яковлев на роль князя Мышкина (это была вторая его работа в кино, но по значимости, по собственному признанию актера, первая). Был и Рогожин (Леонид Пархоменко, с которым Извицкая училась во ВГИКе), и Ганька (Никита Подгорный), почти все, не было только главной героини.

Вот как вспоминает об этом тот же Юрий Яковлев: «Было снято где-то с полкартины, а Настасья Филипповна все еще не появлялась. Никак не могли подобрать актрису. Нет актрисы на эту роль — и все тут. Пробовались многие — и Изольда Извицкая,

и Евгения Козырева из театра Маяковского, — Пырьев не мог ни на ком остановиться. Но потом он увидел Борисову в спектакле «Идиот» в театре Вахтангова, после чего тут же пригласил ее и без колебаний утвердил на роль. У Юли очень сильная, очень яркая индивидуальность. Она всегда играла героинь и произвела на Пырьева такое впечатление как актриса, что у него не осталось никаких сомнений. Это стало нашим единственным с Юлией Константиновной, но зато очень ярким совместным опытом работы в кино. Но до чего же хорошо, до чего же легко мне с ней было на съемочной площадке…»

У Борисовой, к сожалению, так и не состоялась та яркая кинокарьера, которую ей прочили после выхода «Идиота». Дело в том, что Юлия Борисова считала себя полностью театральной актрисой. И сколько бы в дальнейшем режиссеры ни предлагали ей кинороле́й, она почти всегда отказывалась — то не нравились сами сценарии, то роли…

«Алешкина любовь»

Сегодня уже трудно себе представить, что, когда фильм о преданной и безоглядной любви робкого паренька, работающего на буровой, к стрелочнице и вызвавшей в ней ответное чувство, вышел на экраны, его не самым лучшим образом встретили и критики, и зрители. Первые обрушились на него с обвинениями в пошлости и прививанию зрителям мещанского вкуса, а вторые не сразу разглядели все достоинства картины — трогательный сюжет, прекрасные актерские работы… Другая, откровенно слабая картина «Осторожно, бабушка» с участием все того же Леонида Быкова, которую его знаменитый однофамилец Ролан Быков назвал худшим фильмом в своей карьере, в прокате 1961 года заняла 4-е место (40,3 млн. зрителей), в то время как «Алешкина любовь» — лишь 20-е (23,7 млн.). Однако время все расставило по своим местам.

Снимать «Алешкину любовь» доверили двум режиссерам: Семену Туманову и Георгию Щукину, год назад с блеском закончившим Высшие режиссерские курсы. Это была их первая самостоятельная картина. Сам сценарий картины неоднократно дорабатывался. Вот что сказал о нем главный редактор 3-его творческого объединения И. Маневич: «Любовь Алексея рассказана ясно, видно, но порой холодновато, вяло, без большого волнения. Она недостаточно индивидуальна и страстна. В этой любви мало перипетий, переходов Алешки из одного состояния в другое, чувство не всегда проявляется достаточно

ярко и сильно. Мы плохо представляем себе, чем является Зина в глазах любящего ее Алешки, мало знаем о содержании их отношений. Хотелось бы больше силы, темперамента в проявлении чувств героев…» Все это в дальнейшем учел «деревенский» драматург Будимир Метальников, перед этим написавший два других народных «хита» — «Отчий дом» и «Простую история». Эти картины подарили стремительный виток популярности Людмиле Марченко и Нонне Мордюковой и стали лучшими в их актерской судьбе.

Поскольку за постановку фильма взялся «Мосфильм», который был связан кровными узами со столичным Театром киноактера, то главный упор делался на его работников. Само руководство рекомендовало на роли следующих актеров: Зина — Ия Арепина, Изольда Извицкая, Людмила Гурченко; Аркашка — Раднер Муратов, Юрий Белов, Александр Лебедев; Лиза — Лидия Смирнова, Нонна Мордюкова; Илья — Иван Рыжов; Николай — Иван Сайкин, Юрий Саранцев. Подходящую кандидатуру на роль Алешки Театр киноактера подобрать так и не сумел. Но режиссеры не огорчились: в их распоряжении были картотеки других киностудий страны плюс учащаяся молодежь ВГИКа и театральных училищ.

Вскоре круг актеров определился: Лиза — Ольга Хорькова; ее муж Илья — Борис Балакин; Аркашка — Юрий Белов; Женька — Александр Зайцев; Сергей — Владимир Гуляев; Николай — Иван Сайкин; бригадир — Иван Рыжов. На главную женскую роль — Зинки — из четырех представленных кандидатур (И. Арепина, Л. Шляхтур, Т. Витченко, А. Завьялова, Извицкая как-то быстро «слетела») была выбрана 24-летняя выпускница Ленинградского театрального института Александра Завьялова. На «Алешкину любовь» ее сосватал «Мосфильм» — она считалась одной из самых красивых и перспективных актрис. Между тем на главную мужскую роль, геолога Алексея, кандидатур было больше всего — восемь: Л. Куравлев, А. Кузнецов. А. Кожевников, В. Грачев, А. Харитонов, В. Колокольцев. В. Александрушкин. Однако ни один из них влиятельную комиссию не впечатлил, и режиссерам была дана команда продолжать поиски более подходящего кандидата.

Фильм снимался в окрестностях Феодосии. Поскольку актера на роль Алешки на тот момент еще не было, снимали какие-то эпизоды без него. Вскоре он был найден. Им стал 31-летний актер Харьковского театра имени Шевченко Леонид Быков, который на тот момент был уже хорошо известен широкому зрителю по картинам «Судьба Марины», «Укротительница тигров», «Максим Перепелица», «Добровольцы» и «Дорогой мой человек».

Жаль, что Извицкой не удалось сняться в этих картинах. Возможно, и сама жизнь актрисы могла сложиться иначе…

«Вызываем огонь на себя»

В 1963 году режиссер Сергей Колосов приступил к съемкам первого в стране многосерийного телефильма «Вызываем огонь на себя», рассказывающего о борьбе советских разведчиков и польских патриотов в 1941 году на оккупированной гитлеровцами белорусской земле. В главной роли Ани Морозовой снималась жена режиссера Людмила Касаткина. А ее напарницу, разведчицу Пашу, должна была сыграть Изольда Извицкая. По словам Колосова: «Порой на съемках Изольда была недостаточно собранна, плохо выглядела, чувствовалось, что она ведет безалаберную семейную жизнь с Бредуном, который был мне антипатичен».

Однако, несмотря на свою болезнь, Извицкая справилась со своей ролью блестяще. Почти полтора года, пока велись съемки, она старалась держать себя в форме, выкладывалась на съемочной площадке до конца. Многим, знавшим ее, тогда показалось, что актриса поверила в себя и впервые за долгие годы сможет изменить собственную судьбу в лучшую сторону. Однако чуда так и не произошло.

Сериал «Вызываем огонь на себя» — важный этап в развитии советского кино как первого отечественного телевизионного многосерийного фильма. Он открыл нам много новых имен прекраснейших актеров: Ролана Быкова, Александра Лазарева, Станислава Чекана, Елены Королевой… Принимали в нем участие и такие звезды экрана, как Людмила Касаткина, Олег Ефремов, Ада Войцик, Нина Гребешкова, Борис Чирков, Валентина Телегина, Владимир Осенев. Для Изольды Извицкой работа в сериале «Вызываем огонь на себя» стала еще одним счастливым билетом — годы забвения обернулись парой лет интереснейшей, самозабвенной работы, хотя бы на время вернувшей ей былую популярность.

Сценарий картины был написан режиссером Сергеем Колосовым по одноименной повести О. Горчакова и Я. Пшимановского. В основу истории легли реальные события, произошедшие на Брянщине в годы войны. Подпольная группа Ани Морозовой установила связь с поляками, работающими на немецком аэродроме, с их помощью устраивала диверсии, переправляла важную секретную информацию через партизан в Москву. Многие из реальных героев рассказанной в фильме истории погибли. Героиня Извицкой Прасковья Бакутина дожила до тех дней, когда снимался фильм, но у нее сложились непростые отношения с кинематографистами.

Вот как вспоминает работу Извицкой режиссер ***Сергей Колосов***:

> «Изольда обладала уникальными внешними данными — очень обаятельна, красива, была в хорошей творческой форме. И заслуживала того, чтобы играть главные роли в тех фильмах, в которые ее приглашали. Но жизнь ее оказалась очень короткой. Память сохранила, как будто это было вчера, тот день, когда в Театре киноактера с ней прощались.
>
> Назначение Изольды на роль в моем сериале не прошло без некоторых сложностей. Наше творческое объединение телевизионных фильмов было создано в 1960 году. Это была совсем молодая организация при «Мосфильме». К работе над фильмом мы приступили в 1963 году. То есть у нас был небольшой опыт работы. И мы были достаточно тесно завязаны тогда с Театром киноактера, который был частью структуры «Мосфильма». Он давал свои рекомендации, иногда проявлял определенный нажим в распределении ролей. Были у него свои кандидатуры и на роль Прасковьи Бакутиной или, попросту говоря, Паши, которую играла Изольда. Но я из всех кандидаток предпочел именно ее, настояв, чтобы Изольда была утверждена на эту роль.
>
> Изольда была очень хорошо подготовлена во ВГИКе. Прошла школу замечательных мастеров, и у нее уже накопился определенный профессиональный опыт. С ней было приятно и интересно работать. Были, конечно, определенные проблемы, о которых я не хотел бы говорить, памятуя, что речь идет о человеке, который давно ушел от нас. Но все это преодолевалось в значительной мере благодаря помощи ее прекрасных партнерш. Людмила Касаткина к моменту работы над фильмом уже получила звание народной артистки СССР — к тому моменту она имела большой опыт работы в театре — около тридцати спектаклей и двадцати работ в кино. Дебютантка Елена Королева, сейчас это тоже уже народная артистка, в кино начинала неплохо, сначала работала в театре Ермоловой, потом во МХАТе. Мы до сих пор поддерживаем с ней добрые отношения. Вот это окружение ей очень помогало, сыграло благотворную роль в работе над образом Паши.
>
> Людмила Ивановна, как человек большего опыта в

кино и на сцене, делилась с Изольдой своими соображениями — как лучше построить сцену, как сделать диалог живым, как пронести зерно роли через непривычный на тот момент для актеров четырехсерийный фильм».

Первый общественный просмотр сериала «Вызываем огонь на себя» состоялся в Брянске в январе 1965 года, за несколько недель до выхода картины в телевизионный эфир, для партизан Брянщины. На встрече присутствовали исполнительница главной роли Людмила Касаткина, режиссер Сергей Колосов, главный оператор Владимир Яковлев и один из актеров. В тот момент вся страна готовилась к 20-тилетию Победы.

Картину телевидение показало сначала ко дню Красной Армии 23 февраля, а затем в юбилейные дни широкого празднования Победы в Великой Отечественной войне — с 7 по 10 мая. Сергей Колосов позже вспоминал, что на обсуждении картины после ее просмотра в самом большом зале Брянска, с участием руководителей и актива области, свидетелей тех событий, происходивших в годы войны в брянских лесах, об игре Изольды Извицкой все отзывались очень хорошо. Прасковья Бакутина пользовалась большим уважением в этих местах, где ее хорошо знали. Ее экранное воплощение понравилось, Паша была узнаваема. Сама героиня Изольды Прасковья Бакутина в то время еще была жива и с интересом следила за работой съемочной группы, смотрела картину. Правда, здоровье у нее уже на тот момент было неважным, вскоре она скончалась.

Надо сказать, что сериал запускался в производство как трехсерийный проект. Однако вскоре после просмотра рабочего материала руководители телевидения предложили создателям картины сделать еще одну серию. Кинематографисты в короткие сроки досняли необходимый материал, прибавили к нему кое-какой имеющийся в их распоряжении монтажный запас и получили желаемую четвертую серию.

Позже создатели картины не раз вспоминали, что на площадке царила очень хорошая творческая атмосфера. В то время телевизионное кино было делом новым. Да еще и сам материал картины требовал от них большой правды, достоверности и убедительности, так как за ним стояли живые, реальные люди, их героизм в годы войны.

Изольда была очень внимательна к предложениям режиссера, к замечаниям и соображениям опытного оператора Владимира Тимофеевича Яковлева, снявшего такие крупные киноработы, как «Учитель» Сергея Герасимова, «Петр I» Владимира Петрова. Как

признался мне Сергей Колосов, Яковлев очень любил запечатлевать красивые женские лица, ведь ему довелось снимать признанных красавиц: Аллу Константиновну Тарасову, Тамару Федоровну Макарову…

Серей Колосов вспоминает:

«Лица Касаткиной и Извицкой ему тоже были по душе. Он с удовольствием шлифовал «портретную живопись». Это требовало «соучастия» актрис, в том числе и Изольды, чтобы соответствовать его пожеланиям и требованиям. Работа с режиссурой и операторской группой тоже впоследствии дала свои результаты. Конечно, было немало и трудностей, которые преодолевались благодаря творческой атмосфере, царившей на этой картине.

К тому же актеров очень заботило и то, что они играли реальных людей. Олег Ефремов играл живого человека, Людмила Ивановна Касаткина играла погибшую Аню Морозову, которой после выхода картины посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Таким образом, наша группа и киностудия «Мосфильм» рассказали о подвиге разведчицы Ани Морозовой, вернули ее из забвения. Она погибла в 45-м году в Польше, взорвав себя гранатой, чтобы не попасть в плен к фашистам. В деревне, в которой это произошло, школа носит имя отважной партизанки и находится могила, которую трижды перезахоранивали. Последний памятник сделан очень хорошо, надпись на нем гласит: «Спи спокойно на польской земле».

Аня Морозова была очень дружна с Пашей. Это исторически установлено по воспоминаниям очевидцев, принимавших участие в нашей работе. Была еще такая Людмила Сенчилина, человек с очень сложным характером, тоже уже ушедшая из жизни. У них были ссоры, присущие молодым девушкам, выяснение отношений. С Пашей Бакутиной у них было полное взаимопонимание и это хорошо передано в фильме актрисами. Группа работала большей частью на аэродроме, где в офицерском казино работала Паша. Она была специально туда послана, чтобы, выполняя функции официантки, слышать, о чем говорят немцы, чехи, поляки и русские. Кое-что из этого она со временем стала разбирать. Все это мы воплотили в образе Паши

Бакутиной. Так что я сохраняю хорошую память об Изольде Извицкой, ценю то, что вы делаете о ней книгу. Только бы вам хватило конкретного материала от прессы того времени, исследований, проведенных по этой теме, музейного материала, информационно-методического материала».

При выборе актрисы на роль Паши режиссер прежде опирался не только на ее внешнюю, но и внутреннюю схожесть с героиней. Это было установлено благодаря фотоматериалу и воспоминаниям очевидцев. В то время еще были живы многие участники подпольной партизанской группы, члены партизанской бригады Федора Семеновича Данченкова. Первая клипменская партизанская бригада руководила действиями сечинского интернационального подполья, в который входила Паша Бакутина. Среди других претенденток на эту роль выделялась Клара Лучко. Но она была чуть старше, чем требовалось.

На сегодняшний день почти никого из реальных участников событий не осталось в живых. В этом убедились создатели картины, когда побывали в Брянске на 40-летие фильма.

Вот как вспоминает работу в этом фильме исполнительница роли Ани Морозовой ***Людмила Касаткина***:

«Я очень любила Изольдочку. Мы с ней были в очень хороших отношениях. Она столько раз меня обнимала и целовала, благодаря за то, что я неоднократно ее выручала. Она никогда ничем не кичилась и как будто даже не замечала своей красоты, хотя была очень красива.

Мы встретились с Изольдой на картине «Вызываем огонь на себя», по существу ставшей последней значимой ее работой в кино. Этот период был трудным в ее судьбе. Я ее не раз спасала в работе, потому что ценила ее как актрису, очень нежно к ней относилась и жалела. Этому Бредуну я так однажды выдала за нее… Это уже была ее трагедия, потому что и ребенка она не могла иметь — то ли он не хотел, то ли она не могла иметь, не знаю. Это была целая история, словно он ей мстил за что-то… Ужасно себя вел по отношению к Изольдочке. Она очень много выстрадала из-за него. Такая красавица, такая женщина. Когда я однажды ей сказала: «Наплюй ты на него, на Бредуна своего! Ты — красавица, такая одаренная. Да посмотри на себя!» И в ответ услышала: «Да ты что, как я могу его бросить, ведь он без меня

погибнет!» А он лупил ее. Она иногда приходила на съемки с такими синяками на лице, что снимать ее было невозможно. А если съемки отменяются по причине актрисы, ей этот съемочный день не выплачивался. И я ее спасала. Сразу говорила режиссеру: «Сережа, Изольдочка сегодня не в форме. Давай я скажу, что у меня сердечко колет». Вызывали врача. Точно так же я спасла ее и на съемочной площадке. Колосов всегда очень тщательно работает с актерами, добиваясь от них проработки характеров персонажей, поэтому репетициям уделяется большое внимание. Изольда совсем не умела танцевать. Когда это выяснилось, я попросила объявить перерыв, чтобы все вышли из павильона, а нам дали музыку. В нашем распоряжении было минут тридцать, и я с ней отрепетировала каждое движение. И, когда мы были готовы, она вставала в кадр».

Не менее ценны воспоминания и актрисы ***Нины Крачковской***, сыгравшей одну из главных героинь в телесериале «Вызываем огонь на себя» — еврейку, которую Аня Морозова прячет у себя под кроватью.

«Мы с Изольдой встретились на картине «Вызываю огонь на себя». Там были четыре центральные женские роли: Касаткина, она, Королева, ну и я. Съемки были трудные. Мы все были между собой довольно дружны, кроме героини. Снимались мы долго. К нам приезжали и настоящие иностранцы, что тогда было новшеством, — поляки, чехи. Все герои были настоящими, их не русские актеры играли.

У Изольды по значимости была вторая женская роль. Изольда очень трепетно относилась к работе. Не знаю, стоит ли об этом говорить. Мы на картине немало пролили слез. Плакали по очереди. Как только какая-то наша сцена, все делается не так, как задумывалось. Сцена готовилась, репетировалась, но потом на поверку оказывалось, что все снято не так, как нам представлялось. Сначала Леночке Королевой досталось. Потом вдруг звонит Изольда: «Нина, ну ты представляешь, вчера снимали мою сцену основную (когда она в баре танцует и завлекает немцев, мы там никто не были заняты). Нина, пришла Касаткина, она мне всю сцену испортила! Она стала ввязываться — не то, не так…» Изольда была искренне расстроена. Я ее,

как могла, успокаивала — в целом-то сцена получилась. А потом досталось и мне. Но я про это говорить не буду.

Одно могу смело утверждать, что Колосов не хотел ни меня, ни Изольду брать в свой фильм. У нас было создано при театре «Первое творческое объединение» специально для того, чтобы занимать работой наших актеров. Скажем, картина «По тонкому льду» создана только силами Театра киноактера. Колосов пришел в это объединение снимать свою картину «Вызываем огонь на себя» и тут же начал искать артистов на свой выбор. Так было и со мной. Сделали хорошие пробы. Я уехала из Москвы на десять дней. Возвращаюсь, мне звонит Клара Лучко, которая в тот момент была в худсовете театра: «Нина, срочно приезжай на «Мосфильм», а то Колосов вызывает Райкину на твою роль». Я же там играла еврейку. Сама я не еврейка, она, конечно, больше подходила на эту роль. Но худсовету удалось отстоять и меня, и Изольду. А на роль Паши как раз хотела пробоваться Клара. Но она вела себя очень тактично.

Колосов — режиссер очень деликатный и терпеливый. Касаткина тоже вела себя подобающим образом, но отношения с актрисами у нее складывались не всегда гладко. Так, к концу картины, когда иностранцы наши устали и соскучились по дому и шли уже какие-то досъемки — им оставалось отработать последний эпизод. Билеты были в карманах.

Приходит Касаткина, а она всегда была очень доброжелательна с окружающими, и заявляет: «А вы знаете, что завтра будет сниматься сцена с моим участием, в которой вы не заняты?» Они так подскочили! Только и смогли из себя выдавить: «Ну, знаете ли!..» Им же сказали, что завтра они снимаются и уезжают. — «Вы решайте дома с Колосовым свои дела. Нам сказали, что завтра снимаемся мы!» Она сразу ретировалась: «Ну, хорошо. Мы сейчас это уладим, и все будет в порядке». Я вам рассказываю подобные закулисные моменты, чтобы дать представление об атмосфере на площадке. Касаткина влезала во все организационные вопросы съемок. Она считала фильм делом своей жизни.

Взять, скажем, сцену, где меня вытаскивают из-под кровати, сажают на телегу и отправляют к партизанам. В сценарии обозначено: я еле иду, ее нет в кадре, меня ведет Беляева, кладет на телегу. И в сценарии написано: «Спасибо, Анечка» голосом, которого почти нет, — от

долгого сидения под кроватью он пропал. Глаза, полные слез. Я смотрю в облака… Сцена вышла очень хорошая. Гримеры и все, кто был вокруг, плакали. Здесь должен был быть мой крупный план. Сразу его не сняли. Я оператору Яковлеву говорю: «Как же так… ведь по сценарию эта сцена кончается моим крупным планом?» Он говорит: «Конечно, Ниночка, конечно, мы обязательно доснимем это в павильоне». Но ничего этого потом не было… А крупным планом — Касаткина! И таких «мелочей» было немало. Когда потом моя маленькая дочка, которой едва исполнилось лет шесть, смотрела это, она спросила: «Мама, а почему все время эту тетю показывают?» Или помните, по-моему, в первой серии есть очень важная сцена с Ефремовым — он ей что-то рассказывает, она слушает. И он все время общается спиной… Если приглядеться, таких моментов в картине немало. Все это — наши обиды.

И все же этот фильм принес и мне некоторую известность. Меня стали узнавать. Знаю, что в писательском детском саду малыши даже играли в этот сюжет. Были распределены все роли, даже под кровать кого-то сажали…

Картина была очень любима. Параллельно я снималась где-то еще, сейчас уже не помню, по-моему, в Киеве. Там я была блондинкой, здесь же меня все время мазали черной краской. Я ходила грязной, и это было довольно противно. После этой работы меня какое-то время узнавали, здоровались. Но никаких предложений вслед за этим не последовало. Прошло время, уже нет никаких обид. В прошлом году я встретила Касаткину, поздоровалась, но она меня, по-моему, так и не узнала. Столько времени прошло…

Изольда очень трепетно относилась к своей работе. Все разговоры о том, что она выпивала… Не могу ничего про это сказать, я ее пьяной никогда не видела. В театр она всегда приходила в отличной форме. Чувствовалось, что она тщательно готовилась к этому походу, — порядочная, скромная. Всегда чистенькая, аккуратненькая, симпатично причесанная. Увидит меня и просит: «Нин, давай посидим в буфете — попьем чайку, поговорим». Она всегда выделялась своей стеснительностью. Вот если Гулая пила, так она весь театр разносила по всем этажам, как из брандсбойта. А Изольда приходила в гриме, аккуратненькая…

Не помню кто, по-моему, сценаристка Смирнова, хотела написать сценарий, где мы должны были играть сестер. Но эта затея так и не состоялась…»

Вспоминает актриса ***Елена Королева***.

«Мы мало общались. Работа в картине проходила с определенными трудностями. Так случилось, что мне приходилось частенько защищать Изольду от Колосова. Грех на душу брать нехорошо — все мы старики, но все было именно так. Действительно, Колосов не хотел брать Изольду на роль, ее «навязал» Театр киноактера. Он хотел снимать совсем другую актрису. Возможно, поэтому режиссер и позволял себе по отношении к ней столь насмешливый тон. Я была тогда молодая, наглая. Видя такую несправедливость, грудью бросалась на защиту, еще не зная, какие трудности это таит.

Изольда была очень простодушным и открытым человеком. Она искренне откликалась на чужую боль и заботы, старалась чем-то помочь. Помню, как у меня сломались туфли, и она пыталась мне в этом помочь, отнести их в починку, но это было сложно сделать в том месте, где мы снимали фильм. Но все равно она старалась окружить меня теплом, по возможности сделать что-то приятное. Однако у нее был этот ужасный муж, которого она любила и который стал причиной того, что с ней случилось. Он ее и сгубил. Это он совратил ее на выпивку, потом в конечном итоге бросил, и она осталась одна, у нее стало плохо с сердцем… Мужики-актеры бывают такими коварными. Мне мой муж вот тоже запрещал ездить на съемки: «Опять, начинается. Надо ехать отдыхать…» И я его слушала, ехала с ним, вместо того, чтобы работать.

Последнее время, говорят, она ходила, закрывая от посторонних глаз лицо. Ей было стыдно… Но мне настолько в это не верится. Так получилось, что после картины мы с ней не поддерживали связи.

Помню такой эпизод. Мы сидели на гриме, когда на съемки приехали жены польских актеров. Надо было видеть, что с ними было, когда они увидели Изольду. Они бросились к ней со словами: «Ой, «Сорок первый»«! Вы наша любовь! Ой, какая красавица…» Их восхищению не было конца. А рядом сидела Людочка Касаткина, на которую они не обратили никакого внимания. Думаю, ей

это было обидно, поскольку в Союзе она была звездой и героиней этого фильма.

Непросто складывались отношения режиссера и с поляками. Им не очень нравилось, что творилось на площадке. Колосов всегда советовался с женой. Она помогала отбирать дубли, могла прервать съемку, если ей что-то не нравилось.

У Изольды с одним из поляков завязался роман — с тем, который в кадре танцевал. В эпизоде, где вначале танцевала русский танец она, а потом вышел в круг и он. Симпатичный актер. Стоит ли удивляться — от нее ведь глаз невозможно было оторвать.

Поляки и ко мне, и к Изольде относились очень тепло. Помню как-то ночью пришли со съемок, есть очень хочется, а нечего. Ребята взяли и уперли у режиссера черный хлеб. И он так хорошо пошел — с салом, с колбаской, с сыром. И мы все это бессовестно сожрали. Очень вкусно было. Когда это открылось, Колосов отнесся с пониманием и на нас не сердился. Это были запасы Люды, которая его очень любит и всегда, как может, оберегает…

Несколько лет назад мы ездили на 40-летие фильма в Брянск — именно там происходили реальные события, которые легли в основу сценария. Сам фильм снимался в Подмосковье или в декорациях «Мосфильма». Фамилия моей героини Лиды на самом деле не Тончилина, а Сенчилина. Я с ней никогда не встречалась. Говорят, она даже была против этого фильма, что-то ей не нравилось в сценарии. Из наших героинь в живых после войны осталась только моя Лида.

В Брянске нас потрясающе встречали. Фантастический зритель. Нужно было выступать. Я оказалась немного к этому не готова. Сначала выступила Касаткина, затем Колосов. Искренние чувства между этой парой удивляют и восхищают. Когда же наступила моя очередь и меня представили, зал вдруг встал и начал аплодировать. Я не могу сказать ни слова — глотку перехватило, слезы градом… На мои слова: «Вот вы знаете, я была совсем молоденькой. Как придется, так и играла, не задумываясь о войне… Сейчас я, наверное, сыграла бы совсем по-другому». Колосов тихо добавил: «Я бы тебя тогда на картину не взял».

Ведь после этой картины Колосов меня не снимал, потому что я с ним крупно поссорилась из-за Изольды. А

может, и зря — само бы потом все встало на свои места. А с Колосовым мы недавно помирились, уже под старость лет.

А в роли, которую сыграла потом Нина Крачковская, должна сниматься Катя Райкина. Но удивительное дело, еврейке запретили играть еврейку. Катя сама потом мне об этом рассказывала и очень жалела, что ей не дали сыграть эту роль.

После этого меня почти не приглашали в кино, во многом благодаря слухам о моей строптивости. Однажды знакомый режиссер рассказала мне, как при подборе актеров на свой новый фильм на студии Горького просматривала картотеку, в которой наткнулась на мою фотографию, на обороте которой значилось: «Очень плохой характер». И три восклицательного знака. Ну кто будет снимать такую актрису? И кто такое написал… А может, такова моя судьба».

Последние дни

Маргарита Жарова, актриса, работала с Извицкой в Театре-студии киноактера, снималась с ней в кино:

«Об Изольде я могу сказать только самое хорошее. Мы с ней снимались дважды: в фильме «Доброе утро» (я играла одну из подружек) и «К черному морю» (там у меня была роль жены Лукьянова, мамочки двух детишек).

Не припомню, чтобы Изольда была замешана в каких-то неприятностях. Ей удавалось всегда быть улыбчивой и доброжелательной.

Вспоминаю последний эпизод. Получилось так, что она не пришла в театр на репетицию, и последовало административное наказание — ее сняли с роли. А значит, она лишилась зарплаты. Она мне позвонила и попросила взаймы. На что я ответила: «Изочка, деньги я тебе дам. Но дело в том, что я завтра всей семьей уезжаю в отпуск…» По-моему, это был актерский санаторий в Крыму. Дала ей деньги и уехала. Разве я могла тогда знать, что это будет наша последняя встреча…

Дальнейшее уже происходило без меня. Когда я вернулась, все было кончено и что-то выспрашивать было невероятно грустно. Изочку уже похоронили. Мне рассказывали, что на похороны приезжала ее мать. И обвиняла собравшихся актеров в том, что это они виноваты в гибели ее дочери.

Изочка была очень отзывчивым, светлым человечком и все очень сильно переживала. Тем более это был нелегкий этап в ее жизни — муж, Эдуард Бредун, связался с продавщицей книг. Иза очень страдала, звонила мне почти каждый день: «Марго, что же мне делать, ну, что же это такое…» Я ее утешала, как могла: «Погоди, Изочка, пройдет какое-то время. В жизни мужиков бывают подобные заскоки. Постарайся пережить, займись чем-то. Скоро все станет на свои места». А она в ответ: «Не могу. Ничего в голову не лезет!..»

Лидия Степанова, близкая подруга Изольды Извицкой:

«Когда это все случилось, я тоже была в больнице, с нервами. Приходит муж и говорит: «Знаешь, звонила Изольда и так плакала… Призналась: «Когда я лежала в больнице, никто ко мне, кроме Лиды не приходил. Она покупала мне все теплое. Валерочка, я так плохо себя чувствую, что не могу ответить ей тем же…» Он ее спросил: «А что у тебя?» На что она ответила: «Да все болит». Когда после выписки я вернулась домой, у меня было скверное предчувствие. И я позвонила второму режиссеру по «Сорок первому» Юре Даниловичу: «Юра, пожалуйста, узнай на «Мосфильме», что с Изольдой. Я была в больнице, а тут она звонила Валере и призналась, что тяжело больна, плохо себя чувствует, что Эдик от нее ушел… Может, она в Дзержинск к родителям уехала?»

Вернувшись из больницы, я все же прорвалась к ней: «Лапуля, что тебе привезти?» — «Да что хочешь, у меня холодильник отключен». То есть она голодала. Ну, я всего набрала. У меня у самой двое детей. И поехала. Долго простояла под дверью, звонила, стучала, но никто так и не открыл. Мне тогда бы надо было дверь открыть. То случилось за два дня до того, когда дверь все же вскрыли, но Изольда уже была мертва. А я тогда позвонила соседям и попросила их передать продукты Изольде, хотя была немало удивлена ее отсутствием, ведь мы договорились о встрече, и она меня ждала… А через два дня мне позвонили: «Ну, Лида, у тебя и интуиция! Из Театра киноактера никак не могли Изольде дозвониться, заставили Бредуна вскрыть квартиру, а Изольда уже мертва». Это, очевидно, произошло как раз где-то в то время, когда я к ней приезжала. Эдька после говорил, что она выпила, рядом с ней на полу лежала бутылка. А там кто знает…

Мама ее потом призналась, что она могла закончить жизнь и в психиатрической больнице. Когда родители Изольды приехали на похороны, то жили у меня — Бредун не пустил их в ту однокомнатную квартиру, где они жили. Как-то звонит мне: «Эти у тебя?» Я ему: «Ах ты, сволочь, негодяй такой, да я добьюсь, чтобы тебя выгнали из театра. Ты пользовался ею — она соглашалась на любые роли, в то время как ты возомнил себя гением и ждал приглашения только на главные…» Вскоре после этого разговора я узнала, что директор вызывал Бредуна к себе и сказал, что уволит, если тот помешает в чем-то родителям Изольды. И хотя квартира

давалась Изольде, отцу с матерью не нужно было ничего — ни квартиры, ни мебели. Они забрали только какие-то ее носильные вещи и фотографии — у нее была куча снимков».

Из всех родных семьи Извицких в живых остался только один родственник, который живет сейчас в Подмосковье. Он работает на мраморном заводе и помог с памятником Изольды, который сделал муж ее лучшей подруги Лидии архитектор Владимир Степанов. У него был на тот момент только черный и белый гранит. Памятник расположен на Востряковском кладбище, место 129. Рядом Лидия посадила березки.

Лидия Степанова как-то подошла к священнику, который был очень удивлен, что на этом кладбище похоронена такая знаменитая актриса. И хотя Изольда крещеная, в церкви частенько не брали записку на ее имя. Не верили, что это имя православное. И тогда батюшка посоветовал Лидии подавать записочку в любом случае, только рядом с именем в скобочках писать «православная».

Документально запротоколировано, что Извицкая умерла от сердечно-сосудистой недостаточности, но в крови был обнаружен и алкоголь. Все знают, что Извицкая в то время сильно пила, вот сердце и не выдержало. Сказалось и истощение — актриса почти ничего не ела. Все это говорит о сильнейшей душевной и моральной депрессии. Она стеснялась своего безденежья и столь незавидного положения «отставной» звезды.

Последнее время Извицкая ходила в магазин только за водкой и кефиром или просила купить соседей. Гаврилова утверждала, что незадолго до этого приносила Изольде курицу, а потом заболела и поэтому не появлялась. По всей видимости, последнюю неделю к ней никто не приходил. Она пролежала на полу мертвая несколько дней, пока в театре ее не хватились. Так и не удалось точно установить точную дату смерти и похорон Изольды — все знакомые говорят по-разному. Кто-то утверждает, что ее похоронили 4 марта, кто-то — 6-го, есть и такие, кто говорит про 9-е, были сторонники версии, что она в начале месяца только умерла. И все же, вероятнее всего, смерть произошла в конце февраля, вскоре после того, как от Извицкой ушел Бредун. Жаль, что точно эту печальную дату так никто и не записал, а из родных у нее никого не осталось.

Татьяна Гаврилова, работавшая с Извицкой в Театре киноактера, вспоминала:

«Возвращаясь с репетиции, я шла вниз по 2-му

Мосфильмовскому переулку. Впереди — худенькая женщина в выцветшей каракулевой шубе и русском цветном платке. Она крепко держала в правой руке старенькую авоську с двумя пустыми бутылками из-под кефира и газетным свертком. Обогнав ее, я обернулась и узнала Изольду Извицкую. Мы давно не виделись, и ее лицо показалось мне более болезненным и одутловатым, чем прежде, она производила впечатление человека не от мира сего.

— Здравствуйте, Изольда Васильевна!

— Ой, деточка, здравствуй! Не хочешь ли зайти ко мне? — спросила она, потирая маленькие руки.

Ее глаза просили меня поговорить, пообщаться с ней. Я согласилась. Мы дошли до ее дома и поднялись на 3-й этаж. В однокомнатной квартире Извицкой царила идеальная чистота, но обстановка была весьма бедной. В полуоткрытом одежном шкафу висело лишь несколько поношенных женских халатиков. Уловив мой взгляд, Изольда Васильевна сказала, что ее недавно обокрали. В углу стояла старая продавленная тахта и около нее телевизор с небольшим экраном…

— Деточка, — вдруг произнесла актриса, — давай с тобой выпьем.

Она извлекла из газетного свертка спрятанную бутылку «Столичной», поставила ее на кухонный стол, затем налила две небольшие стопки водки, а на закуску подала черные сухарики, которые всегда сушила и держала на всякий случай. Когда она открывала холодильник на кухне, я заметила, что он пуст. Видимо, все эти последние дни ее мучил голод, но на водку Изольда деньги где-то доставала. После первой рюмки она потеряла равновесие и схватилась за край кухонного стола. Испугавшись, я обхватила ее руками и поволокла к тахте. Когда она пришла в себя, я попрощалась и ушла…»

После этого случая Гаврилова не смогла безучастно взирать на то, как погибает ее коллега по актерскому цеху, и стала навещать ее — приносила еду, скрашивала ее одиночество. Однако предотвратить неумолимо надвигающуюся трагедию была уже не в силах…

В Театре-студии киноактера, в штате которого Изольда Извицкая числилась, зарплата ей шла, однако там она не показывалась. Это было странно, потому что незадолго до этого

Извицкой предложили роль в новом спектакле «Слава» по пьесе драматурга Гусева. Это предложение ободрило ее, она целыми днями сидела дома и учила свою роль. В театре было такое правило — когда давали какую-то роль, диспетчер регулярно связывался, выясняя, как идут дела с заучиванием текста. Изольда сама с ним созванивалась и бодро докладывала, как продвигается работа. Но вот наступил момент в конце февраля, когда диспетчер позвонил, а по телефону никто не ответил. Изольда пропала. День, другой…

Татьяна Гаврилова вспоминала:

> «Третьего марта диспетчер театра, обеспокоенная тем, что телефон Извицкой не отвечал, позвонила Бредуну, попросила его пойти на квартиру своей бывшей жены и, если никто не отзовется, открыть дверь своим старым ключом. (Извицкая жила в доме № 4, кв. 6 по 2-му Мосфильмовскому переулку.) Но Бредун не смог попасть в квартиру — дверь была закрыта, а ключ торчал в замочной скважине с другой стороны. Вызвали милицию, слесаря из жэка, и они без особого труда взломали закрытую дверь.
>
> Изольда Васильевна лежала на полу как-то боком в стеганом французском халатике, головой — на кухне, худеньким телом — в комнате. Увидев все это, Бредун громко сказал: «Уже набралась, вставай!» Но Извицкая не поднималась. На лице отчетливо проступали характерные пятна, и слесарь проворчал: «Ты что, не видишь, она же мертвая!» Видимо, актриса шла на кухню, но, потеряв сознание, упала и умерла. Судя по всему, пролежала так больше недели. Еды в доме не было никакой, лишь кусочек хлеба, наколотый на вилку, лежал в металлической селедочнице. Я слышала, как следователь, приехавший на место происшествия вместе с врачом, сказал: «Она хорошо поддала». Однако по настойчивой просьбе Бредуна смерть Извицкой объяснили «отравлением организма неизвестными ядами, слабостью сердечно-сосудистой системы».

По Москве поползли слухи, что Изольда Извицкая отравилась, повесилась…

О том, что некогда популярная актриса кино Изольда Извицкая умерла, 7 марта сообщил лишь маленький некролог в газете «Советская культура»…

Вот что вспоминает актриса ***Наталья Фатеева***, жившая с Извицкой в одном доме:

> «Я пошла на похороны Изольды и видела несчастных родителей, отца и мать, хоронивших единственную дочь. Стоял мороз, но светило солнце, словно обогревая холодное кладбище. Мы шли впереди катафалка. Мне почему-то запомнился такой эпизод. Рядом хоронили человека еврейской национальности, и раввин всю дорогу читал молитвы на иврите. Это придавало происходящему какую-то нереальность, будто бы все было во сне. Евреи почему-то бежали, а мы шли медленно. И еще запомнилось, что, когда опускали гроб и начали бросать мерзлые комья, раздавался жуткий грохот. А пьяный Бредун кричал и кричал: «Бросайте камни аккуратно, аккуратно, ведь ей же больно!..»

Сколько их упало в эту бездну!

«Мы были с ней как сестры»

Лидия Степанова, близкая подруга Изольды Извицкой со студенческих лет

Мы были с ней как сестры. У меня не было никого ближе, чем Изольда, да и у нее в Москве тоже никого ближе меня не было. Изольда была очень добрым человеком. Даже тогда, когда она сама мало получала, сколько раз все раздавала и приходила без денег, говоря при этом: «Лида, ну как я могу не дать, если у них дети, а у меня никого нет». Доброта и щедрость ее были безграничны. Нельзя было похвалить при ней что-то из ее одежды. Я как-то с восхищением отозвалась об ее обновке — костюме и сразу услышала в ответ: «Ну, и бери это, возьми его себе». Мы с Танечкой Конюховой, возможно, в чем-то расходимся в отношении Изольды, потому что у них достаточно часто пересекались жизненные пути. Ведь и Володя, Танин муж, сначала ухаживал за Изольдой, даже просил ее развестись с Бредуном. Это чтобы были ясны некоторые обиды Тани. Родители Владимира, жившие в Санкт-Петербурге, так тепло относились к Изольде, что даже после женитьбы своего сына на Тане и рождении внука не снимали ее портрет со стены.

Мне очень грустно вспоминать, как один проходимец под личиной журналиста выведал у меня разные моменты жизни Изольды, а потом состряпал достаточно грязный материал. Смысл такой: «Представительница рабочего класса получила такую славу, что не смогла с ней справиться…» А ведь отец Изольды был с высшим образованием. И родилась она в Москве, а не в Дзержинске, как часто о ней пишут. Ее отец — химик, приехал туда по распределению. Мать — педагог. Я обратилась тогда за помощью к другу детства Элему Климову — мы оба с ним из Сталинграда, чтобы он мне помог призвать этого писаку к ответу и забрать у него редкие фотографии, которые он взял на время для своей статьи, да так и по сей день не вернул. Однако это оказалось пустым делом, мне даже не смогли помочь в Гильдии актеров. А ведь он забрал у меня все. Мы пытались развенчать этого негодяя, да все зря… А потом, в передаче «Чтобы помнили» Леонид Филатов зачитал одно из тех писем Изольды ко мне: «Мой дорогой Лидок!..» И показал одну из принадлежащих мне фотографий, подписанную Изольдой: «Моей самой любимой,

самой дорогой Лиде!» Позже у меня еще пропал на работе и громадный пакет с последними имеющимися фотографиями Изольды, так что в память о нашей дружбе почти ничего не осталось…

Сначала Изольда жила в коммуналке — двухкомнатной квартире на двоих. Ее соседкой была работница «Мосфильма». Эта жилплощадь находилась в доме, где жили режиссер Григорий Чухрай и актриса Наталья Фатеева. Мы как-то вместе с ней шли и встретили Наташу с ребенком на руках. Я отошла в сторону, чтобы им не мешать, Изольда меня представила Фатеевой: «Это моя лучшая подруга». Потом я видела Наташу на похоронах. Она сказала много прочувствованных, полных боли, слов об Изольде. Вскоре после этого я посадила две березки на могиле подруги и не пускала туда Бредуна…

Когда Изольда получила новую отдельную однокомнатную квартиру, Бредун был на съемках, поэтому переезд на новое место взял на себя мой муж и его друзья. Телефона, понятное дело, еще не было. Каково же было мое удивление, когда задним числом я узнала, что новоселье справили без нас. Оказывается, одна из моих подруг, Рорка Новоселова (по паспорту носящая редкое революционное имя Аврора, историк по образованию, мы с ней вместе учились), взялась нас позвать, да так и не сделала этого, надеясь, таким образом, рассорить с Изольдой. Это ей, в конечном счете, на какое-то время удалось — мы не общались с Золей несколько лет. Рорка ревновала к нашей дружбе. Ей льстило знакомство с знаменитостью и она не хотела ни с кем делить Изольду. И хотя сама она ей не нравилась, Золя, в случае чего, всегда могла взять у нее денег взаймы — муж Рорки был физиком и в ее доме они всегда водились. В период переезда вопрос денежных средств стоял особенно актуально… Это все выяснилось потом, при случае, но неприятный осадок остался на всю жизнь. Мы с Изольдой все же помирились и больше не расставались. После смерти Изольды Рорка пыталась со мной наладить отношения, но я так и не смогла с ней больше общаться. Так хочется научиться прощать, но это ведь она хотела оттеснить меня от Изольды. Потом даже Эдька, чувствуя свою вину, бросился перед нами на колени: «Извините, но мы не смогли до вас дозвониться, а ведь именно вы тогда помогли Изольде перебраться на новую квартиру». Но это уже было неважно…

«Изольда была скрытным человеком»

Надежда Румянцева, сокурсница Извицкой,

снималась с ней в картине «Очередной рейс»

Я пришла во ВГИК только на третий курс. И у меня было много своих сложностей — от ГИТИСа хвосты какие-то остались, потом здесь что-то сдавали, а там этих дисциплин не было. Когда я училась у Ольги Ивановны Пыжовой в ГИТИСе, сложилась такая ситуация — меня позвали сниматься в фильм о ремесленниках «Навстречу жизни» по повести Василенко «Звездочка». Я спросила совета у Ольги Ивановны — соглашаться мне на эту роль или нет, она сказала: «Поезжай!» А когда я вернулась, выяснилось, что я сильно отстала — мои ребята уже учились на четвертом курсе, третьего курса вообще не было, мастера не набрали. А мне надо было на третий. Я оказалась на перепутье. И тогда в министерстве кинематографии мне сказали: «А почему бы вам не продолжить учебу во ВГИКе?»

И я опять бросилась к Ольге Ивановне за советом. И была удивлена ее ответом: «Какая разница — у каких педагогов учиться? Они все одной школы». Я была огорчена — как, думаю, она так легко меня отпускает, нет, чтобы как-то уговаривать: «Надя! Ты сильная. Возьми и сдай экзамены за целый курс и приходи ко мне на диплом…» И я на нее обиделась, надулась, как мышь на крупу: «Ну и пусть! Ну и пойду во ВГИК». Документы на новое место были пересланы через министерство.

Прихожу туда 1 сентября. Все на меня косятся. На курсе в общей сложности 20 человек. Ребят тоже можно понять: вдруг на третий курс приходит к ним непонятный какой-то гномик. Сижу так скромненько в уголочке, открываются двери и в аудиторию входят Ольга Ивановна и Борис Владимирович! Оказывается, они были руководителями этого курса, а мне даже в голову не пришло уточнить — к кому я поступаю. А Ольга Ивановна, тем временем, одновременно преподавала в двух вузах, как это делали многие. В ГИТИСе она всегда вела национальные курсы. Ей нравилось заниматься студиями. Она готовила с ними целый готовый репертуар, учитывая их национальные предпочтения, литературу, плюс русскую классику. Когда такая студия приезжала после выпуска к себе на родину, ей сразу предоставляли театральную площадку. И ее учеников много было по всем республикам.

А я, ничего этого не зная, все время, пока не попала во ВГИК, носила обиду на Ольгу Ивановну, что она не уговаривала меня остаться в ГИТИСе. Вот так я попала в этот коллектив. Мне пришлось сдавать экзамены за целый курс. Было столько своих забот, трудностей… Мне вообще было не до того, чтобы с кем-то знакомиться и подружиться. Я даже не сразу узнала, как кого

зовут, потому что я по сути училась еще и дополнительно — все время ездила к каким-то педагогам, что-то там сдавала… Я никогда не была у педагогов на особом счету, не чувствовала себя любимицей.

С Изольдой мы столкнулись только на дипломе, когда ставили «Спутников» Пановой. В спектакле был занят почти весь курс. Я играла беспризорную Ваську, а Изольда играла девчонку легкого поведения, там всего одна женская роль. Хирурга играла Руфина Нифонтова.

У нас же тоже была своеобразная национальная студия — было четверо украинцев: Булгакова, Владимирова, Фушич и Пархоменко, двое латышей: Астрида Гулбис (позже она работала на телевидении), Таллис Аболиньш.

Что говорить о характере Изольды, она была достаточно скрытным человеком, хотя вела себя очень мило. Не болтливая, вся в себе. Часто зрители судят по актерам по их ролям. И если экранные героини Изольды были хохотушками, это еще не значит, что такой же была она и в жизни. Она мало с кем общалась, все держала в себе. Так сложилось, что ребята относилась ко мне с некой опаской — почему это Ольга Ивановна взяла меня сразу на третий курс, по-матерински опекала, и у нас сложились очень хорошие, доверительные отношения. А ведь мы с ней вместе прошли достаточно большой путь, начиная со студии Детского театра, в который я попала в 16-летнем возрасте, потом ГИТИСа и кончая ВГИКом. Ольга Ивановна своих учеников всегда напутствовала так: «Жизнь твоя будет намного легче, если ты будешь популярен». После первой же своей картины я поняла, что это так: на мое имя стали приходить письма, меня стали приглашать на разные встречи…

С Изольдой после окончания института в работе мы встречались лишь однажды. Это было через три года после окончания института. Мы вместе снимались на Свердловской студии в картине «Очередной рейс» с Жорой Юматовым и Славой Чеканом. У нас с Изольдой даже не было общих сцен. Я играла с Жорой Юматовым. Так получалось, что и на студию мы приезжали с ней в разное время. Все, снимающиеся в этой картине, были из одного театра. В то время нас даже не спрашивали — хотим мы сниматься или нет. Если на актера поступала заявка, его просто в административном порядке назначали на ту или иную роль. Потом, когда у него появлялись популярность и имя, он уже мог выбирать. А до этого вопрос решался нажимом, вплоть до увольнения из театра. Позже, когда объединение возглавил Пырьев, я к нему обратилась с жалобой на это, на что услышала его отеческое: «Плюнь и забудь, что они там

говорят. Ты пока работаешь у меня», ведь Театр киноактера существовал тогда при киностудии «Мосфильм».

«Сколько раз я просила режиссеров: «Дайте ей прийти в себя, воспрянуть и отдохнуть от водки!»

Тамара Семина, работала с Извицкой в Театре киноактера

Я считаю, что та трагедия, которая произошла, в конечном итоге, с Изольдой, идет от нашего отношения и от отношения государства к своим гражданам. И сегодня рядом с нами немало подобных трагедий. Так и будет продолжаться, пока мы не перестанем пресмыкаться и преклоняться перед зарубежными актерами с их многомиллионными состояниями. Взять хотя бы наши ставки советских актеров, которые получали копейки. И никого не интересовало, на какие иногда вредные для здоровья эксперименты мы шли ради своей работы. Взять хотя бы мою Катюшу Маслову, когда мне было поставлено условие ради роли сильно поправиться, во мне на тот момент было всего 43 килограмма, а средств на это нет. И как меня откармливали всем миром…

Изольда знала о моем отношении к ней, что я ее люблю. К сожалению, в Москве-то меня почти не было — моя жизнь прошла в поездках. Я все время снималась по разным городам и весям: Ленинград, Валдай, Свердловск… Разве все упомнишь. Раньше картины снимались подолгу. Взять хотя бы тот же «Вечный зов». Сколько лет жизни он забрал, мы пол-России облазили, где только не побывали! Порой оказывались и там, где в ту пору не было электричества. Молодые люди не только не знали, что такое Москва, понятия не имели о другой жизни! А тут к ним в гости пожаловали кинозвезды…

Или взять ту же картину «Коллеги». Мы ее снимали в Подмосковье. И даже там не было электричества… Так что вся жизнь моя прошла на колесах, дома проездом была, Володя, мой муж, часто со мной уезжал. Так что в Москве больше транзитом бывала. Не успеешь приехать, позвонишь-переговоришь со всеми знакомыми и поехала дальше. Вот такой «рваной», насыщенной жизнью я жила. На встречи-посиделки времени вообще не оставалось.

Насчет Изольды мы можем гадать и только домысливать — как там могло все получиться… Да, насчет детей ничего не получилось. Жалко. Такая судьба. Эдик — добрейшей души

человеком был. Мы с ним в «Коллегах» играли. Как партнер он был просто замечательный. Потрясающий артист. Это играл он большей частью гадов, сволочей всяких. С годами у него фактура изменилась, он заматерел, ему стали другие роли предлагать. А начинал он с положительных. Характер у него хороший был. А в смысле их совместного с Изольдой жития — это только их дело. Встревать между супругами — неблагодарное дело. В этом вопросе даже мать с отцом лишние. Никто не может понять двух людей. Поэтому я никогда и не участвовала ни в каких оценках, ни в каких разборках друзей, когда те спорили между собой или расходились. Муж и жена — одна сатана. Право, откуда узнаешь, как повернется жизнь?

Почему так сложилось у Изольды с Эдиком? Наверное, такова их судьба. Ведь каждому отмерено что-то свое. Конечно, мы считаем, что много несправедливого. Но виной всему, конечно, то пагубное дело, которое погубило многих светлых людей. Даже таких, как Валентина Серова. Господи, как я ее спасала! Мы с ней вместе в одном спектакле играли и подружились. Помню, как она приносила в театр продавать свои шмотки. Какой был старинный гранатовый браслет, совершенно невероятной красоты… Уговаривала: «Томик, купи! Дешево продам». Как я ее уговаривала не делать этого: «Валентина Васильевна, я вас умоляю: не продавайте его! Я вам денег одолжу». А она стеснялась денег занимать. Это же все на водку… — «Нет, нет… Я его все равно продам». И продала. За копейки! А люди пользовались этим. Просто обирали. А потом в возрасте у нее пошли увлечения молоденькими мальчиками. Альфонсы пользовались ею, вытаскивали у нее все. А она не понимала этого. Была влюблена, верила в их искренность и бескорыстие. И делала все, что ей говорили, и продавала, и продавала… Горе. Все это от беззащитности и ненужности. Когда все от тебя отворачиваются.

Виноваты и примитивные эти режиссеры — надутые пузыри, которые дальше своего носа ничего не желают видеть… И однажды увидев в каком-то материале актера, только так его и представляют, навязывая ему и в дальнейшем узкие рамки амплуа. И другого ничего не могут предложить. А надо с актером работать, нести за него ответственность, как это делается на Западе., где заключаются контракты на пять, десять лет, под актера пишутся сценарии. На моей бытности один-единственный режиссер — Швейцер, снявший меня сначала в роли Катюши Масловой, позже пригласил на роль Ольги Трегубовой в картину «Время, вперед!» Я играла комсомолку. Щебенку таскала… И это совершенно уникальный случай. Ради этой роли я даже отказалась от замечательной роли в шолоховской «Донской

повести», отдав ее Людмиле Чурсиной только потому, что не захотела повторяться и копировать Катюшу Маслову. Это я Чурсину «родила»! Даже она не знала, что я не только уступила ей эту роль, но и сама предложила ее кандидатуру режиссеру. Я подарила ей и «Журавушку», и Анфису из «Угрюм-реки». Вот так я разбазаривала свои предложения — направо и налево… Бывало, в этот момент я была занята, а с Анфисой произошла совершенно другая история. Я так мечтала об этой роли… Тогда только начиналось телевизионное кино, вот я и посчитала, что у меня нет времени связываться с сериалами, это неизбежно принесет мне разочарование. Как меня тогда ругали и уговаривали: Весник, Балашов, Рыжов Иван Петрович: «Ты не понимаешь, от чего отказываешься, идиотка…» Да, мне приходилось не раз слышать подобное в свой адрес.

А Изольде никто никогда не предлагал ничего подобного. О ней никто никогда не заботился и не думал. Она не была нужна. И что тут делать, если актеры поставлены в столь совершенно идиотское положение… Взять хотя бы того же Мишу Кононова, прекрасно снявшегося в «Большой перемене». Сегодня его нет. А ведь и он на долгие годы пропал — под него не было материала. И только когда он ушел, все вспомнили, какой он замечательный был актер. Незадолго до смерти он принимал участие в передаче Малахова «Пусть говорят». Предстал какой-то потерянный, изможденный, в какой-то жалкой маечке.

Там же был устроен мост с Америкой, в котором участвовала Лена Соловей. Все все время охали: зачем она уехала… Да кому она тут была нужна? Она бы пропала! А там она вся такая цветущая, полненькая, счастливая, потому что взяла и полностью поменяла свою жизнь. И она довольна ею. Занимается каким-то кружком, детьми. Ее дети уже выросли, получили образование, есть и внуки. А что бы она здесь имела? Пенсию 3 тысячи рублей и все? Умная женщина. На передачу пришел Никита Михалков, которого все так долго ждали, наш царь и бог. Смотрит на экран: «Зачем ты уехала? Возвращайся!» А потом комментирует: «Я ее помню в состоянии постоянной беременности»…

А ведь подобная участь — удел абсолютно всех киноартистов. Поэтому они и боготворят театр, работают в нем. Вон сегодня Лена Королева звонила. Рассказала, как недавно операцию перенесла и как Саша Калягин и общество театральных деятелей помогали — и деньгами, и операцию тяжелейшую профинансировали, и в отдельную палату поместили… А теперь ждут в театре. Это — уникальный случай! А в кино как? Поматросили и бросили…

Взять даже меня. Что происходит в последнее время…

Прихожу на съемки: «Где режиссер?» — «А мы его выгнали!» Сегодня продюсеры руководят всем съемочным процессом. Озвучивают, ни черта в этом не смысля. Потому что все деньги делают. И снимают они того, кого хотят, — родственников, своих проституток, только не профессионалов. Последние годы многие известные актеры прошлого, подзабытые немного, стали снова успешно сниматься: Рая Рязанова, Николай Мерзликин… А сколько лет их не замечали…

От характера в профессии тоже много зависит. Вот меня хоть ножом режьте, я не буду ни перед кем унижаться и сюсюкать. Лучше буду голодать и грызть свою несчастную черствую корку хлеба. Режиссеры и сегодня про меня не забыли, предложения поступают бесконечно. И слава богу. Просто у меня сейчас такая полоса идет после потери мужа — Володи, я до сих пор никак не могу прийти в себя, все по больницам… У меня муж 15 лет болел. Я все эти годы выкинула из своей актерской жизни, жила только ради него. А ведь у женщины средних лет каждый год на счету. Часто в свой адрес слышала: «Ой, Тома, тебе памятник надо ставить, как ты за Володей ухаживала. Что ты для него сделала». А как иначе… умер — рядом с Высоцким его на Ваганьковском кладбище похоронила.

Звонят мне из мэрии 13 октября: «Тамара Петровна, мы разрешили вам захоронение вашего мужа на Троекуровском кладбище». А я им в ответ: «Благодарю вас, вы очень добрые, чуткие люди. Дело в том, что 6 октября было 9 дней Володе. И я его уже захоронила на Ваганьковском кладбище». — «Кто вам разрешил?» Вот так. А я просто пошла и сделала. И все эти 15 лет мне незнакомые люди помогали — кто с лекарствами, когда Володя был после инсульта, кто еще чем мог. Потому что меня любят, и Володьку любили. А в Гильдии хоть бы раз помогли. Одни разговоры. Однажды не выдержала и сказала: «Да вы бы хоть для хохмы дали одну пилюльку, чтобы показать, что хоть какое-то внимание оказываете». Там на лекарства выделяется в месяц какая-то сумма, так замучаешься чеки собирать. Жуткое дело. И сейчас те же чужие люди мне помогают и навещают в больнице. А ни Союзу, ни Гильдии это не нужно. При том, что там девочки хорошие работают, но что они могут…

Вот и Изольда. Она просто всего этого не выдержала. А представляете, что для меня, актрисы, значат последние, выброшенные на ветер, 15 лет… Это же бесконечные больницы, больницы… И ничего я сделать не могла — ни работать, ни куда-то уехать. И как я это пережил. Без копейки денег! Порой не верю сама себе. Как это все получилось… Знала только одно: я должна…

«А наутро по Би-би-си передали, что умерла советская секс-бомба…»

Кирилл Столяров, актер, дружил с Эдуардом Бредуном

Когда я поступил во ВГИК, курс, на котором училась Изольда Извицкая, заканчивал учебу. Так что в институте мы параллельно просуществовали год. И как первый курс частенько бегали им помогать декорации устанавливать… А потом мы встретились с Изольдой в Театре киноактера. Она на сцене немного играла, больше снималась. А потом началась вот эта трагедия. Я дружил с ее мужем, Эдиком Бредуном. Вместе играли в одном спектакле.

Самое печальное, что я сразу вспоминаю при упоминании о ней, это то, как она умерла. Помню, меня вызвал наутро к себе директор — я был председателем профкома у себя в театре. Оказывается, по Би-би-си передали, что в Москве умерла советская секс-бомба… И начались претензии к руководству театра. Он искал у меня поддержки: вы подтвердите, что они сами пили… Глупости, конечно. Но такое время было. А то, что она погибала у всех на глазах, это верно. И что теперь обвинять во всем Эдика? Делать это, тем более, задним числом. Тут как-то была передача про Женю Ташкова и Катю Савинову, все видели. И вдруг мудрый голос за кадром сказал: «Она бросилась под поезд, потому что он заглядывался на молодых актрис». Кто это говорит, по какому праву? Отвратительная манера расставлять подобные акценты в чужой судьбе. Кто смеет это делать?

Кто знает — не встреть Изольда Бредуна, сложилась бы ее жизнь по-другому… Ведь и с другими случались аналогичные ситуации. Я не раз думал — отчего подобное происходит? На мой взгляд, все дело в образовании. В вузы приходят молодые люди разной культуры, часто неподготовленные к жизни. А вокруг столько искушений… Особенно тяжело не поддаваться им, став известными. И это не только у нас, подобное очень характерно для Америки. Так случилось и с Изольдой. «Прогремела» на весь мир, а что дальше… Защиты от соблазнов — никакой. Если ты работаешь из картины в картину, как лошадь, — ты живешь. Как только пауза — нечем заняться, ее заполнить, особенно если нет жизненных интересов. Не хватает внутренней культуры. Ничего, кроме работы неинтересно. Чем заполнить паузу? Вот ведь в чем дело. Да если еще и детей нет…

Когда ты вступаешь в эту зыбкую профессию, обязательно нужно думать о тех запасных аэродромах, которые в случае чего выручат тебя. Нужно иметь хоть какие-то другие интересы в

жизни, помимо своего дела. Однажды может наступить момент, когда ты будешь не нужен искусству, — что тогда, с чем остаешься, кому ты нужен? И никто из артистов не защищен. Тот же Петр Алейников. Это как раз и есть то самое испытание огнем, водой и медными трубами. Хорошо еще, если муж рядом непьющий. Эдик-то больше ее пил и умер немного позже от цирроза печени. Многие умерли через эту беду. И Серова та же, ну мало ли кто еще. У нас как раз был целый цикл этой беды. А все дело в неподготовленности людей. Только что она была звездой и вот уже никому не нужна…

Женский алкоголизм страшнее мужского. И если женщина на себя берет часть «застолья», чтобы уберечь мужа, то она, вполне возможно, «подсаживается» на это. И в этом тоже есть своя доля правды. Ведь и семья у актеров и актрис редко состоится. А ведь семья — это защита. В ней свои интересы — ребенок, дом… А когда этого нет: студенческое жилье — общежитие, когда купили колбасы и бутылку водки, а дальше все идет по накатанной… А ведь можно заняться и чем-то другим: скажем, увлечься живописью или чем-то еще. А то ведь, как правило, актеры ничем не интересуются. Таково общее состояние. Почему-то режиссерам удобнее считать актеров «детьми», так удобнее — чем они глупее, тем лучше. Они должны безоговорочно смотреть режиссеру в рот, безропотно верить, считая его царем и богом. Актеров берут без особого интеллектуального багажа, он мешает в работе — поверить какому-то достаточно примитивному режиссеру будет трудно. Я, скажем, не смогу. Вот Бабочкин Борис Андреевич не мог с режиссерами разговаривать. Его уровень был значительно выше. Хотя он был гениальный актер, но фактически сыграл всего одну роль (но там причины иные).

Что касается Изольды — это был замечательнейший души человек. Чистейшей, добрый, обаятельный, отзывчивый… Но вот свалилась слава. И она ее не перенесла — и подготовка сама, и культурка… Не готова. И когда учили, об том не думали — кто знает, что с человеком случится. Сопротивляемости нет. Это не заложено и в системе образования. Человек, мечтая стать звездой, зачастую не отдает себе отчет в том, что, если это случится, не будет продолжаться вечно, как невозможно оставаться вечно красивым и молодым. Любови Петровне Орловой это как-то удавалось, она держалась, в ней было что-то такое…

Вот из мхатовского и вахтанговского училищ более закаленные люди выходят, к жизни подготовленные лучше, чем из ВГИКа. У нас больше занимаются профессией, что произойдет с самим человеком потом, мало кого заботило. Кинематограф полностью поглощает человека. Мне не раз приходилось от

друзей других профессий слышать, что они никого из кинематографистов в консерватории-то не видели. Изольда тоже туда не ходила. И я, пока меня однажды товарищ не привел. В наше время, когда появилось разрешение смотреть экспрессионистов, что стало для нас настоящим открытием, читать самую разную литературу… А тут девочка с периферии — что она знает о жизни? Поэтому и экзамены в институте порой превращались в тягость, потому что надо было успеть заявить о себе в профессии. И в вузах готовили узких специалистов, незащищенных перед жизненными трудностями.

Думаю, что такие люди, как Изольда, сегодня не были бы востребованы в профессии. В коммерческом кино не важно кто играет — берут проституток, любовниц продюсера… Качество их работы никого не интересует. Кино перестало быть искусством и превратилось в простое заполнение паузы, в работу под суфлера. Меня вот сейчас пригласили в 120-серийный фильм. Я подумал и не поехал, отказался, ведь только в сценарии заявлены 400 серий, а события и дальше будут развиваться. Я не знаю — будет ли осуществляться этот проект или нет, но для меня он не годится. И пока вообще приходится отказываться от кино, как и от телевидения. Оно тоже превратилось в работу под наушники. Мы — воспитанники другой системы. Сейчас же используется только типаж.

Изольда училась у лучших педагогов ВГИКа по актерскому мастерству — у Бибикова и Пыжовой. Я был у них на дипломе — замечательном спектакле «Спутники» Веры Пановой. И вообще это курс был изумительный, просто выдающийся. И трагический — многие погибли. Лешка Пархоменко погиб. Он играл Рогожина в «Идиоте». И сразу куда-то исчез. Гениальный артист Юра Белов. Тоже закончил грустно. Мы с ним в театре играли Булгакова. Помню, как у него посреди спектакля что-то произошло с головой, — текст забывал. Потом пропадал куда-то… Тоже оказался незащищенным перед ударами судьбы.

Единственный, кто у них продержался, так это Генка Юхтин. Он такой незаметный, тихий был, а самый крепкий оказался. Правда, и славы-то у него особой не было, хотя первые фильмы были замечательные — «Весна на Заречной улице», «Дело Румянцева». Сам он из детского дома. Потом он до конца играл в основном эпизоды. Вот Надя Румянцева — она стойкая. У нее много было своих интересов. Она и с мужем была за границей где-то — в южной Азии, что ли. У нее и дачка, и остальное все в порядке. Детей мужа воспитывала. Словом, маленькая, но со стержнем.

Была у них еще Майка Булгакова. Тоже пила и закончила

трагически, но в автоаварии. Внешне там выглядело все благополучно. Она с удовольствием работала и на эстраде — хорошо пела. Муж у нее был австриец. И первый, Лешка Габрилович, — тоже человек вполне обеспеченный. И опять же дочка у нее от него осталась. И все равно ее судьба трагична… Вот Таня Конюхова — молодец, держится. Она до сих пор и выступает, и снимается, да еще и преподает. У Тани — характер! Она и общественной работой занималась, у нее на все имеется своя точка зрения…

На судьбе Изольды мы видим, что быть хорошим человеком в этом мире мало. Взять сегодняшних звезд. Кто сказал, что эта слава долговечна… Сегодня они мелькают на экране, а завтра забыты. Правда, у этих ребят совсем иной подход к жизни — они успевают быстренько зацепиться — заработать себе на домик, купить машину, отложить на будущее, овладеть какой-то другой специальностью. Вот они не пропадут. И все же и здесь будет немало падений.

Раньше были другие времена. Как Алла Ларионова с Колей Рыбниковым говорили: «Мы работаем на унитаз». Печально, но так и было. Чтобы обзавестись каким-то эксклюзивными туфельками или каким-то платьем нужно было ехать за границу. А для этого нужно было унижаться, чтобы получить право туда как-то выскочить. Вот вроде одна из самых обеспеченных семей — и дети были, а тоже никуда не денешься. Сложно было выжить, если нет у тебя звериной хватки. Были такие люди у нас, и много. Скажем, такой была Лидия Николаевна Смирнова. Кругом звезды, а она вся такая одинокая. И пробилась. И дольше всех продержалась. Это совсем другой характер — жуткий, жестокий. Царствие ей небесное. А человек мягкий был обречен. Та же Валентина Васильевна Караваева, сыгравшая когда-то Машеньку. Похожая судьба. Таких людей надо как-то оберегать. Конечно, если рядом такой муж, как Пырьев, Александров, Герасимов… можно еще о чем-то говорить. А если нет могущественного покровителя, трудно пробиться в этом мире.

Времена еще были такие. Когда после отмены культа Сталина, культа личности Хрущев пришел к власти и много чего наобещал, но ничего не изменилось… Это было вторым крушением надежд. Первое произошло после войны. Сначала постановление ЦК 46-го года, а затем линчевание Зощенко и Ахматовой. А ведь люди надеялись на лучшую жизнь — что отменят колхозы, станет полегче интеллигенции, вернутся кое-какие льготные порядки… Заслужили люди это за подвиг свой в войне, а им свободы и не дали. То же самое и с Хрущевым — когда отменили какие-то сталинские порядки, дальше ничего не

последовало. А потом — «бульдозерная» выставка… И все тут же кончилось на корню. Но обещание свободы подарило нам целое поколение.

Когда я поступал в институт в 54-м году, сразу появилось столько интересных людей, взять даже ребят нашего курса: и Тарковский, и Шукшин, и Генка Шпаликов, и Мален Хуциев… Новые веяния в кинематографе и поэзии. Ведь все шестидесятники начинались в конце 50-х. Тут и Изольда тоже. А потом безработица, нет ролей. Ну что она успела сыграть… А потом лишь небольшие рольки. Вот она и начала пить. Приходила в театр — пряталась. Закутывалась в платочек, чтобы ее не видели. Опухшая… Она и сама понимала, что гибнет.

Когда я приходил к Эдику, нас назначили в народную дружину: собрали артистов, мы начали ходить по подъездам на Мосфильмовской и рядом… Все — молодые ребята. Они тоже жили там недалеко. Помню, прихожу как-то к Эдику: «А где Изольда?» — «Да она ушла». А у них там ниша такая была, смотрю, а она там, за занавесочкой. Она закрывалась и лежала там на кровати. Ей стыдно было появляться — знала, что плохо выглядит. Это уже было какое-то обреченное состояние. С Эдиком Золя познакомилась еще в институте. Он учился на курс старше, у Райзмана. Его сокурсником был Володя Гусев. С Эдиком мы в театре играли «Ивана Васильевича» по Булгакову, а вот у Золи никаких ролей не было, да и в кино к тому времени тоже, ее вытаскивали — кто как мог.

Изольда появлялась бледная, опухшая, неумело намазанные красные губы… Все это уже было как-то не так… Да и ролей-то у нее было не так много: «Сорок первый», «К Черному морю» — это она в институте снималась, откровенно слабый фильм, «Доброе утро» — это они с Таней Конюховой играли. Две однокурсницы снимались вместе. Две-три картины, больше и не припомню. Остальные — незначительные. Большей частью это были не роли, а рабочие дни. Это когда тебя вызывают на съемку попросту подзаработать — в массовку, в окружение. А Изольда все-таки заявила о себе как актриса мирового масштаба после «Сорок первого»… В этом все дело, а не в слабости характера. В то время у нас много людей, и не только в кинематографе, воспринимались лишь как рабочие инструменты.

Вот и Изольде никто никогда не говорил, что она звезда, на нее в Театре киноактера не ставились спектакли. Там таких звезд навалом и все они — «бездельники». И не из-за того, что не работали. Взять тот же Театр киноактера. Ведь у нас долгое время даже не платили за спектакли. Это считалось учебно-тренировочной работой. Не снимаешься — тебя платят зарплату

пятьдесят процентов. Это половина той нищенской зарплаты, которую ты получаешь. И за это ты обязан хоть что-то репетировать и заниматься творческой деятельностью. Долгое время спектакли вообще не оплачивались, но при этом считалось, что человек, который в них работает, находится в простое, он — балласт для рабочего коллектива. Это даже и по бухгалтерским отчетам так считалось. Поэтому не все стремились играть на сцене…

Помню, первая зарплата, когда мы поступили, была 80 рублей. А общая зарплата — рублей 100–120. А так ты 50 процентов получаешь, но зато можно устроиться на дубляж. Когда ты попадаешь в эпизод какой-нибудь, то и зарплата сразу идет полная. И уже не важно — день ты работаешь или два дня. Да съемочных получишь где-то за месяц, все равно существование нищенское. Это ужасно. Ставки артистов кино были мизерные, и мы подписывали на то договора.

Когда приходит артист театра сниматься, он ставит свои условия. Допустим, назначает собственную ставку — те же 250 рублей за месяц. Это выше, в 2–3 раза больше, но он сам ее себе назначал. Ау нас в театре у снимающегося актера еще шли отчисления на остальных, кто находился в тот момент в простое. То есть жуткая система. Никто же не был заинтересован в сборах. Главное — идеология, чтобы на экране были целина, колхозы, стройки. Поэтому и тематика так называлась — колхозная, производственная… Поэтому у нас и актеры были с лицом колхозника, как Иван Петрович Рыжов, который не сидел без дела. А вот Аллочка Ларионова — на нее не было ролей. А она — красивая женщина, заявила о себе, должна была дальше как-то развиваться. У нас ведь немного было в кинематографе красавиц: Орлова, Ладынина, Целиковская, Макарова… А потом пошли простые русские женщины. Наверное, чтобы женщины не комплексовали перед экранными красавицами. В первую очередь приветствовалась индивидуальность. Нонна Мордюкова, Нина Сазонова простых колхозниц играли.

Изольда тоже мало вписывалась в эту систему. Помню по институту — она была самой красивой у них на курсе, поэтому сразу и начала сниматься. У меня даже где-то долго хранился журнал — первый или второй номер «Советского экрана», на обложке которого Золя. В каком-то голубом шарфике, по-моему, где-то на Ленинских горах, как символ молодой актрисы той эпохи. Таня Конюхова пошла дальше, затем Люся Гурченко, Зина Кириенко… А Изольда началась очень сильно, да сорвалась. Много было таких актрис. Вот Лида Драновская, главная роль которой так и осталась в картине «Поезд идет на восток». Потом

еще такое дело, о котором не очень хотелось бы говорить: за взлетом очередной звезды очень ревностно следили ее конкурентки — и на «Мосфильме», и в комиссиях сидели, не пропускали. Тут тебе и завистники, и жены режиссеров. Целый клубок. Чтобы как-то пробиться, нужна была сильная спина, хорошая опека, вплоть до партийной организации, могущественные связи. А у Изольды всего этого не было. Она до этого не опускалась. Получать роль через постель — распространенный способ в кино по всему миру — тоже было ей не по душе…

«Она была совсем молодой, я еще моложе…»

Юрий Назаров, актер, снимался вместе с Эдуардом Бредуном

С Извицкой мы не были близко знакомы. Встретились как-то однажды, на каком-то застолье у друзей, году эдак в 64-м. Одна встреча… Одно общение «ни о чем». Она была совсем молодой, я еще моложе — я с 39-го года, она 32-го. Ни до, ни после, мне так и не удалось встретиться с ней в кино. Вот с Эдиком, ее мужем, мы как-то работали вместе.

Да, у нее была трагическая судьба. Жутко неприятно, что она умерла такой молодой… Ее смерть стала тогда для всех настоящим шоком. То, в чем мы любили обвинять цивилизованный мир, когда никому нет дела до другого человека, оказывается, может произойти и у нас…

Как актер могу отметить, что у нее есть несколько достаточно достойных работ в кино, немало и небольших ролей. Ведь часто мы снимаемся в малюсеньких эпизодах и сами потом не можем точно вспомнить эти картины. У меня у самого этих эпизодов «чертова бездна». Сейчас вообще наступили довольно «занятные времена». Как бы вписалась такая актриса, как Изольда, в эту систему, не знаю. Вряд ли. Иногда приходится соглашаться на роль, чтобы совсем уж не выпадать из общего потока, толком даже не предполагая, о чем фильм. Возможно, даже снявшись, ты так никогда и не узнаешь — стоило ли это делать. Достойных картин в последнее время появилось немало, а недостойных еще больше.

Я никогда не воровал, не грабил, никогда не жил за чей-то счет. Никогда никому не рыл яму, чтобы он ногу подвернул, а я бы вылез… вроде и скрывать-то мне нечего. Но бывает и такое, что о чем-то не хочется говорить. А сейчас пошли такие времена,

что, общаясь с журналистами, бывало, попросишь: «Ребята, не надо об этом писать…» Значит, будь уверен — именно об этом и напечатают! Потом жалеешь. Ведь такая жизнь сейчас пошла — тотальная, скрытая, надо уметь о чем-то и умолчать. Не знаю, как жила бы сейчас Изольда… Ведь сегодня и профессии-то нашей, по большому счету, нет, как нет и идеологии. А без идеологии искусства не бывает и быть не может! Поэтому и нет по-настоящему стоящих картин. Как говорится: «От ворон мы отстали, а к павам не пристали». Мы без ума прокляли все прошлое, а по-прежнему крутим старые картины, не всегда самые лучшие. Но зрители смотрят их с таким восторгом, что просто диву даешься. Оно и понятно, потому что на каком бы уровне таланта это ни было сделано, это всегда были фильмы про людей, затрагивающие общечеловеческие проблемы. А теперь порой смотришь кино… не хочется называть имена — шикарно, профессионально сделанное кино. Там люди режут дружка дружку, а мне на это наплевать, не жалко никого! Ну, режут они друг друга, ну, режьте, ребята, вам нравится это занятие, это ваше дело… Это кино не затрагивает никакие струны души.

Все, что у нас было, мы предали. И все под что-то пыжимся, корячимся… А это не наше, русскому человеку чуждое. Словом, во всем этом сейчас очень трудно разобраться — что происходит.

А взять того же нашего «Рублева». Сначала он числился в сотне лучших мировых картин, теперь уже в десятке. А это наш фильм, родненький. Наш — русский, советский, праведный — про людей, про жизнь, про смысл жизни, про проблемы человеческие — про Родину и предательство, про муки творчества…

Однако самое настоящее предательство происходит у нас сейчас. Массовое и всеобъемлющее. Всю страну предали, не подумав совершенно. Наш бывший председатель Госкино, не знаю — жив ли, нет ли, Филипп Тимофеевич Ермаш, на каком-то застолье уже после всего этого, с горечью сказал: «Странное дело — все, что было разумного, толкового при социализме, мы порушили, а все дерьмо с Запада взяли…» И продолжить эту мысль можно было бы так: конечно, дури у нас было выше крыши. Но, разрушая, нужно было хорошее все же оставить. А то произошло наоборот. Мало у нас своего было дерьма, так нет — с Запада еще нагребли, присвоили. И в результате — многое растеряли. Поэтому и сочувствия у людей нет. Все опирается на индивидуализм. А это смерть обществу. Дружка дружку перережут… А общество всегда двигал коммунизм — и первобытный тоже. Только существуя и помогая друг другу, можно выжить и развивать общество, только вместе, сообща. А сейчас российскому маразму дана полная свобода.

И я не устаю повторять: имея такие вершины, как Тарковский и Шукшин, как мы можем лебезить перед Западом, умиляться, если вдруг получилось не хуже, чем в Голливуде или у французов. Так и хочется крикнуть: «Ребята! Вы забыли? Это у нас был Тарковский и Шукшин! Шукшин — это наш родненький, Тарковский — режиссер мировой. Перед ним почтительно сгибали поясницы Бергман и Феллини.

Это у нас были: Эйзенштейн, Довженко, Райзман, Ростоцкий, Донской, Чухрай, Калатозов…

Это мы должны гордиться! Фильмы этих режиссеров до сих пор востребованы по всему миру. И с каждым годом их популярность только растет».

«Она никогда не была звездой в нынешнем пошлом понимании этого слова»

Михаил Ножкин, встретился с Извицкой на съемочной площадке ее последней картины «Каждый вечер в одиннадцать»

На съемках с Изольдой мы мало общались. Она появилась в Сочи всего на несколько дней, в самом начале — приятная, спокойная. Она была скромным, симпатичным, улыбчивым и милым человеком. В отличие от многих своих коллег не надувала щеки, ей не мешала ее популярность, значимость. Она была несколько застенчива. Она оставалась сама собой — скромным, и симпатичным, воспитанным человеком. Не знаю, какой она была в другой среде, но там, на съемках, она не жила актерской жизнью — в том уродливом широком обывательском понимании. В ней не было актерского позерства, показухи, философствования. Она просто потихонечку, повторюсь, даже как-то застенчиво делала свое дело, что мне было удивительно, ведь Изольда была в высшей степени профессионалом. У меня даже сложилось такое впечатление, что ей было неловко играть эту маленькую роль. Вот чем было это продиктовано. Конечно, она об этом не говорила, но роль была ей явно не по рангу, не по таланту. Конечно, она ее очень мило отработала, но с некой грустинкой в глазах, потому что ее к этому времени уже не снимали, и она была в некотором забвении. И все же, слава Богу, она никогда не была звездой в нынешнем пошлом и примитивном понимании этого слова, хотя и была более популярна, чем некоторые сегодняшние знаменитости.

Ничего не могу сказать, просто жалко хорошего талантливого человека. Конкретика меня никогда не интересовала — я ничего не знал о ее судьбе, какой у нее муж… Я немножко из другой

колоды и подобным никогда не интересовался. Узнал уже после, хотя до сих пор не знаю — что там и как…

Что такое актерская судьба — это и малокартинье, и многокартинье… Разве можно это разделять. И хорошее, и плохое. Если говорить о подобной судьбе, можно и Катю Савинову вспомнить. Забытые талантливые люди, очень цельные, скромные. Уж как там их личная жизнь сложилась — не знаю, что-то их не устраивало в мире, в котором они живут, какая-то несправедливость. Не вписались в систему отношений: перестали снимать — отсюда и личные обиды, и незанятость. Система кинематографа была и есть, только стократно опошленная — нужно унижаться, выпрашивая роли, бегать, заискивать перед режиссерами… Результат мы на экране видим. Изольда не производила впечатление актрисы, «актрисули», которая только и знает, что «хи-хи», да «ха-ха»…

В жизни она была красивее, чем на экране. Наши актеры тем и отличаются от голливудских, что те в кино — все, как на подбор, красавцы, а в жизни увидишь… Наши — наоборот. Я многих мировых звезд видел в жизни, начиная с Софии Лорен, которую вблизи увидишь где-нибудь на фестивалях — полное разочарование. Недаром они, насколько я знаю, с собой своих фотографов возят, гримеров, операторов, которые их снимают, зная все тонкости их лица, в особых режимах, ракурсах… А для актрис всегда было особенно важно, как их снимают. Посмотрите на ту же Мэрилин Монро — так называемый секс-символ всех времен, народов, эпох и вселенных. Они что только не меняют у себя — на любую пластическую операцию готовы, на смену имени, только бы прорваться на экран. Посмотрите на ее реальную фотографию, ведь ничего общего с той, которую мы знаем по кино. А у нас посмотрите — красавицы! Все, как одна, которым эти Дины Дурбин и Марики Рокк и в подметки не годятся! Возьмите Аллу Ларионову, Лидию Смирнову, Любовь Орлову — очаровательную звезду по мировым понятиям, Клару Лучко, Таню Самойлову, Таню Конюхову… и т. д. и т. д, которых можно долго называть. А из молодых — какие есть красавицы… Они и в жизни были не хуже, я их достаточно хорошо знал. Та же Ларионова — образец русской красоты, от Бога, от рождения. Она же была очень скромным, очень порядочным человеком. Спокойным, уравновешенным, в ней не было этой надутости, кичливости, вновь повторюсь, этой «озвезделости» и «звездонутости»! И Изольда была из той же породы красивых скромных наших актрис, которые очень достойно вели себя не только на экране, но и в жизни, что немаловажно. Ведь беда многих, уж не говорю о Западе, возьмем наших нынешних —

никчемных, «звездонутых» барышень и ребят, которые переоценивают свою значимость, — с важным видом, надув щеки, ходят, с экранов не слезают, с умным видом философствуют, рассуждают о каких-то материях, в которых ни хрена не понимают.

Примитивный уровень у большинства из них, к сожалению, позор актерский. Недаром выдает их поведение: позволяют себе где-то напиться, нажраться, где-то валяться… И позорят своим недостойным поведением целый актерский цех. Недаром же актером обзывают: «Ну, этот-то артист!», имея в виду всякую шелупень. Ведь физиком-ядерщиком не обзовут… Сейчас молодежь забыла, как важно соответствовать своей популярности, — это ответственность, как власть. В наше время актеры это понимали — кто умом, а кто интуитивно. И они держали себя достойно не только на экране, но, что важно, и в жизни — на фестивале, на сцене. Соответствуя своему экранному образу. И миллионы людей принимали их как пример для подражания. А сейчас… и положительных образов нет — полные шлюхи какие-то. Вот вам пожалуйста. Не хочу называть фамилии, есть, конечно, отдельно взятые, но в целом — стиль такой: на экране играть одно, а в жизни вести себя совершенно по-другому; что угодно можно себе позволять, не обращая внимания на тот образ, которому поверили зрители, на который равняется молодежь. Им наплевать. Поэтому они могут зарабатывать рекламой, призывать голосовать то за этого, то за того, брать за это деньги. Потом к власти приходит какой-нибудь прохиндей… Но никто не спрашивает эту популярную физиономию: «Что ж ты, сволочь, мы верили тебе, проголосовали, тот собрал тысячи голосов, а он — мерзавец. А ведь мы пошли ради тебя голосовать. Он же не ответит. Получил своё — и наплевать». Так уж сложилось, что сегодня торгуют чем угодно: лицом, популярностью, натурой и именем. Не все, конечно, но большая половина, точно. Многие сейчас пошли в политику. Если у тебя есть свои взгляды, убеждения, которым ты соответствуешь, и тебе хочется идти в политику, — иди, но тогда не прыгай, как блоха. Вспомните 90-е годы, не хочу называть имена тех популярных прохиндеев и прохиндеек, которые орали, призвали на баррикады, потом половина сбежали, разъехались по свету… И вот они опять все здесь, опять на экранах и как ни в чем не бывало учат жить, не слезают из шоу, как будто не было всех их позорных продажных речей и призывов к уничтожению страны и т. д. и т. п. И никто не спросит: «А пятнадцать лет назад что вы говорили?» Показать бы им эти ролики… Ни стыда, ни совести. А знаменитая встреча с Ельциным в Большом театре, где

популярнейшие люди поносили свою страну и народ, забывая, что именно Родина им дала всемирную известность, наградила всевозможными званиями… И они все это поливали, поносили. И все эти знаменитые актеры республик наших — Советский Союз их вытащил из чепухи, из ерунды, с учетом всех национальностей и особенностей, и кто из них, обвешанных медалями, хоть слово сказал в защиту России… Они сидели там и участвовали — кто и достаточно активно — в развале страны. Просто я считаю, что Советский Союз их воспитал и избаловал. Они думают, что так будет всегда. Русский народ милосерден, но недаром у него есть такая пословица, о которой я узнал только сегодня: «Умей прощать своих врагов, но никогда не забывай их фамилий…»

«На своей открыточке она написала: «Санечка, твоя мечта обязательно должна сбыться. Я в это верю»

Александр Панкратов-Черный, Изольда Извицкая стала для него кинематографической крестной мамой

Дед мой, Яков Трофимович Токарев, служил в личной охране царя, сопровождал Николая Второго после его ареста. А перед Екатеринбургом сам царь всех сопровождавших домой отослал… Дедушка в 1927 году был сослан с семьей в Сибирь. Мама была самой младшей в семье и семнадцатилетней девушкой из ссылки сбежала с комсомольцем Иваном Панкратовым, чью фамилию я и ношу. Это ее первый муж, он пропал без вести в 1946 году. Когда мама вышла замуж за моего отца, у меня уже была сестричка Зиночка. В 1952 году мама попала под репрессии и с двумя детьми была сослана в ту самую деревню Конево, где жил дед. Ее приняли тяжело — после побега трое маминых братьев погибли, трое пошли по лагерям, одну сестру застрелили, другая не известно как и где сгинула…

Когда умер Сталин, мне было уже четыре годика. И вот я запомнил: дедушка мой вбегает — и… к портрету Сталина. В красном углу висел этот портрет, на который дед, набожный человек, крестился. А тут дед, не крестясь, взял портрет Сталина — и об колено. Говорит: «Все, ирод!» А за портретом стояла наша родовая икона Николая Угодника. Вот на кого он крестился, оказывается…

На встречах со зрителями я непременно говорю: спасибо советской власти, благодаря заботам которой я родился и вырос в алтайской глухой деревне, где не было электричества, радио и единственной радостью было кино. Нам привозили

кинопередвижку раза два в месяц. Поэтому с детства и мечта у меня была вырасти и делать кино.

Сижу я однажды ночью на кухне, пишу стихи. И тут открывается дверь и заходит… Изольда Извицкая. Представляете, мое состояние?! Оказывается, наша потрясающая кинозвезда ехала с премьерой фильма «Сорок первый» из Кемерова в Новокузнецк, и у них рядом с нашим поселком забуксовал автобус. Негде ночевать, и они пошли на единственный огонек, который горел. Волшебная женщина невероятной красоты! Утром рано я их провожал. Изольда подарила мне открыточку со своей фотографией, черно-белую, и говорит: «Саша, что тебе написать на память?» — «Не знаю». — «А о чем ты мечтаешь?» — «Я мечтаю работать в кино», — говорю. И тогда она написала: «Санечка, твоя мечта обязательно должна сбыться. Я в это верю. Изольда Из.». Открыточку эту храню до сих пор…

Мама говорила: «Саня, иди в офицеры. Кормежка казенная, одежка казенная. Ты у меня же страшненький, а за офицерами всегда симпатичные девчонки ухлестывают». Но мама уехала навестить моего дядю, которого освободили из лагерей, оставила нам с сестрой какие-то деньги. Ну а Зиночка, моя старшая сестра, говорит: «Санька, пока мамы дома нет, беги в артисты!» И все деньги, какие были у нас, мне отдала. И я решился. По справочнику посмотрел: оказывается, везде экзамены в театральные студии прошли. И в Новосибирске, и в Иркутске… Я вычислил, что остался единственный вариант — Нижний Новгород, город Горький. Вот я через всю Россию в Горький и поехал.

У меня была в детстве потрясающая убежденность (может, это бабушка мне внушила), что детей нельзя обижать, нельзя наказывать, им нужно помогать, кормить… Поэтому я был уверен, что не умру с голоду! Я верил всегда в доброту и ни разу не ошибся. Мне в жизни встречались удивительно добрые люди. Если бы их не было, я вряд ли чего-нибудь добился бы…

Забытые звезды

О том, что актерская судьба переменчива, — стоит ли говорить… Меняется мода, новые лица приходят и уходят, годы берут свое, сцена и кино требуют молодости, а люди, некогда востребованные, оказываются вдруг в вакууме — никто не звонит, ничего не предлагают, никуда не зовут… Далеко не каждый может справиться с таким поворотом — тем более натуры тонкие, нервные, неустойчивые…

К сожалению, эта беда коснулась многих…

— После смерти народного артиста СССР **Игоря Ильинского** его вдова не смогла наскрести ему на памятник. Пришлось продавать домашние ценности…

— Пенсия народного артиста СССР **Николая Крючкова** отстала от магазинных цен настолько, что его друзья написали челобитную министру социального обеспечения: «Спасите Крючкова!» Министр пошел навстречу, пенсию увеличили. Но бедность не отступила, так как не падали цены…

— Легенда советского кино, обаятельная и очаровательная **Валентина Серова**, муза поэта Константина Симонов, которой поэт посвящал лирические стихи, становившиеся потом любимыми песнями всей страны. Для любимой жены Константин Симонов написал киносценарий фильма «Жди меня». Там Валентина Серова ждала с фронта любимого… А в жизни она, грешная, полюбила маршала Рокоссовского. Страсти и страдания надломили ее, актриса стала выпивать. Брошенная всеми, с кем ей стало не по пути в увлечении спиртным, Серова сперва пила вместе с собственным сыном от первого брака, потом нашла другого собутыльника — монтировщика декораций.

Умерла одна в пустой, обворованной квартире, из которой вынесли все, что поддавалось переноске вручную…

— **Владимир Ивашов**, сыгравший в картине «Баллада о солдате», страдал язвой желудка. В 1993 году его по сокращению штата уволили из Театра киноактера. Народный артист РСФСР был вынужден пойти на стройку подсобным рабочим. Во время разгрузки машины с шифером Владимиру стало плохо, у него открылось желудочное кровотечение. Уже из дома машина «скорой помощи» доставила его в больницу. Председатель Гильдии актеров кино Евгений Жариков утверждал, что первая операция, сделанная Ивашову, оказалась неудачной потому, что врачи были пьяны. Операцию пришлось «переделывать». Но второго хирургического вторжения сердце артиста уже не выдержало…

— **Алексея Смирнова**, известного по фильму Леонида Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», роднит с Владимиром Ивашовым невостребованность. А с другими артистами — отсутствие каких бы то ни было денежных запасов. Когда этот прекрасный комический артист умер, выяснилось, что средств на похороны нет…

— В забвении закончили свои дни актеры Театра имени Вахтангова, народные артисты СССР **Николай Гриценко** и первая Турандот — **Цецилия Мансурова**…

— В полной нищете умерла совсем недавно блестящая комедийная киноактриса **Тамара Носова**, обворованная, парализованная, уже плохо что соображающая…

— В полном забвении протекали долгие годы гениальной артистки **Марии Бабановой**, лишь перед самой смертью вернувшейся на сцену, где ей осталось играть совсем недолго…

— В обстановке внутритеатральной вражды ушла из жизни народная артистка РСФСР **Юдифь Глизер**, вскоре за ней последовал и ее муж — народный артист СССР **Максим Штраух**…

— Умерла и незаслуженно забыта другая звездная пара — народные артисты **Лидия Сухаревская** и **Борис Тенин**…

— Актриса **Екатерина Савинова** («Кубанские казаки», «Приходите завтра») покончила с собой, измученная тяжелым недугом, разуверившаяся в собственных силах.

— Умерла в нищете и совсем забыта другая потрясающая, любимая многими артистка **Люсьена Овчинникова**…

— **Сергея Филиппова** кинозрители полюбили за его комические роли. В жизни же его ждала достаточно трагическая судьба. В последней серии фильма «Двенадцать стульев», где он исполнял роль Кисы Воробьянинова, Сергей Филиппов сыграл самого себя — человека, вконец отчаявшегося. В свои 77 лет он, глубокий старик, живший одиноко, оказался забыт всеми и пролежал мертвым в своей квартире две недели. Соседи по лестничной площадке почуяли запах и позвонили в милицию… Денег на погребение не было. И даже родная киностудия «Ленфильм», которой артист отдал немало лет, отказалась его хоронить, так как к тому времени Сергей Филиппов уже числился пенсионером. Тогда на помощь бросился актер Александр Демьяненко, Шурик. Ему удалось по копейке наскрести на гроб и услуги могильщиков…

— Даже, казалась бы, такая обеспеченная и ни в чем не нуждающаяся **Лидия Смирнова**, которую всегда обслуживала армия поклонников и закрепленного за ней персонала, — актриса имела собственную медсестру, косметичку, парикмахера, врача, — отписав квартиру в высотке племяннице, последнее время вынуждена была коротать свои дни по санаториям…

Этот «горький» список можно продолжать и продолжать…

Фильмография Изольды Извицкой

1. «Богатырь» идет в Марто» — Настенька

Приключения (1954 г., 97 мин. цв.)

Автор сценария Иосиф Прут.

Режиссеры: Евгений Брюнчугин, Сигизмунд Навроцкий.

Оператор Алексей Мишурин.

Композитор Юлий Мейтус, текст песен Евгения Долматовского.

В ролях: Виктор Авдюшко, Элина Быстрицкая, Изольда Извицкая, Раднэр Муратов, Евгений Моргунов, Николай Граббе, Вавислий Нещипленко, Николай Крючков, Лев Фричинский, Борис Безгин, Михаил Белоусов, Клавдия Лепанова, Юрий Кротенко, Леонид Пирогов, Дмитрий Милютенко, Александр Шатов, Люся Максимова, Лев Олевский, Иван Кононенко, Елена Тяпкина, Игорь Ветров, Сергей Петров, Виктор Добровольский.

В иностранном городе Марто происходит наводнение, и, пока дельцы, стремящиеся нажиться на чужом горе, подсчитывают возможные барыши, на помощь пострадавшим с грузом продуктов и медикаментов, строительных материалов, плотов с лесом выходит советское транспортное судно «Богатырь». Узнав об этом, иностранные фирмы решают помешать прибытию судна в Марто: выводят из строя маяк, устраивают пожар на грузовом пароходе «Кристи» и задумывают взрыв на «Богатыре». Однако нашим геройским морякам удается вовремя ликвидировать опасность…

2. «Тревожная молодость» — Кэтрин

Героическая киноповесть (1954 г., 99 мин., ч/б)

Авторы сценария: Владимир Беляев, Михаил Блейман.

Режиссеры: Александр Алов, Владимир Наумов.

Оператор Александр Пищиков.

Композитор Юрий Шуровский.

В ролях: Александр Суснин, Антон Дунайский, Степан Шкурат, Григорий Гай, Михаил Крамар, Юрий Лавров, Юрий Кротенко, Борис Бабочкин, Сергей Гурзо, Николай Крючков, Тамара Логинова, Николай Рыбников, Александр Хвыля, Изольда Извицкая, Иван Кузнецов, Александра Панова.

Фильм поставлен по мотивам последней части трилогии В. Беляева «Старая крепость» и рассказывает о трех юных участниках революционных боев на Украине, пришедших на завод в первые годы восстановления народного хозяйства.

Режиссерский дебют Александра Алова и Владимира Наумова и первая роль Тамары Логиновой (Галя).

Первый фильм, начавший «комсомольскую» трилогию: «Тревожное утро», «Павел Корчагин», «Ветер».

Прокат (1955 г., 19-е место) — 24,4 млн. зрителей.

3. «Первый эшелон» — Аня Залогина

Мелодрама (1955 г., 114 мин., цв.)

Автор сценария Николай Погодин.

Режиссер Михаил Калатозов.

Операторы: Юрий Екельчик, Сергей Урусевский.

Композитор Дмитрий Шостакович.

В ролях: Всеволод Санаев, Сергей Ромоданов, Олег Ефремов, Татьяна Доронина, Изольда Извицкая, Эдуард Бредун, Николай Анненков, Хорен Абрамян, Нина Дорошина, Нурмухан Жантурин, Валентин Печников, Вячеслав Воронин, Эльза Леждей, Алексей Кожевников, Сергей Юртайкин.

В один из степных районов Казахстана прибывает по комсомольским путевкам отряд молодежи. Суровые морозы и потоки весенней грязи, изнуряющая работа не по специальности усложняют и без того трудную жизнь целинников, на фоне которой развивается трогательный роман секретаря комсомольской организации и трактористки Анны…

Первые роли в кино Олега Ефремова, Татьяны Дорониной и Алексея Кожевникова.

4. «Доброе утро» — Маша

Социальная комедия (1955 г., 91 мин., цв.)

Автор сценария Леонид Малюгин.

Режиссер Андрей Фролов.

Композитор Василий Соловьев-Седой.

В ролях: Татьяна Конюхова, Юрий Саранцев, Изольда Извицкая, Нина Агапова, Владимир Андреев, Лев Дуров, Николай Сморчков, Николай Смирнов, Даниил Нетребин, Афанасий Белов, Иван Любезнов, Евгений Матвеев, Михаил Пуговкин, Маргарита Жарова.

Тихая, застенчивая Катя оказывается в группе молодых строителей шоссейной дороги. Ей нравится веселый парень, известный экскаваторщик Вася Плотников. Но ему кружит голову только его личный успех. Катя переходит на другой участок работы, где быстро проявляется ее твердый характер, и становится передовиком строительства.

Первая работа в кино Евгения Матвеева (Судьбинин).

Лидер проката (1955 г., 6-е место) — 30,57 млн. зрителей.

5. «Сорок первый» — Марютка

Драма (1956 г., 93 мин., цв.)

Автор сценария Григорий Колтунов.

Оператор Сергей Урусевский.

Режиссер Григорий Чухрай.

Композитор Николай Крюков.

В ролях: Олег Стриженов, Изольда Извицкая, Николай Крючков, Николай Дупак, Георгий Шаповалов, Петр Любешкин, Муратбек Рыскулов, Вадим Захарченко, Даниил Нетребин, Александр Гречаный, Эдуард Бредун.

По одноименной повести Бориса Лавренева.

По белым сыпучим пескам Средней Азии движется отряд красноармейцев…

На боевом счету у лучшего стрелка отряда Марютки сорок убитых белогвардейцев. В последней перестрелке взят в плен поручик Говоруха-Отрок. Он станет сорок первым в ее послужном списке, когда они, вследствие кораблекрушения выброшенные на берег необитаемого острова, останутся один на один в пространстве песка, неба, моря и сложных любовных переживаний. Изолированные от всего мира, влюбленные на время забывают о безумии братоубийственной войны и о той классовой пропасти, которая их разделяет.

Лидер проката (1956, 21 место) — 25.1 млн. зрителей.

На X Международном кинофестивале в Канне (1957) фильму присуждена Специальная премия «За оригинальный сценарий, гуманизм и поэтичность».

Призы: «Почетный диплом» в Эдинбурге (1957), Всесоюзный кинофестиваль в Минске — Приз критики (1956).

6. «Неповторимая весна» — Аня

Мелодрама (1957 г., 94 мин., цв.)

Автор сценария Сергей Ермолинский.

Режиссер Александр Столпер.

Оператор Александр Харитонов.

Композитор Николай Крюков.

В ролях: Евгения Козырева, Изольда Извицкая, Иван Дмитриев, Александр А. Михайлов, Ирина Скобцева, Виктор Шарлахов, Борис Битюков, Нина Дорошина, Светлана Харитонова, Леонид Пархоменко, Тахир Сабиров, Евгений Леонов.

После свадьбы молодые археологи Буровы отправляются на раскопки в пограничный район Средней Азии, где совсем недавно вспыхнула эпидемия чумы. Ряд обстоятельств, на время разлучив молодоженов, служит веской причиной для того, чтобы мать Ани обратилась за помощью к ее отцу — генералу Новожилову, много

лет назад оставившему семью. Он делает все возможное, чтобы помочь молодым, в глубине души благодаря случай, на время объединивший его с женщиной, которую Новожилов все эти годы не переставал любить…

Прокат (1957 г., 19-е место) — 24,1 млн. зрителей

7. «К Черному морю» — Ирина

Эксцентрическая комедия (1957 г., 74 мин., цв.)

Автор сценария Леонид Малюгин.

Режиссер Андрей Тутышкин.

Оператор Константин Петриченко.

Композитор Никита Богословский.

В ролях: Изольда Извицкая, Анатолий Кузнецов, Евгений Самойлов, Сергей Лукьянов, Вера Петрова, Вадим Грачев, Нина Агапова, Александр Лебедев, Георгий Гумилевский, Евгений Тетерин, Лидия Федосеева-Шукшина, Светлана Харитонова, Евгения Мельникова, Андрей Тутышкин, Маргарита Жарова, Леонид Пирогов, Юрий Леонидов, Петр Савин.

Молодая пара — Ирина и Николай решают поехать на машине к Черному морю, чтобы по дороге отпраздновать свадьбу и провести медовый месяц на юге. Наслаждаясь красотами пейзажей, они уже мечтают, как будут купаться и загорать, но тут их путешествие неожиданно прерывается молодой девушкой, голосующей на обочине. Она просит подвести ее на станцию техобслуживания за запчастями. Между любимыми вспыхивает первая ссора — Ирина хочет продолжить путь, а Николай решает помочь попавшей в беду девушке. Невеста, скрепя сердце, отпускает жениха и, выйдя из машины, остается ждать, но полчаса растягиваются на полдня… Потеряв терпение, она голосует и садится в машину влюбленного в нее преподавателя Хохлова, весь путь преследующего молодых, надеясь на взаимность своей молодой студентки. С этого момента в истории и начинаются всевозможные веселые приключения, поиски любимой, гонки, объяснения и страстные примирения…

8. «Поэт» — Ольга Данилова

(1956 г., 97 мин., цв.)

Автор сценария Валентин Катаев.

Режиссер Борис Барнет.

В ролях: Николай Крючков, Изольда Извицкая, Зоя Федорова, Петр Алейников, Всеволод Ларионов, Георгий Георгиу, Валентин Гафт, Рина Зеленая, Евгений Моргунов, Николай Новлянский, Сергей Дворецкий.

Оператор Владимир Николаев.

Композитор Владимир Юровский.

9. «Отцы и дети» — Фенечка

Драма (1958 г., 103 мин., цв.)

Авторы сценария: Александр Витов, Наталья Рашевская.

Режиссеры: Наталья Рашевская, Адольф Бергункер.

Оператор Анатолий Назаров.

Композитор Венедикт Пушков.

В ролях: Виктор Авдюшко, Николай Сергеев, Екатерина Александровская, Эдуард Марцевич, Алексей Консовский, Алла Ларионова, Бруно Фрейндлих, Изольда Извицкая, Павел Первушин.

Экранизация одноименного романа И. С. Тургенева.

60-е годы XIX века. К Николаю Петровичу Кирсанову, сорокатрехлетнему помещику, приезжает сын Аркадий, только что окончивший университет, в компании с приятелем Евгением Васильевичем Базаровым — высоким, некрасивым и самоуверенным молодым человеком, начинающим доктором, согласившимся погостить у Кирсановых. Старший брат отца, Павел Петрович, и Базаров сразу же начинают ощущать взаимную антипатию. Уже на следующий день между ними происходит первая словесная перепалка. Павлу Петровичу «нигилизм», исповедуемый Базаровым, представляется дерзким и необоснованным учением. Взгляды и поведение Базарова настолько раздражают Павла Петровича, что он вновь и вновь атакует гостя. Через несколько дней после приезда Аркадий знакомит друга с Одинцовой — молодой, красивой и богатой вдовой, которой Базаров сразу же заинтересовывается…

Первая роль в кино Эдуарда Марцевича (Аркадий Кирсанов).

10. «Очередной рейс» — Ксения

Киноповесть (1958 г., 98 мин., ч/б)

Автор сценария Борис Васильев.

Режиссер Рафаил Гольдин.

Оператор Михаил Каменецкий.

Композитор Василий Соловьев-Седой.

В ролях: Георгий Юматов, Надежда Румянцева, Станислав Чекан, Всеволод Санаев, Афанасий Белов, Вадим Захарченко, Изольда Извицкая, Леонид Кмит, Муза Крепкогорская.

Молодой шофер грузовика Кирилл Воронов на своей автобазе слывет не только лихим водителем, но и любителем «левого» заработка. Во время рейсов он за деньги подвозит голосующих на дороге. Так было и на этот раз, но только закончилось для шофера весьма плачевно — загублен двигатель новой машины, а

сам он лишился водительских прав. За столь грубую провинность Кирилла переводят в слесари, обязывая выплатить стоимость испорченного двигателя. Все это усугубляется тем, что невеста Кирилла Аня приходится родной сестрой Антону Крыленко, больше всех его критикующему. Когда автобаза получает срочное задание — направить две машины для перевозки важного груза, выбор сам собой падает на Антона и Кирилла. Вместе им надлежит отправиться в этот сложный и длительный рейс…

11. «Человек меняет кожу» — Маша Полознова

Киноповесть (1959 г.)

Авторы сценария: Дмитрий Василиу, Леонид Рутицкий.

Режиссер Рафаил Перельштейн.

В ролях: Николай Бармин, Гурминч Завкибеков, Павел Волков, Алексей Преснецов, Сергей Голованов, Владимир Емельянов, Изольда Извицкая, Нинель Мышкова, Ирина Печерникова, Сергей Столяров, Сергей Курилов, Юрий Киреев, Наталья Медведева.

Идет строительство Вахшского канала — одной из крупнейших новостроек первой пятилетки, куда прибывают по контракту два американца. Матерый шпион полковник Бейли, представившийся безобидным путешественником мистером Мурри, вскоре был пойман с поличным и разоблачен. А мистер Кларк, приехавший на канал «делать деньги», постепенно убеждается в том, что работа и политика не такие уж разные понятия. Не принимая социализм, он вполне искренне симпатизирует энтузиазму советских людей, а любовь к переводчице — комсомолке Марии Полозовой помогает Кларку осмыслить происходящее. В центре событий сложного строительства оказывается и инженер Уртабаев, внесший немало рационализаторских предложений. Обвиненный во вредительстве, он не только не «ломается», а находит в себе силы доказать собственную непричастность к диверсиям и остается одним из первых авторитетов стройки. В праздничный день открытия канала терпит крах последняя банда басмачей, в схватке с которой погибает комсомольский вожак Карим…

12. «Человек с будущим» — Леля

Киноповесть (1960 г.)

Автор сценария Афанасий Салынский.

Режиссер Николай Розанцев.

В ролях: Изольда Извицкая, Геннадий Нилов, Алексей Смирнов, Людмила Глазова, Игорь Ефимов, Николай Кузьмин, Евгений Барков, Николай Боголюбов, Григорий Плужник,

Александр Афанасьев, Тамара Страдина, Станислав Фесюнов, Геннадий Вернов, Павел Первушин, Тамара Тимофеева, Георгий Жженов, Владимир Самойлов.

На шахте к молодому изобретателю Ивану Кондакову вначале все относились с иронией. Его рассеянность, опоздания и прочие легкомысленные поступки часто высмеиваются в шахтерской многотиражке, пока он изобретает какие-то полуфантастические агрегаты и приборы. Даже в местной газете появился высмеивающий его фельетон, а на стенде сатиры — карикатура. И новый его проект — угольный комбайн тоже вначале вызывает у всех лишь недвусмысленные усмешки… Школьная подруга Леля, окончившая мединститут, тоже давно перестала понимать Ивана. Но появляется Нина, совсем новый на шахте человек, которая страстно начинает поддерживать и защищать Кондакова. С нее начинается счастливая полоса жизни — изобретения парня поддерживаются и горкомом партии, и коллективом шахтеров. Тут уже и старые друзья, забыв прошлые обиды, становятся его верными помощниками…

13. «Мир входящему» — регулировщица

Киноповесть (1961 г., 89 мин., ч/б)

Авторы сценария: Леонид Зорин, Александр Алов, Владимир Наумов.

Режиссеры: Александр Алов, Владимир Наумов.

Оператор Анатолий Кузнецов.

Композитор Николай Каретников.

В ролях: Виктор Авдюшко, Александр Демьяненко, Станислав Хитров, Лидия Шапоренко, Николай Гринько, Николай Тимофеев, Изольда Извицкая, Андрей Файт, Вера Бокадоро, Виктор Кольцов, Степан Крылов, Владимир Маренков, Эрвин Кнаусмюллер.

Советские войска в Германии. Идут последние дни Великой Отечественной войны. Младшего лейтенанта Ивлева, только что окончившего училище и мечтающего о боевых подвигах, посылают в тыл сопровождать контуженного солдата и беременную немку…

Несмотря на то, что фильм, подвергнутый переделкам, получил два приза на МКФ в Венеции (1961) — «золотую медаль» и «Золотой кубок» (премия Пазинетти за лучший иностранный фильм), в Москве его обвинили в «натурализме», «художественной неправде» и «экспрессионистической неправде на тему войны». В итоге — ограниченный прокат (370 копий) и робкая пресса.

Прокат — 11.1 млн. зрителей.

14. «Армагеддон» — Наталица

Драма (1962 г., 99 мин.)

Авторы сценария: Г. Менюка, Л. Мищенко.

Режиссер Михаил Израилев.

В ролях: Владимир Пицек, Эдуард Бредун, Изольда Извицкая, Лаврентий Масоха, Михаил Туманишвили, Ион Унгуряну, Алла Казанская, Домника Дариенко, Светлана Швайко, Трифон Грузин.

Фильм из серии антирелигиозных кинолент хрущевской эпохи рассказывает о секте иеговистов, в которую, под влиянием матери, попадает юная Наталица. Из нее она выходит благодаря помощи преданных друзей. Они-то и освобождают девушку от влияния секты.

15. «Цепная реакция» — Надя

Драма (1963 г., 85 мин., ч/б)

Автор сценария Лев Шейнин.

Режиссер Иван Правов.

Оператор Петр Терпсихоров.

Композитор Виталий Гевиксман.

В ролях: Владимир Кенигсон, Лев Иванов, Эдуард Бредун, Изольда Извицкая, Леонид Усач, Нина Агапова, Гурген Тонунц, Петр Репнин, Эда Урусова, Всеволод Якут.

По одноименному рассказу Льва Шейнина.

1957 год. Старый вор-карманник Кардинал во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве приезжает в столицу, чтобы сколотить новую шайку. Встреча с необыкновенным человеком — старым профессором Муромцевым помогает ему не только навсегда покончить с темным прошлым, завязав с воровством, но и встать на правильный путь…

16. «Вызываем огонь на себя» — Паша

(1963–1964 гг., 96 + 76 + 77 + 68 мин. — 4 серии, ч/б, ТВ)

Автор сценария и режиссер Сергей Колосов.

Оператор Владимир Яковлев.

Композитор Альфред Шнитке.

В ролях: Людмила Касаткина, Елена Королева, Изольда Извицкая, Александр Лазарев, Станислав Чекан, Олег Ефремов, Ролан Быков, Евгений Шутов, Валентина Беляева, Ада Войцик, Нина Гребешкова, Алексей Инжеватов, Нина Крачковская, Борис Чирков, Николай Корноухов, Валентина Телегина, Владимир Осенев.

Героико-приключенческий фильм по одноименной повести О. Горчакова и Я. Пшимановского, написанной авторами по документальному материалу…1941 год. Разведчица Аня

Морозова организует в тылу врага девичью разведгруппу и устанавливает связь с поляками, работающими на немецком аэродроме. Получая от них важную секретную информацию, она передает в центр, после чего следуют успешные бомбежки противника. Ценой многих жизней подпольщикам удается совершить серию диверсионных акций, нанесших серьезный урон противнику…

Призы: Всесоюзный кинофестиваль телевизионных фильмов, Киев (1966), ТВ ГДР (1966).

17. «Авдотья Павловна» — Нюра

Драма (1966 г., 84 мин.)

Авторы сценария: Игорь Муратов, Александр Муратов.

Режиссеры: Александр Муратов, Валерий Исаков.

Композитор Олег Каравайчук.

В ролях: Зинаида Дехтярева, Валентина Владимирова, Изольда Извицкая, Иван Дмитриев, Николай Гринько, Зиновий Гердт, Эдуард Бредун.

Первые послевоенные годы. Директор небольшой селекционной станции Авдотья Павловна не сразу убеждается в антинаучности официального лысенковского направления в биологии. А убедившись, уезжает в колхоз рядовым агрономом и начинает работать над выведением нового сорта пшеницы на основе гонимой лысенковцами хромосомной теории наследственности.

18. «По тонкому льду» — Оксана

Приключенческий фильм (1966 г., 84 + 91 мин., ч/б)

Авторы сценария: Иван Бакуринский, Юлиан Семенов.

Режиссер Дамир Вятич-Бережных.

Оператор Николай Олоновский.

Композитор Моисей Вайнберг, текст песен Михаила Матусовского.

В ролях: Виктор Коршунов, Алексей Эйбоженко, Феликс Яворский, Изольда Извицкая, Николай Крючков, Глеб Стриженов, Олег Эскола, Юрий Мартынов, Михаил Глузский, Сергей Голованов, Лаврентий Масоха, Олег Мокшанцев, Роман Хомятов.

По одноименной повести Георгия Брянцева.

Типичный советский шпионский фильм о борьбе работников НКВД против иностранной разведки в предвоенные годы и годы Великой Отечественной войны. В центре сюжета история трех друзей-разведчиков.

Лидер проката (1966 г., 3-е место) — 42,5 млн. зрителей.

19. «Люди как реки…»

Мелодрама (1968 г., 50 мин., цв.)

Автор сценаврия Ирина Велембовская.

Режиссер Дамир Вятич-Бережных.

Оператор Петр Сатуновский.

Композитор Оскар Фельцман.

В ролях: Нина Ургант, Николай Рыбников, Надежда Федосова, Любовь Калюжная, Изольда Извицкая, Алла Мещерякова, Майя Булгакова.

Послевоенная деревня. Немолодая одинокая женщина Прасковья Ивановна работает почтальоном и помогает каждому, кто в ней нуждается. Тем и живет…

20. «Каждый вечер в одиннадцать» — Женя

Мелодрама (1969 г., 82 мин., ч/б)

Автор сценария Эдвард Радзинский.

Режиссер Самсон Самсонов.

Оператор Анатолий Петрицкий.

Композитор Эдуард Артемьев, текст песен Михаила Матусовского.

В ролях: Михаил Ножкин, Маргарита Володина, Зоя Степанова, Михаил Селютин, Ирина Бунина, Изольда Извицкая, Леонид Каневский, Алла Будницкая, Лариса Виккел, Михаил Бовин, Алексей Головин.

Картина снята по мотивам рассказа Анара Рзаева «Я, ты, он и телефон».

Стас и предположить не мог, что один короткий телефонный разговор может изменить всю его жизнь. Однажды вечером, под влиянием шумной компании, он наугад набирает номер телефона и, услышав в трубке… ее, нежный, вежливый и немного уставший женский голос, вдруг понимает, что он пробудил в нем доселе неизвестные чувства. Стас понимает, что нашел ту единственную, о которой мечтал всю жизнь. Между Стасом и незнакомкой начинается телефонный роман…

Последняя работа Изольды Извицкой (22 роли в кино).

Прокат (1969 г., 1775 копий) — 24,5 млн. зрителей.

Также участвовала в киножурнале «Фитиль № 21» (сюжет «На разных кнопках»).

Благодарю

Огромное спасибо всем, кто помог и поддержал меня в работе над моей книгой. Особую благодарность хочется высказать тем, без кого она бы не состоялась.

Особый поклон до земли семье оператора Вячеслава Короткова: его сестре Галине Евграфовне и племяннице Ольге Краевой, которая приложила немало сил, разбирая хранящуюся в их доме переписку Изольды и Вячеслава.

Также хотелось бы выразить благодарность всем, кто откликнулся душой на выход этой книги и поделился своими воспоминаниями, фотографиями:

— подруге Изольды Извицкой Лидии Павловне Степановой,

— актрисе Татьяне Георгиевне Конюховой,

— журналистке Маргарите Штейндлер,

— директору Дзержинского краеведческого музея Татьяне Николаевне Ежовой,

— научному сотруднику краеведческого музея Владимиру Анатольевичу Симонову,

— однокласснице Изольды Извицкой Наталье Владимировне Мельничук (Ступиной),

— моему любимому редактору Татьяне Ивановне Маршковой.

За моральную поддержку и терпение спасибо моей семье — мужу Михаилу, дочери Марианне, сыну Григорию и маме Руфине, сестре Диане, а также моим любимым подругам Елене Соколовой и Рушане Астаховой…

И всем, всем, всем, кого забыла упомянуть!